

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

**БЕЛАРУСЬ У ХІХ–ХХІ СТАГОДДЗЯХ:
ЭТНАКУЛЬТУРНАЕ І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЕ
РАЗВІЦЦЁ**

Зборнік навуковых артыкулаў

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2015

УДК 94:39:321(476) “18/20”

Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё : зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адказны рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 281 с.

ISBN 978-985-577-088-7

У зборніку разгледжаны разнастайныя аспекты сучаснай айчынай гістарыяграфіі, этнаканфесійнай, сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі ў XIX–XXI стагоддзях, асвятляюцца праблемы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, пытанні сучаснага дзяржаўна-палітычнага ўладкавання.

Адрасаваны навукоўцам, настаўнікам, аспірантам, студэнтам.

Зборнік выдаецца ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдкалегія:

В. А. Міхедзька (адказны рэд.), М. М. Мязга, А. Р. Яшчанка,
В. П. Пічукоў, М. І. Старавойтаў

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук С. А. Елізараў,
кандыдат гістарычных навук А. М. Бабкоў

ISBN 978-985-577-088-7

© Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2015

А. А. ІВАНОЎ

(Магілёў, УА «Магілёўскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя А. А. Куляшова»)

ЭТНІЧНАЯ, РЭЛІГІЙНАЯ І МОЎНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ ПАЛОНАЛІТВІНСКАЙ ШЛЯХТЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТАГОДДЗЯ

У артыкуле аналізуецца этнічнае, моўнае і рэлігійнае становішча на тэрыторыі Беларусі ў першай палове ХІХ ст. і ўплыў гэтых фактараў на атаясамленне сябе шляхтай Паўночна-Заходняга краю. Робіцца спроба вызначыць, якія з гэтых чыннікаў у большай ці меншай ступені паўплывалі на самаідэнтыфікацыю эліт краю і як гэта адбілася на пачатку фарміравання беларускай мадэрнай нацыі.

У першай палове ХІХ ст. паняцце польскасці на беларускіх і літоўскіх землях па-ранейшаму звязвалася перад усім з прадстаўнікамі вышэйшых сацыяльных колаў грамадства. Абсалютная большасць мясцовай арыстакратыі і чыноўнікаў былі не толькі рыма-каталіцкага веравызнання, але і, за малым выключэннем, атрымалі польскае выхаванне і адукацыю, і, натуральна, лічылі сябе носьбітамі польска-каталіцкай культуры.

Літоўскі шляхціц як жыхар былога ВКЛ лічыў сябе «*gente Lithuanus, natione Polonus*» («ліцвін па паходжанні, паляк па нацыянальнасці»). Ю. Бардах у сувязі з гэтым піша: «Азначэнне «ліцвін» у ХІХ ст. ужывалася ў падвойным значэнні. У вузейшым яно азначала прыналежнасць да этнічнай супольнасці, у шырэйшым – ахоплівала ўсіх жыхароў Вялікага Княства» [9, с. 195].

Шляхта былога ВКЛ, якая выводзіла сябе з беларускіх і літоўскіх зямель, называла сябеяк палякамі (у сэнсе жыхарамі былой Польшчы, Рэчы Паспалітай), так і літоўцамі, або літвінамі (у сэнсе жыхарамі былой Літвы, ВКЛ), і была двухмоўнай. Праўда, калі магнатэрыя карысталася французскай і польскай мовамі, то дробная частка шляхты ўжывала, акрамя польскай, беларускую (літоўскую), або літоўскую (жмудскую, самагіцкую) мовы. Карыстаючыся, магчыма толькі ў святочныя дні, польскай мовай, дробны шляхціц імкнуўся як бы адрозніць сябе ад прыгоннага селяніна, негледзячы, верагодна, на аднолькавы эканамічны стан сваёй гаспадаркі [14, с. 106].

Адыгрываў сваю ролю і рэлігійны фактар. Даследчык Аляксандар Бендзін, разглядаючы праблему верацярпімасці ў Паўночна-Заходнім краі, заўважае, што «з'яўленне польскага каталіцтва і ўзмацненне яго пазіцыі у першай палове XIX ст. раскалола этнічную групу беларусаў спачатку па рэлігійным, а затым, па меры засваення польскай рэлігійнай традыцыі, і па этнічным прынцыпе. Працэс рэлігійнага фарміравання новай этнічнасці ў асяроддзі каталіцкага рускага насельніцтва успрымаўся ўрадам у якасці палітычна небяспечнага, здольнага да стварэння механізмаў палітычнай мабілізацыі прыхаджан для дасягнення мэтай польскага ірэдэнтызма і сепаратызму. Вынікам палітыкі сістэмнага абрусення краю, якое ажыццяўляецца ў форме мадэрнізацыі і развіцця інтэграцыйных працэсаў, стала ўзмацненне пазіцыі «пануючага» праваслаўя і фарміраванне рускай самасвядомасці этнічнай групы беларусаў. Руская этнічнасць фарміравалася на аснове множнай ідэнтычнасці : «я – беларус , і я – рускі» [2, с. 428].

Улічваючы прыхаваныя настроі асноўнай часткі каталіцкага духавенства і епіскапату, якія вонкава дэманстравалі сваю палітычную лаяльнасць, урад ўспрымаў «памяркоўнае» каталіцтва ў якасці патэнцыйна небяспечнага, але неабходнага рэлігійнага інстытута, які выконвае важныя сацыяльныя функцыі хрысціянскага выхавання насельніцтва. Палітыка захавання рэлігійнай, культурнай і этнічнай разнастайнасці падданных, заснаваная на «Асноўных законах» і заканадаўстве аб верацярпімасці, якая ажыццяўлялася ў імперыі, у Паўночна-Заходнім краі мела свае асаблівасці. Каталіцкае духавенства настойвала на ўзаемавыключальнай ідэнтычнасці сваёй беларуска-маларасейскай паствы па прынцыпе : «я – каталік, значыць, я – паляк» [2, с. 429].

Зразумела, што нацыянальнасць дваранства Беларусі нельга атаясамляць толькі паводле веравызнання. З уключэннем Беларусі ў склад Расійскай імперыі моўная сітуацыя ў грамадстве і ва ўніяцкай царкве ўскладняецца і штучна мяняецца на карысць спачатку, як гэта ні парадаксальна, польскай мовы (у першай чвэрці XIX ст.), а з 30-х г. XIX ст. – рускай. Існуе думка, што акаталічванне і паланізацыя беларусаў дасягнула тады большых памераў, чым у папярэднія два стагоддзі. Пра гэта гавораць шматлікія сведчанні сучаснікаў:

«Польская мова і каталіцкая рэлігія пры рускім урадзе да сораму рускіх развілася больш, чым пры панаванні Польшчы», – адзначае сведка тых падзей – архіепіскап Антоній [7, с.208];

«Князь Сапега, стары, не раз сам-насам мне (Сямёнаву) прызнаваўся, што толькі з кіравання Чартарыйскага ў званні папачыцеля Віленскага ўніверсітэта, заснаванага паводле яго думкі,

ніжэйшае дваранства стала так моцна апалячвацца, а да таго яно амаль зусім было незнаёма з польскай моваю, літаратурай і г.д., гаворачы сваёй народнай моваю» (успаміны былога мінскага губернатара А. Сямёнава) [4, с. 213];

«Во все времена во всех странах мира язык всегда был и будет непосредственным орудием правительства для достижения всевозможных видов и намерений. Ведь господствующий язык, как господствующее вероисповедание, должны иметь преимущественное уважение перед местными наречиями отдельных пограничных или новообретенных стран. Общее употребление господствующего языка нечувствительно обмирает разнородные племена онаго, истребляет народные предубеждения, затемняет самые преданиядавной вражды, изглаживает воспоминание о происхождении и наконец, сливает все чуждые племена в один народ» (з данясення віленскага губернатара князя М. Далгарукава на імя імператара Мікалая I, 1833 г.) [5, с. 46].

Увогуле ў XIX ст. беларуская мова – да таго на працягу стагоддзяў афіцыйная ў Вялікім княстве Літоўскім – была мовай народных мас (хоць з’яўлялася таксама і штодзённай мовай этнічнай часткі дробнай шляхты), што ў асноўным насялялі вёскі і малыя мястэчкі. Эліта, як правіла, размаўляла па-польску, а потым усё часцей – на рускай мове. Мястэчкі былі яўрэйска-польска-руска-беларускія. Беларускі люд сваю мову ўспрымаў хутчэй у катэгорыях спажывецкіх, а не ідэалагічных. Трактаваў яе як мову «простую», халопскую, не прыдатную для друку, не здольную быць носбітам узнёслых пацуццяў, неабходных у першую чаргу культурным людзям [10, с. 14].

Вышэйшы слой, карыстаючыся польскай мовай (пазней – расійскай), развіваў сваю культурную традыцыю з акцэнтам на пазначаных культуры і ўспрыняцце праз іх традыцыі агульнаеўрапейскіх духоўных каштоўнасцяў.

Увогуле, трэба адзначыць, што кантроль за культурай у пачатку XIX ст. не быў дастаткова жорсткі. Шмат залежыла ад мясцовага начальства. Нездарма, напрыклад, у час куратарства А. Чартарыйскага ішла адкрытая прапольская прапаганда [12, с. 44]. Шматлікія з дваранаў Гродзенскай губерні не ведалі рускай мовы. Прыкладам таму можа служыць тое, што ў 1826 г. было нават прашэнне да губернатара М. Бабяцінскага аб тым, каб была адкрыта дадатковая падпіска на «Историю государства Российского» М. М. Карамзіна з польскім перакладам, «... принимая во внимание, что многие из дворян, не знающие русского языка, пожелают воспользоваться переводом сего отличного сочинения...» [15, с. 78].

Польскі даследчык Беларусі Рышард Радзік падкрэслівае, што да адмены прыгоннага права ў Расійскай імперыі польская грамадскасць не выяўляла зацікаўленасці ў моўнай паланізацыі мясцовага насельніцтва. А культурная адрознасць спрыяла захаванню недатыкальнага становішча [17, с. 280]. З іншага боку, напрыклад пры стварэнні Гродзенскага біблейскага таварыства (1816 г.) яно атрымала Біблію на 9 мовах, Новы Завет на 18 мовах, нават Евангелле на калмыцкай мове, але на беларускай мове выдання не было, хаця ў мэтах Біблейскага таварыства было распаўсюджванне Бібліі на «родных мовах» насельніцтва [16, с. 83].

Такім чынам, у Паўночна-Заходнім краі дэтэрмінантам нацыянальная («народнай») належнасці з'яўлялася не столькі мова, колькі гістарычная дзяржаўная традыцыя, саслоўнае і географічнае паходжанне, месца жыхарства. У духу гэтага патрыятызму былі напісаны гістарычныя працы выкладчыкаў Віленскага ўніверсітэта – Ігнація Анацэвіча, Ігнація Даніловіча, Юзафа Ярашэвіча, часткова Іяхіма Лелявеля і асабліва «Гісторыя літоўскага народа» Тэадора Нарбута (гісторыка-аматара). Усе гэтыя літаратурныя і гістарычныя працы напісаны на польскай мове.

Пранікненне з канца XVIII ст. рускай мовы, якая ўспрымалася тады на Беларусі як замежная, уніяцкае асяроддзе сустрэла варожа. На патрабаванне мінскага архіепіскапа Іова аб вядзенні на ёй метрык духавенства адказала пратэстамі і скаргамі. «Нашы капланы рускага дыялекта не ведаюць», – выказаў у 1798 г. іх настроі мінскі сурагат [7, с. 209]. Рыма-каталіцкія парафіі, якія знаходзіліся сярод грэка-каталіцкага (да 1839 г.) і праваслаўнага насельніцтва, якое ў свой час належыла да «рускай веры» і размаўляла на беларускай гаворцы, станавіліся кропкамі росту і фарміравання польскай этнічнай тоеснасці прыхаджан, якія ніколі не з'яўляліся этнічнымі палякамі [2, с. 28]. «Сірочы» жа статус беларускай мовы ў XIX ст. даследчык Пол Вэкслер тлумачыць, напрыклад, двума фактарамі: 1) адсутнасцю афіцыйнага статуса і шырокай асіміляцыйнай інтэлігенцыі як у расійскі, так і ў польскі бакі; 2) наяўнасць большай часткі вызначальных рысаў беларускай мовы ў суседніх славянскіх мовах, асабліва рускай і ўкраінскай [3, с. 295].

Такім чынам, галоўным фактарам фарміравання польскай грамадскасці беларуска-літоўскага краю першай паловы XIX ст. лічыцца паланізацыя. Акадэмік АН Беларусі Ю. Астроўскі адзначаў, што «заможныя пласты палякаў, каталіцкая царква ніколі не думалі здаваць Расіі свае пазіцыі ў сферы адукацыі, бо яны добра разумелі, што пакуль будзе панаваць польскі дух, дагэтуль беларуская шляхта будзе лічыць сябе польскай» [13, с. 134].

Працэс паланізацыі на тэрыторыі былога ВКЛ у першай трэці XIX ст. меў паскораны і добраахвотны характар, што тлумачылася ў першую чаргу яднаннем польскай нацыянальнай ідэі з ідэяй аднаўлення Рэчы Паспалітай.

Беларуская шляхта ў гэты час усведамляла сябе як польская. Аб гэтым сведчыць той факт, што яна выступала за адраджэнне Рэчы Паспалітай менавіта на грунце Канстытуцыі 3 мая. Канстытуцыі, якая скасавала назву «Вялікае Княства Літоўскае» і дэкларавала, што ўся тэрыторыя краіны з'яўляецца польскай. Згодна майскай Канстытуцыі, «Рэч Паспалітая абодвух народаў» пераўтваралася ў «Рэч Паспалітую Польскую» [13, с. 135].

Стаўленне прадстаўніка традыцыйнай шляхецкай культуры да паняццяў «нацыя», «народ» яскрава дэманструе Тадэвуш Касцюшка ў сваім лісце да Адама Чартарыйскага (якога, дарэчы, М. П. Бацюшкоў, складальнік знакамітага зборніка «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края» ахарактарызаваў, як «маладога апалячанага князя») [1, с. 332] пасля Венскага Кангрэсу (1815 г., стварэнне Царства Польскага): «Я прысвяціў сваё жыццё большай частцы нацыі, калі не ўсёй, то не найменшай, якая з помпай названа Польскім Каралеўствам. Выказваем падзяку і будзем удзячныя Імператару за адраджэнне польскага імя, якое было загублена, але адна назва – гэта яшчэ не народ, народ – гэта тэрыторыя разам з насельніцтвам. Абяцанню Імператара мне і шмат іншым вяртання нашага краю да меж Дзвіны і Дняпра, даўніх граніц Каралеўства Польскага, не бачым гарантый... Як паказвае цяпер справа..., рускія будуць нас лічыць залежнымі ад сябе, таму што такая невялікая жменька насельніцтва не здолее супрацьстаяць інтрыгам, перавазе і гвалту рускіх. Мы павінны таксама маўчаць і пра астатніх нашых братоў, якія знаходзяцца пад рускай уладай. Сэрца наша сціскаецца і тужыць аб тым, што яны раз'яднаны... . Няхай Вамі кіруе прадбачлівасць, а я выязджаю ў Швейцарыю, бо не магу з карысцю службы сваёй Айчыне» [6, с. 58]

Такім чынам, можна пагадзіцца з даследчыкамі, якія прыходзяць да высновы, што беларускі народ у канцы XVIII – 20-х гг. XIX ст. амаль не меў у асяроддзі сваёй шляхты прадстаўнікоў, якія б усведамлялі сваю прыналежнасць да яго [13, с. 134]. Феадальная ідэя рэгіянальнай супольнасці была не ў стане супрацьстаяць узмацненню русіфікатарскіх тэндэнцый. Зрабіць гэта магла толькі сучасная ідэя нацыі, якая злучала ідэалагічнымі сувязямі раз'яднанае грамадства на звышлакальным узроўні [11, с. 91]. Як небеспадстаўна піша Яўген Мірановіч : «Рэч Паспалітая сваёй асіміляцыйнай палітыкай пазбавіла

беларусаў элітаў, Імперыя Раманавых стварыла механізм дзяржаўнай асіміляцыі ўсяго народа» [8, с. 55].

І калі простае насельніцтва мела толькі этнічную свядомасць (катэгорыя «мы»), г.зн. свядомасць уласнай культурнай тоеснасці у межах вёскі, парафіі, ваколіцы, то шляхецкая эліта краю акрэслівала сябе, як узгадвалася вышэй, адпаведна катэгорыяй «gente Lithuanī (Ruthenī), natione «Polonī» («роду літоўскага (рускага), нацыянальнасці польскай») [11, с. 91]. Такая ментальнасць вырасла з федалізму і была праявай шматступенчатага, іерархізаванага ўкладу супольнасцяў, з якімі яна атаясамлялася.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Батюшков, Н. П. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края / Н. П. Батюшков. – С-Петербург : типография товарищества «Общественная польза», 1890. – 183 с.
2. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с.
3. Вэкслер, П. Беларусізацыя, русіфікацыя і паланізацыя – тэндэнцыі ў развіцці беларускай мовы (1890–1982) / П. Вэкслер // Мова і соцыум : Зб. навук. Прац / Пад рэд. Я.Я. Іванова. – Магілёў : ГА МТ «Брама», 2004. – С. 294–316
4. Запрудскі, І. Роля гістарычнага самаўсведамлення ў працэсе фарміравання нацыянальнай свядомасці беларусаў (сярэдня XIX ст.) / І. Запрудскі // Беларусіка=Albaruthenica : Кн. 2 / Рэд. А. Анціпенка і інш. – Мінск : Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. – С. 212–219
5. Каўка, А. Тэрыторыя ці нацыя? / А. Каўка // Беларусіка=Albaruthenica : Кн. 2 / Рэд. А. Анціпенка і інш. – Мінск : Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. – С. 42–49
6. Левандоўскі, Ян. Касцюшка ў Швейцарыі. Культ героя ў XIX і XX стст. / Ян Левандоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – №1. – С.57–64.
7. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурнаму развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С. В. Марозава; Пад навук. Рэд. У.М. Конана. – Гродна, ГрДУ, 2001. – 352 с.
8. Мірановіч, Я. Некалькі заўвагаў адносна фармавання беларускай дзяржаўнасці / Я. Мірановіч // Гістарычны альманах – 2002. – Том 7. – С. 54–59
9. Несцяровіч, Ю. Некаторыя меркаванні адносна даследавання этнічнай гісторыі беларусаў / Ю. Несцяровіч // Гістарычны альманах. – 2005. – Том 11. – С. 195–201

10. Радзік, Р. Мовы Беларусі ў XIX і XX стагоддзях / Р. Радзік // Мова і соцыум : Зб. навук. прац / Пад рэд. Я.Я. Іванова. – Магілёў : ГА МТ «Брама», 2004. – С. 11–31
11. Радзік, Р. Узаемаабумоўленасць нацыянальнага развіцця польскага і беларускага грамадства (да 1914 г.) / Р. Радзік // Беларусіка=Albaruthenica : Кн. 1 / Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 89–94
12. Сяльвестрава, С. Фарміраванне сістэмы нагляду за культурай Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / С. Сяльвестрава // Беларусіка=Albaruthenica : Кн. 3 / Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – С. 39–48
13. Таляронак, С. Польская нацыянальная ідэя ў грамадскім руху гімназічнай моладзі Беларусі (20-я гг. XIX ст.) / С. Таляронак // Беларусіка=Albaruthenica : Кн. 2 / Рэд. А. Анціпенка і інш. – Мінск : Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. – С. 134–137
14. Філатава, А.М. Польскае і яўрэйскае пытанні ў палітыцы царскага ўрада ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / А.М. Філатава // Этнічныя супольнасці ў Беларусі : гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы навук. Канф., (Мінск, 6-7 снежня 2001 г.) / У.І. Навіцкі, М.С. Сташкевіч. – Мінск : «Дэполіс», 2001. – С. 106–110
15. Черепица, В. Н. Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) и Гродненщина / В.Н. Черепица // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. Зб. Вып. 2 / рэдкал. : У.К. Коршук (адказ. Рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 76–80
16. Швед, В. В. Расійскае біблейскае таварыства на Гродзеншчыне. Да гісторыі канфесійнай палітыкі царызму / В.В. Швед // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. Зб. Вып. 2 / рэдкал. : У.К. Коршук (адказ. Рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 80–84
17. Radzik, R. Międzybiorowością etniczną awsp?lnotą narodową (Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia) / R. Radzik. – Lublin : wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.

Artsiom Ivanou. Ethnic, religious and linguistic identity of the Polish-Litvins nobility on Belarusian lands in the first half of the XIX century

The article analyzes the ethnic, linguistic and religious situation in the territory of Belarus in the first half of the XIX century and the impact of these factors on the identification of one self by nobility of the Northwest Territory. An attempt is made to determine which of these reasons, to a greater or lesser extent influenced the identity of that territory's elite and how it was reflected in beginning of formation of the Belarusian modern nation.

П. В. ШЕВКУН

(Витебск, УО «Витебский
государственный медицинский университет»)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1855 ГОДЫ)

В работе раскрываются особенности становления в Российской империи принципа свободы вероисповеданий на примере западных губерний. Показан социально-политический и историко-культурный фон, на котором происходило развитие государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

События последней трети XVIII в. : война за независимость США и Великая Французская революция вывели на арену мировой истории доктрину прав человека. С этого времени происходит постепенная трансформация социальных отношений в соответствии с этими принципами. Одной из важнейших составляющих прав человека является свобода совести. Она заключается в том, что каждый человек имеет право менять свою религию или убеждения, свободу их исповедовать как единолично, так и сообща. Значимость этих свобод определяется ключевой ролью, которую религиозные организации играли в легализации и легитимации политической власти в Средневековье и Новое время.

В Российской империи, свобода совести была провозглашена лишь в начале XX в. В этой связи научную значимость приобретает проблема эволюции конфессиональных отношений в империи с точки зрения расширения религиозных свобод. Особенно актуальным этот вопрос был в западных губерниях империи, состоящих из территорий, присоединённых к империи в результате разделов Речи Посполитой. Связано это было с конфессиональной структурой региона. Наиболее острую конкуренцию православия здесь составляли католичество и униатство. Кроме того были протестантские общины, значительное еврейское население, а в некоторых местах и мусульманские объединения [8, с. 39].

Перед правительством стояла задача выработки принципов, которые позволили бы учесть : существовавшие в империи правила взаимоотношений церкви и общества; интересы православной церкви;

монархии, занятой проблемой легитимации правящей династии в регионе; также аристократии и в некоторой степени других групп населения присоединённых земель. На концептуальном уровне решалась проблема соотношения традиционных ценностей с просветительскими, в основе секулярными, идеями.

В сентябре 1772 г. на присоединённых в результате первого раздела Речи Посполитой землях, было публично объявлено «обнадежение всем и каждому свободного отправления веры и неприкосновенной в имуществах целости» [7, с. 555]. Целью политики было, чтобы между подданными «любовь, тишина и согласие царствовало» [8, с. 776]. Эти положения стали одним из оснований системы государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, которая получила название свободы вероисповеданий.

Вместе с тем, православная церковь региона стремилась к усилению своего положения. После включения белорусских земель в состав Российской империи униатская церковь стала рассматриваться православной иерархией и высшим чиновничеством как перспективное поле для численного и материального роста православия. Это породило проблему переходов. В рассматриваемое время основная масса переходов носила единичный характер. Их анализ показывает, что люди решались на смену вероисповедания, как правило, на православие (выход из него был запрещён), в крайнем случае, когда община не могла обеспечить им минимальный уровень жизни, либо не имела возможности предоставить условия для роста бизнеса или карьеры. В силу этого единичные переходы не являются свидетельством роста индивидуальной свободы в среде верующих.

Ещё одну категорию представляют массовые переходы. Самыми значительными были переходы из унии. Как правило, в православие, временами в католичество, была и тенденция по возвращению в унию. Они интересны и тем, что затрагивали непривилегированные слои населения, поскольку свобода совести, как категория в рамках прав человека является достоянием всего общества.

Для российского правительства, объявившего свободу вероисповеданий, важно было соблюсти баланс, при котором переходы не трактовались бы как нарушение этой свободы. В условиях корпоративного характера религиозных объединений (основанном на традиционализме, солидарности и уникальности) проблема переходов могла трактоваться как нарушение свободного отправления веры. В традиционном обществе был не знаком добровольный принцип в формировании религиозной общины. Сложившись ранее, она существовала в своём единстве. Поэтому переход мог быть

осуществлён только всей общиной. Однако восприятие такого перехода всё равно не могло быть легитимным, поскольку нарушался важнейший принцип – давность сложившихся религиозных отношений, община являлась не самостоятельным игроком, а была встроена в систему воспроизводства традиции.

Обострилась проблема сохранения принципа свободы вероисповедания в 1794 г., когда Екатериной II было принято решение о массовом присоединении униатов. С этого времени согласие прихожан на переход в столице стали трактовать как допустимый, с точки зрения заявленных привилегий, способ увеличения православной паствы. Так, парадоксально, новые веяния (а согласие верующего, вне зависимости от своего социального положения, на переход имеет явное основание в доктрине прав человека) использовались для манипуляций в рамках отживающих своё время отношений.

В ходе массовых присоединений 1794–1795 гг. активно практиковался разрыв корпоративной солидарности, когда идея добровольного согласия использовалась с целью нейтрализации влияния помещиков, униатского духовенства, то есть лидеров религиозной общины. Простые верующие, лишённые устоявшихся связей, в этих условиях оказывались перед сомнительным выбором: либо неизвестность (по поводу будущего унии ходили самые разные слухи), либо возможность создания новой религиозной общины. Впрочем, даже после присоединения, когда искусственно созданная ситуация разрыва общинных связей исчезала, корпоративный традиционализм начинал влиять на поведение новоправославной паствы. В итоге противоречия накапливались.

Следующий император, Павел I, непосредственно занялся урегулированием межконфессиональных противоречий во время проезда через белорусские губернии в 1797 г. 13 мая он поручил Минскому губернатору З. Я. Корнееву провести расследование поступивших жалоб от униатов на действия православных миссионеров. Ответ чиновника наглядно иллюстрирует ситуацию разрыва устоявшихся связей и кризиса легитимности новообразовавшихся общин. Так, чиновник пишет, что у принимавших православие «частью была надежда, что обратятся и другие и они не потеряют старинной между собою связи, родства и знакомства». В результате же получилось, что «они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчуждёнными от всякого сообщества» [1, л. 6, 7 об., 14 об.]. При этом губернатор обращал внимание не на факты принуждения, а именно на развал корпоративных связей так как в сознании людей того времени содержание этих понятий во многом совпадало.

11 сентября 1797 г. последовал указ Св. Синода Минскому архиепископу Иову, в котором агитировать разрешалось «апостольским учением и увещанием со всякою кротостию, терпением и человеколюбием» [6, л. 278–279]. Для удостоверения добровольности желания «присоединиться к благочестию» бралась «подписка» при представителе католической стороны [5, с. 24–31]. В результате в правление Павла I были зафиксированы нормы, которые позволили конкретизировать добровольность перехода и методы агитации. Они не представляли угрозы корпоративному характеру религиозности, поскольку были не в состоянии преодолеть общинную солидарность.

Александр I столкнулся с новыми вызовами при регулировании межконфессиональных отношений. В начале правления им было подчеркнуто, что при агитации «всякая другая мера, кроме меры человеколюбия, примерной жизни в духовенстве и гласа поучений, должна быть строго воспрещаема» [6, л. 1 об, 3 об.]. Однако уже 2 июня 1802 г. униатский епископ И. Булгак высказал претензию, что духовенство Минского уезда «до крайнего притеснения приходит» от католических священников, присоединяющих униатских прихожан к своим приходам. Дело дошло до императора. Примечательно оправдание, которое приводит в своём рапорте глава Могилёвской и Витебской губерний И.И. Михельсон. Он писал, что «не приступил к изысканию дела ... зная благосозволение Вашего Императорского Величества к свободному движению совести каждого». Здесь мы встречаем наиболее близкое толкование современному пониманию свободы совести. Тем более примечательна реакция центральных властей. 5 мая 1803 г. император сделал ему строгое предписание, «чтобы никак не допускали вы слухам сего рода (о ликвидации унии – Ш.П.) распространяться, поступая по законам со всеми теми, кои в оных будут уличаемы» [8, с. 61–64].

Фактически Александр I ликвидировал ту недосказанность в понимании свободы вероисповедания, которая осталась после предыдущего правления. Было ясно обозначено, что приоритет властей – бесконфликтное существование конфессий, на основе защиты целостности религиозных общин-корпораций. На институциональном уровне это было выражено созданием в 1810 г. Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Индивидуализированной религиозной свободе в такой ситуации просто не было возможности для развития.

Новые вызовы сложившейся системе конфессиональных отношений произошли в правление Николая I. В это время государство усиливает своё вмешательство в жизнь конфессий. На концептуальном

уровне, в рамках ранних трактовок русской национальной идеи, было обосновано политическое значение простого народа. В результате, после восстания 1830–1831 гг. в Санкт-Петербурге возобладало представление о необходимости усиления православия путём присоединения униатов.

Перед императором стояла сложная задача: соотнести законодательство и политику предыдущих правлений с собственными представлениями о задачах и будущем православия в регионе. Поэтому оставалась в силе общая установка на сохранение религиозной «тишины». Радикальное предложение генерал-губернатора Н. Н. Хованского о целесообразности административного решения униатского вопроса Комитетом министров не было одобрено. Также не было распространено обращение, подобное тому, которое сделала Екатерина II [8, с. 80, 83].

Власти рассчитывали с помощью лучшей организации миссионерской деятельности более эффективно противодействовать корпоративной солидарности униатов. 30 апреля 1833 г. была создана Полоцкая епархия в составе Виленской, Витебской и Курляндской губерний. В свою очередь генерал-губернатор, Витебский военный губернатор Н. И. Шрёдер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку. Вместе с тем император видимо искренне верил в некое внутреннее желание униатов стать православными. Надо было обеспечить лишь возможность выражения желания. В силу этого в Санкт-Петербурге рассчитывали, что действия по присоединению униатов не выйдут за рамки принятых в предыдущие правления норм.

Тем не менее, принцип «свободного согласия» давал возможность легального противостояния государственной инициативе, что и продемонстрировало дворянство Витебской губернии. 7 декабря 1834 г. было составлено обращение к императору, подписанное 172 помещиками, о злоупотреблениях в процессе обращения униатов в православие [2, л. 1, 2, 2 об.]. Стороны использовали как разрушительный потенциал этого принципа для корпоративных связей, так и рассматривали его как средство их сохранения.

В результате общих усилий духовных и светских властей в 1833–1835 гг. в Полоцкой епархии было присоединено около 79 тысяч униатов [7, л. 22–24]. Однако конфессиональная обстановка усложнилась. Конфликтов становилось всё больше. В 1836 г. император определился с поддержкой униатской иерархии в её стремлении к централизованному вхождению в состав православной церкви. На заседаниях Секретного комитета 22 и 26 декабря 1838 г.

обсуждались предложения по организации присоединения. В феврале – марте 1839 г. был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие [8, с. 99–100].

Власти по существу вернулись к практике переходов характерной для традиционного общества. Однако старались акцентировать внимание не на перемене веры, а на восстановлении единства, которое, по их мнению, было нарушено. «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)» гласила надпись на медали, отчеканенной в знак события. Вместе с тем надо отметить, что подобный вариант фактической ликвидации автономной церковной структуры полностью и не исключался законами империи. Оговаривалось правило перехода вне корпоративных рамок, индивидуальным образом или малыми группами. На институциональном же уровне свобода вероисповедания лишь подразумевала незыблемость корпоративных структур, со всей их традиционалистской легитимностью. В итоге, принцип оказывался уязвимым в ситуации казуса традиционности, когда под видом её восстановления происходило поглощение одной корпорации другой.

Существенным нововведением в регулировании межконфессиональных отношений при Николае I была унификация управления конфессиями. Фактически государство брало на себя обязательства не только сохранения целостности конфессий, но и их канонического устройства. В результате консервативный потенциал свободы вероисповеданий при Николае I стал доминирующим. Возможность его трансформации в либеральную модель свободы совести исключалась в силу её разрушительного потенциала для корпоративного характера религиозных организаций в империи.

Таким образом, в период 1772–1855 гг. сложилась модель конфессиональных отношений, совмещавшая в себе корпоративный характер традиционного общества с утилитарно-рационалистическими идеями эпохи Просвещения. Правительство Екатерины II, решая политические задачи в связи с включением в состав империи поликонфессиональных земель Речи Посполитой, заложило основы подхода к регулированию конфессиональных отношений. Свобода вероисповеданий, декларируемая императрицей, базировалась на предоставлении равных привилегий религиозным корпорациям, при возможности перехода, желательно в православие и запрета на выход из него.

Павел I и Александр I попытались максимально ограничить возможность переходов, чтобы не создавать угрозы церковным структурам. В это время были определены социальные требования к

межконфессиональному взаимодействию, миссионерской деятельности. Указывались условия, при которых была возможна фиксация «свободно выраженного согласия». Эта тенденция к консервации религиозных корпоративных структур нашла своё завершение в правление Николая I. Правительство взяло на себя функцию гаранта каноничности конфессионального устройства. Единственным отступлением от принципа свободы вероисповеданий стала ликвидация Белорусской и Литовской униатских епархий в 1839 г. Однако даже такая политика концептуально вписывалась в консервативную парадигму государственно-конфессиональных отношений, поскольку слабые и едва ли способные к саморазвитию церковные структуры региона, слились в одну мощную корпорацию, легитимность которой не вызывала сомнения у властей.

Список использованных источников и литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 815.
2. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 5670. – Л. 1, 2, 2 об.
3. Полное собр. законов Рос. империи : собр. 1-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. : в 55 т. – СПб. : Тип. Втор.отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIII. – С. 553–556.
4. Полное собр. законов Рос. империи : собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – СПб. : Тип. Втор.отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVIII. – С. 775–776.
5. Полное собр. законов Рос. империи : собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – СПб. : Тип. Втор.отдел. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVI. – С. 24–31.
6. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Фонд 796. – Оп. 2. – Д. 560.
7. РГИА. – Фонд 797. – Оп. 5. – Д. 20724.
8. Шевкун, П. В. Империя и церковь : российская политика в отношении православия на территории Беларуси (1796–1855 гг.) / П. В. Шевкун. – Витебск : ВГМУ, 2015. – 202 с.

Pavel Shevkun. Problems of realization of freedom of religion in the Western provinces of the Russian empire (1772-1855)

The article reveals the peculiarities of formation in the Russian Empire, the principle freedom of religion in the Western provinces. Shown the socio-political and historical-cultural background, which is the development of state-confessional and inter-confessional relations.

В. А. МІХЕДЗЬКА

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

ЭТНАСАЦЫЯЛЬНЫЯ СУПЯРЭЧНАСЦІ Ў ГРАМАДСТВЕ БЕЛАРУСІ НА МЯЖЫ ХІХ–ХХ СТАГОДДЗЯЎ

У артыкуле асвятляюцца асобныя аспекты этнасацыяльных супярэчнасцей у грамадстве Беларусі на мяжы ХІХ–ХХ ст., якія былі выкліканы наяўнасцю станавага падзелу грамадства, распадам станаў пад уплывам мадэрнізацыйных працэсаў і абмежавальнай этнаканфесійнай палітыкі Расійскай імперыі.

У адным з вершаў Францішак Багушэвіч адлюстраванай разгубленасць «тутэйшага» селяніна-католіка, які ў горадзе ўбачыў вялікую колькасць незнаёмых «паноў» у мундзірах і фуражках [1, с. 108.]. Паэт вельмі трапіна акрэсліў тое сапраўды складанае становішча, у якім апыналіся сяляне пры сустрэчы з незнаёмымі, але апранутымі як «паны» людзьмі. У вясковай мясцовасці кожны такі чалавек мог стаць «начальствам», непачцівасць да якога ажно да канца 1904 г. пагражала селяніну арыштам і цясным пакараннем. Адначасова – беларускія рэаліі пасля 1863 г. дэманстравалі мясцоваму сялянству (хаця каталіцкаму і праваслаўнаму ў рознай ступені) шматлікія дэкларацыі прызнання і зацікаўленасці да яго з боку расійскай улады. Найбольш значным тут быў перагляд умоваў аграрнай рэформы на карысць сялянства за кошт шляхецкага землеўладання. Але ж да канца ХІХ ст. і нават у пачатку ХХ ст. адлюстраваны сацыяльны статус сялянства, як бачым, быў зусім нізкі. У шматэтнічным і шматканфесійным краі адбудаваўся сваеасаблівы этнасацыяльны дачыненні, якія рэгламентавалі паўсядзённае жыццё і паводзіны.

Саслоўная іерархія, асвечаная традыцыяй і замацаваная законам, забяспечвала сацыяльныя і эканамічныя прэферэнцыі «первенствующему сословию» – дваранству. Намаганні захаваць гэтую традыцыю выказвалі ў часы свайго царавання Аляксандр III і Мікалай II. Але і самі «традыцыйныя» саслоўныя схемы сацыяльнага ўзаемадзеяння адрозніваліся. Часткай яны былі сфармаваны яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай, часткай былі навязаныя ўжо пад расійскай рэчаіснасцю, пад уплывам сацыяльнай, нацыянальнай палітыкі Расіі.

Прапанаваныя мясцовай традыцыяй ўзоры сацыяльнай ідэнтыфікацыі істотна адрозніваліся ад замацаванай у расійскім заканадаўстве нормаў.

Беларускія рэаліі другой паловы XIX – пачатку XX ст. дэманструюць уражлівае кантраверсійнасць ўрадавых падыходаў нават у межах традыцыйнай саслоўнай мадэлі. З аднаго боку, расійскае кіраўніцтва на працягу парэформеннага часу клапацілася пра падтрымку дваранскага саслоўя. З другога – ажыццяўленне ў краі абмяжовальнай пазямельнай і фінансавай палітыкі мусіла скараціць эканамічную вагу польскага землеўладальніцкага дваранства. Гэта, зразумела, не магло не адбіцца на сацыяльным аўтарытэце шляхты перад усім сярод праваслаўнага беларускага сялянства.

Мясцовае польскае дваранства разглядала «абмежавальныя» мерапрыемствы не толькі з пункту гледжання нацыянальнага, але і як замах на падмуркі уласнасці і саслоўна-станавага парадку. «Справа сялянская ... перайшла да кампетэнцыі ...людзей, запрошаных з глыбіні Расіі, з мясцовымі варункамі незнаёмых, патыхаючых пераважна нянавісцю да ўсяго, што польскае, што дыхала культурай і даўняй традыцыяй грамадскага парадку.»[2, s. 13.]. Паміж імі «знаходзіліся і людзі ідэйныя, але ж яны і былі найбольш шкодныя, бо намагаліся прышчапіць сярод насельніцтва заразу нігілізму і сацыялізму, прынесеную з Усходу»[2, s. 38.]. З гэтага пункту гледжання дзеянні адміністрацыі стваралі небяспечны прэцэдэнт, які паказваў дарогу сялянскім патрабаванням памешчыцкай зямлі. Успрыняцце драпежных набыўцоў – дзеячаў мураўёўскай адміністрацыі як «чырвоных», а яе мерапрыемстваў як разбуральнай для ўсяго маёмаснага ладу імперыі, як сацыялістычнай «аграрнай дэмагогіі» аб'ядноўвала польскіх землеўладальнікаў Заходняга краю і расійскую зямельную арыстакратыю ў справе абароны сваіх інтарэсаў перад сялянскімі патрабаваннямі зямлі [3, с. 88, 110].

Для буйной землеўладальніцкай польскай шляхты абмежавальны рэжым у зямельнай сферы ствараў значныя перашкоды і нязручнасці, але не стаўся фатальным і нават садзейнічаў капіталістычнай перабудове памешчыцкай гаспадаркі. Дзякуючы сувязям у вышэйшым прыдворным асяроддзі і хабарніцтву расійскіх чыноўнікаў многія абмежаванні і забароны магчыма было абыйсці [4, с. 52–53.]. Гадаваўся новы тып землеўладальніка – прадпрыемальніка. Ад 1880-х гадоў руплівае гаспадаранне і ўдалыя аперацыі з каштоўнымі паперамі ўжо ўважаліся мясцовым польскім землеўладальніцкім станам за патрыятычны абавязак [5, s. 7]. У выніку у канцы XIX і з пачаткам XX в. «капіталізаваны польскі маёнтак на Беларусі зрабіўся прыкладам тэхнічнай высока-пастаўленай гаспадаркі, ператварыўся

ў аграрнага культуртрэгера ў тэхнічна-адсталай і беднай капіталамі сялянскай Беларусі»[3, с. 268].

Зразумела, што гэтая практыка толькі падмацоўвала аўтарытэт мясцовага «змянства» ў вачах сацыяльных нізоў. Як адзначаў Г. Фрыз, як «на ўзроўні закона, так і ў масавай свядомасці, саслоўная структура заставалася дзіўна жывучай, забяспечвала асноўныя спосабы калектыўнай ідэнтыфікацыі і стварала аснову сацыяльнай стратыфікацыі ў апошні перыяд існавання імператарскай Расіі.... спадчыннасць статусу і моцна выяўленая тэндэнцыя да ўнутрыстанавай эндагаміі грунтаваліся не толькі на пастановах закона, але таксама на адносінах уласнасці, на звычаі і меркаваннях прэстыжу»[6, с. 146]. Такім чынам, структура грамадскай іерархіі, якая сфармавалася яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай і на версе якой стаяла землеўладальніцкая шляхта, працягвала існаваць і канцы XIX – пачатку XX ст. Увогуле прыналежнасць да шляхецкага стану забяспечвала аўтарытэт, эканамічныя і сацыяльныя прэферэнцыі, але насамрэч пераважна для найбольш заможнай і радавітай яе часткі. Для немаёмных і дробнамаёмных уласнікаў прыналежнасць да шляхецтва ў другой палове XIX ст. ўжо стварала асабліва відавочныя цяжкасці, пазбаўленнем ад якіх было фармальнае прызнанне прыналежнасці да сялянскага стану. З гэтай прычыны сацыяльная прывабнасць шляхецтва зніжалася і захоўвалася пераважна з моцы культурнай традыцыі. У той жа час магчымасці аднаўлення сацыяльнага прэстыжу шляхецкага стану былі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. ўжо выключна абмежаваныя. Не-шляхцічам – сялянам-католікам, мяшчанам-католікам – увайсці ў склад традыцыйнага мясцовага шляхецтва і атрымаць ад яго прызнанне, стацца «сваім» было ўжо немагчымым.

Адначасова польскія землеўладальнікі, якія належалі да каталіцтва, разам з астатнімі каталіцкімі вернікамі цярпелі істотныя абмежаванні рэлігійнага жыцця, якія на фоне пануючага праваслаўя набывалі выразна дыскрымінацыйнае і нават зняважлівае аблічча. Гэтыя забароны тычыліся такіх важнейшых для функцыянавання касцёла сфераў, як непасрэднай сувязі з Рымам, як рамонт старых і пабудова новых касцёлаў, публічных праяваў рэлігійнага жыцця католікаў, дзейнасці каталіцкіх святароў, у тым ліку і вышэйшых іерархаў. Значная частка каталіцкіх касцёлаў перадаваліся праваслаўнай царкве. Далучалася да гэтых захадаў і забарона польскай адукацыі, якая фактычна мусіла існаваць ва ўмовах падполля [7, с. 86, 91]. Гэта, безумоўна, стварала ўражлівы кантраст з сацыяльным і эканамічным статусам польскіх землеўладальнікаў, ставіла іх у магчымасцях

ажыццяўлення сваіх рэлігійных патрэбаў на ніжэйшую прыступку нават у параўнанні з нехрысціянамі – яўрэйскім насельніцтвам, чые рэлігійнае жыццё не ведала такіх уражлівых абмежаванняў.

Аднак і шматлікае яўрэйскае насельніцтва беларускіх губерняў, таксама існавала ў рэжыме абмежавальнага заканадаўства. Расійскае заканадаўства пакідала адносна значныя магчымасці рэлігійнага жыцця. Аднак ў 80-х – 90-х гадах XIX ст. яўрэям было забаронена рассяленне па-за гарадамі і мястэчкамі, што прывяло да значнай перанаселенасці, былі істотна абмежаваны магчымасці эканамічнай, прафесійнай, грамадскай дзейнасці, удзел ў установах гарадскога самакіравання, атрымання адукацыі. У выніку яўрэйскае насельніцтва края было канцэнтравана ў сферы гандлёва-рамеснай дзейнасці. Напачатку XX ст. яўрэі складалі каля 60% сярод працоўных, занятых у прамысловасці, гандлю, сферы паслуг [8, с. 34–40]. Якраз тут у значнай ступені праяўляліся працэсы фармавання новай сацыяльнай стратыфікацыі, дзе ўсё большую вагу набывалі фактары эканамічнага і прафесійнага статусу.

Расійскае панаванне ў краі адбудоўвала тут ўласцівыя яму сацыяльныя структуры. Яны былі прадстаўлены як ўласна уладнай ваенна-паліцэйскай і адміністрацыйнай структурамі, гэтак і расійскімі землеўласнікамі. Адпачатку улада імкнулася пашырыць тут рускае землеўладальніцкае дваранства, а таксама пашырыць прысутнасць выхадцаў з унутраных губерняў у складзе мясцовага чыновенства. Аднак пры значным росце колькасці расійскіх землеўладальнікаў на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. іх вага ў грамадскім і культурным жыцці саступала уплывам польскім. Яшчэ А. Цвікевічам было адзначана эканамічная і культурная няпэўнасць расійскага землеўладальніцкага стана ў краі, яго залежнасць ад дзяржаўнай апекі [3, с. 304].

Мясцовае чынавенства уяўляла амаль напалову ў пачатку XX ст. складалася з выхадцаў з унутраных губерняў імперыі [9, с. 333]. Прывелеяванае становішча гэтай групойкі было забяспечана імперскай уладай. Гэтыя прывілеі, дарэчы, не абавязкова былі матэрыяльнага кшталту. Задавальненне давала ўсведамленне сваёй прыналежнасці да ўлады, да людзей «вышэйшага гатунку» у параўнанні з «іншародцамі». Па сведчанні сучасніка, вельмі значная частка мясцовага расійскага чынавенства лічыла «яўрэяў і палякаў ворагамі, ...сябе арыстакратамі – белай скурай, а яўрэяў – чорнай» [10, с. 903].

Асаблівай часткай «рускай народнасці» беларуска-літоўскага краю былі рускія стараверы. Віленскі генерал-губернатар П. Дз. Святаполк-Мірскі падкрэсліваў значнасць місіі старавераў па ўмацаванні ў краі

«рускіх культурных пачаткаў». Менавіта рускія стараверы, якія захавалі «у поўнай чысціні рускую мову і рускія звычаі» і ў супрацьвагу беларусам «зусім не паддаліся ўплывам польскай народнасці і каталіцкай царквы» названы віленскім генерал-губернатарам сапраўдным апірышчам расійскага ўраду ў краі [11, л. 42 об.–43]. Аднак у справе набыцця зямельнай уласнасці стараверы былі таксама абмежаваны, як і каталіцкая грамада, хаця і ў меншай ступені. Магчымасці старавераў набываць зямлю ў беларускіх губернях абмяжоўваліся і прадстаўнікамі ўлады, і прадстаўнікамі афіцыйнай праваслаўнай царквы. На фоне публічных праяваў рэлігійнага жыцця іншых плыняў хрысціянства і іудаізма – апошні ў мястэчках і гарадах быў асабліва заўважны штотыдзень – стараверам забаранялася сведчыць сваё веравызнанне. Закон і праваслаўная ерархія працягвалі разглядаць прыхільнікаў стараабрадніцтва як «раскольнікаў» – асяроддзе шкоднае і нават злачыннае. Ва ўмовах канкурэнцыі з яўрэйскім гандлёва-рамесным насельніцтвам такія абмежаванні ўспрымаліся асабліва хваравіта, што спрыяла распаўсюджанню ваяўнічых антысеміцкіх настрояў. У пэўнай ступені антысемітызм для старавераў быў адносна бяспечным сродкам каналізацыі пачуцця прыніжэння [10, с.190].

Нарэшце, большасць насельніцтва краю складалі сяляне-беларусы. У канцы XIX ст. абсалютная большасць беларусаў – да 94% – была занята ў сельскай гаспадарцы. Трэба пагадзіцца з Т.Уіксам у тым, што на пачатку XX ст. расійская адміністрацыя (за невялікімі выключэннямі кшталту П. Дз. Святаполка-Мірскага) не заўважала «беларускага пытання» [12, с. 591]. Фармальна праваслаўная частка беларусаў лічылася «рускімі», што, на думку А.Капэлера, адкрывала для іх магчымасці кар’ернага росту пры ўмове валодання рускай мовай [13, с. 125–144]. Пераважная іх частка належала да сялянскага саслоўя з апаведнымі сацыяльнымі і прававымі абмежаваннямі. На справе скарыстаць з фармальнай прыналежнасці да «рускай народнасці» было вельмі цяжка дзеля захавання сацыяльных перапонаў і канкурэнцыі з боку больш надзейных у вачах адміністрацыі ўраджэнцаў унутраных расійскіх губерняў; беларусы жа каталіцкага веравызнання і на пачатку XX ст. цяпелі дыскрымінацыю як у сацыяльна-эканамічнай, гэтак і ў веравызнаўчай сферы. У рэчаіснасці магчымасці кар’ернага росту былі абумоўлены паспяховасцю пазбаўлення ад спецыфічных рысаў беларускай моўна-культурнай ідэнтычнасці. Для большасці беларусаў з сялянскіх нізоў і ў пачатку XX ст. магчымасці атрымаць добрую расейскамоўную адукацыю былі невялікія, цалкам пазбавіцца

спецыфічных адзнакаў «сялянскай» ідэнтычнасці было вельмі цяжка, што садзейнічала і захаванню нізкага сацыяльнага статуса.

Такім чынам, на мяжы XIX – XX ст. у Беларусі існавала складаная і супярэчлівая сістэма сааслоўных і этнаканфесійных абмежаванняў і дазваленняў, якая мусіла забяспечыць найбольш спрыяльны для расійскага панавання стан рэчаў. Кожная з асноўных сааслоўных груп была падзелена па этнаканфесійнаму прызнаку, што нараджала ў межах групы значную статусную дыферэнцыяцыю.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Багушэвіч, Ф. Немец / Францішак Багушэвіч // Творы. – Мінск : Маст. літ., 2009.
2. Woyniłłowicz, E. Wspomnienia 1847–1928 / E. Woyniłłowicz. – Wilno, 1931.
3. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX вв. / А. Цвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993.
4. Панюціч, В. Нацыянальны аспект пазямельнай палітыкі царызму на Беларусі1 эпохі капіталізму (1861 – 1917 гг.) / В. Панюціч // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – № 10.
5. Korwin-Milewski, H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925) / H. Korwin-Milewski. – Poznań, 1930.
6. Фриз, Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России / Г. Л. Фриз // *Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: Антология* / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.
7. Грыгор’ева, В. Русіфікацыя насельніцтва і канфесіянальная палітыка царызму на Беларусі (1861 – 1904) / В. Грыгор’ева // *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.)*. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998.
8. Біч, М.В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі у канцы XIX – пачатку XX ст. / М.В. Біч // *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук*. – 1972. – № 4.
9. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / АН Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларусь, 1994. – Ч. 1.
10. Гомельский процесс. Подробный отчет / Сост. Б. А. Кревер. – Спб.: Тип. «Общественная польза», 1907.
11. Отчет виленского генерал-губернатора П.Д.Святополка-Мирского от 20 мая 1904 года // *Российский государственный исторический архив*. – Фонд 1284. – Оп. 194. – Д. 136.
12. Виск, Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914. / Т. Виск // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология*. – М.: Новое издательство, 2005.
13. Каппелер, А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической

иерархии российской империи // Россия–Украина : история взаимоотношений. – М., 1997.

Valyantsin Mikhedzka. Ethno-Social contradictions in the society of Belarus at the turn of the XIX–XX centuries

In article highlights certain aspects ethnosocial contradictions in the society of Belarus at the turn of XIX–XX centuries, which were caused by the presence of stanavage the division of society, the disintegration of States under the influence of modernization processes and ethnoconfessional restrictive policy of the Russian Empire..

УДК 947(476)

С. В. МЯНЬЧЭНЯ

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт»)

**ДЭПУТАТЫ ІІІ ДЗЯРЖАЎНАЙ ДУМЫ АД БЕЛАРУСКІХ
ГУБЕРНЯЎ І АБМЕРКАВАННЕ ПЫТАННЯ АБ МЕРАХ
ПА БАРАЦЬБЕ З П'ЯНСТВАМ (1907–1912 ГАДЫ)**

У артыкуле разглядаецца дзейнасць дэпутатаў ІІІ Дзяржаўнай Думы Расійскай імперыі ад Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерні ў складзе Камісіі аб мерах барацьбы з п'янствам (1907–1912 гг.), іх пазіцыя па пытаннях рэгулявання вытворчасці, продажу і спажывання алкагольных напояў.

Адметнай старонкай дзейнасці ІІІ Дзяржаўнай Думы Расійскай Імперыі стала стварэнне Камісіі аб мерах па барацьбе з п'янствам. Гэты крок не быў выпадковым. Пачынаючы з 1894 г. у Расійскай Імперыі паступова ўводзілася дзяржаўная «вінная» манаполія (на вытворчасць і продаж моцных спіртных напояў) і ствараліся камітэты папячыцельства аб народнай цвярозасці, губернскія – на чале з губернатарам, і павятовыя – з мясцовым прадвадзіцелям дваранства. Асноўная дзейнасць камітэтаў была накіравана на адмежаванне насельніцтва ад празмернага спажывання алкаголя [1, арк. 3]. За дзесяць год працы папячыцельства дасягнулі пэўных поспехаў у арганізацыі народных чайных, чытанняў, культурна-масавых мерапрыемстваў, але падзеі руска-японскай вайны і рэвалюцыі 1905-1907 гг. прымусілі ўрад істотна скараціць фінансаванне гэтых устаноў, што адбілася на іх эфектыўнасці і нават прывяло да

ліквідацыі некаторых павятовых камітэтаў, а прыбыткі ад продажу алкаголя працягвалі расці і да 1907-1908 гадоў дасягнулі 700 мільёнаў рублёў [2, с. 11]. Сярод прыхільнікаў цвярозасці сталі гучаць прапановы перайсці на дзяржаўным узроўні да поўнага ўстрымання ад алкаголя. Арэнай барацьбы за цвярозасць стала III Дзяржаўная Дума. У дадзеным артыкуле мы разгледзім пазіцыю пазіцыю дэпутатаў ад беларускіх губерній па антыалкагольнай палітыцы.

Ад Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерній ў III Дзяржаўную Думу было абрана 36 дэпутатаў, спіс якіх прыводзіцца ніжэй.

Табліца 1. Дэпутаты III Дзяржаўнай Думы ад беларускіх губерняў [3, с. 16–28, 73–79, 164–179].

Дэпутат	Губерня	Прыналежнасць да партыі ці фракцыі
Ваньковіч Станіслаў Аляксандравіч	Віленская	польска-літоўская група
Вераксін Аляксандр Сяргеевіч	Віленская	правы
Замыслоўскі Георгій Георгіевіч	Віленская	правы
Мацеевіч Станіслаў Гіляр'евіч	Віленская	польска-літоўская група
Монтвілл Іосіф Станіслававіч	Віленская	польска-літоўская група
Свянціцкі Генрых Іпалітавіч	Віленская	польска-літоўская група
Цыунеліс Мацвей Ягоравіч	Віленская	польска-літоўская група
Амасёнак Васіль Георгіевіч	Віцебская	нацыяналіст
Доппельмайер Парфіры Гаўрылавіч	Віцебская	акцыбрыст
Еўрэінаў Мікалай Мікалаевіч	Віцебская	акцыбрыст
Ермалаеў Міхаіл Кандрац'евіч	Віцебская	нацыяналіст
Нікановіч Фёдар Іосіфавіч	Віцебская	правы
Сапуноў Аляксей Парфёнавіч	Віцебская	акцыбрыст
Біч Васіль Акімавіч	Гродзенская	прагрэсіст
Вайцюлік Ігнат Вікенц'евіч	Гродзенская	нацыяналіст
Гаўрылюк Улас Львовіч	Гродзенская	нацыяналіст
Есьман Уладзіслаў Казіміравіч	Гродзенская	польска-літоўская група

Кузмінскі Уладзімір Міхайлавіч	Гродзенская	нацыяналіст
Тычынін Васіль Канстанцінавіч	Гродзенская	нацыяналіст
Янушкевіч Барыс Сямёнавіч	Гродзенская	нацыяналіст
Ярмольчык Кіпрыян Трафімавіч	Мінская	нацыяналіст
Кучынскі Андрэй Фёдаравіч	Мінская	нацыяналіст
Мезенцеў Сяргей Мікалаевіч	Мінская	правы
Налівайка Андрэй Нікіціч	Мінская	беспартыйны
Паўловіч Іосіф Якаўлевіч	Мінская	нацыяналіст
Салаўевіч Стэфан Іосіфавіч	Мінская	нацыяналіст
Юрашкевіч Андрэй Данілавіч	Мінская	правы
Юркевіч Андрэй Іванавіч	Мінская	беспартыйны
Якубовіч Вячаслаў Андрэевіч	Мінская	нацыяналіст
Галынец Васіль Фёдаравіч	Магілёўская	беспартыйны
Гюббенет фон Мікалай Канстанцінавіч	Магілёўская	нацыяналіст
Ладамірскі Мікалай Мікалаевіч	Магілёўская	нацыяналіст
Епіскап Мітрафан Гомельскі	Магілёўская	правы
Сазановіч Іван Пятровіч	Магілёўская	правы
Тамашэвіч Кірыл Фаміч	Магілёўская	нацыяналіст
Шаўцоў Філіп Цімафеевіч	Магілёўская	прагрэсіст

Епіскап Мітрафан, дэпутаты Галынец, Якубовіч, Юрашкевіч, Салаўевіч, Кузьмінскі, Нікановіч, Вераксін былі прадстаўнікамі праваслаўнага духавенства, Мацеевіч – каталіцкага. Фон Гюббенет і Ладамірскі з’яўляліся прадвадзіцелямі дваранства ў Клімавіцкім і Гомельскім паветах і як следства адказвалі за правядзенне антыалкагольнай палітыкі на месцах. Лагічна было б меркаваць, што менавіта гэтыя асобы адзначацца найбольшай актыўнасцю ў справе барацьбы за цвярозасць.

У лік дэпутатаў Дзяржаўнай Думы трапіў адзін з ідэолагаў антыалкагольнага руху ў Расійскай імперыі Міхаіл Чэлышаў – гласны самарскай гарадской думы, дэпутат ад Самарскай губерні. І хоць першая яго прамова па пытанню народнай цвярозасці была сустрэта смехам, Чэлышаў развіў кіпучую дзейнасць сярод калег.

4 снежня 1907 г. пры абмеркаванні бюджэта на наступны год па ініцыятыве Чэлышава 65 дэпутатаў падпісалі заяву аб неабходнасці адмовы ад спагнання падаткаў праз спіртныя напоі, дзе адзначалася, што «дапушчэнне і заахвотчванне ў краіне вытворчасці і продажу

спіртных напояў – гарэлкі, віна і піва, і ўвоз іх з-за мяжы для спажывання насельніцтвам дзеля быццам бы дахода для дзяржаўнага казначэйства, не можа быць больш цяжкіма, бо гэта амаральна, спусташальна для дзяржавы і шкодна для здароўя насельніцтва... бо вядзе да выраджэння народа» [4, с. 33]. Сярод тых, хто падпісаў заяву былі епіскап Мітрафан Гомельскі, ксёндз касцёла св. Кацярыны у Вільна Станіслаў Мацеевіч, землеўласнік Слонімскага павета Уладзіслаў Есьман, настояцель сабора ў Слоніме Уладзімір Кузьмінскі і селянін Магілёўскай губерні Філіп Шаўцоў. Гэтая заява стала падставай для стварэння асобай думскай Камісіі аб мерах барацьбы з п'янствам, куды ўвайшло 22 дэпутата, у тым ліку селянін Свянцянскага павета Мацвей Цыгунеліс [4, с.37]. Старшынёй камісіі быў абраны епіскап Мітрафан, а яе ідэйным лідэрам стаў М. Чэльшаў. Камісія павінна была вызначыць асноўныя накірункі антыалкагольнай палітыкі дзяржавы і ўнесці папраўкі ў заканадаўства з мэтай адмовы ад палітыкі «п'янага бюджэта», калі дзяржава атрымлівала значны даход ад продажу алкагольных напояў і не жадала ад яго адмаўляцца. Дэпутаты камісіі выступалі з патрабаваннямі забароны алкаголя і распаўсюджвання антыалкагольнай прапаганды.

19 лютага 1908 г. члены Камісіі аб мерах барацьбы з п'янствам выступілі з дакладам «Па пытанню пажаданасці ажыццяўлення некаторых супрацьалкагольных мерапрыемстваў». Было прапанавана адмовіцца ад выдачы на флоте і ў арміі ніжэйшых чынам «законнай чаркі» гарэлкі. Трэба адзначыць, што ваеннае міністэрства ў тым жа годзе ўхваліла гэтую меру. Вызначалася таксама, што «выключна небяспечна прымаць на дзяржаўную службу асоб, што злоўжываюць моцнымі напоямі, у тыя ўстановы, якім даверана жыццё і здароўе насельніцтва, выхаванне маладога пакалення і рэлігійныя патрэбы насельніцтва» [4, с. 60]. Пад дадзеную фармуліроўку падыходзілі фактычна ўсе дзяржаўныя ўстановы, і прапанова не атрымала падтрымкі дэпутатаў.

Наступным крокам дзейнасці камісіі стала заява ад 4 красавіка 1908 г. аб засяроджванні месцаў продажу моцных напояў выключна ў гарадах. У заяве пазначалася, што п'янства сярод сялян не з'яўлялася традыцыйнай заганай і распаўсюдзілася ў апошнія гады, у тым ліку ў выніку павялічэння колькасці кропак продажу, што было следствам увядзення дзяржаўнай манаполіі. Разам з гэтым, п'янства на вёсцы ўкараняецца хутчэй у сувязі з адсутнасцю тут культурных устаноў. За ліквідацыю кропак продажу моцнага алкаголя ў сельскай мясцовасці выступілі 193 дэпутата, з іх 19 прадстаўлялі беларускія губерні. Падтрымалі заяву сялянскія дэпутаты Цыгулеліс, Амасёнак, Ермалаеў,

Вайцюлік, Ермольчык, Кучынскі, Юркевіч; прадстаўнікі духавенства епіскап Мітрафан, Мацеевіч, Вераксін, Нікановіч, Кузмінскі, Салаўевіч; выкладчык гімназій Мінска Іосіф Паўловіч, ляснічы Пружанскага павета Васіль Біч; сакратар Віцебскага статыстычнага камітэта Аляксей Сапуноў і інш. [4, с. 70-73]. Негледзячы на вялікую колькасць подпісаў праэкт не быў рэалізаваны.

Яшчэ адным важным пытаннем была практыка выдачы прэмій вінакурным заводчыкам дзеля падтрымкі прыватнай прамысловасці. Для дэпутатаў ад беларускіх губерняў яно мела асаблівае значэнне, бо менавіта заходнія губерні былі асноўнымі вытворцамі і ўнутранымі экспарцёрамі спірта. Так у 1904 г. у Маскоўскую губерню з Мінскай і Магілёўскай губерняў было ўвезена 2620000 вёдзер спірта, у той час як з астатніх 1600000 вёдер [4, с. 187]. 6 чэрвеня 1908 г. па ініцыятыве М. Чэльшава 105 дэпутатаў падпісаліся пад прапановай аб адмене прэмій вінакурным прамыслоўцам, якія не толькі не прыносяць карысці дзяржаве, але і садзейнічаюць зпаіванню народа. Актыўна падтрымалі прапанову сялянскія дэпутаты (Амасёнак, Ермалаеў, Вайцюлік, Ермольчык, Кучынскі, Юркевіч, Шаўцоў), за выказаліся таксама вышэй згаданыя Паўловіч і Сапуноў, а вось прадстаўнікі царквы на гэты раз асаблівага энтузіазма не праявілі (2 галасы – епіскап Мітрафан і святар Вераксін). Не пагадзіўся з прапановай аніводны прадстаўнік памешчыкаў Беларусі [4, с. 110-111].

Галоўнай працай Камісіі стала распароўка законапраэкта аб мерах барацьбы з п'янствам, які рэгуляваў продаж алкагольных напояў выклікаў шырокі рэзананс сярод дэпутатаў і яго абмеркаванне зацягнулася на 3 гады. 29 лістапада 1908 г. праэкт быў перададзены на абмеркаванне ў фінансавую камісію, а 18 сакавіка 1909 г. – у судовую камісію. Заклучэнні гэтых інстанцый былі дадзены толькі 17 снежня 1909 г. і 2 сакавіка 1910 г. адпаведна [4, с. 348]. Судовая і фінансавая камісіі палічылі законапраэкт занадта радыкальным, таму члены Камісіі аб мерах барацьбы з п'янствам вымушаны былі ісці на значныя саступкі. Канчатковы варыянт законапраэкта быў унесены на павестку дня на 13 снежня 1910 г., але, з-за невырашанасці папярэдніх пытанняў, слуханні адбыліся толькі 21-22 студзеня 1911 г. Пасля чаго пачаліся абмеркаванні, на якія запісалася 65 выступоўцаў, што сведчыла аб інтарэсе дэпутатаў да дадзенай праблемы. 31 студзеня 1911 г. пачалося паартыкулярнае абмеркаванне праэкта. Шмат з якіх прапаноў Камісіі аб мерах барацьбы з п'янствам былі адхілены большасцю галасоў, сярод іх : паступовае скарачэнне вырабу спірту і яго імпарту на 1/20 частку штогод; зніжэнне моцнасці гарэлкі з 40° да 20°; замена гарэлачнай этыкеткі – замест надпіса «казённае віно» і

гербавага арла прапаноўвалі этыкетку з надпісам «атрута» (існаваў і такі варыянт – «40% спірта, 30% сухотаў, 30% сіфіліса і 90% галоты» [4, с. 363]); выпрацоўка новай гарэлачнай тары, якая б дазваляла адкаркаваць бутэльку выключна ў хатніх умовах, каб знізіць вулічнае п'янства; ліквідацыя дамоў цярпімасці, як месцаў усялякай распусты; узмацненне адказнасці за кантрабанду спіртных напояў [4, с. 560].

Дакумент у выніку дапрацоўкі і абмеркавання атрымаў кампрамісны характар, але разам з гэтым выклікаў незадавальненне часткі дэпутатаў, як радыкальны, а сярод членаў камісіі – як малазначны. Епіскап Мітрафан лічыў, што кампрамісны варыянт закона не будзе мець аніякай карысці і будзе толькі перашкаджаць справе цявразасці [2, с. 51]. Якія ж меры па барацьбе з п'янствам так непакоілі дэпутатаў і былі недастатковымі з пункту гледжання самой камісіі? Звернемся непасрэдна да дакумента.

У першую чаргу законапраэкт даваў магчымасць мясцовым сходам прымаць забараняючыя прыгаворы, згодна з якімі ў адзначанай мясцовасці зачыняліся ўсе месцы продажу моцных алкагольных напояў. Аднаўленне продажу было магчыма толькі на пастанове новага сходу. Пры абмеркаванні гэтага пытання на сходах правам голаса надзяляліся не толькі сельскія гаспадары (якія і былі асноўнымі спажывцамі алкаголя), але і іх жонкі і маці (якія больш за ўсіх цярпелі ад сыноў ды мужыкоў-п'яніц). Рашэнне прымалася па простае большасці галасоў, улічваючы толькі тых, хто з'явіўся на сход [2, с. 136-137].

Забараняўся продаж алкаголя ў тары меней 1/20 вядра (прыкладна 0,6 літра), што дазволіла б ліквідаваць продаж гарэлкі папулярнымі сярод п'яніц соткамі (1/100 вядра) і «мярзаўчыкамі» (1/200 вядра) і зрабіла б гарэлку меней даступнай [2, с. 140].

Забаранялася прадаваць моцныя спіртныя напоі пад час царкоўных хрысціянскіх свят, урачыстасцяў, звязаных з імператарскай сям'ёй (дні нараджэння імператара, імператрыцы і спадкаемца трона, гадавіна каранацыі), у дні ярмарак, мясцовых сходаў, разгляду судовых спраў у валасных судах, пад час прызыву навабранцаў і запасных [2, с. 138]. Продаж моцных напояў забараняўся таксама ва ўсіх дзяржаўных установах а таксама ў грамадскіх месцах і месцах народных гулянняў (тэатры, кінематограф, грамадскія сады, канцэрты і іншыя). У звычайныя дні продаж дазваляўся з 9 да 23 гадзін у гарадах і да 18 гадзін у сельскай мясцовасці.

У перадсвяточныя і суботнія дні продаж дазваляўся толькі да 2 гадзін дня. Уводзілася сістэма адказнасці за незаконны гандаль моцным алкаголем. За продаж за рэчы, прадукты, адпрацоўкі і ў лік доўга і прадавец і пакупнік падвяргаліся на першы раз – арышту да

аднаго месяца ці штрафу ад дзесяці да ста рублёў, на наступныя разы – арышту да трох месяцаў ці штрафу ад трыццаці да трохсот рублёў [2, с. 143]. Для арганізацыі продажу моцнага алкаголя прыватныя асобы павінны былі атрымаць патэнт ад дзяржавы. За безпатэнтны гандаль, а таксама за дастаўку і нават захоўванне моцных алкагольных напояў уводзіўся штраф [2, с. 144].

На апошнім паседжанні Думы 16 лістапада 1912 г. законапраэкт быў перададзены ў Дзяржаўны Савет, адтуль вернуты IV Думе, дзе заставаўся не зацверджаным да пачатку Першай сусветнай вайны, калі яго актуальнасць у сувязі з увядзеннем «сухога закона» адпала. У склад IV Думы лідары антыалкагольнай групы М. Чэлышаў і епіскап Мітрафан ужо не трапілі. У 1912 г. Мітрафана прызначылі епіскапам Мінскім і Тураўскім : гэту пасаду ён займае аж да свайго прызначэння ў Астрахань у 1916 годзе. У Мінску яго антыалкагольная дзейнасць працягваецца. Як ганаровы старшыня мінскага Свята-Мікалаеўскага народнага брацтва ён выступаў з лекцыямі ў будынку камерцыйнага вучылішча (яно знаходзілася непадалёк ад Віленскага вакзала, цяпер гэта тэрыторыя БДУ). Лекцыі карысталіся вялікай папулярнасцю сярод гараджан, а таксама сялян з навакольных вёсак, якія дзеля гэтага спецыяльна прыязджалі ў горад. Зала вучылішча нярэдка не магла прыняць усіх жадаючых. Гутаркі епіскапа Мітрафана былі заўсёды жывыя і эмацыянальныя, аднак пры гэтым ён добра арыентаваўся ў навуковым матэрыяле, лічыў, што алкагалізм можа быць пераможаны толькі сумеснымі намаганнямі царквы, навукі і закона [5, с. 78].

Дзейнасць Камісіі па мерах барацьбы з п'янствам стала яскравым момантам дзейнасці III Дзяржаўнай Думы. Члены камісіі агучылі праблему алкагалізацыі насельніцтва на дзяржаўным узроўні і зрабілі спробу вырашыць яе парламентскім шляхам. Епіскап Мітрафан і Міхаіл Чэлышаў, як лідары камісіі, атрымлівалі мноства лістоў з розных куткоў імперыі са словамі падзякі і скаргамі на парушэнні ў сферы продажу алкаголя. Нажаль, меры прапанаваныя камісіяй, якія дазволілі б рэальна абмежаваць продаж і спажыванне алкаголя, у большасці сваёй так і засталіся нерэалізаванымі. Праблема п'янства аб'яднала дэпутатаў розных палітычных сіл і рознага сацыяльнага паходжання. Найбольш актыўна ўключыліся ў працу прадстаўнікі духавенства, сялянства і інтэлігенцыі, у той час як чыноўнікі і дваранства, асобы, якія з'яўляліся праваднікамі дзяржаўнай палітыкі, засталіся ў баку ад працэса, не здолелі пераадолець свае меркантильныя інтарэсы (як у выпадку пытання аб адмене прэмій вытворцам спірта) і не ўспрымалі дадзенаю праблему ўсур'ёз.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 2709. – Воп. 1. – Сп. 2
2. Митрофан. В борьбе за трезвость / Епископ Митрофан. – Минск : Мин. Православ. Свято-Николаев. нар. Братство, 1913.
3. Боиович, М. М. Члены Государственной Думы. Портреты и биографии / М. М. Боиович, – Москва, 1913.
4. Речи М. Д. Челышева, произнесённые в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам / М. Д. Челышев. – Санкт-Петербург, 1912.
5. Мянчэня, С. В. «Цвярозасць народа стане новай свабодай»: антыалкагольная дзейнасць епіскапа Мітрафана Гомельскага (Краснапольскага) / С. В. Мянчэня // Беларуская думка. – 2015.- №2.

Sergey Menchenja. Deputies of the Third State Duma of the Belarusian provinces and discussion on measures to combat drunkenness (1907-1912).

The article discusses the activities of the deputies of the third State Duma of the Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev province in the Commission on measures to combat drunkenness (1907-1912), their position on the regulation of the production, sale and consumption of alcoholic beverages.

УДК 94:316.334.56(476):001.895 “19”

О. Г. ЯЩЕНКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ВОСПРИЯТИЕ НОВАЦИЙ ГОРОЖАНАМИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье дана характеристика новаций в повседневной культуре городского населения Беларуси в начале XX века. Материалы о позитивном и негативном отношении к некоторым из них были использованы автором.

Начало XX века привнесло в бытовую культуру городского сообщества Европы множество новаций. Они затронули систему транспорта и связи, а также домостроительства, оборудование городской среды, устои домашнего уклада, материальные условия, сферу развлечений. Новые веяния коснулись разных параметров городского образа жизни – темпов и ритма деятельности горожан,

оформления городского пространства и изменения облика городского типажа, форм контактов жителей, отчасти характера взаимодействия половозрастных групп и пр.

В научной и научно-популярной литературе по истории культуры и этнологии городов Российской империи накоплен значительный опыт по описанию собственно новых элементов, возникших и распространившихся в рамках городской цивилизации. Однако отношение к ним жителей, восприятие ими новых явлений еще не выступало предметом самостоятельного изучения, в том числе на материалах городских поселений белорусских губерний Северо-Западного края. Источниковый пласт для раскрытия данного сюжета формируется за счет материалов историко-краеведческой литературы, местной периодической печати.

Горожане в целом позитивно или в ряде случаев даже восторженно воспринимали многие новации. Появление автомобилей на улицах городов, новых видов городского общественного транспорта, новых способов освещения (особенно электричества), обустройство водопроводов, развитие сети ресторанов, распространение новых средств для укрепления здоровья, ухода за телом и поддержания красоты, новые механизмы (карманные часы), новые виды тканей, новые контуры женского и мужского костюма, аксессуаров быстро завоевывали симпатии городских обывателей и вызывали стремление наиболее обеспеченных из них воспользоваться новыми видами услуг и новыми атрибутами предметной среды.

Характерно, что жители уездных и губернских городов не только с энтузиазмом устремлялись использовать новые виды услуг, улучшавшие качество жизни, но и повышали свою самооценку, приобщаясь к новинкам. Горожане гордились тем, что их города получают электрическое освещение. Так, местные газеты Брест-Литовска писали: «Из достоверных источников нам сообщают, что вопрос об освещении нашего города электричеством близок к осуществлению... лицо... по получении надлежащего разрешения, не замедлит приняться за установку чугунных столбов и оборудование помещения для четырех динамо-машин. Таким образом, наш город вместо нелепых керосино-калильных фонарей, будет освещаться электричеством» [1, с. 3].

«В последнее время жители Бреста все более и более стараются не отставать от жителей больших центров. Правда, пока это подражание выражается в мелочах. Так, вслед за велосипедистами, которые уже многим успели надоесть, у нас тут появилось изрядное количество автомобилей, которые мчатся по городу, как по открытому полю, не

считаясь с движением на улицах. Конечно... приятно чувствовать себя жителем «культурного» центра, приятно осознавать, что и мы, мол, не лыком шиты. Приятно кататься по городу в автомобилях...» [2, с. 3]. Проезд автомобиля через малый провинциальный город вызывал значительный эмоциональный отклик у горожан, которые специально собирались в местах, где должны были проехать машины, чтобы лучше рассмотреть техническое чудо. Особенный восторг испытывали дети, которые гурьбой бежали вслед за проезжавшими авто. Такие же взволнованные чувства испытывали городские обыватели, когда им демонстрировали различные технические диковинки в сфере развлечений (движущиеся игрушки, «говорящая» голова и пр.).

Сохранились позитивные ремарки по поводу технического улучшения демонстрации кино. Таковы положительные отклики жителей Брест-Литовска на повышение качества работы синематографов: «В электротеатре «Фантазия» [Шоссейная ул., д. Бирштейна – О. Я.], установлен новый двигатель, дающий возможность демонстрировать картины ясно и без мигания. Высокое помещение предоставляет возможность воспроизводить картины на экране полностью. Полная иллюзия» [3, с. 1].

Однако изученные материалы свидетельствуют, что ряд нововведений или же их последствия могли восприниматься и как негативные. Подобные оценки касались в первую очередь результатов внедрения технических новаций и были связаны с риском для здоровья и жизни горожан. Кроме того, некоторое недоверие либо прямое отрицание относилось к воздействию новых тенденций на духовную культуру и традиции городского населения.

Жители очень чувствительно воспринимали изменения во внешнем облике городов и мгновенно реагировали на любые новшества. Их внимание привлекали и вырубка деревьев на улицах, и отсутствие надлежащего ухода за дорогами, и возведение новых зданий, которые трансформировали привычную городскую панораму. Не стало исключением и появление электрического освещения. Любопытны комментарии современников по поводу прокладки электричества в Гродно и недовольство переменами, которые отразились на красоте городского пейзажа: «По некоторым улицам города и на парадной площади уже расставлены столбы и протянуты провода для электрического освещения. Столбы эти, своей внешностью, и громоздкостью портят вид нового сквера...» [4, с. 3].

Распространение телефонной связи было прорывным явлением в культуре и, тем не менее, привело к распространению мнения о вредном воздействии телефонных аппаратов на слух. Подобные темы

быстро исчерпывались, они подавлялись преимуществами и выгодами использования нововведениями, но реакция на первых порах не всегда была исключительно позитивной.

Горожане отмечали изменение шумового фона в городском пространстве и сожалели о нарушении тишины звуками клаксонов автомобилей, жаловались на громкую музыку, которая летела из распахнутых окон, где играли граммофоны, сетовали на шум швейных машинок у соседей и пр.

Возникавшие трагические последствия от появления на городских улицах велосипедов и автомобилей (частые наезды на пешеходов, аварии, влекущие жертвы и пр.) заставляли горожан заботиться о своей безопасности и осуждать езду без правил. В новостных публикациях начала XX века можно обнаружить огромное количество упоминаний о несчастных случаях, когда пешеходы были сбиты и покалечены велосипедистами, мчавшимися по городу на большой скорости, а также о происшествиях с автомобилями. При этом и пешеходы не всегда осознавали возможность трагических итогов безответственного и бездумного отношения к новым видам транспорта, в городских новостях запечатлены факты глупых шуток, которые пытались проделать с машинами городские обыватели, не предвидя дальнейших печальных событий, в том числе и для себя. Например, под колеса мчавшему на огромной скорости по шоссе автомобилю пытались бросить поленья и пр.[5, с. 3].

Новые виды транспорта должны были вписаться в городскую среду, где традиционно лидерство в перевозках пассажиров занимали экипажи, запряженные лошадьми. Животные не были готовы к соседству с машинами, и первоначально это обстоятельство создавало большие трудности. Так, сохранились записи очевидцев, которые утверждали, что важно не только пользоваться приятным способом передвижения на автомобилях, но и строго регулировать и контролировать езду по городу: «...но при этом необходимо соблюдать большую осторожность, т.к. местные четвероногие, очевидно, мало знакомы с «самокатами». Так на днях, пишущий эти строки был очевидцем, как на Шоссейной улице[Брест-Литовска – О. Я.]... перепугалась пара лошадей, запряженная в карету. Если б не кучер-солдат, сидевший на козлах, могло бы случиться большое несчастье, так как на тротуаре в это время было много гуляющих (день был праздничный). Лошади, услышав гудок автомобиля, прямо шарахнулись было на тротуар. Я лично, проезжая по Медовой улице, чуть не был выброшен из дрожек перепугавшейся лошадьё, которая завидев мчавшийся на нее автомобиль, поднялась на дыбы и затем

полезла на забор, примыкающий к костелу. Но все это, конечно, мелочь в сравнении с трагическим случаем, имевшим место недели две тому назад. Я имею в виду случай с задавленной насмерть автомобилем женщиной. «Гром не грянет – мужик не перекрестится», – говорит русская пословица. Пора поэтому нашему муниципалитету обратить самое серьезное внимание на это ненормальное явление. Необходимо поэтому раз и навсегда издать известные правила, которые нормировали бы езду по городу автомобилями»[6, с. 3].

В письменных свидетельствах эпохи зафиксировано и стремление оградить горожан от неблагоприятных последствий новых элементов бытовой культуры, в том числе и на официальном уровне, когда городские власти принимали меры к недопущению несчастных случаев и снижению рисков трагических происшествий и пр. Показательны в этом отношении многочисленные разработки и принятие правил дорожного движения в городах (езды на конке, трамвае, на велосипеде и автомобиле), учреждение системы регистрации городского транспорта и т.п. Однако необходимо подчеркнуть, что в реальной обстановке городов эти предписания редко выполнялись, культура поведения на дорогах оставалась низкой и число печальных происшествий только приумножалось.

По истечении определенного периода времени, когда горожане уже освоились в использовании новых видов транспорта, проявилось некоторое недовольство низкой скоростью передвижения, например, на конке, грубое обращение с ними вожатых конки, невысокий комфорт при езде (тряска и т.п.). Минчане называли конку в своем городе «костоломкой», гомельчане окрестили конку «наша белицкая черепаха» (поскольку осуществлялись поездки по маршруту из центра города в Ново-Белицу).

Достаточно ревниво относились городские обыватели к тому, что привычные для них виды культурного времяпрепровождения вытесняли новые. Некоторые горожане сетовали на то, что технические новации породили такие формы досуга и такие способы восприятия информации, которые влекут за собой нежелание зрителя серьезно размышлять и задумываться, анализировать художественное произведение. Иногда в среде городских жителей критиковалось даже развитие синематографа. Например, брестчане, оценивая в определенный момент культурную жизнь в городе как «унылую» (нет активной театральной деятельности и пр.), отмечали в то же время необычайный интерес населения к посещению сеансов синематографа: «...Зато бойко торгуют «Фантазия» и «Иллюзион». Народ туда валом валит: дешево и сердито, а главное не надо думать. Шевелить мозгами,

соображать. Достаточно иметь только одно зрение...» [7, с. 1]. Другие факты также свидетельствуют о том, что ряд консервативно настроенных педагогов и родителей беспокоились о том, что «засилье» кинематографа обедняет образовательный потенциал и дурно влияет на ребенка. В городах раздавались голоса в защиту театрального искусства, поскольку возникло опасение вытеснения театра кинематографом.

В городской культуре начала XX века отмечена критика некоторых новинок культурно-бытового плана по причине их якобы скверного нравственного воздействия на горожан. Ярким примером такого рода является появление кафе-шантанов, которые в короткие сроки завоевали популярность в городской среде, но вместе с тем вызвали и жесткую критику строгих моралистов своей эпохи.

Начало минувшего века стало периодом бурного распространения рекламы, существовавшей и в предшествующие эпохи, но ставшей повсеместной, весьма актуализировавшейся в условиях возросшей конкуренции и увеличения предложений на разные запросы горожан, а также расширения ассортимента товаров и услуг. Рекламные щиты закрывали большие площади фасадов зданий, ее размещали на специальных уличных тумбах, жители говорили о повсеместном «засилье» рекламы и даже шутили по этому поводу в городских фельетонах: «Она царит везде, во всем. Мы все молебны ей поем, Она – богиня в царстве том, Где бог один – золотой телец...» [8, с. 3].

Бурное негодование вызывали у горожан разнообразные фальсификации новых средств для укрепления здоровья и ухода за своим телом. Популярность таких новинок была очень велика накануне Первой мировой войны, когда формировалось само понятие культуры здоровья. Местные остряки тонко высмеивали и различные проявления моды, которые несуразно применяли в своем гардеробе провинциальные горожане и горожанки. В погоне за новыми веяниями моды и в безудержном желании приобщиться к новациям порой не опытные в выборе новых вещей, необразованные и имевшие неразвитый вкус горожане становились смешными и привлекали к себе внимание не стильной модной одеждой, а нелепой компоновкой предметов и их некорректным использованием.

Таким образом, новации в городской среде в большинстве случаев вызывали положительные отклики, приобщение к ним, использование новых возможностей становилось чрезвычайно привлекательным. Большинство нововведений (использование новых видов транспорта, связи и пр.) быстро заняло прочные позиции в системе бытовой культуры горожан, они стали важной составляющей феномена, которое принято называть «массовая культура» и в дальнейшем

успешно развивались. Недоверчивое отношение к бытовым новациям или их негативное восприятие распространялось, как правило, не на все нововведение, но лишь на его отдельные стороны либо некоторые проявления. Очевидно, что негативные реплики исходили только из узкого круга представителей городского социума и в подавляющем числе ситуаций носили временный, краткосрочный характер. Отчасти негативное восприятие или настороженное отношение были вызваны не столько реальными негативными последствиями внедрения новаций, сколько психологическими барьерами городских жителей, необходимостью их привыкания к новым явлениям, которые изменяли или вообще разрушали устоявшийся уклад жизни, особенно в малых провинциальных городах.

Список использованных источников и литературы

1. Наша Заря. – 1912. – 16 авг.
2. Наша Заря. – 1912. – 26 авг.
3. Западный Буг. – 1909. – 1(14) янв.
4. Наше Утро. – 1912. – 23 июня.
5. Наша Заря. – 1912. – 3 сент.
6. Наша Заря. – 1912. – 26 авг.
7. Западный Буг. – 1909. – 1(14) янв.
8. Гомельская копейка. – 1914. – 16 июля.

Oksana Yaschenko. The perception of innovations by urban population of Belarus at the beginning of the XX century

The characteristic of innovations in daily life of urban population in Belorussia at beginning of the XX century is in the article. The materials about positive and negative attitude to some of them were used by the author.

УДК 947.0 “186”: 625.1

С. Б. ЖИХАРЕВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ПРОЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЧЕРЕЗ МОГИЛЕВ В 60–90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

В статье проанализированы основные проекты железнодорожного строительства через Могилев в пореформенный период и выявлены факторы, воспрепятствовавшие их реализации

В конце XIX в. Могилевская губерния оказалась сороковой из пятидесяти одной российской губернии по обеспеченности железнодорожными путями и на последнем месте в северо-западном крае [1; с. 46, 74, 89–91, 135–141; 2, с. 389, 440]. Главной причиной подобной ситуации явилась значительная диспропорция в железнодорожном строительстве между отдельными губерниями. Если такие губернские города, как Гродно, Витебск, Минск, Вильно уже в 1860–1870-е гг. приобрели прямое железнодорожное сообщение, то Могилев как будто преследовал злой рок : более 30 лет потребовалось, чтобы через этот губернский центр прошла железная дорога Витебск-Жлобин. Даже в конце XIX в. губернский город Могилев с количеством жителей более 45 000 человек и центральная часть губернии с населением более 1 000 000 человек оставались без современного пассажирского и товарного сообщения. Существовавшее некогда дешевое и удобное речное сообщение по Днепру из-за мелководья вызывало серьезные затруднения, а в жаркое лето совсем прекращалось. Остальное время года вся центральная часть Могилевской губернии и губернский город испытывали неудобства, связанные с недостатками гужевого транспорта и в особенности при весенней и осенней распутице [3, л. 3]. Целью данной статьи является анализ содержания основных проектов пореформенного железнодорожного строительства через Могилев и выявление причин их неудач.

В пореформенный период традиционные пути сообщения Могилевской губернии пришли в состояние упадка и запустения. Подтверждением тому служат материалы официальной переписки канцелярии Могилевского губернатора с соответствующими должностными лицами и инстанциями. Так, 8 апреля 1867 г. оршанский уездный исправник в своем рапорте сообщал могилевскому губернатору, что переправа через р. Днепр возле Орши прекратила функционирование [4, л. 1]. Через неделю к могилевскому губернатору обратился начальник 7 округа путей сообщения МПС, предлагавший для защиты щебеночного покрытия шоссе от Орши до Довска настилать хворост. На отдельных участках под тяжестью груженых экипажей и обозов полотно дороги настолько осело, что для проезда через образовавшиеся в условиях весенней распутицы ямы приходилось использовать единственное доступное средство – хворост [4, л. 8]. В 1866 г. прошение могилевских властей о ремонте аварийных участков шоссе чиновники Министерства путей сообщений отклонили по причине отсутствия средств. В следующем году планировалось профинансировать устранение неисправностей на 2 перегонах от станции Погребенки до Орши. Летом 1867 г. ремонтные работы шоссе

были начаты. Велись они до такой степени безалаберно, что могилевский губернский почтмейстер в своей жалобе на имя могилевского губернатора 31 июля 1867 г. отмечал, что проложенные по обочине ремонтируемых участков шоссе объезды узки и двум экипажам невозможно разминуться и есть опасность опрокинуться в канаву или ров. Несчастные случаи в этих местах неизбежны, если объезды не будут по ночам освещаться фонарями [4, л. 10 об.].

Нередко местные структуры МПС приукрашивали ситуацию и направляли в губернское правление неверные сведения. Например, 10 августа 1867 г. правление 7 округа путейского ведомства завершило могилевского губернатора, что Киевское шоссе от Витебска до Орши осмотрено начальником округа и находится в приемлемом состоянии. Вместе с тем, за всю историю существования с 1841 по 1865 гг. шоссе ни разу капитально не ремонтировалось. Вымощенные хворостом объезды из-за дождей в июне 1867 г., а также вследствие интенсивного грузового движения (перевозка 1 250 тыс. пудов рельсов для строящейся Курско-Киевской железной дороги) пришли в полную негодность. Использование дощатых настилов не предусматривалось, так как стоимость их изготовления сопоставима с ремонтными работами самого шоссе [4, л. 13 об.].

Не лучшим было эксплуатационное состояние Киевского шоссе, особенно на участке между Довском и границей с Черниговской губернией. Могилевский губернатор распорядился временно прекратить взимать шоссейный сбор с местных жителей за пользование этим участком дороги [4, л. 23 об.]. Дальнейшее получение платы за проезд вызывало справедливое возмущение беднейших слоев населения.

В Могилеве мост через Днепр обветшал и нуждался в серьезном ремонте: нижний дощатый настил моста сгнил, а верхний полностью обветшал и требовал замены [4, л. 21 об.]. Могилевские власти запланировали на 1868 г. комплекс работ по приведению моста в надлежащее состояние.

В 1866 и 1868 гг. при рассмотрении проектов сети железных дорог России, подготовленных министром путей сообщения П. П. Мельниковым, планировалось проведение магистрали с юга на север от Нежина через Чернигов, Гомель, Могилев, на Витебск и далее на Остров или Псков. В правительственных кругах эту линию «окрестили» Северо-Западной железной дорогой, о ней много писали в прессе, но её постройку постоянно откладывали на будущее или существенно корректировали направление.

27 декабря 1868 г. Комитет железных дорог отнес к категории приоритетных железных дорог линию от Могилева к одному из пунктов Курско-Киевской железнодорожной магистрали. Предполагалось, что эта дорога пройдет вдоль всей Могилевской губернии с юга на север и будет продлена до Витебска. Самым рациональным вариантом для соединения с Курско-Киевской магистралью была признана линия от Нежина через Чернигов и Гомель. Объяснялось это несколькими причинами: во-первых, от Могилева до Курско-Киевской железной дороги наиболее короткое расстояние, во-вторых, в этом направлении прогнозируется интенсивный грузопоток из губерний Киевской, Полтавской и Черниговской к Рижскому порту и Царству Польскому [5, л. 3] и, в-третьих, важное стратегическое значение этого направления признавали эксперты военного и финансового ведомств. Так, еще в 1865 г. генерал С. П. Бутурлин делал особый акцент на значении Киевско-Витебской железной дороги для обороны государства [6, с. 52]. В 1866 г. министр финансов М. Х. Рейтерн в письме наместнику в Царстве Польском Ф. Ф. Бергу писал, что в 1866 г. «<...> присоединена к числу первостепенных линий: от Киева или Нежина через Чернигов, Бобруйск и Минск до Вильны (560 верст). Направление от Нежина через Чернигов, Могилев и Оршу на Витебск по моему мнению выгоднее во всех отношениях, оно также короче на 75 верст» [7, л. 23 об.].

31 октября 1868 г. у министра финансов пытались добиться разрешения на производство изысканий обозначенной железной дороги конкурирующие группы российских предпринимателей: Голынский и К°, Пущин и К°, флигель-адъютант Тучков. С ходатайствами о предоставлении концессий на постройку Нежинско-Черниговско-Гомельской дороги в правительственные структуры обратились также представители английской компании Уильямс и К°.

Заинтересованность в изменении направления этой соединительной линии выразило Черниговское земство, которому хотелось, чтобы она максимально пролегла по территории Черниговской губернии. 15 февраля 1869 г. князь И. Ф. Паскевич информировал Могилевского губернатора о стремлении собрания земских гласных Черниговской губернии направить железнодорожный путь через г. Стародуб [5, л. 1 об.]. В случае реализации проекта, представленного органами местного самоуправления Черниговской губернии, Могилев будет соединен с Балтийскими портами и югом России обходным путем через Смоленск. Князь Паскевич просил могилевского губернатора убедить министров финансов М. Х. Рейтерна и путей сообщения

П. П. Мельникова в необходимости строить Нежинско-Черниговско-Могилевскую линию через Могилев [5, л. 2].

Опасения И. Ф. Паскевича были небеспочвенны, так как раньше Черниговское земство ходатайствовало о концессии на постройку железной дороги от одного из пунктов Курско-Киевской линии возле Борзны или Конотопа через Стародуб до Рославля, но получило официальный отказ. В итоге Комитет министров принял решение все-таки соединить Могилев с Курско-Киевской железной дорогой. Черниговские земцы попытались вернуть утраченную инициативу и сделали новый ход. Они изменили свой проект и ходатайствовали теперь о постройке той же самой дороги, но с крутым поворотом от Стародуба на Могилев. Власти последнего видели в очередном варианте не что иное, как уловку со стороны Черниговского земства: получение концессии на вышеупомянутую линию должно было привести к последующему изменению направления дороги из Стародуба не на Могилев, а на Рославль. Таким образом, депутаты Черниговского земского собрания обходными путями добивались осуществления ранее отклоненного проекта [5, л. 3 об.].

29 февраля 1869 г. могилевский губернатор в официальном письме на имя министра финансов М. Х. Рейтерна изложил свои аргументы в пользу Нежинско-Черниговско-Могилевского варианта. Он подчеркивал, что, сравнивая проекты Черниговского земства и Могилева, необходимо обратить внимание на следующие принципиальные моменты: 1) длина железнодорожной линии; 2) численность населения находящихся на пути городов; 3) назначение нового железнодорожного пути; 4) сформировавшееся направление торговых сообщений. В частности, в письме отмечалось, что Нежинско-Черниговско-Могилевская линия (320 верст) будет на 60 верст короче по сравнению с Черниговским вариантом, следовательно ее постройка обойдется на 3 млн. рублей дешевле. Интенсивность эксплуатации железной дороги в пределах Могилевской губернии увеличится за счет привлечения примерно 2 820 972 пудов коммерческих грузов, которые ежегодно в период навигации перевозятся по Днепру. Речной транспорт не сможет конкурировать с железнодорожным не только в силу известных причин, но также и из-за прогрессирующего обмеления фарватера Днепра [5, л. 10]. Могилевский губернатор прогнозировал увеличение объема транзитных грузов на 2 200 000 пудов, а количество местных товаров, вывозимых железнодорожным транспортом из вверенной ему в управление губернии, должно составить 300 000 пудов [5, л. 10 об.].

Строительство железной дороги от Нежина через Чернигов и Гомель к Могилеву будет выгодно еще и по фискальным соображениям. Польское восстание 1863 г., неурожайные годы и целый ряд других факторов ухудшили материальное положение сельского населения Могилевской губернии настолько, что Министерство финансов было вынуждено временно приостановить получение с крестьян выкупных платежей и предоставлять им государственные кредиты. Для оказания материальной поддержки местному сельскому населению сооружению железной дороги Нежин–Чернигов–Гомель–Могилев предлагалось присвоить статус общественных работ. Рост благосостояния населения губернии позволит правительству взыскать розданные ему в тяжелые годы ссуды и ликвидировать накопившиеся недоимки по выкупным платежам [5, л. 13–13 об.].

В 1870 г. Комитет министров определил «высочайше утвержденную» сеть важнейших железных дорог, среди которых от начального направления линии Нежин–Чернигов–Гомель–Могилев уже мало что осталось : пунктом соединения этой железной дороги с Курско-Киевской магистралью становился не Нежин, а Конотоп, а ее трасса теперь проходила через города Гомель, Бобруйск и Минск в направлении Ландварово. Узловым пунктом соединения со Смоленско-Брестской железной дорогой становился теперь не Могилев, а Минск. Таким образом, были прорисованы общие контуры Ландварово-Роменской железной дороги. Автор проекта Ландварово-Конотопской железной дороги министр путей сообщения В. А. Бобринский считал, «что такая линия откроет прямой путь хлебным грузам из наиболее плодородных частей Малороссии к Либавскому порту» [8, с. 46]. Позже возникло предложение продлить Ландварово–Конотопскую железную дорогу в глубь Полтавской губернии – до Ромен. В Комитете министров не возражали против такой корректировки направления магистральной.

23 июля 1873 г. министр путей сообщения граф В. А. Бобринский распорядился о проведении изысканий железнодорожной ветви от станции Орша Московско-Брестской железной дороги до станции Салтановка Либаво-Роменской железной дороги. Предварительные работы поручались инженеру титулярному советнику Ласкину. 7 июля 1873 г. лесной департамент Министерства госимуществ официально уведомил властей Минской губернии о порядке проведения просек в казенных лесах в ходе изыскательных мероприятий [9, лл. 1–1 об.]. В 1875 г. железнодорожная ветвь Орша–Могилев вошла в сеть

утвержденных к постройке железнодорожных линий, но к ее строительству так и не приступили.

В 1896 г. Могилевская городская Дума и власти Могилева выработали обоснование проекта постройки железной дороги от ст. Орша Московско-Брестской железной дороги до г. Могилева. Авторы документа предлагали вести линию Орша-Могилев от ст. Орша в юго-западном направлении по правому берегу реки Днепр через м. Шклов до г. Могилева (длина 72 версты). К проектируемой Могилевско-Оршанской ветви тяготел целый ряд населенных пунктов со значительным числом жителей – потенциальных пассажиров этой железнодорожной линии. Проектировщики железнодорожной ветви прогнозировали следующий пассажиро- и грузооборот и доходность линии: 1) 100 000 чел., доход 52 800 руб.; 2) 4 800 000 пудов, доход 64 000 [3, л. 26 об.]. Стоимость постройки 1 версты проектируемой линии не должна превысить 20 000 тыс. руб. кред. Такая низкая поперстная стоимость обеспечивалась за счет укладки пути пригодными к эксплуатации списанными рельсами с Московско-Брестской железной дороги. При протяженности железнодорожной ветви 72 в. общая стоимость постройки Могилево-Оршанской линии составит 1 440 000 руб. Предполагаемый чистый годовой доход от ее эксплуатации будет равен 88 700 руб. (более 6% на затраченный капитал) [3, л. 26 об.]. Несмотря на весомость приведенных в пользу железнодорожной ветви Могилев-Орша аргументов министр путей сообщения М. И. Хилков квалифицировал обозначенный проект «<...> как вопрос, имеющий лишь второстепенное значение при постройке магистральных путей в империи» [3, л. 23].

В 1890 г. статский советник А. Ф. Бартоломей обратился к начальнику главного штаба генерал-адъютанту Н. Н. Обручеву и министру путей сообщения А. Я. Гюббенету с докладной запиской, в которой обосновывал необходимость соединения Прибалтийского и Черноморского побережий в результате проведения железной дороги от Санкт-Петербурга на Юг России [10]. По мнению автора документа новая коммуникационная линия свяжет юго-западный театр военных действий с северо-западным и обеспечит беспрепятственное передвижение войск. Экономическое значение Северо-Западной железной дороги будет состоять в том, что она обеспечит пассажирские и грузовые перевозки с юга на север и с севера на юг соответственно. Бартоломей прогнозировал доходность этой магистрали на уровне Николаевской и Нижегородской – самых прибыльных железных дорог в Российской империи [10, л. 1 об.]. Он также предлагал учредить акционерное общество для постройки и эксплуатации

железнодорожного пути от г. Нежина (Киево-Курская железная дорога) через города Чернигов, Гомель, Могилев, Оршу, Витебск, Псков. Учитывая интересы Военного министерства, железнодорожную линию предполагалось строить по левому берегу р. Днепр. Мосты планировалось возводить на р. Десне и Днепр возле Орши.

Необходимость постройки Северо-Западной железной дороги формально поддержали четыре ключевых ведомства: Военное министерство, Министерство путей сообщения, Министерство финансов и Государственный контроль. На особом совещании под председательством действительного статского советника А. А. Абазы руководители названных правительственных инстанций предлагали для определения доходности проектируемой железной дороги провести технические изыскания и экономические исследования [10, л. 3–5].

Окончательно судьбу проекта Северо-Западной железной дороги решили факторы военно-стратегического характера, а также заинтересованность Министерства финансов в коммерческой стабильности уже находящихся в эксплуатации частных железнодорожных магистралей. Стратегические интересы государства требовали постройки линий Витебск-Могилев-Салтановка и Хоробичи-Бровары, а не Псков-Витебск-Могилев-Гомель-Нежин. Решающее слово принадлежало Министерству финансов, и 2 августа 1890 г. последовала резолюция И. А. Вышнеградского, гласившая, что «проектируемая Бартоломеем железная дорога может нанести ущерб казне уменьшением доходности соседних с проектируемой линией государственных или гарантированных казной частных железных дорог. Отдельные участки предполагаемой железной дороги представляют собой подъездные пути к пересекаемым эту линию существующим железным дорогам» [10, л. 10]. А. Ф. Бартоломею было отказано в обеспечении правительственной гарантии на облигационный и акционерный капитал Северо-Западной железной дороги, что было равнозначно лишению возможности учредить акционерное общество для её постройки.

Таким образом, целый ряд факторов военно-стратегического, экономического и технического характера обусловили асинхронный порядок включения в железнодорожную сеть населенных пунктов Российской империи независимо от их административного статуса или экономического значения. Например, в Могилевской губернии уездный Гомель начал пользоваться всеми преимуществами железнодорожного сообщения уже в середине 70-х годов XIX в., в то время как губернский город Могилев ждал такой возможности до начала XX века. Соответственно и более высокая динамика развития

городского хозяйства в условиях рыночно-капиталистических отношений была у тех городов, экономика которых раньше других оказалась «встроена» в формирующуюся благодаря развитию сети железных дорог систему единого рынка в России. А это в конечном итоге обеспечивало грядущий рост благосостояния населения.

Список использованных источников и литературы

1. Мейен, В. Ф. Россия в дорожном отношении : В 3 т. / В. Ф. Мейен. – СПб. : Тип. хоз. департамента М-ва внутренних дел, 1902. – Т.1. – 467 с.
2. Мейен, В. Ф. Россия в дорожном отношении : В 3 т. / В. Ф. Мейен. – СПб. : Тип. хоз. департамента М-ва внутренних дел, 1902. – Т.3. – 928 с.
3. О сооружении железной дороги из г. Витебска в г. Могилев // Национальный исторический архив Беларуси (далее : НИАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1389. – 102 лл.
4. О неудовлетворительном состоянии шоссе, мостов, паромных переправ и грунтовых дорог в Могилевской губернии // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1043. – 27 лл.
5. Дело о проведении железной дороги через Гомель, Чернигов и Нежин // НИАБ. – Фонд 2187. – Оп. 1. – Д. 17. – 15 лл.
6. Бутурлин, С. П. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России / С. П. Бутурлин. – М., 1865. – 96 с.
7. Письма М. Х. Рейтерна Бергу Ф. Ф. на русском и французском языках // Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 547 (Берг Федор Федорович). – Оп. 1. – Д. 616. – 116 лл.
8. Кислинский, Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров : В 4 т. / Н. А. Кислинский. – СПб. : Типография Ком-та министров, 1902. – Т.2. – 324 с.
9. Переписка с лесным департаментом Министерства госимуществ о допуске инженера Ласкина для изыскания линий при проведении железной дороги от ст. Орши через Могилев до соединения с Ландварово-Роменской железной дороги // НИАБ. – Фонд 27. – Оп. 2. – Д. 294. – 2 лл.
10. Докладная записка Камергера двора е.и.в. действительного статского советника Бартоломея о разрешении образования общества и постройки Северо-Западных железных дорог (Нежин, Чернигов, Гомель, Могилев, Орша, Витебск и Псков) // Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 400. – Оп. 24. – Д. 1607. – 11 лл.

Sergei Zhiharev. The railroad consruction projects through Mogilev in 1860–1870-s

In the article the most significant railroad construction projects through Mogilev in post-reform period are analyzed as well as factors had prevented to implement it.

І. Р. КУЛЕВІЧ

(Гродна, ПУА «БІП–Інстытут правазнаўства»)

АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ ПЕРШАГА УСЕБЕЛАРУСКАГА З’ЕЗДА : ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

Гэты артыкул распавядае аб гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў 1917 годзе ў працах айчынных гісторыкаў. Ён апісвае, у прыватнасці, Першы Усебеларускі з’езд – адну з галоўных падзеяў у станаўленні беларускай дзяржаўнасці.

Лёсавызначальны 1917 г. спарадзіў надзею ў беларускага народа на дзяржаўнае і нацыянальнае самавызначэнне. Першы Усебеларускі з’езд стаў важным этапам у станаўленні беларускай дзяржаўнасці, вяршыняй развіцця яго нацыянальна–дэмакратычнай плыні. У гэты час былі сфарміраваны асноўныя прынцыпы, якія вызначалі агульны напрамак будучага дзяржаўнага будаўніцтва, а таксама стварылі падмурак сучаснай мадэлі Беларускай дэмакратычнай рэспублікі.

У даследаванні гісторыі Першага Усебеларускага з’езда можна вылучыць некалькі накірункаў.

Першапачатковая апрацоўка падзей, звязаных з Усебеларускім з’ездам, знайшла адлюстраванне ва ўспамінах яго арганізатараў і ўдзельнікаў. Гэта прадстаўнікі беларускіх нацыянальных партый – П. Крэчэўскі [1], Я. Канчар [2], А. Цвікевіч (А. Галынец) [3], М. Касцевіч (М. Краўцоў) [4], Я. Варонка [5], А. Прушынскі (А. Гарун, А. Новадворскі) [6], Зм. Жылуновіч (Ц. Гартны) [7], К. Езавітаў [8], Ф. Турук [9] і іх праціўнікі з ліку большавікоў – В. Кнорын [10], А. Чарвякоў [11] і інш. Іх сведчанні, што называецца, з першых рук. Працы, як правіла мемуарныя, маюць суб’ектыўны характар. Трэба дадаць і той факт, што пэўную частку ўспамінаў складаюць паказанні арыштаваных падчас сталінскіх рэпрэсій. Гэта не магло не накласці на іх адпаведны адбітак.

Даследаванні савецкіх гісторыкаў мала чым адрозніваюцца. Характарызуючы перыяд рэвалюцыйных гадоў, асабліва пераломны 1917–ы, яны, як у энцыклапедычных выданнях, так і ў манаграфічных працах, зыходзілі з афіцыйных савецкіх дакументаў і матэрыялаў перыядычнага друку. Выкарыстаўшы шэраг крыніц, яны змаглі папоўніць фактаграфію, але не мелі рэальнай магчымасці пераадолець палітычную і ідэалагічную тэндэнцыйнасць, якія зрабілі працы

аднабаковымі і суб'ектыўнымі. Падзеі, звязаныя з Першым Усебеларускім З'ездам, разглядаюцца не інакш, як у рэчышчы контррэвалюцыйнай барацьбы бальшавікоў з апазіцыяй. Трэба адзначыць, што такая ацэнка ў наступным практычна не аспрэчвалася. Адпаведна, у гістарычнай літаратуры, уключаючы фундаментальныя выданні, аб Першым Усебеларускім з'ездзе, калі і ўспаміналася, то толькі ўскосна, у сувязі з іншымі пытаннямі, у прыватнасці, з Кастрычніцкай рэвалюцыяй.

Сярод даследаванняў гэтага напрамку можна вылучыць між іншым працы Н. Каменскай [12], С. Маргунскага [13], Н. Завалева [14], У. Гняўко [15], а таксама калектыўныя даследаванні па Кастрычніцкай рэвалюцыі [16].

Пасля XX з'езда КПСС (1956 г.) становішча змянілася – узмацніўся акцэнт на навуковае вывучэнне гісторыі нацыянальных рухаў і палітычных партый, праблем нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, у тым ліку і беларускага нацыянальнага руху. Даследчык І. Ігнаценка першым ажыццявіў прарыў у гэтым напрамку. У манаграфіі «Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918)» [17] ён упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі вылучыў шэраг дагэтуль нявывучаных пытанняў. Гэта прычыны склікання і барацьба беларускіх нацыянальных партый паміж сабой, з аднаго боку, і з бальшавікамі, з другога. Даследчык ахарактарызаваў нацыянальны і палітычны склад з'езда. Разглядаючы Кастрычніцкія падзеі ў цэлым, і Ўсебеларускі з'езд, у прыватнасці, у свеце сялянскага руху, аўтар прыйшоў да высновы: няўдачы нацыяналістаў былі заканамернымі па той прычыне, што яны не мелі шырокай сацыяльнай базы.

У гэтым жа рэчышчы Першы Ўсебеларускі з'езд разглядалі і дысертанты І. Ігнаценка – Е. Саўчук [18], С. Рудовіч [19], гісторыкі В. Круталевіч [20], М. Сташкевіч [21].

Пасляперабудовачныя часы, прыняцце 27 ліпеня 1990 г. Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце Беларусі (БССР), дыскусіі па пытаннях нацыянальнага адраджэння, пашырэнне доступа да першакрыніц адкрылі новыя магчымасці ў даследаванні раней забароненых тэмаў, садзейнічалі больш аб'ектыўнаму падыходу да разгляду так званых «белых плямаў». Для айчыннай гістарыяграфіі гэтага перыяду ўласціва цікавасць да былых ворагаў Савецкай улады. Некаторыя даследчыкі перагледзелі свае погляды, што садзейнічыла больш шырокай і разнастайнай трактоўцы Першага Ўсебеларускага з'езда.

У працах гэтага перыяду назіраецца пераасэнсаванне падзей, звязаных з Першым Усебеларускім з'ездам. Так, у даследаваннях

В. Круталевіча [22], І. Ігнаценкі [23], У. Ладысева, П. Брыгадзіна [24], С. Рудовіча [25], М. Касцюка [26], М. Сташкевіча [27] гэты працэс адбываўся ў рэчышчы трох напрамкаў: 1. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці; 2. Фарміраванне аднапартыйнай сістэмы; 3. Нацыянальная палітыка бальшавікоў.

З шэрагу прац навейшага часу неабходна выдзеліць даследаванне А. Рэзніка «Первый всебелорусский съезд (декабрь 1917 года)» [28] – першую і пакуль што адзіную працу, спецыяльна прысвечаную Першаму Ўсебеларускаму з’езду. Аўтар абагульняе шырокія матэрыялы па дадзенай праблематыцы і прапануе навуковую канцэпцыю з’езда як суцэльнай з’явы беларускага грамадска–палітычнага руху ў пераломную эпоху рэвалюцый і грамадзянскай вайны. Даследчык прапануе і сваю перыядызацыю ў даследаванні гісторыі з’езда – ад «спрошчанай характарыстыкі, адмоўнай пераважна, (у 1930 – 1950-е гг.), да больш складанай і разгорнутай ацэнкі (у 1970 – 1980-я гг.). Пачынаючы з 1990-х, можна казаць аб тэндэнцыі перабольшваць значэнне з’езда ў гісторыі беларускага народа» [28, с. 5].

Нельга не адзначыць і калектыўную працу «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» [29], выдадзеную ў 2011 г. Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі раскрыты гістарычныя перадумовы і заканамернасці працэсу нацыянальнага самавызначэння беларускага народа. Таксама адлюстраваны шлях ад узнікнення ідэі дзяржаўнасці да фарміравання нацыянальнага самавызначэння – ад выспявання ідэі дзяржаўнасці і станаўлення нацыянальнага руху ў перыяд, калі беларускія землі знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі. Асветлены гістарычныя формы развіцця беларускай дзяржаўнасці, якія склаліся ў 1918–1939 гг.

Што, між іншым, цікавіла даследчыкаў найбольшым чынам?

Па–першае, гэта пытанне, звязанае з крынічнай базай.

Трэба адзначыць, што большасць дакументацыі, перш за ўсё пратаколаў паседжанняў з’езду, страчана. Па сведках гісторыка В. У. Скалабана стэнаграма Ўсебеларускага з’езда вялася, бо яшчэ 3 снежня 1917 г. газета «Беларуская Рада» змясціла аб’яву аб патрэбе дзвюх стэнаграфістак [30, с. 64]. З успамінаў К. Езавітава таксама вядома, што ўсе матэрыялы з’езда знаходзіліся ў Т. Грыба, але дзе яны падзеліся, невядома [31, с. 25]. Па словах В. У. Скалабана, у тагачасным беларускім друку з’езд асвятляўся даволі шырока, але даследчык аддае прэарытэт справаздычы капітана Я. А. Ярушэвіча, якая друкавалася ў газеце «Беларуская Рада» пад назвай «Усебеларускі з’езд». Некаторыя дакументы былі знойдзены ў архіве Беларускай Народнай Рэспублікі, які доўгі час захоўваўся ў

партыйным архіве КПБ (зараз Нацыянальны архіў РБ), у прыватнасці, арыгіналы пратаколаў ваеннай секцыі і фракцыі левых [30, с. 65]. Гісторык С. Рудовіч выкарыстоўвае дакументы, якія захоўваліся ў Дзяржаўным архіве Літвы і былі апублікаваны з каментарыямі С. А. Шупы, а таксама падборку матэрыялаў, апублікаваных на эміграцыі Я. Запруднікаў [33]. Усе гэтыя сведчанні хоць і праліваюць святло на азначаныя падзеі, але не даюць магчымасці ўявіць поўную і разгорнутую карціну. Вось чаму даследчыкі шмат увагі надаюць мемуарнай літаратуры.

Па-другое, колькасць удзельнікаў.

Так, Я. Канчар называе лічбу – 1915, Я. Варонка – 1900, Т. Грыб, Ад. Станкевіч, Ф. Турук, А. Гарун, К. Езавітаў, А. Чарвякоў зыходзяцца на 1872–х дэлагатах. Колькасць удзельнікаў з правам рашаючага голаса адпаведна Я. Канчара – 1175, усе астатнія называюць лічбу ў 1167.

Па-трэцяе, пытанне, звязанае з легетымнасцю і назвай.

З пазіцыі Савецкай улады з’езд быў першапачаткова легальным. Больш за то, урад Леніна санкцыянаваў выдачу грашовай дапамогі для яго арганізацыі у памеры 50 тысяч руб. Меркавалася, што беларусы правядуць штосьці накшталт ухваляючай маніфестацыі – як «з’езд працоўных Усхода». І гэты факт не выклікае сумнення. Тым не менш, у даследаванні Н. Каменскай праходзіць думка, што Ўсебеларускі кангрэс быў скліканы без ведама прадстаўнікоў Савецкай улады. У той жа час вядома, што менавіта СНК выдзяліў сродкі на яго правядзенне. А гісторык У. Гняўко заяўляе, што з’езд быў скліканы з мэтай захопу ўлады. Дарэчы, відавочны і той факт, што большасць даследчыкаў называюць гэтую падзею не з’ездам, а кангрэсам, што ў значнай ступені прыніжае яго значэнне. Не ўсе даследчыкі згодны лічыць з’езд «усебеларускім». Так, А. Рэзнік лічыць, што з’езд, які, на яго думку, меў вузканацыянальны характар, больш мэтазгодна называць «беларускім».

І, нарэшце, па-чацвертае, заканчэнне з’езда.

Аднастайнай ацэнкі няма. Даследчыкі М. Сташкевіч і Р. Платонаў акцэнтуюць увагу на трох характарыстыках, адлюстроўваючых гэтую палеміку: «ропуск» – у СНК Заходняй вобласці, «разгон» – у Савета Ўсебеларускага з’езда, «закрыццё» – у паведамленнях прэсы. Але самі аўтары называюць гэтую акцыю гвалтоўным разгонам, прычынай чаму, на іх погляд, паслужыла непрызнанне ўдзельнікамі з’езду існуючых органаў Савецкай улады на тэрыторыі Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Кречевский, П. Кто был на 1–м Всебелорусском съезде / П. Кречевский // Варта. – 1918. – № 1. – С. 34–35. Ён жа Беларусь у мінулым і

- сучасным // *Замежная Беларусь : Зб. Гісторыі, культуры і эканомікі.* – Кн.1. – Прага, 1926. – С. 52. Ён жа *Мандаты БНР // Спадчына.* – 1993. – № 1. – С. 2–3.
2. Канчер, Е. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть 2. Выпуск 1. / Е. Канчер // *Неман.* – 1993. – № 1. – С. 138–164.
 3. Цвікевич, А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики / А. Цвікевич. – Киев, 1918. – С. 9. Галынец, А. [Цвікевич, А.] Чатыры гады : 1918–25.Ш.1922 / А. Галынец // *Спадчына.* – 1996. – № 3. – С. 140–141.
 4. Касцевіч, М. [Краўцоў, М.] Разгон (Успамін). 20 гадоў назад (Успамін пра Ёсебеларускі з’езд 1917 г.) М. Касцевіч / *Прадмова і падрыхтоўка да друку А. Гесь // Спадчына.* – 1996. – № 1. – С. 181–195; Ён жа. Усебеларускі з’езд 1917 г. (рэферат, чытаны ў Лодзі для афіцэраў Беларускіх Вайсковых Аддзелаў і служачых Беларускай Вайскавай Камісіі 27 кастрычніка 1920 г.) / *Прадмова і публікацыя В. Скалабана // Наша Ніва.* – 1997. – № 30. – 20 кастрычніка. – С. 6, 11.
 5. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году / Я. Варонка. – Коўна, 1920. – 29 с.
 6. Гарун, А. [Новадворскі, А., Прушынскі, А.] З цяжкім возам на гнілой грэблі / А. Гарун // *Літаратура і мастацтва.* – 1991. – 8 лістапада. Ён жа *Беларускі кангрэс : матэрыялы і дакументы // Роднае слова.* – 1997. – № 8. – С. 200–207.
 7. Жылуновіч, З. [Гартны, Ц.] Беларускія секцыі РКП і стварэнне Беларускай Савецкай Рэспублікі / З. Жылуновіч // *Полымя.* – 1928. – № 10. – С. 77.
 8. Езавітаў, К. Першы Ёсебеларускі кангрэс / К. Езавітаў // *Беларуская мінуўшчына.* – 1993. – № 1. – С. 24–29.
 9. Турук, Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – Москва : Госиздат, 1921. – 144 с.
 10. Кнорын, В. Камуністычная партыя на Беларусі / В. Кнорын // *Беларусь : Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху.* – Мінск. : Выд-ва ЦВК БССР, 1924. – С. 215–221.
 11. Чарвякоў, А. За Савецкую Беларусь / А. Чарвякоў. – Мінск : Белдзяржвыдат, 1927. – 137 с.
 12. Каменская, Н. В. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 г. – июль 1919 г.) / Н. В. Каменская. – Минск : Акад. Наук БССР, 1957. – 279 с. Она же *Великий Октябрь в Белоруссии.* – Минск : Наука и техника, 1977. – 80 с.
 13. Маргунский, С. П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922 / С. П. Маргунский. – Минск : Акад. Наук БССР, 1958. – 259 с.

14. Завалеев, Н. В. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917–1932 / Н. В. Завалеев. – Минск : Наука и техника, 1967. – 316 с.
15. Гневко, В. Г. Под знаменем революции : Борьба трудящихся Белоруссии за установление Советской власти / В. Г. Гневко. – Минск : Беларусь, 1977. – 239 с.
16. Победа Советской власти в Белоруссии. – Минск : Наука и техника. – 1967. – 507 с.
17. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918) / И. М. Игнатенко. – Минск : Изд-во высш., сред.-спец. и проф. образования БССР, 1962. – 498 с.
18. Савчук, Е. Ф. Борьба советской власти против контрреволюционной деятельности буржуазных националистов (октябрь 1917 – декабрь 1918) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Ф. Савчук. – Минск : АН БССР. Институт истории, 1971. – 28 с.
19. Рудович, С. С. Белорусское национальное движение в период между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями : Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. С. Рудович. – Минск : АН БССР. Институт истории, 1987. – 16 с.
20. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики / На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 / В. А. Круталевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 336 с.
21. Сташкевіч, М. С. Непазбежнае банкруцтва : 3 гісторыі палітычнага краху нацыяналістычных партый у Беларусі 1917 – 1925 гг. / М. С. Сташкевіч – Мінск : Голас Радзімы, 1974. – 141 с.
22. Круталевич, В. А. История Беларуси : становление национальной державности (1917–1922 гг.). Серия : «История Отечества», приложение к журналу «Право и экономика» / В. А. Круталевич. – Минск, 1999. – 388 с.
23. Игнатенко, И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1992. – 254 с.
24. Ладысеў, У. Ф. На пераломе эпох : станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 128 с.
25. Рудовіч, С. Час выбару : Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
26. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 308 с.
27. Сташкевіч, М. На злome часу : да пытання аб беларускай дзяржаўнасці / М. Сташкевіч // Маладосць. – 1989. – № 8. – С. 150–163.
28. Резник, А. Первый всебелорусский съезд (декабрь 1917) / А. Резник. – Минск : Энциклопедикс, 2007. – 84 с.

29. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн.1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 584 с.
30. Усебеларускі з’езд 1917 года : сведчанне сучасніка / Падрыхтаваў да друку В. Скалабан // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 62–69, № 2. – С. 42–55, № 3. – С. 61–69, № 4. – С. 50–62.
31. Езавітаў, К. Першы Ўсебеларускі кангрэс / Прадмова У. Міхнюка, Я. Паўлава / К. Езавітаў // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 1. – С. 24–29.
32. Запруднік, Я. Да першага Ўсебеларускага з’езду 1917 году : Дакументы і матэрыялы / Я. Запруднік // Запісы (Мюнхен). Кн. 2. – 1963. – С. 181–204; Кн. 3. – 1964. – С. 131–176; Кн. 4. – 1966. – С. 217–247. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Укладанне, падрыхтоўка тэксту, уступны артыкул, каментары, пераклады, паказальнікі, кампутарны набор, макет С. Шупы. – Т. 1. – Кн. 1. – Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага. – 1998. – С. 15–38.

Inna Kulevich. Actual questions of the First All-Belarusian Congress : historiography of the problem.

This article is about history of Belorussian national movement in 1917 in works of belorussian historicals. It is described, in particular, the First Belorussian Congress – one of the main events in the becoming of stateness.

УДК 94(47):(438)

С. А. ПЯТОВСКИЙ

(Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

МЕТОДЫ ЭКСПАНСИИ РСФСР И ПОЛЬШИ В БОРЬБЕ ЗА ВИЛЕНИЩИНУ В НОЯБРЕ 1918 ГОДА – ЯНВАРЕ 1919 ГОДА

В статье предпринимается попытка проанализировать и сравнить тактику и методы экспансии во внешней политике Советской России и Польши на примере борьбы за власть на Виленщине в ноябре 1918 – январе 1919 гг. Рассматривается вопрос относительно понятия государственной легитимности, представлений о праве и справедливости в переломный момент истории Европы. Затрагивается проблема межнациональных конфликтов. Исследуются причины возникновения и эскалации этих конфликтов.

В конце 1918 г. на литовско-белорусском пространстве сложилась крайне сложная геополитическая обстановка. В связи с революционными событиями и гражданской войной в России легитимные центры власти на этих территориях перестали существовать. После же поражения Центральных держав в мировой войне и ноябрьской революции в Германии контроль над оккупационной зоной OberOst существенно ослаб. Немецкое командование всецело озаботилось проблемой эвакуации войск на родину, в дальнейшем оказывая на происходящие события скорее опосредованное воздействие. Отсутствием пристального контроля поспешили воспользоваться политические силы и движения, ставшие носителями различных по содержанию идеологических проектов, которые становились центрами притяжения и претендовали на власть в регионе.

Первым из них стала Советская Россия, находящаяся в состоянии гражданской войны. Большевики стремились восстановить власть на территории бывшей Российской Империи, однако их главной стратегической целью была мировая пролетарская революция. 13 ноября 1918 г., после капитуляции Берлина, ВЦИК РСФСР аннулировала условия Брестского мирного договора, развязав руки для территориальной экспансии на западе.

Вторым наиболее сильным игроком в регионе стала вернувшая себе независимость Польша, руководство которой намеревалось распространить влияние на обширные территории, бывшие некогда в составе Речи Посполитой. «Начальник панства» Юзеф Пилсудский, получивший диктаторские полномочия, являлся уроженцем Виленщины и рассматривал ее как неотъемлемую часть возрожденного государства. Эти претензии активно поддерживала Франция, рассчитывая превратить Польшу в верного союзника на востоке Европы и использовать ее, с одной стороны, в качестве противовеса Германии, а с другой – как орудие против революционной угрозы российского большевизма.

Третьей силой в регионе выступила литовская Тариба (Совет) во главе с Антанасом Сметоной, которая провозгласила независимость Литвы в декабре 1917 г., однако не имела легитимности и суверенитета, подчиняясь немецким оккупационным властям. Воспользовавшись ослаблением последних, Тариба уже 11 ноября 1918 г., в день Компьенского перемирия, образовала временное правительство и взяла курс на создание конституционной республики. Литовская элита полагала новое государство правопреемницей Великого княжества Литовского и рассматривала

Вильно в качестве исконной столицы, несмотря на подавляющее преобладание в городе польского и еврейского населения.

В регионе действовали и иные политические силы различных идеологических направлений. Сильны были позиции таких социалистических партий, как Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и левица Польской социалистической партии. Достаточно широким влиянием обладали еврейские организации, такие как «Всеобщий еврейский рабочий союз» (Бунд) и «Рабочие Сиона» («Поалей Цион»), несущие в себе как социал-демократические, так и сионистские идеи. Консервативные и реакционные силы были представлены объединениями помещиков-землевладельцев, осознающих себя, как правило, поляками. Наиболее крупной контрреволюционной организацией стал Комитет обороны Восточных Кресов, созданный в ноябре 1918 г. и поддержавший идею присоединения края к Польше. Белорусские политические организации – такие, как самопровозглашенная БНР – не сумели принять активного участия в борьбе за власть. Основной причиной этого была полная на тот момент неготовность большинства населения к идее национального государства, отсутствие ярко выраженного национального самосознания у жителей Беларуси [1, с. 42].

Итак, литовско-белорусское пространство в последние месяцы 1918 г. представляло из себя огромную территорию со смешанным населением и без определенного центра власти, разоренную войной и претерпевшую длительный период германской оккупации. Местные политические силы имели различные шансы на легитимацию своей власти, а потому настроились на силовое решение противоречий, стремились использовать метод «свершившегося факта». Это наиболее ярко было продемонстрировано в ходе драматической борьбы за Виленщину на рубеже 1918–1919 гг. В данном докладе будет рассмотрена тактика и методы политико-территориальной экспансии основных и наиболее сильных центров притяжения – РСФСР и Польши.

Как упоминалось выше, население края было смешанным. По данным российской переписи населения 1897 г. по Виленской губернии состав населения следующий: 56% белорусов, 17,6% литовцев, 12,7% евреев, 8,2% поляков, 4,9% русских и 0,6% иных народностей. Этническая принадлежность определялась скорее по родному языку, нежели по вероисповеданию, а потому стоит учитывать польскоговорящих евреев. Так или иначе, поляки и литовцы составляли на Виленщине меньшинство, в то время как белорусы – абсолютное большинство. Однако проблема заключалась в аграрном характере региона. Говорящие на белорусском языке и исповедующие

православие принадлежали здесь, как правило, к слою крестьянскому. В губернском центре Вильно соотношение было существенно иным. Имеются данные немецких оккупационных властей 1916 г. При общей численности жителей города в 140 840 человек к полякам себя причислили 70 629 (50,2%) человек; к евреям – 61 265 (43,5%) человек; литовцев в городе было всего 3 699 (2,6%) человек; русских – 2 080 (1,4%); белорусов – 1 917 (1,4%); немцев – 1 000 (0,7%) [2, s. 88].

В условиях отсутствия мощного центра легитимной власти сложилась ситуация, напоминающая аналогичную в Восточной Галиции, в большей части поветов которого общем счете русины-украинцы составляли абсолютное большинство (примерно 63% при 22,7% поляков), но в городах и некоторых западных поветах напротив, преобладал польский элемент [3, с. 36].

Исходя из логики этнического принципа самоопределения народов, которым руководствовались великие державы в ходе послевоенного переустройства Европы, государственным суверенитетом на территории Виленщины должно было обладать то правительство, которое выражало интересы большей части населения – то есть, белорусов. Единственный подобный центр – Белорусская народная республика – оказался недостаточно силен, чтобы участвовать в этом процессе. Обстановка не способствовала мирному и свободному самоопределению местного населения. В результате основные силы, претендующие на власть в регионе, не обладали достаточными основаниями легитимности, а потому стремились добиться своих целей методом «свершенного факта».

Следует заметить, что представления Советской России и национальных государств – таких как Польша и Литва – о легитимности кардинальным образом отличались друг от друга. Последние, вслед за всем западным миром, полагали вполне справедливым создание государства в его этнических границах. Если проведение таких границ было невозможно из-за смешанного характера населения в регионе, в ход шли, как правило, экономические и исторические аргументы. Так или иначе, но национальные государства пытались обосновать свое право на обладание какими-либо территориями. Формальная же легитимность могла быть обеспечена лишь с помощью волеизъявления граждан – через плебисцит или выборы. Иное представление о праве и справедливости разделяли российские большевики, а также их союзники и единомышленники в других странах. Исходя из логики мировой революции, легитимностью в полной мере обладали только те

государства, в которых установлена «власть трудящихся», диктатура пролетариата. Иначе говоря – диктатура коммунистической партии.

Такое представление диктовало определенную тактику территориальной экспансии. Ее суть была отражена в телеграмме Владимира Ленина главнокомандующему ВС РСФСР Иоакиму Вацетису, отправленной 29 ноября 1918 г. : «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это <...> создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства» [4, с. 234].

Ранее, 14–17 ноября, в Москве состоялась III конференция российских групп СДКПиЛ, на которой произошел отказ от идеи организации Учредительного собрания в Польше и был провозглашен курс на диктатуру пролетариата в форме советов рабочих депутатов [5, 268–269].

15 декабря 1918 г. в Вильно был создан совет рабочих и крестьянских депутатов, куда вошли представители СДКПиЛ, ППС-«левицы», Бунда и некоторых других левых организаций. Именно ему предстояло выполнить роль «временного Советского правительства» в регионе. При этом сторонники большевизма получили почти половину мест в совете – 94 мандата из 200. Места в президиуме заняли приезжие коммунисты, не связанные с местным социалистическим движением. Под их влиянием совет выступил за установление диктатуры пролетариата и присоединение края к Советской России, организовал в декабре несколько демонстраций. Последовало обращение к правительству РСФСР с просьбой о скорейшей военной помощи. Псковская и Западная стрелковые дивизии РККА получили соответствующий приказ и начали наступление на виленском направлении [2, с. 90]. Впрочем, эти силы были крайне малочисленны и слабо оснащены, о чем командование знало прекрасно, а потому ставило перед ними скорее разведывательную задачу. Занимать населенные пункты надлежало по возможности и путем согласования с немцами [5, 273]. Основные силы Красной Армии были задействованы на южном фронте – в Поволжье, на Украине и Кавказе. Западное направление считалось второстепенным.

Конечно, польские организации также не бездействовали. Уже 16 ноября 1918 г. упомянутый ранее Комитет обороны Восточных Кресов обратился к Пилсудскому с просьбой о поддержке. Начальник панства поручил генералу Вацлаву Ивашкевичу задачу формирования литовско-белорусской дивизии ВП на основе военных частей Ковенской, Гродненской, Виленской и Сувалкской губерний. Кроме того, на территории края стихийно возникали местные отряды самообороны – по инициативе местных крупных землевладельцев, испуганных угрозой революции. Важную роль в их организации сыграл генерал Владислав Вейтко. В первых числах декабря он прибыл в Варшаву вместе с представителем КОВК Владиславом Рачкевичем и после частного разговора с Пилсудским был назначен командующим «всех подразделений краевой самообороны Литвы и Белой Руси. 12 декабря варшавское правительство постановило выделить 20 млн марок на нужды польского движения самообороны на северо-западных территориях. 19 декабря Пилсудский отправил в Вильно верного ему человека – капитана Зигмунта Клингера, который занял должность начальника штаба при генерале Вейтко [2, с. 89].

Со второй половины ноября 1918 г. Пилсудский вел переговоры с немецким командованием оккупационной зоны Ober Ost, предлагая содействие при транспортировке войск в Германию взамен на вооружение. Его план эвакуации предполагал постепенную замену частей рейхсвера польскими отрядами тремя этапами. При этом первыми должны были эвакуироваться войска с западных губерний, а последними – с восточных, то есть с Виленской и Минской. Пилсудский хотел, чтобы немцы как можно дольше сдерживали продвижение большевиков. Последние совсем не желали оказывать подобную услугу, но им приходилось считаться с давлением Франции, которая поддерживала поляков. В конце декабря эвакуация началась. Исход оккупантов из Вильно был назначен на 5 января 1919 г. Местные политические группировки активизировались, намереваясь тут же взять власть в свои руки.

На таком фоне произошли первые советско-польские дипломатические контакты в форме обмена нотами. 22 декабря МИД Польши выразил протест в связи с продвижением частей РККА к польским границам, на что получил жесткий ответ наркома по иностранным делам Георгия Чичерина, который обвинил ВП в «кровавых погромах» и заявил, что РСФСР и Польша разделены независимыми Литвой и Белоруссией, а потому беспокойство Варшавы необоснованно [6, с. 31]. В тот же день Советская Россия официально признала Временное революционное правительство

Литвы, созданное 8 декабря в Двинске и возглавленное Винцасом Мицкявичусом-Капсукасом, которое объявило низложенной власть немецких оккупантов и буржуазно-помещичьей Тарибы.

В преддверии решающего момента положение для виленских польских организаций резко ухудшилось: 27 декабря началось Великопольское восстание в Познани. Переговоры с немецким командованием были прерваны и отношения с оккупантами резко обострились. Это серьезно усложнило задачу переброски подкреплений для города. Виленская самооборона оказалась один на один с превосходящими силами наступающего противника, однако все-таки решилась на совершение путча. 28 декабря в городе состоялся Польский съезд, на котором присутствовали 200 представителей местных политических организаций. Делегаты опротестовали претензии Тарибы на власть и проголосовали за присоединение края к Польше [7, с. 72].

1 января 1919 г. Вильно был взят под контроль отрядами польской самообороны. Немецкое командование не препятствовало этому, хотя местами доходило и до вооруженных столкновений. Тариба бежала в Ковно и уже оттуда опротестовала виленский путч. Поляки разгромили местный совет рабочих и крестьянских депутатов: после продолжительной перестрелки трое коммунистов были убиты, пятеро покончили с собой, 76 – были арестованы, а остальным удалось скрыться и дожидаться подхода Красной Армии [2, с. 92], которая выбила польскую самооборону и вошла в город 6 января 1919 г. Интересно отметить, что попытка восстановления совета рабочих и крестьянских депутатов была пресечена ввиду неоднородности его состава. Прибывшее вскоре из Двинска революционное правительство Литвы приняло властные полномочия.

Борьба за Вильно на рубеже 1918–1919 гг. стала, на наш взгляд, точкой отсчета для последовавшей советско-польской войны. Хронология последней – тема дискуссионная. Как правило, историки относят начало войны к февралю 1919 г. или даже апрелю 1920 г., ссылаясь на абсолютно формальные критерии. Пилсудский отмечал в своих мемуарах «Год 1920» [8, с. 203], что война началась еще в 1918 г., имея в виду начало продвижение частей РККА на запад. Но правильнее будет сказать, что война началась еще раньше – в амбициозных замыслах политических элит обеих сторон. РСФСР и Польша явились двумя агрессорами, нацеленными на внешнюю экспансию. Не имея реальных оснований для легитимации своей власти, они стремились навязать свою волю силой и использовали метод «свершенных фактов».

Список использованных источников и литературы

1. Лошкарёв, И. Д. Внешняя политика квазигосударств : отношения Украины и Белоруссии в 1918–1919 гг. / И. Д. Лошкарёв // СЕМИНАР=СЕМІНАР=SEMINARIUM : Сборник статей : Работы победителей Шестого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ «Актуальная наука» памяти О. Н. Кена. – СПб, 2014. с. 37–56.
2. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002.
3. Макарчук, С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма / С. А. Макарчук. – Львов, 1983.
4. Ленин, В. И. Телеграмма главкому И.И.Вацетису / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Том 37. Июль 1918 – март 1919.– Москва, Политиздат, 1969.
5. Михутина, И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году / И. В. Михутина // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос : Новые источники, новые взгляды. Сборник статей польских и российских исследователей. – Москва. : Институт славяноведения РАН, 2009. с. 260–281.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том II. / Под ред. И.А. Хренова, Н. Гонсеровской-Грабовской. – Москва, 1964.
7. Wyszczelski, L. Wojna o polskie Kresy 1918–1921 / L. Wyszczelski. – Warszawa, 2013.
8. Piłsudski, J. Rok 1920. Z powodu książki M. Tuchaczewskiego «Pochód za Wisłę» / J. Piłsudski. –Warszawa, 1924.

Sergey Piatowski. Methods of expansion of the RSFSR and Poland in the struggle for Vilnius in November 1918 – January 1919.

The article makes an attempt to analyse and compare the tactics and techniques of expansion in the foreign policy of Soviet Russia and Poland on the example of the struggle for Vilnius in November 1918 – January 1919. Discusses the relativity of the concept of state legitimacy, ideas about law and justice at a critical moment in the history of Europe. Touches upon the problem of ethnic conflicts. Discusses the causes and escalation of these conflicts.

УДК 940.5(476)

А. Г. ТРУБЧЫК

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны
аграрны тэхнічны ўніверсітэт»)

**ДЗЕЙНАСЦЬ ШКОЛЬНАГА АДДЕЛА НАРОДНАГА
КАМІСАРЫЯТА АСВЕТА ЛІТОЎСКА-БЕЛАРУСКАЙ ССР
(ЛЮТЫ – ЖНІВЕНЬ 1919 ГОДА)**

Артыкул прысвечаны агляду дзейнасці школьнага аддзела Народнага камісарыята асветы Літоўска-Беларускай ССР у лютым-жніўні 1919 г. У гэты перыяд на тэрыторыі ЛітБел ССР ствараліся ўмовы для правядзення адукацыйнай рэформы на нацыянальнай дзяржаўнай аснове. Пераход да новай савецкай сістэмы адукацыйна беларускіх землях падчас вядзення польска-савецкай вайны меў свае асаблівасці, выкліканыя аб'ектыўнымі цяжкасцямі ваеннага часу.

У студзені-лютым 1919 г. на беларускіх тэрыторыях, вызваленых ад нямецкіх войскаў, пачалі стварацца павятовыя і валасныя аддзелы народнай адукацыі. У паветы накіроўваліся інструктары, якім неабходна было давесці да мясцовай адміністрацыі і насельніцтва асноўныя распараджэнні і пастановы аб арганізацыі школьнай справы і высветліць агульныя магчымасці ажыццяўлення школьнай рэформы па прыкладу РСФСР. З 17 студзеня 1919 г. пры адзеле асветы пачала працаваць камісія, якая праводзіла ўлік дзяцей школьнага ўзросту і распрацоўвала школьную сетку.

Канстытуцыя БССР, прынятая 3 лютага 1919 г. на I Усебеларускім з'ездзе Саветаў, узаконіла ўтварэнне ў складзе ўрада рэспублікі Народнага камісарыята асветы, які пачаў кантраляваць дзейнасць павятовых аддзелаў народнай адукацыі і Мінскага гарадскога аддзела [1, с. 65–66]. У школьным адзеле асноўнымі працаўнікамі з'яўляліся загадчык, справавод і чатыры інструктары. Па такому ж прынцыпу была сфарміравана большасць тэрытарыяльных аддзелаў народнай адукацыі.

Ніжэйшым звяном адміністрацыйнага ланцуга органаў асветы з'яўляліся валасныя аддзелы, дзейнасць якіх павінна была кіравацца загадчыкам пры дапамозе сакратара і інструктара, аднак, у большасці выпадкаў, з-за недахопу прафесійных кадраў усе абавязкі выконваў толькі загадчык або старшыня валаснога рэўкама [2, арк. 17].

Па даных Статыстычнага аддзела Наркамасветы, у канцы лютага 1919 г. на тэрыторыі Мінскай губерні (9 павеатаў) дзейнічала 2 737 школ I-й і II-й ступеняў, у якіх навучалася 242659 дзяцей. Значная частка дзяцей школьнага ўзросту заставалася па-за школай, паколькі не хапала настаўнікаў, памяшканняў і матэрыяльных сродкаў. Напрыклад, у Мінскай губерні толькі палова дзяцей наведвала школу, а па такіх павеатах, як Навагрудскі і Мазырскі, – і таго менш. Нават у Мінску з 22 950 дзяцей школьнага ўзросту вучыліся толькі 15 292 [3, с. 280]. Калі параўнаць колькасць дзяцей з колькасцю школ у кожным павеце, то выявіцца, што лепш забяспечаны школамi былі Ігуменскі і Бабруйскі павеаты, а горш – Навагрудскі, Пінскі, Мазырскі. Тлумачыцца гэта тым, што, напрыклад, Навагрудскі павет знаходзіўся ўвесь час у зоне ваенных дзеянняў, а нізкі ўзровень эканамічнага жыцця прыводзіў да адукацыйнай і культурнай адсталасці жыхароў, асабліва Пінскага і Мазырскага павеатаў. У Дзісенскім і Вілейскім павеатах, якія падпарадкоўваліся Віленскаму губернскаму аддзелу народнай адукацыі, у лютым 1919 г. працавала 478 школ. З 92 800 дзяцей школьнага ўзросту гэтыя школы здольныя былі ахапіць толькі 26 284 вучні [4, с. 212].

Пасля ўтварэння Літоўска-Беларускай ССР (27 лютага 1919 г.) для арганізацыі кіраўніцтва сістэмай народнай адукацыі ў Вільні быў створаны Народны камісарыят асветы ЛітБел ССР на чале з Ю. Ляшчынскім. У падпарадкаванне да яго перайшлі Мінскі губернскі камісарыят народнай асветы (з 29 сакавіка 1919 г. пачаў называцца губернскім аддзелам народнай адукацыі) і Віленскі губернскі аддзел народнай адукацыі, а Наркамасветы БССР спыніў сваю дзейнасць. У склад школьнага аддзела новага Наркамасветы ўваходзіла 6 работнікаў (загадчык, справавод і 4 інструктары) [5, арк. 41].

24 сакавіка 1919 г. урад ЛітБел прыняў дэкрэт «Аб рэарганізацыі школьнай справы». Палажэннямі дадзенага дэкрэта вызначаліся асноўныя мерапрыемствы, накіраваныя на пераход да новай працоўнай школы: нацыяналізацыя ўсіх навучальных устаноў, абвясчэнне абавязковай адукацыі для дзяцей 8–17 гадоў, забарона выкладання ў школах рэлігійных прадметаў, увядзенне бясплатнага і сумеснага навучання хлопчыкаў і дзяўчынак, ажыццяўленне выкладання ў школах на роднай мове вучняў (адной з пяці дзяржаўных моў – рускай, беларускай, яўрэйскай, літоўскай, польскай) [6, с. 16–18].

У адпаведнасці з інструкцыяй «Аб выбарах на вучэбныя і вучэбна-адміністрацыйныя пасады ў школах» (зацверджана Дзяржаўнай камісіяй па народнай асвеце 17 чэрвеня 1918 г.), у сакавіку 1919 г. у Мінску і ў некаторых павятовых гарадах губерні адбыліся перавыбары

школьных работнікаў. Яны праходзілі пры ўдзеле школьных саветаў і вучнёўскага прадстаўніцтва, якія павінны былі ахарактарызаваць кандыдатаў з прафесійнага боку і адзначыць асабістыя адносіны кожнага з іх да прынцыпаў савецкай працоўнай школы. У склад калегіі па перавыбарах забаранялася ўключыць былых настаўнікаў прыватных навучальных устаноў, асоб, якія займалі скасаваныя рэформай адміністрацыйныя пасады (дырэктары, куратары) або выкладалі забароненыя прадметы (рэлігію, лацінскую мову і інш.).

Мэтай перавыбараў з'яўлялася фільтраванне педагагічных калектываў школ, адлучэнне ад пасадаў настаўнікаў, якія, па меркаванні мясцовай адміністрацыі, былі «варожа настроеныя да савецкай улады». У выніку першай хвалі перавыбараў з адукацыйнай сферы быў выдалены цэлы пласт вопытных спецыялістаў, адпаведнай замены якім савецкая краіна ў гэты час знайсці не магла.

Аб тым, як адбываўся пераход да новай савецкай сістэмы адукацыі, даюць магчымасць прасачыць справаздачы губернскіх і павятовых аддзелаў народнай адукацыі, а таксама статыстычныя матэрыялы, якія захаваліся ў фодах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і абласных архівах. У сакавіку 1919 г. замест ліквідаванага Цэнтральнага статыстычнага аддзела БССР (дзейнічаў з 4 лютага 1919 г.) было ўтворана Цэнтральнае статыстычнае бюро ЛітБел, у якім працавала 12 аддзелаў, у тым ліку адзел статыстыкі народнай адукацыі. У лютым-сакавіку 1919 г. было праведзена абследаванне дзейнасці павятовых аддзелаў народнай адукацыі Мінскай губерні. Разасланыя анкетныя лісты змяшчалі пытанні аб структурнай арганізацыі аддзелаў (пададзелы, кіраўніцтва, колькасць склад і г.д.), аб мерапрыемствах па ліквідацыі непісьменнасці, аб ступені выканання дэкрэтаў Наркамасветы і г. д.

Аналіз анкет паказаў, што да сакавіка 1919 г. аддзелы народнай адукацыі былі створаны амаль ва ўсіх паветах Мінскай губерні, аднак вынікаў практычнай дзейнасці амаль не было. Некаторыя аддзелы правялі перапіс дзяцей школьнага ўзросту, рэгістрацыю настаўнікаў, склалі каштарысы на арганізацыю новых школ і рамонт старых будынкаў, але пачаць практычную дзейнасць не дазваляла адсутнасць матэрыяльных сродкаў [7, арк. 3–38]. Напрыклад, Барысаўскі павятовы адзел народнай адукацыі з пачатку 1919 г. пачаў актыўную распрацоўку школьнай сеткі, састаўленне каштарысаў для рамонт старых будынкаў і адкрыцця новых школ (у студзені-лютым 1919 г. была пададзена значная колькасць «прыгавораў» – пісьмовых пастановаў сялянскіх сходаў аб адкрыцці школ. Аднак да лета 1919 г. амаль нічога ў гэтым накірунку не было зроблена. Будынкі

заставаліся неадрамантаванымі, але пры гэтым колькасць школьных камплектаў працягвала павялічвацца.

Некаторыя валасныя аддзелы народнай адукацыі ўвогуле не атрымалі ніякіх сродкаў і нават не пачыналі рамонт школ. Так, загадчык Бярэзінскага валаснога аддзела народнай адукацыі ў сярэдзіне чэрвеня звяртаўся ў павятовы аддзел з пытаннем, якое хвалявала амаль усіх яго калег: «Ці будзе ўвогуле ў гэтым годзе праводзіцца рамонт школ? І на якія сродкі?» [8, арк. 134–136].

Частка арганізаваных школ з-за адсутнасці сродкаў не трапіла ў каштарысы губернскіх аддзелаў народнай адукацыі. Напрыклад, у студзені 1919 г. Ракаўскі валасны аддзел народнай адукацыі Барысаўскага павета арганізаваў школу ў в. Русакі, аднак у сакавіку аказалася, што Мінскі губернскі аддзел народнай адукацыі не даў згоды на афіцыйнае адкрыццё гэтай школы з-за адсутнасці сродкаў, але прапанаваў валасному выканкаму забяспечыць школу і настаўніка за ўласны кошт [9, арк. 4]. Насуперак надзеям улад, мясцовае насельніцтва не мела такой магчымасці і таму не жадала браць школы на сваё поўнае ўтрыманне, нават на ўмовах, што «з часам будуць вернуты ўсе затраты». З вясны 1919 г. вяскоўцы сталі адмаўляцца здаваць у арэнду для школы ўласныя будынкі. Кіраўніцтва валасных аддзелаў было разгублена, але ісці супраць афіцыйных распараджэнняў не рашалася, таму ў большасці паветаў навучальны год распачаўся ва ўстаноўлены час.

У справаздачы школьнага аддзела Наркамасветы ЛітБел ССР за першае паўгоддзе 1919 г. адзначалася, што «рэформа была праведзена толькі фармальна», створаная школа не была яшчэ напоўнена новым зместам. Ажыццяўленню прынцыпу сумеснага навучання перашкаджаў розны адукацыйны ўзровень паміж хлопчыкамі і дзяўчынкамі аднаго ўзросту (большасць дзяўчынак увогуле не наведвала школу да ўвядзення закона аб усеагульнай адукацыі), а таксама непрыстасаванасць большасці школьных будынкаў (адсутнічалі асобныя прыбіральні). Таму першыя сумесныя класы прыходзілася фарміраваць з хлопчыкаў і дзяўчынак не па ўзросце, а па адпаведнасці ўзроўню адукацыі і агульнага развіцця. У некаторых школах хлопчыкі і дзяўчынкі працягвалі займацца ў розных класах, аднак тое, што ўсе дзеці знаходзіліся ў адным будынку, дазваляла гаварыць аб увядзенні сумеснага навучання.

Слабая эканоміка краіны не мела магчымасці забяспечыць усе школы гарачым харчаваннем, якое зводзілася ў лепшым выпадку да выдачы хлеба і гарбаты. У першай палове 1919 г. гарбату атрымлівалі толькі вучні асобных гарадскіх школ I ступені Мінска і Бабруйска [10, арк. 39–40].

У большасці школ дрэнна была пастаўлена вучэбна-выхаваўчая работа, паспяховасць і ўзровень ведаў вучняў заставаліся нізкімі. Глумачыцца гэта тым, што школы не мелі яшчэ праграм і адпаведных новым патрабаванням падручнікаў, метадычных дапаможнікаў і кансультацый у педагагічных часопісах. Прынцып «працоўнай школы» разумеўся кіраўнікамі школ па-рознаму: аднымі – як увядзенне ручной працы, другімі – як самаабслугоўванне, а трэцімі – проста як новы тэрмін. Таму на практыцы ажыццяўленне «працоўных працэсаў» зводзілася да мыцця падлогі вучнямі і пілавання дрэў.

Вясной 1919 г., з пачаткам сельскагаспадарчых работ, большасць вучняў перасталі наведваць школы, таму відавочным было датэрміновае спыненне навучальнага года. На сходзе вучняў школ II ступені г. Слуцка, які адбыўся ў красавіку 1919 г. было вырашана прасіць Мінскі губернскі адзел народнай адукацыі дазволіць гарадскім школам з канца красавіка адпусціць вучняў на летнія канікулы, у сувязі з тым, што «заняткі ў школах вядуцца ненармальна, развал старой школы ўздзейнічае найгоршым чынам на вучняў, школа наведваецца механічна і ніякіх ведаў цяпер не дае...» [11, арк. 80].

Для арганізацыі школьнай справы не хапала спецыяльна падрыхтаваных інструктараў, таксама большасць загадчыкаў аддзелаў народнай адукацыі вельмі слаба ўяўляла, як на практыцы магчыма было арганізаваць савецкую працоўную школу. У Барысаўскім павеце, напрыклад, у красавіку 1919 г. працавалі толькі 2 школьныя інструктары, у Ігуменскім, Слуцкім паветах яны ўвогуле адсутнічалі [12, арк. 232, 319].

У сакавіку 1919 г. Наркамасветы РСФСР (школьна-інструктарскі адзел) арганізаваў трохмесячныя курсы школьных інструктараў на 300 чалавек у Маскве. Праграма курсаў уключала 218 гадзін лекцый і 56 гадзін семінарскіх заняткаў, 246 гадзін практычных заняткаў, 28 гадзін экскурсій, тэматычна падзеленых на некалькі блокаў пытанняў: навукова-філасофскія і сацыяльна-палітычныя, грамадска-педагагічныя, пытанні тэхнікі і арганізацыі працы, пытанні арганізацыі народнай адукацыі. На дадзеныя курсы былі камандзіраваны толькі некалькі прадстаўнікоў з Віцебскай і Гомельскай губерняў [13, арк. 52–54].

21 красавіка 1919 г. палякі захапілі Вільню, Народны камісарыят асветы быў эвакуяваны ў Мінск. Пасля захопу Мінска польскімі войскамі ў жніўні 1919 г. урад ЛітБел і Наркамасветы эвакуіраваліся ў Смаленск, а затым у Раслаўль, дзе вымушаны былі спыніць сваю дзейнасць (адсутнасць дакументальных матэрыялаў апошняга перыяду дзейнасці Наркамасветы не дае магчымасці вызначыць дакладных дат

яго ліквідацыі). Савецкія школы працягвалі працу толькі на тэрыторыі Віцебскай і Гомельскай губерняў, якія ўваходзілі ў склад РСФСР.

Такім чынам, абвясчэнне БССР, а потым ЛітБел ССР дало падставы для правядзення адукацыйнай рэформы на нацыянальнай дзяржаўнай аснове. Была створана адзіная вертыкальная структура адукацыйных органаў улады на чале з Народным камісарыятам асветы. Галоўнай яго задачай быў пераход да савецкай адукацыйнай сістэмы згодна з «Палажэннем аб адзінай працоўнай школе РСФСР». За паўгода працы школьнага аддзела Наркамасветы ЛітБел ССР (канец лютага-жнівень 1919 г.) былі праведзены асноўныя прынцыпы будаўніцтва новай школы, акрэсленыя ў «Палажэнні». Разам з тым, кіраўніцтва школьнага аддзела бачыла неабходнасць распрацаваць уласную навучальную праграму. Блізасць да фронту, харчовы крызіс, эканамічная разруха і наступная акупацыя не далі магчымасці працягваць распачатую працу. Вынікам спробы рэфармавання школы ва ўмовах ваеннага часу можна лічыць змену формы арганізацыі школьнай справы. Пры гэтым змест вучэбнага працэсу амаль не закранаўся.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Каменская, Н. В. Становление народного образования в Белоруссии (1917–1920) / Н. В. Каменская; под. ред. К. А. Куликович. – Минск : Наука и техника, 1980. – 263 с.
2. Схема Минского губернского отдела народного образования, городского отдела и уездных органов народного образования, статистические сведения о учителях Минской губернии на 1 января 1919 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 804. – Воп. 1. – Спр. 1.
3. Список сотрудников Гродненского уездного отдела народного образования, июль 1920 г. // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 689. – Воп. 1. – Спр. 57.
4. Трубчык, А. Г. Арганізацыя і дзейнасць савецкіх працоўных школ на тэрыторыі Беларусі ў 1919-1920 гг. / А. Г. Трубчык // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. научных статей. В 2 ч. Ч. 1. Вып. 10(15) / РИВШ; под. ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2010. – С. 211 – 214.
5. Список сотрудников школьного отдела Наркомпроса, июль 1919 г. // НАРБ. – Фонд 804. – Воп. 1. – Спр. 8.
6. Дабальшавіцкія пачаткі беларускага школьніцтва // Бацькаўшчына. – 1960. – 25 снежня. – С. 3.
7. Анкеты о постановке дела народного образования на местах, 1919 г. // НАРБ. – Фонд. – 42. – Воп. 1. – Спр. 1а.

8. Отчёты о работе Борисовского уездного отдела народного образования, 1919 г. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Фонд 324. – Воп. 1. – Спр. 3.
9. Дело с перепиской Борисовского уездного отдела народного образования, март 1919 г. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Фонд 323. – Воп. 1. – Спр. 135.
10. Схема Минского губернского отдела народного образования, городского отдела и уездных органов народного образования, статистические сведения о учителях Минской губернии на 1 января 1919 г. // НАРБ. – Фонд 804. – Воп. 1. – Спр. 1.
11. Дело с перепиской и докладами о работе Минского уездного отдела народного образования, 1920 – 1921 гг. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. Фонд 323. – Воп. 1. – Спр. 158.
12. Протоколы заседаний коллегии Игуменского уездного отдела народного образования, 1920 г. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Фонд 325. – Воп. 1. – Спр. 1.
13. Дело с перепиской Гомельского губернского комитета ВКП с партийными организациями о состоянии культурно-просветительной работы, 1919 г. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці. Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 21.

Alena Trubchik. Activities of the School Department of People's Commissariat of Education of the Lithuanian-Byelorussian Soviet Socialist Republic (February - August 1919)

The article presents the review of the school department of the People's Commissariat of Education of the Lithuanian-Byelorussian Soviet Socialist Republic from February to August, 1919. In this period, in the territory of the LitBelSSR conditions for education reform were based on the national state. The transition to the new Soviet system of education on the territory of Belarus during the Polish-Soviet war had its own characteristics, due to the objective difficulties of wartime.

УДК [94(476) + 327(438:47+57)(091)] “1920”

В. М. БАРОЎСКАЯ

(Мінск, ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі»)

**ТЭРЫТАРЫЯЛЬНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА
НА ПЕРШЫМ ЭТАПЕ САВЕЦКА-ЛІТОЎСКІХ ПЕРАГАВОРАЎ
(7–25 МАЯ 1920 ГОДА)**

Савецка-літоўскія перагаворы (7 мая – 12 ліпеня 1920 г.) яскрава паказалі імкненне да ўсталявання перамір'я і заключэння мірных

дагавораў за кошт пэўных тэрытарыяльных і фінансава-эканамічных саступак савецкага боку. Пры гэтым як савецкае, так і літоўскае кіраўніцтва фактычна ігнаравалі права беларускага народа на самавызначэнне ў форме самастойнага дзяржаўнага ўтварэння, смела распарадзіліся лёсам беларускіх зямель, уключалі іх частку ў склад будучай Літоўскай дзяржавы.

Мірныя перагаворы Савецкай Расіі з краінамі Прыбалтыкі канца снежня 1919 г. – жніўня 1920 г. яскрава паказалі імкненне да ўсталявання перамір'я і заключэння мірных дагавораў за кошт пэўных тэрытарыяльных і фінансава-эканамічных саступак савецкага боку. Вясной 1920 г. Заходні фронт стаў прыярытэтным для савецкага ўрада. Акрамя перакідвання сіл кіраўніцтва Чырвонай Арміі надавала значную ўвагу пошуку саюзнікаў у барацьбе з Польшчай. Пospех вясенне-летняй кампаніі 1920 г. шмат у чым залежаў ад таго, на чым баку выступаць прыбалтыйскія рэспублікі. Імкнучыся забяспечыць бяспеку Чырвонай Арміі на флангах, савецкае кіраўніцтва яшчэ ў верасні 1919 г. прапанавала Літве, Латвіі і Эстоніі пачаць перагаворы аб міры. Нельга адмаўляць таго факта, што кіраўніцтва РСФСР, у прыватнасці народны камісар замежных спраў Г. В. Чычэрын, у якасці будучага саюзніка ў барацьбе з Польшчай разглядала і прадстаўнікоў Беларускай Народнай Рэспублікі. Так, у маі–чэрвені 1920 г. адбылося шэраг сустрэч савецкага кіраўніцтва з П. Бадуновай, М. Маркевічам, Я. Мамонькам, Я. Чарапуком з мэтай атрымання інфармацыі аб баяздольнасці Ваенна-дыпламатычнай місіі БНР і атрадаў С. Булак-Балаховіча. 6 верасня 1919 г. Палітбюро РКП(б) прыняло рашэнне аб скліканні 11 верасня 1919 г. нарады Палітбюро з прадстаўнікамі ЦК кампартый Эстляндыі, Латвіі, Фінляндыі, Літвы і Беларусі для абмеркавання пытання аб адначасовай прапанове міру ўрадам гэтых краін. Фактычна гэта азначала, што савецкае кіраўніцтва планавала пачаць перагаворы з прадстаўнікамі «буржуазных» урадаў вышэй пералічаных краін, у тым ліку і БНР. На скліканай нарадзе пытанне аб пачатку мірных перагавораў было патрымана большасцю галасоў, толькі прадстаўнікі КП ЛіБ устрымаліся ад галасавання. Таксама не выклікаў супярэчанняў чацвёрты пункт нарады – афіцыйнага зварота да кожнай краіны паасобку. Аднак, калі да ўрадаў Эстоніі, Латвіі, Літвы, Фінляндыі ад савецкага кіраўніцтва паступілі афіцыйныя прапановы, то да БНР засталася па-за ўвагай [1, арк. 2–2 адв., 6]. Імкненне дзеячаў БНР атрымаць аб РСФСР гарантый будучага афіцыйнага прызнання дзяржаўнай незалежнасці і суверэннасці ў этнаграфічных межах, да і

слабасць (фактычная адсутнасць) ваенных сіл БНР сталі асноўнымі прычынамі схілення савецкага кіраўніцтва на карысць Літвы [2]. 11 верасня 1919 г. урад РСФСР звярнуўся да ўрада Літвы, Латвіі і Эстоніі з прапановай заключыць мір на аснове прызнання незалежнасці Літоўскай дзяржавы. 2 снежня 1919 г. СНК РСФСР упаўнаважыў А. А. Іофе на вядзенне перагавораў аб заключэнні перамір'я і міру з урадамі Эстоніі, Літвы, Латвіі.

З пункта гледжання прыбалтыйскіх дзяржаў прапанова была вельмі цікавай. Асабліва для Літвы. Версальскі дагавор фактычна не даваў літоўцам ніякіх гарантый на афіцыйнае прызнанне і існаванне ў жаданых для яе межах. Абвастрэнне геапалітычнага становішча ва Усходняй Еўропе, і перш за ўсё, пагроза, якая сыходзіла з боку Польшчы, штурхала літоўцаў у бок савецкай прапановы. Мірны дагавор з РСФСР даваў Літве шанс пазбегнуць нападу Польшчы, і адначасова дасягнуць фактычнага прызнання Літоўскай дзяржавы як суб'екта міжнароднай палітыкі. Са студзеня 1920 г. знешняе становішча Літвы было такім, што яна павінна была паспяшацца з мірнымі перагаворамі з РСФСР. Над Літвой навісла пагроза акупацыі польскімі войскамі. Падпісанне міру з Савецкай Расіяй давала Літве надзею на паляпшэнне свайго палітычнага і эканамічнага становішча.

31 сакавіка 1920 г. літоўскі ўрад паведаміў народнаму камісару замежных спраў РСФСР аб жаданні заключыць мір з Савецкай Расіяй пры ўмове не толькі прызнання незалежнасці Літвы, але і яе дзяржаўнасці ў граніцах Віленшчыны (са сталіцай Вільна) і Гродзеншчыны, дзе літоўскае насельніцтва складала меншасць. Найбольш вострым і складаным пытаннем, якое знайшло свае абмеркаванне на мірнай канферэнцыі, стала тэрытарыяльнае. Па праекту, які быў прапанаваны літоўскім бокам, у склад Літвы павінны былі ўвайсці чатыры губерні – Ковенская, Віленская, Сувалкская і Гродзенская. Сваю пазіцыю літоўская дэлегацыя падмацоўвала не толькі гістарычнымі і этнаграфічнымі аргументамі (у Гродзенскай і Віленскай губернях статыстычны матэрыял аб этнічным складзе насельніцтва быў не на карысць літоўцаў), але і аперыравала тым фактам, што існуе пэўная эканамічная мэтазгоднасць уключэння гэтых зямель у склад Літоўскай дзяржавы. 2 красавіка 1920 г. урад РСФСР пагадзіўся на выкарыстанне этнаграфічнага прынцыпу для вызначэння межаў Літоўскай дзяржавы, аб чым праінфармаваў літоўскі бок у афіцыйнай дыпламатычнай ноце. У гэтым жа дакуменце ўрад РСФСР прапанаваў пачаць мірную канферэнцыю ў Маскве 15 красавіка 1920 г. Ужо праз два дні, 4 красавіка 1920 г. міністр замежных спраў

Літвы накіраваў народнаму камісару замежных спраў РСФСР Г. В. Чычэрыну дыпламатычную ноту адносна гатоўнасці Савецкай Расіі прызнаць за Літвой Вільню і Гродна. У дакуменце таксама літоўскі бок патрабаваў, каб Савецкая Расія прызнала незалежнасць Літвы яшчэ да падпісання мірнага дагавора, і толькі на такіх умовах літоўцы пагаджаліся распачаць перагаворы. Дыпламатычная перапіска адносна будучых перагавораў паміж урадамі дзвюх краін ішла на працягу ўсяго красавіка.

У красавіку 1920 г. сярод літоўскіх палітыкаў распачалася дыскусія. Члены літоўскага ўрада гатовыя былі падтрымаць праект, прапанаваны віцэ-міністрам замежных спраў П. Клімасам, у якім гаварылася аб патрабаваннях далучыць да Літвы Сувалкаўскую, Ковенскую і Віленскую губерні і Панямонне Гродзенскай губерні. На слоніmsкіх землях планавалася правесці плебісцыт, а да таго ўвесці там часовае кіраванне. Тэрытарыяльная праграма літоўскай дэлегацыі, з іх пункта гледжання, як бы грунтавалася на этнічным прынцыпе і нібы ўлічвала патрэбы беларускага і яўрэйскага насельніцтва. Між тым на тэрыторыі, якую жадалі атрымаць літоўцы, згодна з Усерасійскім перапісам насельніцтва 1897 г., літоўцы складалі толькі 1,4 да 8 працэнтаў. На самой справе урад Літвы выкарыстоўваў Беларусь як палітычны інструмент для рэалізацыі сваіх тэрытарыяльных праектаў.

У склаўшыхся абставінах літоўскаму ўраду вельмі важна было атрымаць і прадставіць на канферэнцыі пераканаўчыя доказы, што беларускае насельніцтва Гродзенскай і Віленскай губерній жадае застацца ў складзе Літоўскай дзяржавы. Для гэтага яны імкнуліся выкарыстаць «беларускую карту». Дапамагчы абгрунтаваць тэрытарыяльныя прэтэнзіі літоўскаму боку павінна было Міністэрства беларускіх спраў. У падрыхтаваным праекце трактата, які быў накіраваны ў Маскву, указвалася, што літоўскай прызнаецца тэрыторыя трох губерняў: Сувалкаўскай, Ковенскай і Віленскай. Акрамя таго, пад уладай Літвы павінна застацца слоніmsкая зямля, якая вызначалася як частка Гродзенскай губерні, але без Брэсцкага і Кобрынскага паветаў, аднак з Навагрудскім паветам Мінскай губерні. Гэтым мясцовасцям Літва гатова была даць права на самавызначэнне.

На першым пасяджэнні савецка-літоўскіх перагавораў літоўская дэлегацыя выставіла максімальныя патрабаванні – далучыць да Літвы Ковенскую, Віленскую, Сувалкаўскую і Гродзенскую губерні, а таксама Навагрудскі павет Мінскай губерні. Яна выкарыстоўвала яшчэ і такі аргумент, як права беларусаў на самавызначэнне, але ў

перагаворах ён быў вельмі слабы. Для вырашэння тэтарыяльнага пытання была створана Змешаная расійска-літоўская камісія. Савецкі бок у ёй узначаліў А. А. Іофе, літоўскі – С. Разенбаўм. 9 мая член літоўскай дэлегацыі Д. Сямашка выступіў з заявай аб тым, што на падставе беларуска-літоўскіх пагадненняў ён будзе абараняць беларускія тэрытарыяльныя інтарэсы «ад імперыялістычных памкненняў Польшчы і прэтэнзій на беларускія землі Савецкай Расіі» [3, арк. 9]. Кіраўнік Міністэрства беларускіх спраў добра разумеючы, што літоўцы не складаюць колькаснай большасці на тэрыторыі Гродзенскай губерні, настойваў на яе ўключэнне ў склад Літвы з мэтай захавання яе этнаграфічнай цэласнасці. Д. Сямашка прадстаўляў у якасці сродка доказу гісторыю беларуска-літоўскага палітычнага супрацоўніцтва (з красавіка 1919 г. прадстаўнікі Гродзеншчыны ўваходзілі ў склад Літоўскага дзяржаўнага савета (І. Карчынскі, А. Бялецкі). Таксама ён звярнуў увагу на тое, што расійскі бок нядобразычліва адносіўся да беларусаў, так як на перагаворах расійскія прадстаўнікі ні разу не сказалі пра Беларусь, нават пазбеглі выкарыстоўваць гэтую назву. Адначасова А. А. Іофе замест катэгорыі «Літоўска-Беларускае сужыццё» выкарыстоўваў паняцце «Расійска-літоўскае» [3, арк. 8]. Акрамя таго, кіраўнік расійскай дэлегацыі выказаў надзею, што народы, якія раней былі ў складзе Вялікага княства Літоўскага, выкажуць жаданне самавызначыцца разам з Савецкай Расіяй.

Заява выклікала пратэст з боку кіраўніка савецкай дэлегацыі А. А. Іофе. Кіраўнік расійскай дэлегацыі паказаў неправамоцнасць доказаў Д. Сямашкі аб жаданні беларускага насельніцтва самавызначыцца на карысць Літвы. Так, па словах А. А. Іофе, сярод беларускай палітычнай эліты існуюць тры групы, якія па-рознаму бачаць будучыню беларускіх зямель. Першая з іх – «група, якая выступае за незалежнасць і самастойнасць Беларусі, прэтэндуе на вядзенне самастойных перагавораў з Савецкай Расіяй». Другая – «якая адстойвае ідэю стварэння Літоўска-Беларускай дзяржавы». Трэцяя – «шматлікая група, якая не жадае вылучэння Беларусі са складу РСФСР». Менавіта па прычыне гэтай палітычнай дыферэнцыяцыі, згодна з выступленнем кіраўніка расійскай дэлегацыі – «мы не можам лічыць, што самавызначэнне беларускага народа адбылося». Менавіта таму, правамоцтвы Д. Сямашкі выступаць ад імя беларусаў выклікалі ў кіраўніка расійскай дэлегацыі вялікія сумненні [3, арк. 9 адв.].

На трэцім пасяджэнні Змешанай расійска-літоўскай камісіі па пытаннях аб межах 13 мая 1920 г. С. Разенбаўм урэшце зазначыў,

што ні ён, як прадстаўнік яўрэйскай абшчыны Віленскага краю, ні Д. Сямашка не валодаюць неабходнымі паўнамоцтвамі. На самой справе ў іх распараджэнні толькі мандаты ад літоўскага ўрада на прадстаўленне інтарэсаў беларусаў і яўрэяў. «Мы маем права гаварыць не ад імя беларусаў і яўрэяў, а за яўрэяў і беларусаў, так як добра ведаем іх жаданні і патрэбы. Мы не столькі павераныя, сколькі сведкі, асобы, якія валодаюць інфармацыяй» – указваў С. Разенбаўм [4, арк. 74].

Згодна са справаздачай намесніка міністра замежных спраў Літвы П. Клімаса за перыяд з 5 па 25 мая 1920 г., тэрытарыяльная праблематыка разглядалася як на «пасяджэннях Пленума, так і выклікала доўгачасовыя дэбаты ў Змешанай расійска-літоўскай камісіі» [5, арк. 158–165]. Першапачаткова літоўская дэлегацыя прадставіла максімум сваіх тэрытарыяльных патрабаванняў – уключэнне ў склад Літвы Ковенскай, Віленскай, Сувалкаўскай і цалкам Гродзенскай губерній. Аднак, аргументы кіраўніка расійскай дэлегацыі прымусілі часова літоўскіх дыпламатаў адмовіцца ад імкненняў далучыць цалкам Гродзенскую губерню і засяродзіць увагу на перагаворах адносна «Сапраўднай Літвы». А. А. Іофе прыводзіў шматлікія аргументы незаконнасці далучэння гэтай тэрыторыі да Літвы, у тым ліку цытаваў тэксты пратэстных нот, накіраваных Радай Народных Міністраў БНР на адрас кіраўніцтва РСФСР, у якіх гэтыя землі прылічваліся да абшару «будучай беларускай дзяржавы». У прыватных размовах А. А. Іофе з П. Клімасам раіў не ўключаць Гродзеншчыну ў склад Літвы, так як гэта «сапсуе сапраўдны яе нацыянальны характар, тым самым яны (беларусы) будуць мець большы ўплыў унутры, будуць мець магчымасць камандваць літоўцамі» [5, арк. 158].

Па меркаваннях літоўскай дэлегацыі «Сапраўдная Літва», акрамя Ковеншчыны, Сувалкаўшчыны і Віленшчыны, уключала ў сябе і землі Слонімскага павета, якім прадугледжвалася прадставіць самакіраванне і шырокую аўтаномію. Для вызначэння этнаграфічных межаў Літвы супрацоўнікамі Расійскай акадэміі навук (у тым ліку і У. І. Пічэтай) была складзена «Літоўская этнаграфічная карта». Яна была прадстаўлена А. А. Іофе на пасяджэнні Змешанай расійска-літоўскай камісіі 9 мая 1920 г. У выніку, літоўцы складалі большасць на тэрыторыі Віленскай губерні ў раёне яе заходніх межаў, вакол Вільна, у частцы Лідскага і Свянцянскага паветаў. Невялікія літоўскія асяродкі былі паказаны ў Ашмянскім павеце. У сваю чаргу літоўскія дыпламаты называлі дадзеныя, прадстаўленыя на карце, недакладнымі, спасылаліся на вынікі

працэсаў русіфікацыі і паланізацыі. У выніку доўгачасовых спрэчак літоўскі бок прапанаванаў акрэсліць на карце тую мяжа, якая магла для савецкага кіраўніцтва лічыцца ў якасці прымальнай. А. А. Іофе даў зразумець, што бяспрэчна літоўскімі можна прызнаць, за выключэнне Ковенскай, Сувалкаўскай губерній, толькі тэрыторыю Вільні і часткова Ашмянскага павета. Але, савецкі бок быў згодны зрабіць некаторыя тэрытарыяльныя саступкі на карысць Літве, але пры ўмове «тайнай каардынацыі ваенных паходаў супраць палякаў» [5, арк. 158 – 165].

Згодна з пунктам гледжання П. Клімаса, тэрытарыяльны праект, які быў прапанаваны савецкім бокам, меў шэраг дадатных момантаў. Па-першае, ён «дазваляў ліквідаваць беларускае пытанне ў межах Літвы», што дазволіла б «умацаваць дзяржаўную пазіцыю на сваёй сапраўднай тэрыторыі і абараніць яе ад любых прытэнзій». Па-другое, у выпадку далучэння цалкам Гродзенскай губерні літоўскія ўлады былі б пастаўлены перад неабходнасцю арганізацыі на гэтых землях або мясцовага самакіравання, або пагадзіцца на міжнародны арбітраж. Па-трэцяе, прыняцце праграмы савецкай дэлегацыі дазваляла б дасягнуць жаданы кампраміс, заключыць мірны дагавор, што б «з’явілася гарантыяй вырашэння тэрытарыяльнай спрэчкі з будучай Расіяй у вачах краін Антанты» [5, арк. 158 – 165].

Адмова літоўскай дэлегацыі ад супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй у барацьбе з Польшчай выклікаў крызіс перагаворнага працэсу. А. Вальдэмарас у сваёй тэлеграме да літоўскай дэлегацыі ад 22 мая 1920 г. нават паставіў пытанне аб мэтазгоднасці яе знаходжання ў Маскве. У выніку было вырашана часова прыпыніць перагаворы, адклікаць частку членаў дэлегацыі. Сярод асноўных прычын, якія штурхалі літоўскае кіраўніцтва да такога кроку з’яўлялася пагроза з боку Польшчы, войскі якой маглі ў любы момант заняць Каўнас [6, с. 20]. У лістах А. А. Іофе да Г. В. Чычэрына нават указваў на магчымасць поўнага спынення перагаворнага працэсу, у тым выпадку, калі літоўскі бок будзе як і раней настойваць на сваіх патрабаваннях [7, арк. 182]. Аднак, народны камісар замежных спраў РСФСР супакоіў кіраўніка савецкай дэлегацыі і выступіў рэзка супраць спынення перагавораў. Г. В. Чычэрын указваў, што ў дадзенай міжнароднай сітуацыі для Савецкай Расіі было вельмі важна «стварыць уражанне збліжэння з Літвой». Таксама ён звяртаў увагу на магчымасць ажыццяўлення тэрытарыяльных саступак на карысць Літвы за яе абяцанне «выступіць супраць Польшчы і ў цэлым разрыву ўскраіннага кардона». 25 мая 1920 г. большая частка літоўскай дэлегацыі,

уклучаючы і старшыню Т. Нарушэвічуса і членаў – Д. Сямашку і С. Разенбаўма, выехала ў Коўна для кансультацыі з урадам. Аднак пасяджэнні Змешанай расійска-літоўскай камісіі па пытанні межаў, у якую ад Літвы ўвайшлі П. Клімас, В. Рачкаўскас, І. Валакайціс, у чэрвені 1920 г. працягнуліся [8].

Першы этап расійска-літоўскіх перагавораў выявіў спрэчныя моманты, паказаў верагоднасць схілення абодвух бакоў да тэрытарыяльных саступак у залежнасці ад зменаў ваенна-аператыўнага становішча. Як савецкі, так і літоўскі бок выстаўлялі сябе ў якасці абаронцы інтарэсаў беларусаў, выкарыстоўваючы беларускае пытанне на сваю карысць.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Фонд 17. Воп. 163. Спр. 7.
2. Лазько, Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. / Р. Лазько // *Białorus w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki / pod red. D. Michaluk.* – Toruń, 2007. – 734 s. – S. 325–337.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 325. – Воп. 1. – Спр. 97.
4. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Фонд 04. – Воп. 27. – Папка 180а. – Спр. 200.
5. Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (ЛЦДА). – Фонд 383. – Воп. 7. – Спр. 77.
6. Иванов, В. *De jure i de facto* : в 3 т. – Т. 2 : Документальная история Литвы и формирования государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. / В. Иванов. – Вильнюс, 2005. – 287 с.
7. РДАСПГ. – Фонд 159. – Воп. 2. – Спр. 9.
8. АЗП РФ. – Фонд 04. – Воп. 27. – Папка 2. – Спр. 4. – Арк. 31.

Olga Borovskaya. Territorial problems in the first stage of the Soviet-Lithuanian talks (7-25 May 1920)

Soviet-Lithuanian negotiations (May 7 - July 12, 1920) showed the desire to achieve an armistice and the conclusion of the peace treaties at the expense of certain territorial and financial and economic concessions to the Soviet side. At the same time as the Soviet and Lithuanian leadership virtually ignored the right of the Belarusian people to self-determination in the form of an independent state formation, safely disposed of the fate of the Belarusian lands they included their part in the future of the State of Lithuania.

О. Е. ЗУБКО

(Украина, Винницкий национальный аграрный университет)

**УКРАИНСКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО
О СОБЫТИЯХ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ
НА ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ В 1919 ГОДУ**

В статье анализируются сообщения Украинского телеграфного агентства о начальном этапе польско-советской войны на белорусско-литовском фронте на страницах винницких региональных газет «Путь» и «Украина».

Давно известно – Интернет изменил мир, но телеграф сделал это намного раньше, примерно, 200 лет назад. И эта глобальная сеть XIX в. жива до сих пор, она по-прежнему доставляет информацию в самые дальние уголки мира.

Украинское телеграфное агентство (УТА) начало свою работу 28 марта 1918 г. в Екатеринославе (ныне – Днепропетровске). Возглавил его известный украинский общественный деятель, философ, литературный критик и публицист, создатель теории украинского интегрального национализма Дмитрий Иванович Донцов. Уже к концу марта 1918 г. Агентству удалось наладить свою сеть в крупнейших городах Украины : Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове, Елисаветграде (Кировограде), Херсоне, Кременчуге, Николаеве, Севастополе. Появились и зарубежные филиалы УТА : в Румынии, России, Германии, Венгрии, Польше, в странах Балтии и других. Во всех филиалах работали как постоянные агенты, так и временные корреспонденты, которые не только собирали информацию, но и способствовали ее распространению. В конце 1918 г. УТА было переименовано в Бюро украинской прессы (БУП) [1].

Хронология польско-советской войны в 1919 г., как известно, следующая [2]. В ноябре 1918 г. возродилось Польское государство, руководство которого объявило о воссоздании Речи Посполитой в границах 1772 г. Получив материальную помощь от Антанты, Польша приступала в декабре 1918 г. к захвату белорусских и украинских территорий.

Уже 19 декабря 1918 г. польское правительство дало приказ своим войскам занять город Вильно. 21 декабря 1918 г. здесь

создается Временная комиссия управления округом Средней Литвы. Но полностью под контроль Вильно был взят только 1 января 1919 г.. 4 февраля польские войска заняли Ковель, 9 февраля вступили в Брест, а 19 февраля 1919 г. вошли в Белосток.

В это же времядвигающиеся на восток польские войска ликвидировали администрацию Украинской Народной республики на Холмщине, в Жабинке, Кобрине и Владимире-Волынском.

Таким образом, к 14 февралю 1919 г. польские войска оказались на линии : река Неман (до Скиделя) – река Зельвянка – река Ружанка – Пружаны – Кобрин. 1 марта ими был занят Слоним, 2 марта – Пинск. 17–19 апреля поляки заняли Лиду, Новогрудок, Барановичи. А 19 апреля уже польская кавалерия вступила в нынешнюю столицу независимой Литвы. Через два дня в Вильно прибыл лично Юзеф Пилсудский. Глава Польского государства в начале (в политических целях – О.З.) пытался поддерживать федералистские иллюзии в литовском и белорусском обществе. 28 апреля 1919 г. он выступил с воззванием к населению бывшего Великого княжества Литовского, в котором обещал дать ему (населению – О.З.) возможность решить свои национальные и религиозные проблемы. Но между тем, получая подкрепления, польские войска двигались на восток, и 28 апреля поляками был взят город Гродно.

В апреле-июне 1919 г. под контроль поляков переходит практически и вся Западная Украина. 25 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии уполномочивает Польшу на оккупацию восточной Галиции до реки Збруч. И уже к 17 июля Восточная Галиция была полностью занята польской армией. Администрация Западно-Украинской Народной республики (ЗУНР) была ликвидирована.

Тем временем наступление польских войск в Беларуси продолжалось : 4 июля было занято Молодечно, а 25 июля под польский контроль перешел Слуцк. В следующем месяце полякам удалось занять Минск (9 августа) и Бобруйск (29 августа).

В октябре 1919 г. «победное шествие» поляков приостановилось. Воюющие стороны заключили кратковременное перемирие. Это объяснялось нежеланием стран Антанты и Антона Деникина поддерживать планы дальнейшей польской экспансии. Деникин, как и в целом все Белое движение, признавал независимость Польши, однако был противником польских претензий на земли к востоку от Буга, считая, что они должны входить в состав единой и неделимой России. Позиция Антанты по

этому вопросу совпадала с деникинской. Поэтому, 8 декабря 1919 г. была оглашена Декларация о восточной границе Польши (линия Керзона), совпадающей с линией этнического преобладания поляков. Не совсем довольный Ю. Пилсудский, правда, попытался было переговорить как с деникинцами в Таганроге, так и с советской стороной в Микашевичах, но оба переговорных процесса оказались безрезультатными. Перерыв в военных действиях позволил Коменданту (а таковым было одно из наименований главы Польского государства) только лишь подавить просоветски настроенную оппозицию.

Получателями информации УТА в 1919 г. были : структуры власти, газеты разных уровней, радиокompании, организации и предприятия, коммерческие фирмы и зарубежные потребители. Если говорить о газетах, то в орбиту «вещания» УТА попало две винницкие региональные газеты – «Шлях» («Путь» – О.З.) и «Україна» («Украина»). Обе газеты принадлежали в то время общественной организации «Просвіта» («Просвещение» – О.З.), имеющей культурно-просветительское направление (1868–1939гг.).

На оккупацию поляками территории Литвы и Беларуси, создание Департамента по делам польских восточных земель во главе с Е.Осмоловским и раздел территории Беларуси и Литвы на три округа – Виленский, Брестский и Минский, Украинское телеграфное агентство «ответило» в частности несколькими сообщениями :

«Шлях» – 2 жовтня 1919 року, п'ятниця, Винниця. Ч. 37.

З Литви і Польщі (УТА)

Прибувши з Гельсінґфорсу, (Хельсинки – О.З.), голова Литовського Генштабу полковник Веляшевич сказав : «Литовська армія стоїть на лівім березі Дзиви (Двины – О.З.), а весь її тил на чужій території. Для Литви існує один ворог – Поляки. В їх руках знаходиться тепер вся наша земля і вони не тільки що не хочуть її звернути нам, але хочуть нас насильно влучити до Польщі. Але ані один литвин не згодиться на таку неволю, не глядячи на те, що французи помагають полякам та що поляки зайняли вже Білосток, Гродно, Вільно, Сувалки та Августово. [3; с. 2]

«Шлях» – 16 жовтня 1919 року, п'ятниця, Винниця. Ч. 47.

З Москви (УТА)

7 жовтня 1919 року Литовське правительство й литовський народ протестує проти знесилювання всіх людських прав поляками. З французькою поміччю зайняли поляки окружною силою Білосток, Гродно, Новогрудок, Лїду, Вільно, Сувалки і Августове. Всі ці

місцевості з давніх давен – литовські. Поляки мордують в зайнятих місцевостях обеззброєних литовських мешканців. [3; с. 2]

«Шлях» – 25 жовтня 1919 року, неділя, Винниця. Ч. 54.

З Смоленська (УТА)

Урядова мова в Білорусі.

Начальник Мінської округи сповістив, що державною мовою на Білорусі визначається польська мова. Все діловодство в установах мусить провадитися на цій мові. Урядовці, що не знають польської мови, будуть звільнятися. [3; с. 1]

«Шлях» – 26 жовтня 1919 року, понеділок, Винниця. Ч. 55.

З Москви (УТА)

Польсько-литовський конфлікт.

На Литві оголошено мобілізацію 1890 і 1900 років, щоби таким способом зібрати відповідні сили для боротьби з поляками. В цілому краю заведено стан облоги. Литовці домагаються видалення поляків із краю. [3; с. 2]

«Шлях» – 1 листопада (ноября – О.З.) 1919 року, субота, Винниця. Ч. 60.

Кам'янець (УТА)

Повстання в Білорусі.

29 жовтня 1919 року «Московські вісті» повідомляють, що у Вітебській губернії білоруські селяни повстали проти поляків. [3; с. 1]

«Шлях» – 15 листопада 1919 року, субота, Винниця. Ч. 71.

Орша (УТА)

8 листопада в запллю (в тылу – О.З.) поляків раз-у-раз вибухають повстання, а в районі Молодечно партизани-повстанці розібрали залізничну колію і викликали цим катастрофу польської військової валки. [3; с. 1]

«Шлях» – 1 грудня 1919 року, понеділок, Винниця. Ч. 94.

Гомель (УТА)

«Варшавская рѣчь» звідомляє, що в останніх днях зібралася перед королівським замком велика толпа, яка взялася за Падаревського і зажадала від нього помочі від експропріаційної (принудительного отчуждение имущества частных собственников на нужды войны в данном случае – О.З.) катастрофи. Поліція арештувала 15 делегатів від толпи. Цими днями проведено багато ревізій та арештів. [3; с. 2]

А вот газета «Україна» затронула уже белорусский политический вектор:

«Україна» – 26 листопада 1919 року, середа, Винниця. Ч. 6.

Варшава (УТА)

«Варшавская рѣчь» передає, що 25 падолиста в Мінську відкрилася сесія Ради Б.Н.Р. Засідання відкрив голова Ради міністрів Республіки Лесек заявою, що після року тривалого перериву Рада наново приступає до своєї діяльності. Промова Лесика була закінчена закликком : «Хай живе вільна Білорусь!»

Включивши до свого складу делегатів Білоруської ради Віленщини та Гродненщини і заслухавши ряд привітань, Рада приступила до за слухання декларацій окремих партій.

Декларація білоруських есерів була сповнена нападів на польських демократів, як найбільших шовіністів. Тоді як соціалісти-революціонери заявили про свою боротьбу як з польськими демократами, так і з російськими націоналістами.

Декларація «демократично-християнської злучности» заключала більш умірковані побажання про єднання білорусів в демократично-християнському дусі.

Далі була прочитана декларація «Польської ради Мінської землі» – Польської соціалістичної партії.

В результаті було прийнято таку спільну резолюцію:

Рада Б.Н.Р. на 1-му своєму засіданню 25 падолиста підтримує свої постанови від 25 березня 1918 року про повну незалежність і самостійність Б.Н.Р. в її етнографічних границях. Рада Б.Н.Р., як єдиний державний орган білоруського народу, починає свою діяльність в тому напрямку, щоби добитися перед народами всього світу визнання повної незалежності Б.Н.Р. З огляду на те, вона доручає своєму уповноваженому органу – Раді міністрів невідкладно офіційально вступити в переговори з Польською державою і з усіма державами світу про юридичне і фактичне визнання Б.Н.Р. [3; с. 2]

Надо сказать, что в условиях польской оккупации белорусское национальное движение было расколотым. Его политический центр – Рада БНР – уже с конца 1918 г. не была целостной организацией. Председатель кабинета министров БНР А. Луцкевич в это время был в Париже, а потом – в Варшаве. Его принимал Пилсудский. Там он добивался признания Беларуси как суверенного государства. Его усилия не увенчались успехом, а сам он оказался в политической изоляции.

Политика насилия и террора заставила многих белорусских политиков перейти в оппозицию польскому режиму. Под влиянием эсеров и социал-федералистов белорусский съезд Виленщины и Гродненщины (9–10 июня 1919 г., Вильно) подтвердил правильность идеи независимости Беларуси и избрал Центральную Белорусскую Раду Виленщины и Гродненщины во главе с эсером К.Душевским.

После оккупации Минска, здесь был создан Временный Белорусский Национальный комитет во главе с А. Прушинским и его заместителем В. Игнатовским. Не отклоняя идеи конфедерации Беларуси с Польшей, Комитет добивался предварительного признания БНР и возобновления деятельности Рады. Партия белорусских эсеров заняла другую позицию. 12 декабря 1919 г., с согласия польского правительства, в Минске была созвана Рада БНР. Но фракция эсеров добилась перевыборов президиума Рады, замены состава Совета министров. А. Луцкевичу было выражено недоверие, как и председателю Рады И. Лёсику. Во главе Совета министров был поставлен В. Ластовский, а председателем Рады БНР стал П. Кричевский. Подтвердив верность Третьей уставной грамоте от 25 марта 1918 г., обновленная Рада БНР высказала протест против хозяйничанья поляков в Беларуси. За антипольскую позицию партия эсеров подверглась репрессиям. В это же время поляки создали так называемую Наивысшую белорусскую раду, которая заключила, (в последствии – О.З.), 24 марта 1920 г. договор с Ю. Пилсудским, по которому Беларусь должна была стать частью Речи Посполитой. Культурно-национальная автономия давалась только Минской губернии.

Но еще раньше, в сентябре 1919 г., «Україна» напечатала сообщение УТА о «белорусско-литовском собрании»:

«Україна» – 14 вересня 1919 року, неділя, Винниця. Ч. 26.

Варшава (УТА)

«Пшегльонд вечерни» доносить, що також землі, які лежать на захід від річки Березина, будуть допущені до вибору представництва до зібрання, яке рішатиме про основи приналежності цілої країни. Вибори відбудуться в жовтні, тому на початку падолиста буде відкрите зібрання. Зараз вирішується питання про вибір місця, де має радитися зібрання білорусько-литовських земель. [3; с. 2]

Таким образом, Украинское телеграфное агентство в 1919 г., как субъект медиапроцессов, наполняло различные информационные потоки, было нервом и двигателем масс-медиа в информационном пространстве. УТА снабжало в то время украинского читателя-обывателя различной оперативной и объективной политической, экономической, социальной и культурной информацией. В частности и информацией о ходе польско-советской войны в 1919 г. на литовско-белорусском фронте.

Список использованных источников и литературы

1. 28 марта 97 лет назад начало работать Украинское телеграфное агентство. – Электронный ресурс. – Режим

доступа : http://www.calendarium.com.ua/nachalo_rabotat_ukrainskoe_telegrafnoe_agentstvo_1918

2. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў // Мінск : Экаперспектыва, 2003. – С. 60–129.
3. Государственный архив Винницкой области (ГАВО Украина). – Фонд 1002. – Оп.1. – Д. 168. Украинский язык. Оригинал.

Olga Zubko. Ukrainian news agency about the events of the Polish-Soviet war on the Lithuanian-Belorussian front in 1919

This article reveals the message of the Ukrainian Telegraph Agency of the initial stage of the Polish-Soviet war on the Belarusian-Lithuanian front pages of Vinnytsia regional Newspapers «The Way» and «The Ukraine».

УДК94(476.2) “1920”

С. А. ЕЛИЗАРОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»)

1920 ГОД: ОТ РЕВКОМОВ К СОВЕТАМ

Рассмотрены вопросы формирования советской системы органов местной власти и управления с начала освобождения белорусских территорий от польской оккупации до завершения выборной кампании в Советы 1920 г.. В результате организованных большевиками выборов в Советах всех уровней руководящие посты заняли либо большевики, либо беднота. Местные органы власти обладали значительной степенью самостоятельности в интерпретации и практических средствах и методах осуществления решений центральных инстанций.

В результате второго этапа польско-советской войны с июня 1920 г. началось освобождение белорусских земель от польской оккупации, на которых в качестве временных органов власти создавались уездные и волостные военно-революционные комитеты (ревкомы). К началу августа 1920 г. здесь действовал 21 уездный ревком. Для руководства ревкомаами в начале июля 1920 г. ЦК КП(б) ЛиБ и РВС Западного фронта вновь был образован Отдел ревкомов фронта во главе с А. Г. Червяковым, которому переходили в подчинение все губревкомы и губисполкомы в полосе фронта [1, с. 252].

Некоторые уездные ревкомы создавались совместно подпольными большевистскими организациями и командованием частей Красной Армии. Однако это были редкие случаи: по информации ЦБ КП(б)Б «подпольные организации в большинстве уездов были либо слабые или их вообще не было» [2, л. 44]. В связи с этим основную роль в создании системы органов советской власти на освобожденных территориях на первом этапе сыграли армейские и дивизионные советские отделы.

После ухода наступающих на запад частей Красной Армии решающая роль в укреплении местной советской управленческой системы переходила партийным и советским органам. Для организации советской власти и местных парторганизаций (в условиях крайне малочисленности территориальных большевистских ячеек) создавались партийно-организационные тройки. Еще в мае 1920 г. было издано «Положение о партийных тройках, назначаемых от ЦК КПЛиБ для освобожденных от польской оккупации местностей» и соответствующая инструкция за подписью секретаря ЦК КПЛиБ В. Кнорина. Для каждого уезда ЦК назначал партийно-организационную тройку для руководства всей партийной и советской работой в уезде. Срок действия тройки определялся в шесть недель с возможностью его продления. Первоначально такие тройки были созданы для Дисненского, Борисовского, Бобруйского и Игуменского уездов. Образованный Минский большевистский губком уже своим решением создал «тройки» для Мозырского, Слуцкого, Новогрудского, Волковысского, Слонимского, Пружанского, Брестского, Кобринского, Пинского и Виленского уездов [2, л. 44, 121].

11 июля 1920 г. было оформлено образование Минского губревкома во главе с А. Г. Червяковым. Приказом №1 губревком объявил, что высшая гражданская и военная власть в Минске и Минской губернии до созыва съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов переходит в его руки [3, с. 42].

Первоначально организация и структура ревкомов и сельсоветов определялась инструкциями армейских отделов ревкомов, разработанными на основе утвержденных 18 марта 1920 г. декретами ВЦИК положений о волисполкомах и сельсоветах. Также свои инструкции разрабатывали и местные органы власти, в результате чего структура местных ревкомов отличалась в разных уездах. Так, в Игуменском уезде в июле 1920 г. при уездревкоме были созданы пять отделов, в Кобринском – семь, в Новогрудском и Слуцком – по 10, в Вилейском – 12 [4, с. 49, 79, 76–77, 81–82, 84–91].

На практике создание и функционирование отделов уездревкомов и волревкомов определялось не столько инструкциями и положениями, сколько наличием необходимых работников. Нередко один человек возглавлял два–три отдела, многие отделы существовали чисто формально, на бумаге и фактически не работали [4, с. 92–93]. Повсеместно ощущался острый дефицит кадров как «ответственных руководителей» (председателей ревкомов, руководителей их отделов и других советских учреждений), для которых обязательным было членство в большевистской партии, так и рядовых советских служащих (технических и канцелярских работников).

Кадровая проблема на уровне уездов могла быть смягчена распределением в уезды направляемых московским центром партийных и советских работников : ЦБ КП(б)Б признавал, что «ЦБ питался теми работниками, которые направлялись главным образом ЦК РКП и военно-политическими организациями» [2, л. 157]. При этом обеспеченность такими работниками белорусских партийных и советских органов (в сравнении с Литвой и занятыми Красной Армией польскими территориями) выглядела вполне удовлетворительной по одной главной причине – отсутствие языкового барьера и возможность использовать в белорусских структурах власти и управления русскоговорящих кадров. Заведующий учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б) А. О. Альский в сентябре 1920 г. в письме к В. Кнорину прямо указывал, что «Ваше положение было наиболее выигрышным, так как в Белоруссии могли быть использованы товарищи из наших внутренних губерний, говорящих исключительно на русском языке... Таким образом Вы получили несколько председателей уисполкомов, ряд членов тех же уисполкомов и т.д. В связи с направлением к вам пачками коммунистов литовцев, белорусов и поляков у нас создается впечатление, что у вас работников достаточно, во всяком случае больше, чем в любой области РСФСР». К сентябрю 1920 г. в распоряжение ЦБ КП(б)Б из ЦК РКП(б) было направлено 150 человек, по другим канала – еще 127 человек, из которых 127 были распределены по уездам (остальные оставлены в Минске) [5, л. 145а, 157].

Вместе с тем в отношении присылаемых кадров существовали серьезные сомнения (вероятнее всего, имевшие реальные основания) в их способности эффективно проводить линию советской власти на местах, а не использовать свое служебное положение в личных целях. 18 июля 1920 г. зам. начальника отдела ревкомов Западного фронта

А. Криницкий разослал всем начальникам отделов ревкомов III, IV, XV и XVI Армий Южно-Мозырской группы, Витебскому, Гомельскому, Минскому и Виленскому губревкомам распоряжение «при назначении партийных и советских работников в подведомственные ...органы ...избегать назначения в те Ревкомы, откуда кандидат происходит, а также в те места, куда особенно просятся, так как этот порядок вещей дает возможность заниматься более личными делами, чем порученным общим делом». Ревкомы ориентировались на первоочередное направление на советскую работу армейских представителей (причем не только из политотделов, но и строевых частей) [6, л. 172].

Уездревкомы и волревкомы, по информации НКВД ССРБ, в массе своей не пользовались авторитетом среди крестьянского населения, так как их члены «в большинстве случаев люди из армии и отношение населения к ним нехорошее ввиду их неумелого и часто преступного отношения к населению и работе» [7, л. 225 об.]. Крестьяне отказывались идти в сельсоветы «из-за боязни и нежелания работать», в связи с чем в них избирали «по очереди». Коммунисты «назначались» в волревкомы «в силу партийной дисциплины», не имея никакого представления о советской работе, в результате чего «создание подлинных Советов подвигается слабо» [8, л. 34], [9, л. 64].

В связи с успешным наступлением Красной Армии и эйфорией от военных успехов белорусское руководство было уверено, что война обратно на белорусские территории уже не вернется, а победа пролетарской революции в Европе – дело неизбежное. Казалось, что необходимость в чрезвычайных военных органах – ревкомах – отпала надолго и необходимо переходить к формированию гражданских структур власти и управления. 19 августа 1920 г. Ревком ССРБ рассмотрел вопрос о проведении волостных и уездных съездов Советов, выборах в Минский Совет и созыве II съезда Советов Белоруссии. Избирательную кампанию в Минский Совет планировалось начать с 15 сентября, а открытие съезда Советов ССРБ провести между 15 октября и 1 ноября [10, с. 277].

На местах началась работа по подготовке выборов в местные Советы. Но в связи с отступлением Красной Армии из-под Варшавы и ухудшением обстановки на фронте выборы в назначенные сроки провести не удалось. 14 сентября 1920 г. Ревком БССР издал постановление и приостановлении выборов в западных уездах ССРБ «на неопределенное время», продолжив организацию выборов в волостные Советы в Минском, Борисовском, Бобруйском и Игуменском уездах, а также в Минске [4, с. 447].

Только заключение польско-советского перемирия в октябре 1920 г. позволила стабилизировать ситуацию на незанятых поляками белорусских территориях и продолжить повсеместно переход от ревкомов к Советам. 20 ноября 1920 г. ЦБ КП(б)Б постановило провести выборы в волисполкомы и созвать уездные съезды Советов (перевыборы сельсоветов не проводились). Съезд Советов ССРБ назначался на 12 декабря 1920 г. Руководствуясь этим решением, Ревком ССРБ предписал уездревкомам немедленно приступить к созыву волостных и уездных съездов Советов [10, с. 278].

В целом ситуация для выборов в органы советской власти в начале декабря 1920 г. выглядела вполне благоприятной. В большинстве уездов население, по информации уездревкомов, относилось к советской власти удовлетворительно, хотя повсеместно отмечалось и недовольство «беспорядочной продразверсткой и мобилизацией подвод», а также нехваткой предметов первой необходимости. Исключение составлял Слуцкий уезд, где продолжались антисоветские вооруженные выступления под руководством Рады Случчины, провозгласившей Слуцкий уезд территорией БНР. Здесь уездревком однозначно отмечал неудовлетворительное отношение населения к советской власти, фиксируя «сильные брожения на национальной почве» [8, л. 11–15об.].

В связи с острым недостатком партийно-советских кадров, которые могли бы проводить большевистскую линию в волостях, получение большинства мест в волисполкомах коммунистами и беднотой (как «естественных союзников» большевиков) в сельских и волостных органах власти рассматривалось уже как победа.

В целом по сведениям из четырех уездов (Борисовского, Бобруйского, Игуменского и Слуцкого) из 296 членов волисполкомов 151 составили большевики. В состав волисполкомов не попал ни один представитель других партий, а все оставшиеся места заняли беспартийные, в основной массе своей «сочувствовавшие» большевикам. «Среднестатистическим» членом волисполкома был крестьянин в возрасте от 20 до 40 лет с низшим образованием, большевик или беспартийный [11, л. 92, 94, 95, 97, 114].

Выборы в Минский горсовет дали убедительную победу большевикам – 88 % депутатов. В Бобруйском горсовете большевики получили 70 % мест, 28 % – беспартийные (в большинстве своем «сочувствующих коммунистам»), 2 % – БУНД [11, с. 458].

Уездные съезды Советов прошли в начале декабря 1920 г. В связи с широким развитием антисоветских вооруженных выступлений IV (экстренный) Слуцкий уездный съезд Советов

состоялся только с 10 по 12 апреля 1921 г., а до этого времени продолжали существовать ревкомы [12, л. 109].

На уездных съездах и в городских Советах удалось создать прокоммунистическое большинство. 7 декабря 1920 г. открылся съезд Советов Игуменского уезда: среди 161 делегата 55 – коммунисты, 103 – беспартийные, по одному бундовцу и паолей-ционисту [4, с. 459]. На Бобруйском съезде Советов из 231 делегата было 105 коммунистов и 29 сочувствовавших, два бундовца, на Мозырском – из 195 делегатов коммунистов – 81, сочувствовавших – три, делегатов от других партий не было [8, л. 32 об., 64 об.].

Пользуясь своим большинством (вместе с «сочувствующими») на уездных съездах Советов большевикам удалось обеспечить за собой и руководящие позиции в уездных исполкомах, а также большинство среди делегатов на II Всебелорусский съезд Советов. Из 89 членов (сведения по пяти уисполкомам, кроме Бобруйского) 77 были членами или кандидатами в члены КП(б)Б. Среди избранных на II Всебелорусский съезд Советов 121 делегата (по четырем уездам кроме Слуцкого и Бобруйского) было 66 коммунисты. Ни одного представителя других политических партий ни среди членов уисполкомов, ни среди делегатов на Всебелорусский съезд Советов не оказалось [12, л. 107, 119].

Таким образом, завершение активной фазы военных действий на польско-советском фронте позволил осуществить переход от чрезвычайных органов власти и управления военного времени к гражданской системе Советов. При этом заметно стремление высших партийно-советских инстанций ССРБ форсировать этот процесс не дожидаясь заключения полномасштабного мирного договора. Местные ревкомы, созданные главным образом из военных, заброшенных в Беларусь революционными событиями, не понимавших местной специфики и не желавших ее учитывать, не собиравшихся здесь надолго оставаться, не пользовались популярностью среди населения. Они своими действиями формировали отрицательное отношение населения к новой власти, что в условиях активности антисоветских (политических) и антигосударственных (бандитских) сил создавали для нее реальную угрозу. Требовалось переломить ситуацию, для чего (среди прочего) белорусское партийно-советское руководство стремилось как можно быстрее на местах сформировать новые органы из местных кадров через контролируемые выборы. Выборная кампания 1920 г. в Советы завершилась с нужным для новой власти результатом – в

уисполкомах, волисполкомах и сельсоветах сформировалось необходимое большевикам бедняцко–батрацкое большинство.

В большинстве случаев строго централизованной, построенной по вертикали, системы местных органов власти и управления, в этот период создано не было. Такая система существовала лишь в нормативно-правовых актах и решениях высших партийных и советских органов, а в реальности контроль вышестоящих органов над нижестоящими осуществлялась лишь до уровня руководства уездов. Связь же уездов с волостями (а тем более с сельсоветами) не носила какого-либо регулярного характера и отнюдь не принимала формы жесткого контроля сверху вниз, осуществлялась от случая к случаю главным образом путем бумажной переписки и редких инспекционных поездок на места. В связи с этим местные органы власти обладали значительной степенью самостоятельности не только в осуществлении мероприятий центральной советской власти, но и в их интерпретации и практических средствах и методах их осуществления.

Список использованных источников и литературы

1. Селиванов, П. А. Военная деятельность Советов Белоруссии. 1917–1920 гг. / П. А. Селиванов; науч. ред. П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1980. – 296 с.
2. Отчеты и доклады о деятельности ЦБ КП(б)Б и его отделов и др. 1920–1921 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 33.
3. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / под ред. С. П. Маргунского [и др.]; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск : Наука и техника, 1970–1976. – Т. 1 (1917–1936 гг.). – 1970. – 608 с.
4. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (июль–декабрь 1920 г.) : сб. док. и материалов/Ин-т философии и права Акад. наук БССР, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; сост. : В. А. Круталевич [и др.]. – Минск : Изд-во АН БССР, 1957. – 522 с.
5. Отчеты о деятельности ЦБ КП(б)Б и ЦК КП(б)БиЛ за январь–май 1919 г. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 54.
6. Решения ВРК по вопросам административно-территориального деления ССРБ, решение Политбюро ЦК РКП(б) по белорусскому вопросу, письмо А. Червякова в ЦК КПЛиБ. 1920 г. // НАРБ. – Фонд 8. – Оп. 1. – Д. 10.
7. Декреты Советской власти. Т. 7. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. /Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М, Политиздат, 1975. – 676 с.

8. Протоколы уездных съездов Советов БССР. 1920–1921 гг. // НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 233.
9. Положения, циркуляры, приказы о работе волисполкомов и др. 1921 г. // НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 236.
10. Петриков, П. Т. Ревкомы Белоруссии / П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1975. – 288 с.
11. Протоколы заседаний ЦК КП(б) и Минского губернского комитета КП(б)ЛиБ, ЦБ КП(б)Б и Минской губернской партийно-организационной тройки. 1920 г. -// НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 161.
12. Сведения о членах уездных и волостных исполкомов за 1921 г. и списки уездов и волостей БССР // НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 55.

Sergey Elizarov. 1920 : From the revolutionary committees to the Soviets

Discussed the formation of the sovietsystem of local authorities and management since the beginning of the liberation of Belarusian territories against Polish occupation prior to the completion of the election campaign in 1920. As a result, organized by the bolshevik selections to the Soviets at all levels of leadership positions occupied either by the bolsheviks or the poor. Local authorities have a significant degree of autonomy in the interpretation and practical means and methods of implementation of the decisions of the central authorities.

УДК 94:316.625:39 “170/180”

Г. Х. БАЗАРЭВІЧ

(Браслаў, Навукова-даследчая ўстанова культуры
«Браслаўскае раённае аб’яднанне музеяў»)

АРГАНІЗАЦЫЯ СІЯНІСЦКАЙ ПРАЦЫ СЯРОД ЯЎРЭЙСКАЙ МОЛАДЗІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ НА МЯЖЫ 1920-х ГАДОЎ

Дзеля ажыццяўлення мэт сіянізму актыўныя дзеячы яўрэйскага нацыянальнага руху мусілі стварыць адмысловую сістэму падрыхтоўчай працы для яўрэяў, якія вырашылі здзейсніць рэпатрыяцыю на зямлю Ізраіля. Авангардам сіянізму на тэрыторыі Беларусі была моладзь і юнацтва. Мерапрыемствы, праводзімыя арганізацыйным кіраўніцтвам насілі разнастайны характар – гэта фізічная, адукацыйная, працоўная падрыхтоўка, культурна-асветніцкая дзейнасць.

У аснове сіянізму як ідэалагічнай дактрыны ляжалі прызнанне ўсіх яўрэяў свету адзінай нацыяй і перакананне ў немагчымасці іх паўнаважнага нацыянальнага і эканамічнага развіцця па-за гістарычнай радзімы. Існавала адзінае магчымае рашэнне – адраджэнне яўрэйскай дзяржавы.

Адным з цэнтраў сіяніскага руху на тэрыторыі Савецкай Беларусі ў канцы 1910-х гг. быў Віцебск. Найбольш масавай сіяніскай арганізацыяй была «Хе-халуц». Захавалася інфармацыя пра культурна-асветніцкую працу, якая праводзіцца арганізацыяй. Яна размяшчалася ў доме № 95 па Банкаўскаму завулку, там і праводзіліся курсы па палестыназнаўству. У прыватнасці, дзве лекцыі ў сакавіку 1919 г. былі прысвечаны географіі Палестыны. А 27 сакавіка лектар І. А. Меламед зрабіў «Агляд сучаснай Палестыны». 25 мая лекцыю прачытаў вядомы віцебскі лекар С. Неўлін. Пры арганізацыі «Хе-халуц» 21 чэрвеня ў 1919 г. адкрылася чытальня. 6 красавіка Палестынскае аддзяленне партыі Паалей-Цыён арганізавала ў Гарадскім тэатры «Палестынскі канцэрт», у якім прынялі ўдзел мясцовыя музыкі Бай, Бяссмертны, Шпільман, мастакі Пэн і Мальцын, драматычная студыя пры таварыстве ім. Пераца [9, с. 119].

Яшчэ з 1918 г. сіянісцкія арганізацыі перайшлі ад актыўнай публічнай працы да практычнай, а менавіта – да прафесійнай падрыхтоўцы сіяніска-настроенага насельніцтва да эміграцыі ў Палестыну, збору прыватных ахвяраванняў для набыцця маёмасці ў Палестыне і вывучэння іўрыту [8, с. 45]. Сіяністы надавалі ўвагу агульным грамадскім пытанням, але ў сваёй працы яны вымушаны былі супрацьстаяць яўрэйскім камуністычным арганізацыям у барацьбе за ўплыў на яўрэйства. Асноўнай дзейнасцю суполкі «Хе-халуц» была арганізацыя сельскагаспадарчай «хахшары» – прадпрыемстваў, заснаваных на прынцыпах кааперацыі, альбо наёмнай працы. Некаторыя паступалі на фабрыкі і ў майстэрні, а некаторыя займаліся сельскай гаспадаркай па некалькі гадзін у дзень пасля звычайнага працоўнага дня [1, с. 10].

У сярэдзіне 1920-х гг. сіянісцкія арганізацыі ўсходняй часткі Савецкай Беларусі падпарадкоўваліся генеральнаму штабу Паўночна-заходняй акругі з цэнтрам у Гомелі, які ахопліваў галоўным чынам мястэчкі, раскінутыя па Гомельскай частцы Беларусі і Чарнігаўшчыне [2, арк. 137]. На падпольным з'едзе ў 1922 г. у БССР паўстала і актыўна пачала сваю дзейнасць моладзевая сіянісцкая арганізацыя «Хашамер Хацаір» («Юны вартавы»). Арганізацыя аб'ядноўвала моладзь ад 12 да 20 гадоў, рыхтуючы яе да жыцця ў палестынскіх пасяленнях. У сярэдзіне 1920-х гг. колькасць чальцоў – «шомераў»

па Беларусі дасягала 1500 чалавек (большасць пражывала ў Гомельскай, Менскай і Мазырскай акругах). Арганізацыя рэзка выступала супраць асіміляцыі, а таксама супраць сацыялістычнага і камуністычнага інтэрнацыяналізму, які атрымаў у гэты перыяд шырокае распаўсюджванне сярод яўрэйскай моладзі. «Хашамер Хацаір» актыўна садзейнічала адраджэнню іўрыта ў якасці паўсядзённай мовы, ствараючы яўрэйскую атмасферу ў сваіх ячэйках, псіхалагічна рыхтаваў сваіх членаў да ажыццяўлення іх галоўнай мэты – Аліі ў зямлю Ізраіля і працоўнага жыцця ў кібуцы. Варта заўважыць, што спроба «ідышызацыі» беларускага яўрэйства, названая даследчыцай з Каліфорніі Элісай Бэмпарад «ідышысцкім эксперыmentам» [7], не мела ў якасці выніку поўнае знішчэнне старажытнаяўрэйскай мовы з ужытку. Як заўважае перакладчык артыкула даследчыцы Вольф Рубінчык, іўрыт выкарыстоўваўся моладзевымі суполкамі для будаўніцтва жыцця ў Палестыне і цытуе ўспаміны аднаго з удзельнікаў руху «Хашамер Хацаір»: «...заняткі вяліся патаемна. Ладзіліся «паходы ў лес» ці прагулкі па Свіслачы. Забраўшыся ў глушар Камароўскага бора, мы будавалі там намёты, гулялі ў спартыўныя гульні і праходзілі ваенную падрыхтоўку, падаючы каманды на іўрыце» [7, с. 78].

У шматлікіх гарадах дзейнічалі «лютвы», якія патрулявалі вуліцы. Іх заняткі праходзілі ў скаўцкіх гуртках. «Цофім» (скаўты) выпускалі пракламацыі і ўлёткі. Падчас ператрусу на кватэры лідара гомельскіх «цофім» Ільва Гефтэра ў снежні 1925 г. былі знойдзены не толькі архіў і сцяг арганізацыі, але і гектограф [5, с. 92]. Друкаваным органам арганізацыі «Хашамер Хацаір» з'яўлялася штотыднёвая газета «На змену» [2, арк. 3]. Інфармацыйны бюлетэнь, які выдаваўся галоўным штабам саюза «Хашамер Хацаір» распаўсюджваўся па ўсіх тэрыторыях акругі. Ён быў асноўнай формай вяшчання сярод членаў арганізацыі. Ва ўмовах легальнага існавання ў Польшы, сіянісцкія арганізацыі і партыі былі менш абмежаваныя, чым у Савецкай Беларусі, што спрыяла хутчэйшаму распаўсюду інфармацыі на ўсходнебеларускіх тэрыторыях з паведамленнямі, якія датычыліся сіянісцкага руху ў цэлым.

Даклад генеральнага штаба «Хашамер Хацаір» асвятчае вынікі працы арганізацыі з моманту заснавання. У дакладзе паказаны рост арганізацый у розных гарадах і мястэчках Паўночна-Заходняй акругі: у 1922 г. на арганізацыйнай нарадзе прысутнічалі прадстаўнікі 8 арганізацый, у 1923 г. ужо налічвалася 26 пунктаў, дзе былі зарэгістраваныя арганізацыі «Хашамер Хацаір», у 1924 г. – 57 арганізацый, у 1925 г. – лічба

павялічылася ўдвая – 104 арганізацыі былі зарэгістраваныя, у 1926 г. налічвалася 140 арганізацый [3, арк. 7–12].

На тэрыторыі Савецкай Беларусі дзейнічала таксама студэнцкае с'янісцкае таварыства «Хе-хавер», заснаванае ў 1912 г. студэнтамі з Расійскай імперыі ў Заходняй Еўропе. Таварыства выступала супраць прыхільнікаў асімілятарскай ідэалогіі, праводзіла с'янісцкую прапаганду і знаёміла сваіх членаў з іўрытам, з гісторыяй яўрэяў і Палестыны. Рэзалюцыя IX Усерасійскай канферэнцыі «Хе-хавер» 1924 г. утрымлівала некалькі дакладаў, якія асвятлялі дзейнасць і перспектывы руху. Адным з асноўных пытанняў Канферэнцыі было стварэнне адзінага органа с'янісцкай моладзі і неабходнасць падрыхтоўкі інтэлігенцыі для с'янісцкага руху, што было вельмі ўскладнена фактам знішчэння амаль усіх суполак с'янісцкай моладзі. Пазітыўнаму вырашэнню пытання, на думку Канферэнцыі, было адзінства ўсяго с'янісцкага руху, таму асноўным тэзісам стала рашэнне стварыць адзіную арганізацыю с'янісцкай моладзі і падрыхтаваць інтэлігенцыю для культурнай работы. Культурная работа была асноўнай працай арганізацыі «Хе-хавер» [3, арк. 1]. Ва ўмовах прыгнёту і барацьбы рускага яўрэяства за сваё існаванне гэтая дзейнасць мела выключна нацыянальнае значэнне, якая знешне мела адукацыйны характар.

У асноўныя задачы культурнай работы ўваходзіла вывучэнне нацыянальных прадметаў: літаратуры, яўрэйскай гісторыі, гісторыі Палестыны, літаратуры. Вывучаліся нацыянальна-грамадскія праблемы – гісторыя і тэорыя с'янізму, праблемы яўрэйскай і палестынскай каланізацыі, гісторыя яўрэйскай грамадскасці. У 1923 г. галоўным штабам «Хе-хавер» была зацверджана праграма па вывучэнні с'янізму. Вялікая роля адводзілася менавіта тэорыі с'янізму, асобны раздзел быў прысвечаны кангрэснаму руху, што тлумачылася неабходнасцю даць уяўленне пра развіццё тэарэтычнай і практычнай думкі руху. Для вырашэння гэтых задач прапаноўваўся спіс літаратуры, які асвятляў кангрэсны рух: Базэльская праграма, Палітычны с'янізм і яго адрозненні ад палестынафільства, I Кангрэс с'яністаў (С. Пэн), I Сусветная канферэнцыя с'яністаў (М. Шляпашнікаў) [3, арк. 28]. Метадамі ажыццяўлення культурнай работы былі: лекцыйны, у групах (семінарны), рэфератны, а для вылучэння інтэлігенцыі – рэфератна-лабараторны. З мэтай распаўсюджвання і ўкаранення іўрыта праводзілася гебраізацыя арганізацыі «Хе-хавер» пад кантролем выкладчыкаў [3, арк. 2].

Чалавек, які адыграў лёсавызначальную ролю ў станаўленні мовы іўрыт як мовы штодзённых стасункаў, Эліэзер Бен-Іегуда (Перэльман)

паходзіць з мястэчка Лужкі Шаркаўшчынскага раёна. Сям'я Бен-Іегуды была першай у Іерусаліме, дзе размаўлялі выключна на іўрыце. «...Давайте лелеяць еўрейскі язык, інакш мы погібнем! Еўрейскі язык можа жыць, толькі калі мы оживим нацыю і вярнем ёй на зямлю продкаў», – пісаў у 1880 г. Эліэзер Бен-Іегуда ў сваім лісце да выдавецтва газеты «Ха-шахар» [6, с. 229].

Сіянісцкая праца арганізацыі «Хе-хавер» ускладнялася невызначаным палітычным станам, слабасцю эканамічнага тэмпу будаўніцтва Палестыны, арганізацыйнай слабасцю Сусветнага сіянісцкага руху. Свой уплыў мелі і асіміляцыйныя працэсы, што выклікала неабходнасць актыўнага ўдзелу яўрэйскай моладзі ў сіянісцкім руху з нацыянальна-выхаваўчым характарам. Яшчэ раз трэба падкрэсліць дастаткова шырокі арэал напрамкаў сіянісцкай работы «Хе-хавер». Асноўныя палажэнні заключаліся ў прапагандзе ідэй і прынцыпаў сіянізму: стварэнне ва ўсіх месцах сваіх арганізацыйных ячэек, своечасовае забеспячэнне сіянісцкай інфармацыяй, аказанне ўплыву праз эканамічны фактар з выкарыстаннем узаемадапамогі, усталяванне цесных сувязей з ішувам Палестыны і сіянісцкай моладдзю. Адным з прыярытэтных накірункаў быў удзел ва ўсіх пачынаннях агульнанацыянальнага і палестынскага характару: збор сродкаў для Нацыянальнага фонду, Працоўнага банку, збор кніг і матэрыялаў для нацыянальнай яўрэйскай бібліятэкі і ўніверсітэта. Для арганізацыі і аблягчэння яўрэйскай эміграцыі ў Палестыну арганізавалася прафесіянальная падрыхтоўка кандыдатаў у «Хе-халуц» – арганізацыю што практычна рыхтавала будучых рэпатрыянтаў. Для аблягчэння пераезду членаў «Хе-хавер» у Палестыну канферэнцыя прапанавала кіраўніцтву прыступіць да перасялення кааператываў [3, арк. 3]. «Хе-хавер» абвешчалася адзінай арганізацыяй, якая за 13 год існавання эвалюцыянавала да ідэй культурнай, існавала неабходнасць у сіянісцкай інтэлігенцыі, выхаванай на ідэях працоўнай Палестыны [3, арк. 4]. Адметна, што фарміраванню маладога актыву і здаровага складу арганізацыі канферэнцыя надавала шмат увагі.

З педагагічным падыходам вырашалася пытанне ў суполцы «Хе-хавер Хацаір» па аздаравленні моладзі і яе прыцягненні ў нацыянальны рух. Знікненне нацыянальных форм яўрэйскага жыцця і дэмаралізацыйны уплыў партыйных органаў прывялі да адсутнасці нацыянальнай школы і грамадскасці, таму была ўхвалена ідэя фізічнага развіцця, як спрыяльнай глебы для рэалізацыі ў арганізацыях юнацтва. Заняткі ў групах для юнацтва 14–17 гадоў спрыялі знітаванню. Вырашана было арганізаваць спартыўна-

падрыхтоўчую працу ў кантэксце праграмы спартыўнай арганізацыі «Макабі». Мінская арганізацыя «Хе-хавер Хацаір» заснавала калектыў «Іўрыт», задачай якога з’яўлялася знаёмства сяброў суполкі з мовамі і літаратурай. У дакладзе Мінскай ячэйкі «Хе-хавер Хацаір» палемічна адзначаецца, што стварэнне аўтаномнага калектыву з такімі мэтамі павінна даць тое выхаванне юнацтву, якога яно не атрымоўвае дома [3, арк. 20–23]. Для заахвочвання самай малодшай узроставай групы да сіянісцкага калектыву дзейнічаў скаўцка-летнікавы рух «Скаўтмастары», які займаўся фізічным выхаваннем дзяцей, друкаваным органам якога была газета «Шлях скаўтмастараў» [2, арк. 55]. Галоўнай праблемай з’яўлялася сезоннасць руху: пачатковец, які далучыўся да арганізацыі летам і ўліўся ў працу, хутчэй за ўсё застанеца, чым пачатковец, які далучыўся ўзімку [2, арк. 125]. Для эфектыўнасці працы з «бойнім» – маленькімі ўдзельнікамі арганізацыі – існавалі спецыяльныя рэкамендацыі. Дзейнасць па падрыхтоўцы членаў арганізацыі «Скаўтмастары» заключалася ў занятках ручной працай (для малодшых – лепка, мадэліраванне з паперы, для старэйшых – шыццё і інш.), каб удзельнікі былі падрыхтаваныя да працы ў цофімскіх майстэрнях. Метад і форма заняткаў была зручная для ненавязлівай размовы падчас працы [2, арк. 131]. У сакавіку 1924 г. «Хе-Хавер» зліўся з Таварыствам сіянісцкіх студэнтаў Украіны і аналагічнай арганізацыяй «Кадзіма» у Беларусі, новая арганізацыя атрымала назву Адзінае Усерасійскае таварыства сіянісцкай моладзі. Нягледзячы на ўсе намаганні, Цэнтральны камітэт падкрэсліваў недастатковую працу ў мясцовых лакальных арганізацыях. Сярод асноўных праблем вылучаліся: недастатковае вывучэнне мовы іўрыт, што тлумачылася адсутнасцю фінансавання для ўтрымання выкладчыкаў; адсутнасць дысцыпліны: не ўсе кіраўнікі праводзяць дастатковую працу; слабы ідэалагічны друк; адсутнасць спартыўных заняткаў ўзімку; праца моладзі ў саматужных майстраў, што адлюстроўваецца на малых заробках, але гэта можна лічыць як выкананне «хахшары»; нізкі узровень культурнага і палітычнага развіцця [2, арк. 132–135].

Справаздачны выступ кіраўніцтва падчас працы ІХ Усерасійскай канферэнцыі «Хе-хавер» падкрэсліў правільнасць лініі, якая праводзілася арганізацыяй. Сярод праблем былі вызначаны: недастатковая актыўнасць і слабае праяўленне ініцыятывы, што прывяло да ідэйнага крызісу. Поўнае прыпыненне дзейнасці не адбылося толькі з-за самастойнасці мясцовых арганізацый. Унутраная абстаноўка характарызавалася адназначна і энтузіязмам ва ўмовах пераследаў. Негатыўную афарбоўку меў факт

існавання адарванасці некаторых членаў ад сіянісцкай працы, а таксама існаванне сектаў, якія імкнуліся ператварыць «Хе-хавер» у «культурнікаў», якія адарваныя ад грамадскага жыцця і таму да яго не прыставаныя [3, арк. 4]. Адметным з'яўляецца факт, які вынікае з матэрыялаў аб сацыяльна-эканамічным, палітычным становішчы ў мястэчках Лапічы і Парычы Бабруйскай акругі, якія збіраліся камісіяй ЦК КПБ у перыяд вясны 1926 г. для прадстаўлення вышэйшым партыйным органам, дзе сіянісцкая моладзь у масе прызнаецца больш культурнай [4, арк. 148].

Такім чынам можна падвесці вынік, што сіяністы беларускіх акругаў стварылі добрую метадычную сістэму, у якую былі ўключаны розныя пласты яўрэйства, яна ахоплівала розныя ўзросты, прапануючы дыферэнцыраваны падыход у падрыхтоўцы. Для падлеткаў арганізоўваліся скауцкія гурткі, у якіх праводзіліся фізічныя практыкаванні і арыентаванне, заняткі па палестыназнаўству. Працоўная моладзь займалася ў адмысловых аб'яднаннях – хахшарах, якія былі заснаваны на калектыўнай працы. У пачатку 1920-х гг. перад сіянісцкім рухам у Савецкай Беларусі стала пытанне аб падрыхтоўцы інтэлігенцыі. Ствараліся праграмы лекцый, акрэсліваліся формы правядзення заняткаў. Відавочна, што гэта станоўча адбівалася на адукацыі яўрэйства, выхаванні, як прафесійным, так і маральным, фарміравала самасвядомасць і ідэнтыфікацыю ў грамадстве.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф.4-п. Воп. 1. Спр. 1893. – 555 арк.
2. НАРБ. – Ф.4-п. Воп. 1. Спр. 2413. – 441 арк.
3. НАРБ. – Ф.4-п. Воп. 1. Спр. 1892. – 43 арк.
4. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. – Ф. 445. Воп. 1. Спр. 180. Арк. 148
5. Басин, Я. Большевизм и евреи : Белоруссия, 1920-е гг. Исторические очерки / Я. Басин. – Минск : А.Н. Вараксин, 2008. – 302 с.
6. Бен-Иехуда, Э. Письмо издателю газеты «Ха-шахар» / Э. Бен-Иехуда // Сионизм в контексте истории : хрестоматия по истории сионизма с предисловием А. Херцберга. В 2 кн. – Кн. 1. – Иерусалим : Библиотека-Алия, 1993. – С. 221–229.
7. Бэмпарад, Э. Ідышысцкі эксперымент у савецкім Менску / Э. Бэмпарад // АРСНЕ. – 2007. – № 11. – С. 61–80.
8. Зельцер, А. Евреи советской провинции : Витебск и местечки. 1917–1941. / А. Зельцер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 476 с.

9. Подлипский, А. Евреи в Витебске. В 2 т. Т. 1 / А. Подлипский – Витебск : Витебск. обл. тип., 2004. – 184 с.

Hanna Bazarevich. The Organization of Zionist activity among the Jewish youth of the Soviet Belarus at the turn of the 1920s .

To achieve the objectives of Zionism active Jewish national movement members had to create a special system of preparatory work for the Jews, who had decided to make repatriation to the land of Israel. The youth and young adults were in the vanguard of Zionism on the territory of Belarus. The activities provided by the organizational leadership were diverse, i.e. a physical, educational, labor training, cultural and educational activities.

УДК 37.014.521:271.2:94(476.5)

Л. А. ВАСИЛИЦЫНА

(Витебск, Свято-Успенский монастырь)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ТАДУЛИНСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО
ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (1917–1922 ГОДЫ)**

Статья посвящена истории и деятельности учреждений образования на территории Тадулинского монастыря в период 1917 – 1922 гг. Рассматриваются особенности устройства советских школ на базе ликвидированных духовных.

В период Российской империи православные монастыри принимали активное участие в организации духовных школ и училищ, выполняя важную образовательную функцию. Перемены, вызванные Февральской революцией, изменили политику государственной власти в сфере образования. Определением Временного правительства от 20 июня 1917 г. почти все церковно-приходские школы, а также учебные заведения, подготавливающие преподавателей для них : второклассные и церковно-учительские школы из введения Святейшего Синода были переданы в ведение Министерства Народного Просвещения. Декретом СНК Советской России «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» усложнялась сама возможность существования духовных школ. Предпринимались попытки организовать советские учебные заведения на базе монастырей. Изучение опыта организации советской системы образования на местном уровне позволит раскрыть специфику и

сложности переходного периода. Целью данной работы является освещение деятельности образовательных учреждений на территории Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря в 1917–1922 гг.

Источниками послужили материалы Национального исторического архива Беларуси и Государственного архива Витебской области. Использовались общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-системный) методы.

С 1891 г. при Тадулинском монастыре действовало женское двухклассное училище, которое около 1910 г. было преобразовано в двухклассную женскую с педагогическим курсом школу, а также образцовая церковно-приходская школа. Руководительницей учебного заведения являлась настоятельница монастыря, законоучителем – монастырский священник. Монастырь полностью обеспечивал содержание училища. Среди учительниц школы преобладали представительницы духовного сословия: дочери священников и монахини. Большинство из них имели большой учительский стаж и хорошее образование [1, с. 111–112]. В 1912 г. в школе обучались 21 мальчик и 11 девочек, а в 1917 г. – 33 мальчика и 94 девочки [11 л. 5], [10, л. 27–33].

В сентябре 1917 г. по предписанию Витебского Уездного Отделения Полоцкого Епархиального Училищного Совета Тадулинская двухклассная школа была передана в ведомство Министерства Народного Просвещения [8, л. 62 об.; 9, л. 3]. Заведующий школой получил указание передать школьные здания во временное пользование земства с условием обязательного ремонта за счет земства, а также проверить наличие описей и каталогов школьного имущества для передачи школы [8, л. 62 об.].

Тем не менее, учебный процесс в Тадулинском монастыре в 1917 г. прерван не был. Строились планы на функционирование духовного училища и далее, за монастырский счет в августе 1918 г. был произведен ремонт. Однако уже 12 сентября 1918 г. постановлением Витебский уездный Совет по народному образованию Тадулинское духовное училище было закрыто, его здание и имущество было передано государству. Монастырь предпринял безуспешную попытку компенсировать расходы на ремонт школьных зданий, обратившись в Вымнянский отдел по народному образованию.

На этой базе 18 октября 1918 г. была открыта Тадулинская трудовая советская школа первой ступени [2, л. 1, 8, 11, 12, 18]. В 1918/19 учебном году там обучалось 111 учеников, работало 6 преподавателей, среди которых были и учителя бывшего женского

училища, послушницы монастыря. Планировалось, что при школе будет обучаться приблизительно 250 человек. Этим обосновывалась необходимость расширения площади путем капитального ремонта, так как школа в это время размещалась в трех отдельных ветхих зданиях монастырских построек [7, лл. 16, 58, 85 – 89, 185]. Следует отметить, что преподавателями в Тадулинской школе, кроме устроившихся в 1918 г., работали учителя бывшего женского училища. Например, в 1919 г., две послушницы Тадулинского монастыря – Параскева Антонова и Пелагея Листратова – работали инструкторами физического труда [7, л. 16]. Согласно опросному листу «Сведения на школьных работников» за 1920 г., половина учителей (4 из 8) поступили на работу в Тадулинскую школу до 1917 г. [7, л. 185].

С ростом количества школ первой ступени встал вопрос об организации школы второй ступени, которая смогла бы обеспечивать выпускникам продолжение образования. 13 июля 1920 г. на общем собрании членов союза работников просвещения и социалистической культуры было принято решение открыть в Тадулино первый класс школы второй ступени, обучение в котором началось с сентября 1920 г. Функционировать школам приходилось в тяжелых условиях. Не хватало финансовых средств и рабочей силы. В феврале 1920 г., например, школа не имела дров для отопления, поэтому вынуждена была прекратить занятия [4, л.123; 6, л.63].

С 25 августа 1920 г. при монастыре Тадулино открылась школа имени III Интернационала с детским пансионатом, которая была рассчитана на детей Витебского уезда, от 4 до 15 лет. В первую очередь принимались дети красноармейцев, а также бесприютные и, при наличии свободных мест, дети «беднейшего населения». В пределах волости на 15 августа этого же года детей вышеперечисленных категорий числилось 2 124. Об открытии этой школы было сообщено всем районным Советам. К октябрю 1920 г. сформировалась структура и кадры школьного городка, в состав которого входили школы 1-ой и 2-ой ступеней, детский сад и детский дом. С 1 декабря 1920 г. при Тадулинском детском доме имени III Интернационала была открыта запись на занятия по обучению грамоте взрослых от 15 до 40 лет [5, л. 741, 742, 749, 751; 6, л. 911].

В процессе открытия советских школ у монастыря изымались помещения и оборудование. Например, под размещение школьного городка было постановлено изъять у монастыря два жилых корпуса и дом монастырского священника Пригоровского. Последнего следовало переселить в монастырский сарай. По итогам многочисленных жалоб и проверок специальной комиссией было

составлено подробное описание монастырских построек (6 корпусов) с предложением разместить в трех из них 1-е и 2-е отделение Единой трудовой школы второй ступени. В остальных трех (двухэтажный дом, который раньше был училищем с общежитием, дом в центре монастырского двора и дом около озера) предлагалось поместить общежитие для учащихся детского дома [6, л. 764, 789, 784, 787].

Весной 1921 г. в связи с голодом в Поволжье, вызванным продразверсткой и засухой, советским правительством предпринимались мероприятия по эвакуации населения из голодающих районов. В Витебский уезд в 1921 г. было прислано 160 поволжских детей. Осенью 1921 г. в монастырских помещениях был организован детский дом для детей, эвакуированных из голодающего Поволжья. Монахиням было предписано выселиться в фольварок Зайбужье, однако достоверно известно, что часть сестер оставались в это время на территории монастыря и принимали участие в жизни Тадулинского интерната. На 11 января 1922 г. в Тадулинском детском доме числилось 96 детей Поволжья, 8 человек педагогического персонала и 7 человек технического персонала. Так как уездный отдел народного образования не имел достаточных средств для обеспечения детских домов, условия содержания в этих учреждениях были крайне неудовлетворительными. Не хватало средств личной гигиены, большинство воспитанников было заражено чесоткой и экземой. Для сокращения количества проживающих в интернате по обращению граждан разрешалось детей раздавать по домам, оставить в интернате предполагалось лишь самых маленьких и больных. Крестьяне окрестных деревень активно принимали переселенцев в свои семьи, так что к марту 1922 г. в интернате осталось проживать 25 человек. В середине марта 1922 г. Витебский уездный отдел народного образования принял решение произвести слияние Тадулинского детского дома с Лиозненским. Причиной послужило малое количество оставшихся детей, неудобное расположение его территории, которая с нескольких сторон была окружена проточными речками, не имеющими мостов, и отдалена от железной дороги и тракта, что создавало трудности по доставке дров и продуктов. Непригодными, по мнению уездного отдела народного образования, были и условия проживания. При перемещении детского дома в Лиозно выяснилось, что за время пребывания в Тадулино из 96 человек, поступивших в детдом в январе 1922 г., к марту 81 ребенок был принят на патронирование, трое детей умерло (похоронены на монастырском кладбище), и только 7 человек было передано в Лиозненский детдом [3, л. 68, 147; 5, л. 7, 25, 37, 85, 87, 102, 133, 137].

Таким образом, после революционных событий 1917 г. секуляризация системы образования привела к ликвидации школ духовного ведомства. Вместо них в период с октября 1918 г. по декабрь 1920 г. на территории и в зданиях монастыря был организован и действовал Тадулинский школьный городок имени III Интернационала, который включал в себя Трудовые школы 1-ой и 2-ой ступени, детский дом и детский сад. Сестры и послушницы обители принимали участие в жизни советских учреждений образования. С весны 1921 г. в ходе мероприятий по оказанию помощи голодающим Поволжья в помещениях монастыря проживали эвакуированные дети. Материальные и бытовые трудности привели к тому, что в марте 1922 г. Тадулинский дом детей Поволжья был упразднен.

Список использованных источников и литературы

1. Василицына, Л. А. Образовательные учреждения при Свято-Успенском Тадулинском женском монастыре (вторая половина XIX – начало XX в.) / Л. А. Василицына // VII Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, 24 – 25 сентября 2013 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С. 111 – 112.
2. Дело Тадулинской Советской школы 1-ой ступени отдела по народному образованию Вымнянской волости на 1918 и 1919 уч. год // Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 28. – Оп. 1. – Д. 3
3. Постановления и протоколы заседаний президиума и пленумов Витебского уисполкома за 1922г. копии // ГАВО. – Фонд 104. – Оп. 1. – Д. 36 :
4. Протоколы заседаний школьных Советов школ I и II ступеней Витебского уезда // ГАВО. – Фонд 221. – Оп. 1. – Д. 8 :
5. Ведомость раздачи продуктов детям Тадулинско-Лиозненского дома «Детей Поволжья». Список служащих детдома за 1922 г. // ГАВО. – Фонд 221. – Оп. 1. – Д. 130 :
6. Декреты СНК о кооперации. Постановления Витгубисполкома по учету и обследованию кустарной и мелкой промышленности. Переписка с уездными учреждениями по текущей работе // ГАВО. – Фонд 1656. – Оп. 1. – Д. 1 :
7. Протокол заседаний Витуревкома и доклад о результатах обследования школ Вымнянской волости. Переписка с уездными учреждениями и школами по хозяйственным вопросам // ГАВО. – Фонд 1656. – Оп. 1. – Д. 9 :
8. : Входящие и исходящие документы за 1917 г. // Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАБ). – Фонд 2617. – Оп. 1. – Д. 1111

9. Рапорты, отношения о передаче Тадулинской женской 2-хклассной церковной школы в ведение МНП, прошения разных лиц о зачислении их в школу // НИАБ. – Фонд 3104. – Оп. 1. – Д. 18 :
10. Входящие и исходящие документы Тадулинского женского училища за 1913 г. // НИАБ. – Фонд 2617. – Оп. 1. – Д. 1088 :
11. Клировая ведомость Успенской церкви монастыря и приписной к ней Пивоварской церкви за 1917 г. // НИАБ. – Фонд 2617. – Оп. 1. – Д. 1109 :

Lyubov Vasilicyna. Activities of educational institution in Tadulin Holy Dormition monastery (1917-1922)

The article deals with the history and activities of educational institutions in the territory of Tadulin monastery during the 1917 - 1922 biennium. The features of the device based on the Soviet school liquidated spiritual.

УДК 35.077:351.745(476.2-21Гомель) “192”

С. Ф. ВЕРЕМЕЕВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ В ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

В данной статье преимущественно на основе архивных материалов рассматриваются основные направления деятельности милиции на территории Гомельской губернии в первой половине 20-х гг. XX в. Приводятся сведения о времени появления милиции, зарплатах милицейских работников. Выделены проблемы, стоявшие перед милицией в тот период.

Датой образования милиции на территории Гомельщины принято считать 8 марта 1917 г. Именно в этот день Гомельский совет рабочих и крестьянских депутатов утвердил временное Положение «О милиции», в соответствии с которым началось создание первых милицейских отрядов в регионе [1].

После прихода к власти большевиков существующая милиция была реорганизована и поставлена под их контроль. В тех случаях, когда милиция отказывалась поддержать новую власть или занимала нейтральную позицию, она ликвидировалась. Так, в ноябре 1917 г. решение о ликвидации местной милиции принял Речицкий совет. В

городах и уездах Гомельщины процесс реорганизации милиции завершился в конце 1917 – начале 1918 г. [2, с. 35–37]. В начале 1918 г. милицию возглавил бывший железнодорожный рабочий, член РКП(б) Алексей Яковлевич Саранчук. В декабре 1918 г. в Гомеле было создано отделение уголовного розыска [1].

Однако, как показывают архивные материалы, «твёрдые штаты» милиции окончательно оформились лишь в 1922 г. В частности, об этом заявлял тогдашний начальник губернской милиции Прокофьев, выступая на съезде работников милицейских работников [3, л. 4 об].

Милиция Гомельской губернии находилась в двойном подчинении в тот период – местных властей и НКВД РСФСР. Управление милиции губернии включало Общее отделение, Административное, Организационно-инспекторское, Розыскной отдел, Административно-паспортное бюро, Хозяйственную часть. Каждое отделение, в свою очередь, делилось на столы [4, л. 35].

Относительно численности работников милиции в архивных документах встречаются различные и достаточно противоречивые данные, что требует дальнейшего изучения данного вопроса.

Основными направлениями деятельности милиции в рассматриваемый период являлись борьба с преступностью и бандитизмом, лесохищениями, кражами скота, самогонварением, преодолением стихийных бедствий, детской беспризорности [1]. Работники милиции занимались расследованием убийств и покушений на убийство, изнасилований, вооруженных грабежей, краж (крупных, мелких, карманных), конокрадства, фактов мошенничества и других преступлений [5, л. 47].

От действий преступников не были застрахованы не только обычные граждане, но и представители власти. Так, 12 марта 1924 г. в местечке Комарин бандитами был ранен в руку член волостного исполнительного комитета Ермоленко. Те же бандиты ограбили лавку, где «забрали чугуны и другие мелкие вещи» [6, л. 154].

Широкий общественный резонанс вызвало убийство начальника Гомельского Губернского уголовного розыска Григория Михайловича Михайловского, произошедшее 24 мая 1924 г. в Стародубском уезде.

Г. М. Михайловскому было на тот момент 24 года, до этого он работал в ЧК, затем возглавлял уголовный розыск в Речицком, Чериковском и Климовичском уездах, стоял во главе Гомельской уездной милиции и принимал непосредственное участие в ликвидации всех наиболее крупных бандитских группировок на Гомельщине.

Пятеро вооруженных бандитов, подкараулив ехавшего по службе Г. М. Михайловского, напали на него, раздели до нижнего

белья, увели в поле и убили выстрелом в голову, а тело зверски изуродовали. Расследованием преступления занималось Гомельское ГПУ, убийцы были задержаны [7].

В некоторых населённых пунктах наблюдалась криминогенная обстановка. По данным милиции и органов ГПУ, в деревне Кунторовка Ветковской волости «ежедневно по вечерам и ночью бывают частые выстрелы из винтовок, сильно развито самогонокурение, пьянство, драки и проч.» [6, л. 381].

В рядах преступников порой оказывались даже бывшие представители советской власти. Так, в Носовичской волости занимались грабежами бывший председатель волостного исполкома Яков Самодумов и его бывший подчинённый Вишняков, ранее служивший в ЧК [6, л. 341].

На милицию возлагалась также задача по борьбе с притоносодержателями, сводничеством и проституцией в губернии. Проституция была наиболее распространена в Гомеле (было зафиксировано до 25 человек, замеченных в ней) и крупных уездных центрах. В Гомеле в 1922-23 гг. под суд было отдано 9 притоносодержателей и 3 сводников [8, л. 90; 3, л. 7].

Работники милиции противодействовали незаконному обороту оружия на территории губернии. Так, в 1922 г. в Гомельской губернии было изъято 882 единиц разного вида оружия, а в 1923 г. – уже 1340 единиц [8, л. 81]. Арсенал изъятого включал холодное оружие, охотничьи ружья, обрезы («урезки»), револьверы, трехлинейки, японские винтовки, гранаты и даже пулемёты [5, л. 47, 146; 8, л. 62 об]. Население могло сдавать оружие в милицию и добровольно, однако основная его часть была изъята работниками милиции в результате проведения специальных мероприятий.

Милиция занималась розыском пропавших малолетних и несовершеннолетних подростков. В первой половине 20-х гг. XX в. милиция в губернии выполняла также функции справочного бюро – устанавливала местожительство конкретных граждан «по просьбе отдельных лиц и учреждений». От последней обязанности она была официально освобождена в 1926 г. [9, л. 65].

Значительное число преступлений составляли случаи конокрадства, считавшегося тогда «наследием старых времён» [8, л. 63]. Преступники старались быстрее угнать украденных лошадей в соседние губернии, что значительно осложняло их дальнейший поиск. В целом, процент раскрытия краж лошадей был невысок. Так, в течение марта-мая 1924 г. по губернии было раскрыто всего лишь 32% случаев конокрадства.

Более всего конокрадство было распространено в Гомельском и Речицком уездах, граничащих с Черниговской губернией [8, л. 90].

Дерзкое преступление произошло в июне 1924 г. в Комаринской волости, где неизвестные украли с пастбища «подследственную лошадь», находившуюся в распоряжении местной милиции. В ходе организованного преследования конокрады были настигнуты в деревне Хотиловке-Гуте Сороковичского района Черниговской губернии у граждан Любченковых. Однако при попытке забрать лошадь милиция встретила «упорное сопротивление со стороны братьев Любченковых и всего населения деревни» и вынуждена была отступить. Жители деревни приготовили 17 винтовок и 2 револьвера на случай повторной попытки милиции вернуть злополучную лошадь [6, л. 325].

Широкий размах в губернии в рассматриваемое время получило самогонование («самогонокурение»), начавшее приобретать «характер бытового явления» среди населения [8, л. 89].

Самогоноварение наблюдалось повсеместно, о его масштабах могут свидетельствовать следующие цифры. Только в 1923 г. в Гомельской губернии было зафиксировано 7589 случаев изготовления самогона, конфисковано 4035 самогонных аппаратов и 1540 вёдер спирта [8, л. 80]. В наибольшей степени производство самогона было развито на территории Гомельского и Новозыбковского уездов [8, л. 89]. Его производили в сельской местности в гумнах, банях, в лесу, «в густых зарослях около болот», других труднодоступных местах [5, л. 60–60об].

Большое значение борьбе с самогонованием придавали губернские власти, считавшие, что она является «основной работой милиции» и что ответственность за «процветание» самогонования «целиком и полностью падает на работников милиции». Власти предлагали оценивать «работоспособность комсостава» (руководства милиции – Авт.) исходя из того, насколько успешно милиция борется с изготовлением самогона [10, л. 1].

Однако бороться с производством самогона было нелегко. В Речицком уезде «для достижения результата» работникам милиции приходилось «чуть ли не ночевать в лесах» [8, л. 61 об]. Милиционеры не встречали содействия и со стороны сельсоветов и волостных исполкомов. Например, были сведения, что в деревне Нивки Краснобудской волости самогонщикам покровительствовал председатель сельсовета [11, л. 2 об].

В ряде случаев действия милиции по пресечению самогонования могли встретить и открытое сопротивление: «если окажется, что милиционеров мало, самогонщики иногда нападают на

появившихся милицейских работников и нередко наносят им тяжёлые побои...» [8, л. 62].

В целях борьбы с изготовлением самогона проводились специальные кампании. Так, на территории Речицкого уезда в период с 10 апреля по 10 мая 1924 г. было запланировано проведение Пасхальной кампании по борьбе с самогонокурением. В ходе кампании в каждой волости милиции предписывалось «во что бы то ни стало» изъять у населения не менее 25 самогонных аппаратов и передать в суд не менее 40 дел. Власти пригрозили, что в отношении тех работников милиции, «которые не проявят должной энергии» в борьбе с самогоноварением, «будет поставлен вопрос о дальнейшем пребывании в занимаемой должности» [9, л. 9].

Работники милиции, успешно боровшиеся с самогоноварением, поощрялись. Так, младший милиционер Хойникской милиции Николай Антонович Новоцкий был представлен к награде за задержание известного бандита Тарасенко, а также за то, что он «за короткое время изъясил у населения 40 самогонных аппаратов». В характеристике представленного к награде старшего милиционера Лоевской волостной милиции Михаила Григорьевича Самсонова в числе прочего отмечалось, что он «ведёт беспощадную борьбу с самогонокурением» [12, л. 23].

Одними лишь жёсткими мерами проблему самогонокурения было не решить. Это понимали и в самой милиции, поэтому в качестве одной из превентивных мер предлагалось «сделать доступными для деревни напитки установленной законом крепости» [8, л. 89].

Значительный размах в губернии в те годы получило лесохищение. Работники милиции сообщали, что «почти каждый гражданин свободно едет в лес и без всякого стеснения рубит какое ему угодно дерево». Лес рубили крестьяне, в основном – беднейшие жители деревни, для которых это занятие стало «обыкновенным явлением» и служило «подсобным промыслом» [8, л. 62 об]. К примеру, «массовые порубки леса» происходили на территории Шерстино-Островского лесничества вблизи деревни Семёновка. Крестьяне занимались хищением леса даже днём, и, располагая оружием, в случае «малейшего протеста» со стороны лесной стражи, открывали по ней огонь [9, л. 57]. Работники лесничества, будучи не в состоянии справиться с проблемой своими силами, обратились за помощью к милиции.

Органы милиции в тот период должны были заниматься и учётом духовенства, проживавшего на подконтрольной им территории. Так, на учёте Речицкой уездной милиции состояло 438 представителей духовенства (в том числе члены семей священнослужителей, церковные старосты, члены церковных советов) [13, л. 63].

Порой на работников милиции возлагалось выполнение довольно специфических задач. Согласно приказа начальника милиции Прокофьева, датируемого сентябрём 1923 г., они должны были периодически обходить улицы города, ловить бродячих животных (лошадей, коров и т.д.) и направлять их на скотоприёмные дворы [4, л. 21].

Становление советской милиции на территории Гомельской губернии было сопряжено с рядом различного рода проблем. Одной из них являлась недостаточная профессиональная подготовка милиционеров. В ходе обследования милиции Речицкого уезда инспекцией Губернского Административного отдела в 1924 г. было обнаружено, что младший лейтенант Кнуховский, охранявший арестантский дом, «не знаком с правилами обращения с оружием, заряжать винтовки не умеет, на посту стоял с незаряженным оружием, при попытке его обезоружить сопротивление оказать не мог» [13, л. 69]. Арестантское помещение в Горвальской волостной милиции охраняли обычные граждане, среди которых находился четырнадцатилетний мальчик, а «заряженная винтовка была без присмотра в углу камеры» [13, л. 69, 72]. Низкий уровень профессиональной подготовки наблюдался и у милицеских работников более высокого ранга. Начальник губернской милиции Прокофьев признавал, что «комсостав наполовину не соответствует своему назначению и не имеет соответствующей подготовки» [3, л. 5 об].

С целью улучшения деятельности органов милиции были проведены так называемые «чистки» её кадрового состава в губернии. В 1922/23 гг. прошло две «чистки» в милиции : первая – ведомственная, и вторая, более масштабная, в результате которой из органов было уволено 26% от общего состава работников [3, л. 5].

В тот период существовали и проблемы, связанные с материальным обеспечением работников милиции, бытовыми условиями их жизни. Так, Краснобудская волостная милиция размещалась в доме местного священника, не располагала арестантским помещением и конюшней [11, л. 2 об]. В Черикове в милицеском общежитии была дырявая крыша [3, л. 9]. Руководство милиции признавало, что «в некоторых уездах наблюдались раздетые милиционеры», а в «некоторых местах милиционеры спят на голых нарах, частично отсутствуют постельные принадлежности» [3, л. 9–9 об].

Сколько получали работники милиции в тот период? Средняя зарплата младшего милиционера в уездах составляла 13–14 рублей, в Гомеле – 16–18 рублей. Начальник губернской милиции мог получать от 96 до 144 рублей [8, л. 86].

На губернском съезде работников милиции, который проходил в Гомеле 11–14 мая 1923 г., было заявлено о необходимости решения существующих проблем, важности основательной подготовки и обучения кадров, «качественного улучшения личного состава» милиции. Отмечалась также необходимость эффективного взаимодействия с органами ГПУ в губернии. По словам одного из милицейских начальников, связь с ГПУ была «нужна до зарезу» [3, л. 5, 8об].

Большое внимание в те годы придавалось формированию правильных идеологических убеждений у работников милиции. Руководство ставило задачу «добиться, чтобы каждый милиционер мыслил по марксистски, был для крестьянина справочником советской власти» [3, л. 1].

В 1923–1924 гг. в СССР начали приниматься меры по улучшению материального положения работников милиции: повышение окладов, премирование за борьбу с правонарушителями, установление шефства над органами милиции и др. [14, с. 28]. Положительные тенденции наблюдались и в деятельности милиции на территории Гомельской губернии. Так, в докладе Губернского Управления милиции в Центральное Административное Управление НКВД РСФСР сообщалось, что за 1923 г. «аппарат милиции значительно окреп и приспособлен к условиям работы», а материальное положение работников «значительно улучшилось» [8, л. 5].

Список использованных источников и литературы

1. История Гомельской милиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uvd.gomel.by/Istoriia/Iatoriia_Gomelskoi_militsii.html.
2. Вишневский, А.Ф. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.) : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. И. Ильинский, И. А. Сороковик. – Минск: Академия МВД РБ, 1995. – 208 с.
3. Протоколы Гомельского губернского съезда и совещаний рабочей милиции, розыска и мест заключения. // Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 13.
4. Приказы по управлению милиции и уголовного розыска г. Гомеля, губернии и губадмотделу // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 25.
5. Месячные сведения о работе милиций губернии и количестве оружия, изъятого у населения // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 105.
6. Оперативно-информационные сводки губадмотдела и умилиций о борьбе с бандитизмом, 1923-1924 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 103.
7. Гершанок, В. Евреи Гомеля в период НЭПа [Электронный ресурс] / В. Гершанок, В. Райский. – Режим доступа: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx030107.html>
8. Отчёты о работе губернской и уездной милиций за 1923-1924 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 18.

9. Доклады начальников уездных милиций и розыска, переписка о борьбе с бандитизмом и преступностью, январь-сентябрь 1924 г. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 255.
10. Приказы по губадмотделу, протоколы заседаний губисполкома и переписка с ним о сокращении штата милицейских работников в губернии, 1924-1925 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 125.
11. Протоколы совещаний начальников уездных и волостных милиций, сент. 1924 – февраль 1925 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 247.
12. Приказ по губадмотделу и губисполкома, 1923-1924 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 100.
13. План работы губернской ведомственной милиции на 1926-27 гг., сведения о структуре уадмотделов и выполнении плана работы подотделами губадмотдела за 1925-26 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 417.
14. Костин, Ю.В. Исторический опыт борьбы с негативными явлениями в деятельности советской милиции в 1920-е гг. / Ю.В. Костин // История государства и права. – 2009. – № 22. – с. 26–29.

Sergey Veremeev. Militia's activity in the Gomel gubernia in the first half 1920-ies

In this article mainly on the basis of archival materials are considered the main activities of the militia in the Gomel province in the first half of the 20s twentieth century. Provides information about the time of occurrence of militia, the salaries of militia personnel. Highlighted the problems faced by the militia in that period.

УДК 94 (476)

М. И. СТАРОВОЙТОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ВОСТОЧНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ БССР В ПЕРИОД «ПЕРВОГО УКРУПНЕНИЯ»

В статье предпринята попытка установить роль этнического фактора в формировании восточной границы БССР в период подготовки и проведения первого ее укрупнения. Автор считает, что в ходе обсуждения различных точек зрения по вопросу о расширении территории БССР этнический фактор оказался наиболее доказательным аргументом.

Как в советской, так и современной белорусской историографии нет анализа изменений в национальном составе населения в 1917–1926 гг. в ССРБ/БССР, а тем более в сравнении с соседними губерниями. Частично этнический фактор затрагивается в монографиях П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева, С. А. Елизарова, в большей степени – С. А. Хомича и российского историка Ю. А. Борисёнка. Отсутствие сравнения снижает доказательность причин изменения этнического состава населения региона, не позволяет адекватно оценить роль национального фактора в установлении этнотерритории белорусов при формировании границ ССРБ/БССР. Нами и предпринята попытка, с учетом возможного объема публикации, восполнить этот пробел на примере белорусско-российского пограничья (БРП) и «первого укрупнения» БССР. Таблицы составлены и проценты подсчитаны автором.

В начале XX вв. в широкой палитре политико-правовых взглядов, стали занимать свое место и социал-демократы. Их взгляды на национальные проблемы были под воздействием западной идеи права наций на самоопределение. Как известно В. И. Ленин до революции не предполагал «...целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа...». После прихода большевиков к власти формирование новых административных единиц, установление границ и урегулирования территориальных вопросов происходило в сложнейших внутривнутриполитических и международных условиях заканчивавшейся Первой мировой войны, шедшей гражданской войны и иностранной военной интервенции, а после ее окончания в условиях экономического районирования.

Отходничество, переселения, беженство, ассимиляция, военные и революционные события 1914–1920 гг. повлияли на изменение численности и этнического состава населения пограничья, о чем автор уже писал. Увеличение миграции и переселения подтверждают и другие исследователи. Так, количество крестьян-отходников (в т. ч. и белорусов), прибывавших в Петербург на различные работы в 1900 г. из Витебской губернии составило 23,1 тыс. мужчин и 14,7 тыс. женщин, а в 1910 г. – уже 33,8 тыс. и 29,1 тыс., Псковской – 36,3 и 25,6; 35,7 и 32,0, Смоленской губернии – 23,1 и 15,8; 30,0 и 23,1 тыс. – соответственно [11, с.125].

Первая мировая война сильно повлияла на уменьшение числа мужчин в крестьянских хозяйствах. В губерниях БРП было мобилизовано в армию от 43,9% в Смоленской до 52,2% в Витебской губерниях из всех трудоспособных мужчин [13, с. 21]. В селах в своих

этнических территориях БРП проживало 90-94% белорусов и до 98% русских. Их потери сказались на уменьшении восточнославянского этноса в регионе. Общее уменьшение численности населения представлено в таблице 1 [9, с. 1–2].

Таблица 1 Численность населения на 1. 01. 1917 г. с учетом беженцев и без призванных

Губернии	Статданные 1916г. + годовой прирост	По пер. 1897г. + прирост населения	Данные сел.-хоз. переписи 1916г. и гор. анкет 1917г.	Отклонения в % от данных 1-го столбца		Отклонения в % данных 3-го столб. от дан. 2 го
				Цифры 2 столбца	Цифры 3 столбца	
	1	2	3	4	5	6
Витебская	1.867.596	1.718.322	1.466.244	+7,99	+21,49	-14,67
Могилевская	2.514.641	2.186.533	1.917.148	+13,04	+23,76	-12,32
Орловская	2.715.300	2.577.030	2.257.731	+5,09	+16,85	-12,39
Псковская	1.396.525	1.381.054	1.264.852	+1,10	+9,42	-8,41
Смоленская	2.120.696	1.895.678	1.800.475	+10,61	+15,09	-5,02

Примечание : -) – минус.

По подсчетам С. И. Брука и В. М. Кабузана в Российской империи (оценка по родному языку/наречию) в 1897 г. насчитывалось 5 885,5 тыс. белорусов, а в 1914–1917 гг. уже – 6 768,1 тыс. Прирост составил 115% [2, с. 88]. По их мнению, в результате процесса обрусения населения Витебской, Могилевской и отчасти Минской губерний белорусы среди жителей района Белоруссия–Литва составляли к 1917 г. 44,8%. В Витебской губернии в 1917 г. белорусов было 41,3%, а в Велижском, Невельском и Себежском уездах уже преобладало русское население. В Могилевской губернии белорусов оказалось 50,3%, при сильном понижении их доли в Могилевском (здесь очевидно опечатка, надо Речицком – М.С.), Гомельском и Рогачевском уездах [1, с. 26, 29].

Необходимо иметь в виду, что и до 1917 г., и в первые годы советской власти велись споры о том, что есть нация биологический или культурный конструкт. В декабре 1917 г. Российская Академия наук издала «Инструкцию к составлению племенных карт, издаваемых комиссией по изучению племенного состава населения России» (не народностей, не наций, а племенного состава – М. С.). В

дореволюционной России отсутствовало официальное представление о национальности. Многонациональное население не было институализировано и классифицировалось по религиозной или языковой (диалектной) принадлежности. Отсутствие критериев оценки национальностей, медленный процесс формирования национальной идентичности у русскоязычного населения в Российской империи подтверждается существовавшей практикой, когда русских, белорусов и украинцев записывали великороссами или русскими. По второй идентификации (русские) восточнославянский этнос представлен в таблице 2 [8, с. 28–29]. В ней не выделены белорусы и украинцы. Провозглашение ССРБ произошло в условиях небольшой мирной передышки между недавней кайзеровской интервенцией и надвигающейся польской. Первый съезд КП(б)Б более адекватно определил этническую территорию ССРБ. Она практически совпадала с этнографической картой Е. Ф. Карского. К концу января 1919 г. в условиях сложной внутрисполитической обстановки и чрезвычайно резко обострившейся геополитической ситуации Витебская и Могилевская губернии были включены в состав РСФСР. По сути дела из состава РСФСР они и не выходили. Это следует иметь в виду при исследовании этнотерриториального вопроса.

Таблица – 2 Национальный состав населения городов Могилевской губернии в 1917 г.

Русские		Поляки		Евреи		Литовцы		Латыши		Немцы		Прочие*		Итого	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Итого по городам Могилевской губернии															
41855	48281	8568	9604	38266	45597	538	615	384	433	180	250	2118	2457	91909	107237
45,5	45,0	9,3	9,0	41,6	42,5	0,6	0,6	0,4	0,4	0,2	0,2	2,3	2,3	100	100
Итого по уездам Могилевской губернии**															
12942	14532	2077	2403	31897	36211	128	192	166	171	29	39	10636	11315	57875	64863
22,4	22,4	3,6	3,7	55,1	55,8	0,2	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	18,4	17,4	100	100
Итого по городам и уездам Могилевской губернии***															
54797	62813	10645	12007	70163	81808	666	807	550	604	209	289	12754	13772	149784	172100
36,6	36,5	7,1	7,0	46,8	47,5	0,4	0,5	0,4	0,4	0,1	0,2	8,5	8,0	100	100

Примечание : *) – включены и лица не указавшие народность; **) – неземледельческое население местечек, станций; ***) – не включена численность гарнизонов в городах.

В таблице 3 [14, с. 132–135, 146–147, 186–187, 198–199, 220] видна высокая полиэтничность региона. Очевидным являлся факт,

что в БССР и в переданных в РСФСР губерниях города по национальному составу не являлись белорусскими.

Таблица 3 – национальный состав населения БРП в 1920 г. к итогу (100%)

Территория	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Евреи	Латыши	Литовцы	Немцы	Прочие
Витебская губерния									
Всего	32,6	0	56,9	1,1	8	0,9	0,3	0,1	0,1
Город	29,1	0,2	17,8	2,6	47,8	1,3	0,7	0,4	0,1
Витебск	33,8	0,3	12,1	4,0	45,2	2,4	1,2	0,6	0,4
Село	33,2	0	61,0	0,8	0,8	0,8	0,2	0,1	3,1
Гомельская губерния									
Всего	53,5	4,3	33,4	0,8	7,7	0,1	0,1	0,1	0,0
Город	45,0	2,5	12,1	1,3	38,3	0,2	0,5	0,1	0,0
Гомель	41,7	0,2	1,6	2,5	51,6	0,4	1,6	0,2	0,2
Село	55,2	4,7	37,8	0,7	1,3	0,1	0,1	0,1	0,0
БССР*									
Всего	1,5	0,3	82,8	3,9	10,9	-	-	-	0,6
Город	7,7	1,8	37,7	3,3	47,4	-	-	-	2,1
Минск	7,3	1,5	40,8	4,1	43,6	-	-	-	2,7
Село	0,6	0,1	89,1	1,0	5,8	-	-	-	0,4
Брянская губерния									
Всего	98,1	0,3	0,4	0,2	0,6	0,1	0,1	0,1	0,1
Город	90,6	0,9	1,6	1,5	4,3	0,5	0,4	0,2	0,0
Брянск	84,8	1,0	0,8	2,3	9,4	0,5	0,5	0,3	0,4
Село	99,2	0,2	0,2	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Смоленская губерния									
Всего	94,5	0,1	2,9	0,3	1,8	0,1	0,0	0,0	0,3
Город	76,5	0,1	2,2	2	17,3	0,7	0,3	0,0	0,9
Смоленск	77,5	0,2	1,7	2,5	15,3	0,8	1,1	0,4	0,5
Село	96,2	0,1	3,0	0,1	0,2	0,3	0,1	0,0	0,0

Примечание : *) – данные за 1923 г., латыши, литовцы, немцы вошли в графу прочие.

Общие показатели подтверждаются и архивным данным материалов переписи 1920 г., которая зафиксировала 56,9% белорусов в Витебской губернии [5, л. 5], в Гомельской – 33,3% [6, л. 14], в Смоленской – 2,9 [7, л. 1–4], в Брянской – 0,35% [4, л. 1–2].

Нами установлено, что самоидентификация населения впервые была предусмотрена уже в переписи 1920 г. В инструкции по проведению переписи указано: «Под национальностью разумеется группа населения, объединенная общностью национального самосознания, так что национальность не смешивается с гражданством (подданством). Под родным языком (вопр. 4б) разумеется тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого (в многоязычных семьях – мать)» [3, с. 14].

В решении вопроса о расширении границ ССРБ/БССР до «первого укрупнения» можно выделить, на наш взгляд, 4 этапа: 1 и 2 этапа – это намерения/предложения, а 3 и 4 – практическое осуществление.

Первая постановка вопроса о границах относится к ноябрю 1920 года, когда решался вопрос об установлении отношений БССР и РСФСР по примеру УССР и в связи с переговорами в Риге. Ревком Беларуси внес предложение о восточных границах республики. В ЦК представил записку И. С. Уншлихт, в которой он писал: «Может создаться положение, при котором, установив восточные границы Белоруссии, мы можем лишиться в результате даже не боевых действий, лишь мирных переговоров губерний Витебской и Могилевской». В ЦК 6 ноября поступило решение коллегии НКВД, подписанное Г. В. Чичериным, о нежелательности и крайней неосторожности присоединения к Белоруссии каких-либо частей Витебской и Могилевской губерний (в обоих случаях ошибка, надо Гомельской губернии – М. С.). Политбюро ЦК РКП(б) обязало Наркомнац и ЦБ КПБ прислать в ЦК заключение по вопросу о территории Белоруссии. На заседании ЦБ КПБ 11 ноября после обсуждения данного вопроса было принято постановление: «Вопрос о расширении территории Белоруссии считать несвоевременным». Такое же решение было принято на совещании 17 ноября в секретариате ЦК РКП(б) (присутствовали А. Ф. Червяков и В. Г. Кнорин). Постановление этого совещания 18 ноября 1920 г. утвердило Политбюро ЦК РКП(б) [12, л.35–42].

Началом второго этапа можно считать август 1922 г., когда инструктор ЦК РКП(б) А. И. Асаткин-Владимирский в докладе в ЦК РКП(б) по итогам проверки партийной работы в БССР написал: «Заслуживает быть отмеченным, особенно волнующие все круги Советской Белоруссии, вопрос о расширении границ Белорусского государства до естественных его пределов, согласно этнографическим данным края. Общие интересы БСР и РСФСР говорят за необходимость присоединить к Белоруссии ее

этнографические части : Гомельщины, Витебщины и западную часть Смоленщины» [12, л. 64].

Третий этап начинается с апреля 1923 г., резолюций VII съезда КПБ и II сессии ЦИК БССР вновь поставивших вопрос о границах. В обоснование приводились данные о национальном составе населения, но без указания источника. Так, в докладной записке ЦБ КП(б)Б в ЦК РКП(б) о территории БССР, подготовленной по поручению ЦБ КП(б)Б В. А. Богуцким, А. Ф. Червяковым, В. М. Игнатовским, В. А. Ноделем, А. Х. Гетнером, указано, что в Витебской губернии белорусы составляют 65–68%, в Гомельской – 80%, в Смоленской – 40%, сделан категорический вывод. «Таким образом, если подходить исключительно с точки зрения национального состава, тогда не подлежит никакому сомнению, что Витебская и Гомельская губернии и прилегающие к ним районы Смоленской губернии считаются чисто белорусскими по своему составу и логически должны были составлять часть Советской Белоруссии» [12, л. 79]. В обсуждение предложений ЦБ КПБ участвовала и делегация КППИ, находившаяся в Москве в начале июня 1923 г. В письме в указано, что «в принципе мы высказываемся за присоединение к Белорусской Республике тех уездов, где население является, без сомнения, в превышающей степени белорусским. В то же время ... не понятно, почему должны включать ... и те уезды Гомельской и Витебской губерний, которые, по мнению ЦБ КПБ (статистика которого сомнительна), не имеют белорусского большинства» [12, л. 103].

Мощным импульсом для изучения белорусского вопросу явилась работа комиссии, созданная решением Политбюро ЦК РКП(б) 31 мая 1923 г. по изучению работы среди белорусов в Польше, а для сравнения и в СССР. В июне эта комиссия затребовала данные о «национальном составе населения (в % отношении) пограничных районов, прилегающих к Белоруссии» [12, л. 77]. В приложении к указанному докладу, подписанному 19 июня 1923 г. А. Ф. Червяковым указано : «Исключение составляют в Витебской губернии : Велижский, Суражский (очевидно, надо Себежский – М. С.) и Невельский, примыкающие и тяготеющие к Псковской и Смоленской губерниям, и в Гомельской губернии уезды : Новозыбковский, Стародубский, Почепский, Мглинский, Клинцовский, входившие ранее в состав Черниговской губернии» [12, л. 90]. Роль этнографического фактора отмечается в докладе комиссии оргбюро ЦК РКП о расширении границ БССР в ноябре 1923 г. Высказывалось мнение, что «комиссии надо было

определенно взвесить ценность признаков – этнографического и экономического – и выбрать между ними» [12, л. 133]. В докладе комиссии В. М. Молотова есть ссылки на карту Е. Ф. Карского. Указано, что белорусы составляют большинство населения (более 50% общего числа жителей по переписи 1920 г.) не во всех уездах Витебской и Гомельской губерний, а в Смоленской – только в Горецком уезде большинство белорусов [12, л. 130–131]. В середине декабря 1923 г. в совместную комиссию БССР и РСФСР было представлено заключение Наркомзема РСФСР по вопросу о расширении границ БССР. В нем приводятся последние данные ЦСУ по всем уездам Витебской, Гомельской и двум уездам Смоленской губерний с национальным составом населения. На основании этих данных сделан вывод о нецелесообразности присоединения тех уездов, «где белорусское население по численности представляется в значительном меньшинстве» [12, лл. 154–156].

Показатель 50% часто встречается в документах. Нам представляется, что члены различных комиссий руководствовались мнением Е. Ф. Карского, который в 1920 г. писал: «**Только в том случае этнографическая граница проводится в сторону данного народа, если представителей его в спорном пункте имеется не менее 50-ти %, а при нескольких народах – процент больший, чем каждого из них**» (выделено мной – М. С.) [10, с. 1]. Очевидно, эта цифра стала важным аргументом и для членов комиссии ЦИК СССР, когда в конце декабря 1923 г. вопрос о Гомельском и Речицком уездах был снят с рассмотрения, а Невельский, Себежский и Велижский уезды в БССР не передавались. С января по март (4-й этап) шло интенсивное обсуждение в партийном и советском порядке данного вопроса в заинтересованных губерниях. В переданных в марте 1924 г. в 15 уездах и части волостей 2 уездов по постановлению Президиума ВЦИК «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением» доля белорусов значительно превышала 50%.

Следовательно, «этнический фактор» сыграл важную роль и, на наш взгляд, главную роль при «первом укрупнении» БССР и установлении границы с РСФСР, когда было доказано абсолютное преобладание белорусов в присоединяемых территориях.

Список использованных источников и литературы

1. Брук, С. И., Кабузан, В. М. Этнический состав населения России (1719 – 1917 гг.) / С. И. Брук // Советская этнография. – 1980. – №6. – С. 18 – 34.

2. Брук, С. И., Кабузан, В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (Конец XIX в.–1917гг.) / С. И. Брук // История СССР. – 1980. – №3. – С. 75 – 93.
3. Всеобщая перепись 1920 года. – М., 1920. – 64 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 1405.
5. ГАРФ. – Фонд 1318. – Оп. 1.. – Д. 1406.
6. ГАРФ. – Фонд 1318. – Оп. 1.. – Д. 1409.
7. ГАРФ. – Фонд 1318. – Оп. 1.. – Д. 1426.
8. Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. – Могилев, 1918 – 64 с.
9. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – № 90. – 1917. – 27 авг.(9 сент.). – С. 1–3
10. Карскі, Е. Беларускі народ і яго мова / Е. Карскі. – Менск, 1920. –19с.
11. Лурье, Л. Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка / Л. Я. Лурье. – СПб. : БХВ-Петербург, 2011. – 288 с.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1440. –Оп. 3. – Д. 477.
13. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). – М., 1925 – 101 с.
14. Шибаев, В. П. Этнический состав население Европейской России / В. П. Шибаев. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – 298 с.

Mikhail Starovoytov. The role of the ethnic factor in the formation of the BSSR eastern administrative border during «the first enlargement»

Summary. The article attempts to establish the role of the ethnic factor in the formation of the eastern boundary of the Byelorussian SSR in the period of preparation and holding of its first enlargement. The author believes that during the discussion of different points of view on the expansion of the Byelorussian SSR territory the ethnic factor was the most convincing argument.

УДК 94(476):304.4-027.542 “1920”

А. І. ЗЕЛЯНКОВА

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

**ПРАВЯДЗЕННЕ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ РАБОТЫ
ВА ЎСХОДНІХ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ
У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х ГАДОЎ**

У артыкуле разглядаецца пытанне правядзення нацыянальна-культурнай работы на Віцебшчыне, Гомельшчыне, Магілёўшчыне ў час іх знаходжання ў складзе РСФСР. Асаблівая ўвага звяртаецца на

цяжжасці ажыццяўлення культурна-асветніцкай дзейнасці сярод беларускага насельніцтва губерняў.

Вывучэнне пытання аб правядзенні нацыянальна-культурнай, у першую чаргу беларускай, работы і яе асаблівасцей ва ўсходніх беларускіх губернях у час іх знаходжання ў складзе РСФСР мае прынцыповае значэнне для разумення ролі культурнага фактару ў сучасным беларускім грамадстве.

Кіраўніцтва БССР ніколі не пакідала па-за ўвагай беларускія тэрыторыі, якія знаходзіліся ў складзе РСФСР. Усевалад Ігнатоўскі сцвярджаў, што «хутка адрадзіць Савецкую Беларусь магчыма толькі ўключыўшы ў тэрыторыю Беларусі блізкія ёй суседнія раёны, больш дэцэнтралізаваўшы кіраўніцтва галінамі прамысловасці мясцовага значэння, уцягнуўшы шырокія колы працоўных мас у актыўнае савецкае будаўніцтва, узмацніўшы культурна-асветную працу на родных (беларускай, яўрэйскай, рускай і польскай) мовах; задушаная царызмам беларуская культура павінна адрадзіцца» [1, с. 238].

Ва ўсходніх беларускіх губернях партыйна-савецкая работа па нацыянальна-культурным пытанні праводзілася ў рэчышчы агульнарасійскай палітыкі, зыходзячы з дакументаў адпаведных цэнтральных устаноў. На месцах ствараліся аддзелы, пададзелы, камісіі, нацыянальныя секцыі і бюро, уводзіліся пасады ўпаўнаважаных па справах нацменшасцей пры выканкамах, інспектараў па рабоце з нацменшасцямі пры аддзелах народнай адукацыі, арганізоўваліся нацыянальныя бюро пры губернскіх партыйных камітэтах. Першачарговае месца адводзілася развіццю адукацыі і культуры.

На тэрыторыі ўсходніх беларускіх губерняў пражывалі прадстаўнікі розных нацыянальнасцей, якія мелі статус «нацменшасці». Ужо з 1919 г. пры Віцебскім і Гомельскім губернскіх камітэтах РКП(б), пры аддзелах народнай адукацыі дзейнічалі яўрэйскія, польскія, латышскія секцыі і пададзелы. Аднак у гэтых губернях доўгі час не ўдавалася стварыць нацыянальныя ўстановы, якія б разгарнулі культурна-асветніцкую работу сярод беларускага насельніцтва. Нягледзячы, на тое, што, напрыклад, яшчэ ў канцы кастрычніка 1917 г. Віцебскі губернскі з'езд настаўнікаў, сходы чыгуначных службоўцаў, фабрычных работнікаў у шэрагу рэзалюцый выказалі гатоўнасць працаваць «на беларускай ніве». У 1918 г. было адчынена Віцебскае аддзяленне Белнацкома, але ўжо ў канцы гэтага ж года губвыканкам без згоды Белнацкома і Наркамнаца РСФСР закрывае яго. Міхась Мялешка – беларускі гісторык, этнограф,

публіцыст, выкладчык Віцебскага археалагічнага інстытута пісаў: «Што дала рэвалюцыя ў Віцебшчыне беларусу ў яго нацыянальных памкненнях? Самавызначэнне? Свабоднае развіццё нацыянальнай культуры?... Царскі русіфікатарскі беспарадак у Віцебшчыне застаўся і да сённяшняга дня. Паны-русіфікатары, што засталіся, змянілі толькі сваё вонкавае аблічча. Адны з іх сталі «камуністамі», другія – беспартыйнымі «спецамі», трэція засталіся такімі ж манархістамі, якімі і былі» [2, арк. 24]. М. Мялешка параўноўваў першыя паслярэвалюцыйныя гады для беларускага народа Віцебшчыны з «мураўёўскімі часінамі» [3, с. 50]. Часткова непрыняцце беларускай работы на Віцебшчыне можна вытлумачыць небеларускім нацыянальным складам партыйнага і савецкага апарата губерняў. Вясной 1921 г. пры ўрадзе РСФСР было заснавана Беларускае Цэнтральнае бюро (БЦБ). Яго задачай з’яўлялася арганізацыя і кіраванне нацыянальнай сістэмай адукацыі і асветы ў раёнах кампактнага пражывання беларусаў на тэрыторыі РСФСР. БЦБ, падобна іншым нацыянальным бюро, падпарадкоўвалася Цэнтральному Савету па асвеце нацменшасцей РСФСР. Адразу пасля заснавання БЦБ прыступіла да арганізацыі беларускіх секцый пры губернскіх аддзелах народнай адукацыі. Нягледзячы на тое, што вясной 1919 г. Магілёўская губерня была рэарганізавана і губернскі цэнтр перамясціўся ў колішні павятовы горад Гомель, было прынята рашэнне аб неабходнасці стварэння белсекцыі і пры Магілёўскім павятовым аддзеле народнай адукацыі. Такая неабходнасць абумоўлівалася значным беларускім рухам на Магілёўшчыне і наяўнасцю зацікаўленых у справе работнікаў павятовага аддзела народнай адукацыі.

Усевалад Ігнатоўскі і яго аднадумцы – Аляксандр Чарвякоў, Зміцер Жылуновіч добра ўсведамлялі, што становішча ў губернях насіла складаны характар па прычыне шматвякавой, спачатку паланізатарскай палітыкі пануючых класаў Польшчы, а затым русіфікатарскай палітыкі царызму. Наркамат асветы БССР намагаўся паступова, праз арганізацыю нацыяналь-культурнай, асветніцкай дзейнасці ва ўсходніх губернях паўплываць на фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці насельніцтва, асабліва беларусаў. Неабходна было зламаць супраціўленне мясцовага кіраўніцтва і разгарнуць шырокую сетку школ і іншых устаноў для абслугоўвання беларускага насельніцтва на роднай мове, што ўжо паспяхова рабілася для іншых нацыянальнасцей, пражываючых у губернях.

Паспрыяла гэтай працы і нацыянальная палітыка РКП(б), дэклараваная X з’ездам. У Віцебскай губерні са жніўня 1921 г.

актыўна працавала яўрэйская секцыя губана. Яўрэйскія аддзелы былі створаны пры Веліжскім, Гарадокскім, Невельскім, Полацкім, Лепельскім павятовых аддзелах народнай адукацыі. З 1 мая 1921 г. пры Віцебскім губадзеле нацменшасцей працаваў латышскі пададзел, крыху пазней была створана польская секцыя [4, арк. 14]. Аднак намаганні Масквы і Мінска разгарнуць культурна-асветніцкую работу сярод карэннага насельніцтва праз арганізацыю белсекцый непрыхільна ўспрыняло мясцовае кіраўніцтва. Асаблівай варожасцю выдзяляліся кіраўнікі Віцебскай губерні. Менавіта па гэтай прычыне белсекцыя ў губерні фактычна так і не была створана. У маі 1922 г. Віцебск наведала інструктар Цэнтральнага бюро пры Саўнацмене Наркамасветы РСФСР Шышава. На пасяджэнні калегіі губана яна зрабіла даклад аб стварэнні белсекцыі. Дакладчык адзначала, што ў губерні неабходна тэрмінова разгарнуць нацыянальна-культурную работу сярод беларускага насельніцтва на роднай мове і пачаць падрыхтоўку да арганізацыі беларускага педагагічнага тэхнікума і інстытута народнай адукацыі. У якасці галоўнага аргумента для пацвярджэння тэрміновай неабходнасці стварэння белсекцыі прыводзіліся дадзеныя Статбюро, па якіх на тэрыторыі Віцебскай губерні пражывала 1,5 млн. чалавек, з іх каля 1 млн. – беларусы. На думку Шышавай, колькасць беларусаў у губерніі яшчэ большая [4, арк. 14]. У ліку сродкаў, выдзеленых НКА РСФСР губернскаму Савету па асвеце нацменшасцей, планавалася ўтрыманне трох пасадак беларускіх інспектараў, якія павінны былі распачаць работу па арганізацыі белсекцыі. Аднак кіраўніцтва губана выказалася катэгарычна, адзначыўшы, што стварэнне белсекцыі толькі пашырыць апарат, а беларуская мова – ненатуральная, зусім незразумелая масам. Ды і пачуць «паўбеларускую» гаворку можна толькі на поўдні губерні. Зыходзячы з дадзенай пазіцыі ў пастановах губана неаднаразова фіксавалася: «Калегія губана лічыць арганізацыю белсекцыі несваечасовай». Гэтае пытанне таксама ўздымалася і ў губкаме РКП(б), і ў губернскім савеце па асвеце нацменшасцей. Жадаючы пазнаёміцца з пастаноўкай беларускай культурна-асветніцкай работы на Віцебшчыне ў пачатку мая 1922 г. Віцебск наведаў нарком асветы БССР Ус. Ігнатоўскі. Ён выказаў думку, што на Віцебшчыне ў гэтай справе дапушчана вялікая памылка, якую неабходна тэрмінова выправіць, бо яна шкодна адаб'ецца не толькі для Віцебшчыны, але і для ўсёй тэрыторыі эканамічна-этнаграфічнай Беларусі «як савецкай, так і закардоннай». Ус. Ігнатоўскі лічыў, што русіфікацыя на Віцебшчыне зачепіла невялікую групу беларускай інтэлігенцыі і гарадскога беларускага

пралетарыята, які нешматлікі; вясковы ж пралетарыят і сялянства ў масе сваёй гавораць на беларускай мове. Ус. Ігнатоўскі падаў дакладную запіску ў КП(б)Б і ЦК РКП(б) аб становішчы беларускай культурна-асветніцкай работы на Віцебшчыне. У ёй адзначалася, што пастановы губкама і губана аб неадчыненні белсекцыі : «1. Супярэчаць пастановам X з'езда РКП(б) па нацыянальным пытанні; 2. Супярэчаць першаму пункту палажэння працоўнай школы аб навучанні ў школе на роднай мове; ... 4. У Беларусі Савецкай стварае разгубленасць... і шавінізм у беспартыйных беларускіх колах; 5. У Беларусі закардоннай, дзе нацыянальнае пачуццё беларусаў надзвычай узбуджана, змяншае цягу да Савецкай Беларусі і Расіі» [2, арк. 41б]. Пазіцыя губернскага кіраўніцтва заставалася нязменнай : «Для правядзення беларускай работы ў Віцебскай губерні няма ні партыйных, ні школьных работнікаў, а галоўнае – няма сродкаў» [4, арк. 14].

У Гомельскай губерні беларуская секцыя пры губернскім адзеле народнай адукацыі стваралася на працягу вясны-лета 1922 г. Гэты працэс быў няпросты. Першая спроба стварэння структуры была зроблена БЦБ яшчэ вясной 1921 г. Ідэя знайшла падтрымку сярод мясцовых прыхільнікаў беларускага руху. Тым больш, меліся работнікі, якія былі знаёмы з арганізацыяй культурна-асветніцкай работы сярод насельніцтва розных нацыянальнасцей, пражываўшых на тэрыторыі губерні. Пры губана ўжо існавалі яўрэйская і польская секцыі. Прадстаўнікі гэтых секцый утварылі каардынацыйны непрафесійны орган – Губернскі савет па асвеце нацыянальных меншасцей (ГубСНМ). Усе намаганні па адкрыцці белсекцыі напаткалі катэгарычную адмову губана, які спасылаўся на адсутнасць у губерні падрыхтаваных да працы ў беларускіх установах кадраў, абмежаванасць фінансавай магчымасці і нежаданасць саміх беларусаў вучыцца на роднай мове, тым больш, што "адсутнічаюць дакладныя статыстычныя дадзеныя аб колькасці беларускага насельніцтва ў губерні". Аднак пад націскам БЦБ дазвол на арганізацыю белсекцыі быў дадзены. Разгарнуць шырокую працу сярод карэннага насельніцтва не паспелі, бо ўжо ў студзені 1922 г. белсекцыя была ліквідавана «па непатрэбнасці» і аднавіла сваю дзейнасць восенню 1922 года. Восенню 1921 г. і Украінскае Цэнтральнае бюро НКА РСФСР пасля няўдалай спробы адкрыць пры Гомельскім губана сваю секцыю ўступіла ў зацяжную барацьбу з уладамі губерні [5].

З мэтай аказання дапамогі ў наладжванні нацыянальна-культурнай работы ў пачатку 1923 г. губерню наведаў загадчык БЦБ НКА РСФСР М. Лойка. Ён выступіў на пасяджэнні бюро губернскага камітэта РКП(б) і прасіў падтрымаць работнікаў белсекцыі ў

арганізацыі культурна-асветніцкай работы, у тым ліку і сярод беларускага насельніцтва губерні.

У верасні 1923 г. праходзіць шэраг пасяджэнняў губСНМ. У пратаколах адзначаецца, што, зыходзячы з рашэнняў XII з'езда РКП(б), неабходна пашыраць работу сярод нацыянальных меншасцей губерні. У пастанове пасяджэння ад 22 кастрычніка 1923 г. калегіі губана па дакладу губСНМ была звернута ўвага на тое, што работа сярод нацыянальных меншасцей уключае не толькі яўрэйскую, трэба «рухаць на месцах польскую і беларускую работу» [6, арк. 63].

Пасля аб'яднання Віцебскай і часткі Гомельскай губерні з БССР работа сярод нацыянальных меншасцей у захваўшыхся ў складзе РСФСР паветах актывізавалася. Па словах старшыні ЦСНМ Н. Мухітдзінава работа сярод нацменшасцяў РСФСР атрымала развіццё, пакінуўшы далёка ззаду беларусаў і ўкраінцаў. На губнарадзе павятовых аддзелаў народнай адукацыі Гомельскай губерні адзначалася, што ў губерні вядзецца значная работа сярод яўрэяў і палякаў, і канстатавалася, што «не было раўнамернага ахопу ўсіх нацыянальных меншасцей». У рэзалюцыі губнарады падкрэслівалася неабходнасць тэрмінова пачаць работу сярод беларусаў [2, арк. 148]. Аднак на нарадзе палітпрасветработнікаў Гомельскай губерні (красавік, 1925 г.) адзначалася, што часта мясцовыя работнікі лічаць, што нацпалітыка партыі мае дачыненне да народаў Усходу. Яны імкнуцца даказаць, што яўрэйскія, польскія школы і іншыя культурна-асветныя ўстановы выкарыстоўваюцца дзеля рэлігійных мэтаў. Па прычыне іх нежадання звярнуць увагу на нацменработу яўрэйскае насельніцтва разглядаецца як «нэпманскае», палякі як «белагвардзейцы» – прадстаўнікі панскай Польшчы, а беларусы як існуючыя толькі ва ўяўленнях Белбюро [8, арк. 98–101]. Нацыянальныя секцыі ЦК РКП(б) намагаліся пераканаць губернскае кіраўніцтва, што нацыянальная мова «ў нашых руках» можа быць сродкам барацьбы з буржуазнай ідэалогіяй. У месцах, «дзе будуць існаваць польскія і яўрэйскія школы, хаты-чытальні, клубы, яны змогуць супрацьстаяць касцёлу і сінагоге» [9, арк. 73].

Такім чынам, нацыянальная палітыка ва ўсходніх беларускіх губернях у складзе РСФСР у галіне адукацыі і культуры ажыццяўлялася ў рамках агульнарасійскай нацыянальнай палітыкі, дэклараванай РКП(б). У першай палове 1920-х гадоў шматнацыянальная Віцебшчына, Гомельшчына, Магілёўшчына ўваходзілі ў два дзяржаўныя аб'яднанні (РСФСР і БССР), што прадвызначала спалучэнне універсальнага і спецыфічнага ў правядзенні нацыянальна-культурнай палітыкі на гэтых тэрыторыях.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Ігнатоўскі, Ус. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне / Ус. Ігнатоўскі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / Цэнтр. выкан. кам. БССР : Пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, Ус. Ігнатоўскага і інш. – Мінск, 1924. – С. 229–242.
2. Цэнтральны Камітэт КП(б)Б. 1918–1991 гг. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Фонд 4. – Воп. 21. – Спр. 2549.
3. Гесь, А. Як адстойвалі ўсходнія землі : (Рух за нацыянальнае самавызначэнне Віцебскай губерні пад кіраўніцтвам Ус. Ігнатоўскага : 20-ыя гг.) / А. Гесь // Спадчына. – 1995. – № 6. – С. 37–54.
4. Витебский губернский отдел народного образования // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 246. – Воп. 1. – Спр. 65.
5. Зеленкова, А. И., Старовойтов, М. И. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). В 2 вып. / А. И. Зеленкова, М. И. Старовойтов / Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель, 1999–2000. – Вып. II. – 2000. – 156 с.
6. Гомельский губернский отдел народного образования. 1919–1926 гг. // Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1547.
7. Цэнтральны Камітэт КП(б)Б. 1918–1991 гг. // НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 21. – Спр. 107.
8. Гомельский губернский партийный комитет. 1918–1926 гг. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці (далей ДАГАГВ). – Фонд 1. – Воп. 1. Спр. 2066.
9. Гомельский губернский партийный комитет. 1918–1926 гг. // ДАГАГВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 1215.

Alla Zelenkova Conducting national-cultural work in the Belarusian provinces east in the first half 1920s.

The article deals with the issue of holding the national-cultural work in the Vitebsk, Gomel, Mogilev region while they are part of the RSFSR. Much attention is paid to the difficulties of the cultural and educational work among the population of the Belarusian provinces.

В. Н. СИДОРЕНКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК О ПОЛОЖЕНИИ ПОЛЯКОВ БССР (1920–1930-е ГОДЫ)

Статья посвящена характеристике основных особенностей мемуарной литературы как источника о положении польской этнической группы в БССР в 1920-1930х гг. Автор обращается к некоторым аспектам понимания места и роли мемуарной литературы как источников познания особенностей развития этнокультурных и социокультурных процессов в период между двумя мировыми войнами.

Мемуарная литература XX в. представляет большой интерес в изучении политической, социокультурной и этнокультурной истории советского государства. Во многих случаях содержанием мемуаров является не только рассказ о пережитых событиях, но и изложение жизненной позиции автора. Своеобразной формой мемуарных произведений являются мемуарные литературные записи. Их отличие состоит в том, что написаны они не самим участником событий, а другим лицом с его слов. Своеобразной формой мемуарной литературы являются автобиографии. Кроме фактов личной жизни в них могут содержаться сведения об общественно-политического и экономического характера.

Текст мемуаров состоит из разнообразных эпизодов (или событий). Все они играют неодинаковую роль в источнике. Их объединяет общность замысла, целей и позиции автора. В эпизодах отражаются факты разной степени сложности – от поступков отдельных людей до действий всего общества в целом. Сравнение мемуаров с другими источниками позволяет уточнить степень их полноты и достоверности.

Для понимания особенностей проведения национальной политики в БССР в первые послереволюционные годы и политического значения создания польбюро при ЦК КП(б)Б, его роли ценным историческим источником являются мемуары участников революции 1917 г. и Советско-польской войны. На страницах мемуарных произведений мы встречаем первых секретарей польского

бюро, редакторов польскоязычных газет БССР и других политических деятелей, принимавших участие в разработке и осуществлении курса государственной политики в отношении польского населения не только БССР, но и СССР в целом. В мемуарных источниках часто упоминаются Софья Держинская, Феликс Кон, Юлиан Мархлевский, Станислав Ваупшасов, Бронислав Вонсовский, Бронислав Славинский, Стэфан Гельтман и его супруга и многих других. Большое значение имеет время написания воспоминаний. Субъективность источников личного происхождения тесно связана с временным разрывом между описываемым событием и временем написания носителя исторической информации, что может повлиять на определенное искажение отражаемого автором факта. Написанные в межвоенный период воспоминания лишены некоторой доли ретроспекции, но зато богаче характеристиками отдельных персонажей, подробностями. Мемуары, написанные о межвоенном периоде в более позднее время – более ретроспективны, но на них уже лежит отпечаток событий более позднего времени. Последнее хорошо прослеживается в воспоминаниях Анастаса Микояна «Так было». Например, молодой Феликс Кон характеризуется как «старый революционер». В его мемуарах даются оценки отдельным периодам его жизни и деятельности, прослеживается связь «карьерного роста» с наличием связей в аппарате управления советского государства, личными знакомствами, дружескими отношениями.

Большую значимость представляют мемуары, воспоминания и письма участников осуществления национальной политики в БССР, членов польбюро ЦК КП(б)Б. Однако, их количество не велико. Это обусловлено слабой сохранностью в архивах материалов личного происхождения, их немногочисленностью в составе архивных дел.

Среди опубликованных мемуарных материалов определённый интерес представляют мемуары Станислава Алексеевича Ваупшасова [1]. Настоящая фамилия – Ваупшас, литовец по национальности, в 1918 г. вступил в Рабоче-крестьянскую Красную Армию (РККА), участвовал в Гражданской войне. Ваупшасов С. А. являлся активным участником советско-польской войны. Он был оставлен в 1920–1925 гг. на подпольной работе в Западной Беларуси, где был организатором и командиром партизанских отрядов. С. А. Ваупшасов в это время познакомился со многими поляками-коммунистами, впоследствии перебежавшими в СССР. Некоторые из них работали в польбюро ЦК КП(б)Б, но к сожалению не оставили никаких воспоминаний. В связи с этим роль мемуаров

С. А. Ваупшасова, где даётся характеристика этих личностей, представляется значимой. В воспоминаниях С. А. Ваупшасова приводятся сведения о В. Богуцком, А. С. Славинском, Ст. Гельтмане, И. Уиншлихте, Ю. Мархлевском, Ф. Коне.

Весьма примечательными являются воспоминания о А. С. Славинском (Качоровском), который в 1921–1924 гг. был наркомом земледелия БССР, членом польбюро ЦК КП(б)Б. По сведениям А. Ф. Хацкевича, А. С. Славинский сам оставил воспоминания, которые в 1925 г. были застенографированы и хранились в архиве Института истории партии при ЦК КП(б)Б. Однако поиск автором статьи в фонде 60п Национального архива Республики Беларусь (Фонд Института истории партии при ЦК КП(б)Б) воспоминаний А. С. Славинского не выявил.

В мемуарах С. А. Ваупшасова читаем: «Во второй половине 20-х годов мне пришлось неоднократно встречаться с Адамом Семеновичем в Минске. Тогда он был членом Польбюро при ЦК КП(б)Б, представителем Компартии Западной Белоруссии, секретарем Минского окружного комитета КП(б)Б, вел большую, напряженную партийную работу.

Ему было 40–45 лет, он 1885 года рождения. Возраст далеко не преклонный, но мне он казался весьма пожилым. Этому впечатлению способствовало то обстоятельство, что за плечами у него была нелегкая, полная опасностей жизнь профессионального революционера, отважного подпольщика, героического комиссара гражданской войны.

Среднего роста, худощавый, он носил бороду и усы, густые с проседью волосы зачесывал назад. Я часто видел его таким, каким он запечатлен на фотоснимках той поры, – в военной гимнастерке с петлицами и орденом Красного Знамени на груди, полученным за подвиги в боях. Он говорил голосом звучным, твердым, в редкие минуты отдыха любил пошутить и посмеяться. При ходьбе прихрамывал на раненую ногу» [1, с. 50].

Государственную и политическую работу Славинский (Кочаровский) А.С. начал в 1918 г. в Беларуси. Во время германской оккупации наладил подпольную работу. Именно тогда появился его псевдоним, оставшийся до конца жизни. 15 июля 1918 г. ему удалось организовать в Минске подпольную районную конференцию РКП(б), на которой выступил председателем. С. А. Ваупшасов отмечал: «Адам Семенович создал в деревнях несколько партийных ячеек и Бегомльский волостной подпольный комитет. 15 июля в Минске он председательствует на первой подпольной районной конференции

РКП(б). Присутствовали делегаты 75 ячеек, были заслушаны доклады, приняты резолюции. Конференция избрала Минский подпольный райком партии, в котором Славинский руководил всей работой среди крестьян. Деятельность белорусских подпольных райкомов направлял из Смоленска краевой комитет РКП(б). В августе там состоялась краевая конференция большевиков оккупированных районов Белоруссии и Литвы, делегатом которой был и Адам Семенович, выступал в прениях. Он вошел в состав краевого комитета коммунистических организаций Литвы и Белоруссии, участвовал в сентябрьском совещании подпольных партийных организаций, проводимом в Москве под председательством Якова Михайловича Свердлова. Затем вернулся в оккупированный Минск, где встретился с представителями большевистского подполья Литвы, запланировал с ними совместные действия.

Польские коммунисты укомплектовали своими соотечественниками Западную дивизию Красной Армии, переименованную затем в 52-ю стрелковую. С февраля 1919 года вплоть до своего ранения ее комиссаром был А. С. Славинский. После выздоровления партия назначила его на должность заведующего организационным отделом бюро нелегальной работы ЦК Компартии Литвы и Белоруссии» [1, с. 31]. Эти сведения помогают лучше понять методы и приёмы работы А. С. Славинского на посту секретаря польбюро ЦК КП(б)Б.

Во время советско-польской войны А. С. Славинский был комиссаром 52-й дивизии, летом 1919 г. под Радошковичами был ранен. А. С. Ваупшасов называл его «представителем славной когорты польских коммунистов, посвятивших свою жизнь утверждению рабоче-крестьянской власти в нашей стране» [1, с.32].

Из воспоминаний С. А. Ваупшасова видно, что А. С. Славинский занимал много «ответственных постов, неоднократно избирался в руководящие партийные и советские органы. В 1922 году входил в состав белорусской делегации на I Всесоюзном съезде Советов и в числе других делегатов, как представитель от Белоруссии, подписал документы об образовании Союза Советских Социалистических Республик» [1, с.41]

В воспоминаниях С. А. Ваупшасова содержатся сведения и о других поляках-коммунистах, которые были причастны к разработке и осуществлению национальной политики в СССР и БССР в 1920-х гг. Время и собственные взгляды не могли не наложить отпечаток на суждения Ваупшасова. Станислав Алексеевич долгое время служил разведчиком, то его воспоминания не лишены налёта

восхищения в отношении советских руководителей, таких как Феликс Эдмундович Дзержинский. Он называет его «выдающимся соратником Ленина», «видным руководителем».

«Бурную деятельность развил Феликс Эдмундович летом 1920 года во время наступления Красной Армии на Польшу. Он возглавил Польбюро ЦК РКП(б), в которое вошли также Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, Иосиф Уншлихт, Эдвард Прухняк». Любопытно, что последних в Польбюро ЦК РКП(б) пригласила работать жена Феликса Дзержинского Софья.

Наряду с упомянутыми выдающимися деятелями польского и международного рабочего движения, в мемуарах С. А. Ваупшасова приводятся сведения о Станиславе Бобинском. Его дочь (Елена Бобинская) в 1920–1930-х гг. была одним из членов Белорусской Ассоциации польских пролетарских писателей, писала на польском языке для поляков БССР. Содержится информация о таких общественно-политических деятелях как Юлиане Лещинском (Ленском), Казимире Циховском, Морци Гжегожевском (Гжельцаке), Стефане Гельтмане. К сожалению, такой подробной характеристики как А. С. Славинскому в воспоминаниях С. Ваупшасова им не даётся. Отмечается, что все они участвовали в повстанческой революционной борьбе либо в самой Польше, либо на территории Западной Беларуси. Так как многие из них подверглись преследованию в конце 1930-х гг. и собственных воспоминаний не оставили, материалы о них в исторической литературе поверхностны, то значение мемуаров С. А. Ваупшасова возрастает многократно.

Многие исследователи справедливо отмечают необходимость сравнительного анализа мемуарной литературы и источников иного происхождения. Представляется целесообразным применять такой подход при определённых условиях для сравнения мемуарных памятников между собой. Упомянутый в мемуарах С. А. Ваупшасова Феликс Кон, сам оставил воспоминания, в которых рассказывал о С. А. Ваупшасове. На страницах его воспоминаний «За пятьдесят лет» есть масса образов участников революционного движения конца XIX – начала XX вв., участников февральской и Октябрьской революции 1917 г.

В мемуарах «За пятьдесят лет» Феликс Кон раскрывает не только страницы революционной борьбы начала 80-х годов XIX в., но и даёт характеристику известным политическим и революционным деятелям: С. А. Варынскому, С. Ч. Куницкому, А. Славинскому, С. Ваупшасову, участникам первой польской рабочей партии «Пролетариат». Феликс Кон рассказывает больше о других, чем о себе. Его воспоминания содержат целую галерею портретов и небольших,

мастерски сделанных зарисовок. Они сохраняют для нас живые черты участников революционного движения, советско-польской войны и первых лет установления Советской власти [2, 3].

Феликс Кон несколько раз выступал редактором юбилейных сборников воспоминаний о видных революционерах. Например, в 1927 г. к десятилетию Октябрьской революции был издан альбом воспоминаний «Памяти погибших вождей» [4]. В издании помещены 23 изображения революционеров и воспоминания о них. Значение содержательного компонента этого сборника усиливается тем фактом, что к следующему юбилею Октябрьской революции некоторые из мемуаристов, принимавших участие в составлении указанного сборника, оказались расстреляны.

На титульном листе издания крупным шрифтом указано: «Одобрено комиссией по десятилетию Октябрьской революции при ЦИК СССР». Кроме воспоминаний о В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, М. Ф. Фрунзе, т.е. крупных лидерах большевистского движения, интересны сведения о Ф. Э. Дзержинском, А. Ф. Мясникове, Ю. Мархлевском. Воспоминания о них не избавлены определённого клише. Почти о каждом из них рассказано, как о борцах за большевистскую идею, которые жертвовали всем ради свершения Октябрьской революции.

В работе А. Ф. Хацкевича «Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии» в качестве активного деятеля революционного движения в Польше названа Стефания Пшедецкая. В 1920-х гг. она приехала в БССР и работала секретарём польбюро и агитпропа ЦК КП(б)Б. В НАРБ в фонде 60п сохранилась записанная ею собственноручно подробная автобиография. Она пишет, что на путь революционной борьбы встала ещё во время революции 1905–1907 гг., являясь членом СДКПиЛ. До 1910 г. жила в Швейцарии, затем вернулась в Варшаву. За антиправительственную деятельность была осуждена и в 1913 г. сослана в Сибирь. В связи с февральской революцией 1917 г. была освобождена, участвовала в Октябрьской революции. Была направлена для подпольной работы в Польшу, но в 1920 г. вернулась из-за опасности быть арестованной, т.к. польские спецслужбы её раскрыли [5, л. 3]. Все эти сведения указаны в её воспоминаниях, которые в рукописном виде составляют 6 листов.

Мемуары участников Октябрьской революции и гражданской войны не только исторический источник, но и жанр художественной литературы. Степень их полноты и достоверности возможно проверить используя сравнительный анализ. Мемуарные источники позволяют дополнить этносоциальную и этнокультурную историю БССР

межвоенного периода. Их особенностью является то, что авторы большей частью опирались на собственную память, сведений из документальных материалов (доступных авторам) помещено мало. Авторы подробно характеризуют свою дореволюционную жизнь, называют соратников, с которыми вели совместную подпольную борьбу и впоследствии работали в партийно-советских органах, осуществлявших национальную политику в отношении польского населения БССР. Ценность сведений о периоде 1920–1930-х гг. усиливается тем фактом, что авторы мемуаров сами были участниками описываемых событий. Они были причастны к реализации программ национальной политики в отношении польской этнической группы в БССР и СССР.

Список использованных источников и литературы

1. Ваупшасов, С. А. На тревожных перекрёстках : Записки чекиста / С. А. Ваупшасов. – 3-е изд. – М. : Политиздат, 1988 – с.131
2. Кон, Ф. За пятьдесят лет. Изд.второе.Т. 1–2. / Ф. Кон. – М. : Советский писатель, 1936 – с.517
3. Кон, Ф. За пятьдесят лет. Изд.второе.Т. 3–4. / Ф. Кон. – М. : Советский писатель, 1936. – с.344
4. Памяти погибших вождей. Альбом воспоминаний / Под ред. Ф. Кона. – М. : Московский рабочий, 1927. – с. 50
5. Хацкевич, А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии/ А. Ф. Хацкевич. – Минск : Наука и техника, 1967. – с. 148
6. Воспоминания Пшедецкой Ст. о подпольной работе в Варшаве и других городах (1902–1913 г.) Рукопис / Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 60п. – Оп. 1. – Д.23

Vitalina Sidorenka. Memoirs as a source about the position of the Poles of the BSSR (1920–1930-ies)

The article is devoted to the description of the main features of memoirs as a source about the situation of the Polish ethnic group in the Byelorussian SSR in the 1920-1930s. Relevance and importance of the topic is that the author refers to some aspects of the role and place memoirs as sources of knowledge of the peculiarities of the development of ethnocultural and socio-cultural processes in the period between the two world wars. The paper first introduced into scientific use some unpublished memoir sources identified by the author in the archives of the Republic of Belarus.

В. П. ПИЧУКОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...» :
ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В БССР В 1920-е ГОДЫ**

Рассматриваются общественно-политические кампании военно-оборонительного назначения, проводимые в БССР в 1920-е годы. Обозначается их значение для советизации населения. Отмечается их специфика в среде польского, еврейского, латышского и литовского населения.

«Народ и армия едины» - концепт, актуальность которого непреходяща во времени. Данное утверждение имеет самое непосредственное отношение к межвоенному периоду истории БССР – 20–30 годам ХХ в. Наша страна, как часть СССР, жила в постоянном, небезосновательном ожидании реализации военной угрозы. В 1937 г. впервые прозвучала песня «Если завтра война» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка братьев Покрасс). Ее общая эстетика, содержание и смысл отражают предвоенную общественную атмосферу, представляя песню, как своеобразный символ эпохи.

В 1920-е годы действенным средством советизации населения были общественно-политические кампании. Они охватывали весь спектр социальной жизни: экономику, культуру, религию – «Партийная неделя», «Неделя крестьянина», «Топливная кампания», «Неделя ликвидации неграмотности», «5-летие ВЧК». Крупномасштабными по времени, решаемым задачам и охвату населения были кампании по изъятию церковных ценностей (1922 г.) и помощи голодающим Поволжья (1922–1923 гг.).

Среди них выделяется группа мероприятий, непосредственно ориентированных на укрепление военно-оборонного потенциала страны: «Неделя помощи фронту» (1920 г.), «День Красной казармы» (1921 г.). В 1923 г. ставилась задача создать «целую сеть воздушных кораблей под названием «Крестьянская взаимопомощь»» с помощью денежных средств, собранных населением [1, л. 79]. В 1926 г. собирались пожертвования на постройку самолета имени КП(б)Б. В подписных листах отмечены суммы взносов от 10 коп. до 50 коп.

[2, л. 43–44]. «Первый сноп - на оборону страны» - весьма символичное название акции, проводимой в крестьянской среде в 1929 г. [3, л. 18]. В этом же году собирались средства для постройки танка и подводной лодки с одним названием – «Воинствующий безбожник» [4, л. 102–103]. 26 августа 1929 г. секретариат ЦК КП(б)Б рассматривал вопрос «Аб правядзенні кампаніі па збору сродкаў на пабудову самалёта газеты «Звязда» і іншых газет», а 17 сентября – вопрос «Аб збору сродкаў сярод чытачоў газет на пабудову самалётаў, танкаў і інш.». Было постановлено проводить сбор средств централизованно на текущий счет газеты «Звязда» [5, л. 143–144, 266–268].

Стратегическая задача посильного финансирования населением технического переоснащения, в первую очередь, армии имела и тактическую составляющую. Количественно преобладающее крестьянское население приобщалось к технике, пусть и опосредованно, расширяло узкий диапазон своего аграрно-патриархального уклада жизни, проникалось уважением к власти, видя ее техническую мощь. В связи с этим, характерным видится решение Наровлянского РК КП(б)Б от 28 марта 1928 г. об обеспечении присылки самолета «Чырвоны мазыранін» в г. Мозырь в дни празднования праздника 1 мая [6, л. 163].

Весьма оперативно организовывались соответствующие общественные кампании на злобу политического дня. В 1927 г. английское правительство направило руководству СССР угрожающую ноту в связи с поддержкой Советским Союзом революционных событий в Китае. Документ был подписан министром иностранных дел Великобритании Чемберленом. В ответ была проведена широкая пропагандистская кампания под общим брендом «Наш ответ Чемберлену»: демонстрации, митинги. Соответствующими лозунгами украшалась и боевая техника – танки, самолеты. Проводился сбор средств. Министр Дж. Чемберлен выступал символом враждебного капиталистического Запада и, как следствие, актуализировалась необходимость оказания должного отпора.

В 1929 г. произошел советско-китайский вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), оцененный советской стороной, как часть большого заговора империалистических держав против СССР. Лозунгом дня становится строка одной из песен, распространяемых политработниками в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) – «Мы свою КВЖД никому не отдадим». Опять же, как и в случае с нотой Чемберлена, проводится широкомасштабная акция с конкретными мероприятиями по укреплению военной мощи страны. В качестве примера можно отметить директиву ЦК КП(б)Б о «развертывании широкой кампании

среди рабочих, служащих, крестьянства по сбору средств на усиление обороноспособности страны». Как отмечал Мозырский окружной комитет партии, данная кампания вызвала «большой энтузиазм трудящихся масс, проводятся постановления об отчислении [средств. – В.П.] на танк «Наш ответ Чан-Кайши» [3, л. 18]. На лицо – устоявшееся идеологическое клише «Наш ответ».

В проведении военно-оборонительных кампаний власть придавала должное значение роли различных общественных организаций, особенно ОСОВИАХИМу (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – общественно-политической оборонной организации, созданной в 1927 г. и являвшейся предшественницей ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Именно региональные организации ОСОВИАХИМа на местах были непосредственными организаторами соответствующих кампаний. Так, с 15 по 23 ноября 1931 г. в БССР проводилась «Декада обороны». Основными задачами кампании были : усиление связи гражданского населения с частями РККА, «внимания к вопросам технического роста, механизации и моторизации РККА, к строительству гражданской авиации», организационного укрепления ОСОВИАХИМа. В примерном плане работы местных ячеек этой организации в период «Декады», составленном Центральным советом ОСОВИАХИМа БССР, отмечался развернутый спектр различных мероприятий : собрания, тематические дни, посвященные «памяти М. В. Фрунзе, вопросам авиации, дирижаблестроению и воздушно-химической обороне» [7, л. 191–191об.].

Строительство дирижаблей становится актуальным в конце 20-х годов. В частности, в Наровлянском районе партийным руководством был «объявлен 2-х недельник сбора средств на советское дирижаблестроение» с 20 января по 10 февраля 1931 г. в рамках общереспубликанской акции, «увязывая эту кампанию с укреплением обороноспособности страны, оживлением работы ОСОВИАХИМа, организацией кружков военных знаний и т.д.». В этом же году при праздновании 1 мая в Ельском районе планировались «демонстрации со сбором средств в пользу политзаключенных» и на дирижабль "Клим Ворошилов"» [7, л. 10; 8, л. 24].

С конца 1920-х годов усиливается персонификация объектов оборонного значения, на которые население собирало средства, связанная с именами партийно-советских руководителей и знаковыми явлениями в жизни советского общества : дирижабль «Клим Ворошилов», эскадрилья имени Кагановича (1933 г.), самолет

«Биробиджан» (1929 г.), подводная лодка «Безбожник» (1931 г.) [9, л. 10, 112; 10, л. 547; 11, л. 1].

Свою ярко выраженную идентичность имели общественные кампании военно-оборонительного характера, проводимые в среде проживания отдельных национальностей. Их значимость для власти иллюстрируется, в частности, фактом рассмотрения вопроса «Работа среди нацменьшинств в связи с задачами обороны» на заседании Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) в 1927 г. Было постановлено: «Перевести и издать на соответствующих языках национальностей следующие брошюры: «Войны не хотим, но к отпору готовы», «В чем сила Красной Армии», «Что принесла бы нацменьшинствам победа империалистов». Разработать вопросы постановки работы добровольных обществ, особенно ОСОВИАХИМа». Особое внимание обращалось на проведение отмеченной работы в приграничных регионах, что видится особенно актуальным в контексте рассматриваемой нами темы, поскольку БССР территориально являлась западным рубежом СССР [12, с. 10].

Тематический спектр общественных кампаний оборонного характера, проводимых в 1920-е годы, созвучен строке из песни «Если завтра война» – «На земле, в небесах и на море». Они были ориентированы на танки, самолеты, дирижабли, подводные лодки.

7 июня 1927 г. в Варшаве был убит полпред СССР в Польше Войков. Покушение было подготовлено антисоветской белогвардейской эмиграцией. Данная акция получила в СССР широкий общественный резонанс противодействия очередной «выходке» враждебного Запада. Организуется инициатива сбора польским населением средств на постройку аэроплана (самолета). Она исходила от Польбюро ЦК КП(б)У и была согласована с ЦК ВКП(б) и Польбюро ЦК КП(б)Б. В переписке между этими инстанциями отмечалось, что «1,5 млн. трудящихся-поляков СССР смогут собрать на аэроплан 12.000 руб.». Из этой суммы РСФСР может собрать 4 тыс. руб., УССР – 5 тыс., БССР – 3 тыс. Предлагались различные названия будущей боевой машины: «Polska Republika Rad», «ZSSR – ojczyzna ludów», «Polak Sowiecki», «Dzierżyński». Результат намечаемой кампании виделся в «политическом эффекте», «оживлении работы среди поляков-трудящихся», «возможности выявить настроения» польского населения [13, л. 10–12]. Нам не известна дальнейшая судьба данной кампании. В любом случае был найден нужный для советского официоза бренд – «Feliks Dzierżyński».

Это название было взято для акции по сбору средств на танк, который должен носить имя видного советского политического деятеля

Феликса Дзержинского. Как отмечалось в официальном документе, «23 июня 1927 г. в Москве, согласно инициативы польских общественных организаций, учреждена «Польская Центральная Комиссия по сбору средств на танк «Феликс Дзержинский», в качестве ответа польского населения СССР на разрыв английским правительством дипломатических отношений, усиление антисоветской деятельности империалистических агентов и угрозу войны» [14, л. 4]. Как видим, тема «ответа Чемберлену» проявляется и в этом случае.

Одновременно Польшбюро ЦК КП(б)Б постановило просить окружные комитеты партии разрешить сбор средств на танк. Данное постановление незамедлительно было принято к исполнению на местах с указанием ответственным лицам «выехать во все польские деревни и провести там разъяснительную работу и сбор денег» [15, л. 52; 16]. В результате – проводилась подписка. «Кто деньгами, кто – хлебом», как это было в д. Рудня Нисимковичская Чечерского района. При этом популяризировался лозунг «Снопом по Чемберлену» [14, л. 8].

Сам ход проведения кампании отражает тогдашние социально-политические реалии, расслоение деревни по отношению к советской власти. Весьма показательно это отражено в отчете о работе Польшбюро ЦК КП(б)Б за период с 1 апреля по 1 августа 1927 г. (Раздел «Политические настроения польнаселения»). В частности, отмечалось: «Настроение польнаселения, особенно в пограничной полосе, подвергается некоторым колебаниям, что можно было наблюдать при проведении «Недели обороны» и кампании по сбору средств на постройку танка «Феликс Дзержинский». Кампания имеет большой политический характер. Проходит успешно. Как беднота, так и середнячество жертвуют, при этом оставляя собственноручную подпись на подписном листе. В одной из деревень – Шестаки Копыльского района зажиточные полудемонстративным образом вышли из собрания, а за ними потянулась часть середняков. На Витебщине крестьяне одной из деревень заявили, что они охотно пожертвуют на танк, но не хотят, чтобы их фамилии были записаны на листе» [17, л. 79, 80а].

Добровольно и под принуждением – кампания проходила. Люди вносили по 10–15 коп. Власти с удовлетворением отмечали, что хойникский ксендз Касперович был одним из 4-х ксендзов, давших на танк 1 руб. [18, л. 81].

В конце 1927 г. сбор средств завершился. Имя «Феликс Дзержинский» было присвоено купленному итальянскому танку Fiat-3000В. В Москву была отправлена делегация «польских трудящихся масс БССР» для передачи танка армии. Она состояла из

рабочего, крестьянина и учительницы [19, л. 98]. Т.е., были представлены все основные социальные слои.

В дальнейшем практика кампаний оборонной направленности сохранялась. Республиканская газета «Рабочий» в 1929 г. информировала о подготовке помощи в деревнях Осиповичского и Жлобинского районов с польским населением ожидаемым «армейским маневрам» (учениям. – В.П.). В частности, формировались «красные обозы» для перевозки военнотружущих, инвентаря. Деньги, причитающиеся как оплата их труда, крестьяне постановили отдать на танк имени газеты «Камуніст» [20]. В 1931 г. в среде польского населения была инициирована кампания по сбору средств на строительство дирижабля имени Дзержинского [21, л. 121].

Не обошли рассматриваемые кампании вниманием и еврейское население БССР. В 1923 г. Центральное Бюро Евсекций при ЦК РКП(б) объявило акцию «по созданию аэроплана имени еврейской коммунистической печати «Эмес», «Веккер», «Комфон» [22, л. 97об.]. Из названных советских еврейскоязычных газет (на идиш) СССР «Дэр Веккер» издавалась в Минске (в 1925 г. была переименована в «Октябрь»). Данная пресса была реальным и значимым средством смычки власти с еврейским населением, приобщением его к совместной советской работе.

25 июля 1923 г. Витебский губком РКП(б) разослал циркуляр во все евбюро при уездных комитетах партии Витебской губернии. В нем предписывалось поддержать кампанию по сбору средств: «Привлекайте к этой работе еврейские сельскохозяйственные коллективы, молодежь, драмкружки и другие органы. Ни один уголок Вашего уезда не должен быть пассивен в этой кампании» [22, л. 104]. В отчете еврейской секции Бобруйского уездного комитета партии за второе полугодие 1923 г. перечислены вопросы, рассмотренные на заседаниях секции: О еврейской прессе, о плане антирелигиозной кампании, о евреях-земледельцах и др. Всего – 16. Среди них – «Об аэроплане «Эмес-Веккер-Комфон» [23, л. 129].

Дальнейшее развитие отмеченный импульс повышения общественной активности еврейского населения получил в 1927 г. опять же в связи с внешнеполитической мотивацией – нотой Чемберлена. Проводится сбор средств на самолет, по-разному называемый в официальных документах: «Дэр ідышэр гарапашнік», «Яўрэйскі працаўнік», «Яўрэйскі трудавік» [24, л. 12, 16], «Ерапашнік» [25, л. 207]. В газете «Полесская правда» в 1927 г. была напечатана заметка «Строим самолет «Еврейский трудящийся». Ее основная фабула – «Вместе с «ответом Чемберлену» это будет также ответ всем евреям-

контрреволюционерам, сионистам, меньшевикам» [26]. Собранные деньги посылались в редакцию газеты «Октябрь».

Выявленная нами архивная информация дает возможность датировать начало общественных кампаний оборонного предназначения среди латышского населения 1924 годом. Так, на заседании бюро латышской секции Гомельского губкома партии от 20 сентября 1924 г. был рассмотрен вопрос «о подписных листах для сбора пожертвований для постройки аэроплана «Латвияс стрелникс»» [27, л. 5–5об.]. В 1925 г. латсекция Бобруйского окружного комитета партии информировала о проведении «кампании по постройке самолета «Латвиешу стрелникс» » и о сборе средств на восстановление «аэроплана «Латвиешу стрелникс», принимавшего участие в перелете «Москва-Пекин» и потерпевшего аварию» [28, л. 8, 10].

Бренд «Латышский стрелок» не случайно становится устойчивым в названиях кампаний по советизации латышского населения. Он знаменовал значимость вклада «красных латышских стрелков» в установление и укрепление советской власти.

В 1927–1928 годах в среде латышского населения проводится кампания по сбору средств для танка «Латышский стрелок». Ее ход координировали партийные органы и газета «Кревияс Циня» – одна из центральных газет СССР, издаваемых на латышском языке. Опять же, как и в случае с польским населением, власти отмечали неоднозначное отношение к проводимой акции среди местных латышей. Так, в отчете об итогах проведения кампании в Полоцком округе, наряду с констатацией ее успешного завершения, указывалось и на то, что «во время проведения кампании кулаки и часть зажиточных категорически отказывались жертвовать, а некоторые жертвовали для отвода глаз 10–15 коп. с оговорками : «какая нам польза, когда мы будем строить так много танков» » [29, л. 64].

В 1929 г. газета «Рабочий» опубликовала материал о Всебелорусском съезде трудящихся-латышей. Среди прочих обсуждаемых вопросов отмечалась «необходимость привлечь латышских трудящихся к укреплению обороны страны, конкретно - к постройке самолета «Латышский стрелок»» [30]. Уже – самолет, но с тем же названием, как и у танка.

В этом же году секретариат ЦК КП(б)Б поддержал ходатайство литовского бюро ЦК о разрешении начать сбор средств на самолет и постановил : «Дазволіць літоўскай газеце «Раўдонаіс Артояс» пачаць кампанію збора сродкаў на пабудову самалёта імя "Працоўных літоўцаў СССР"» [31, л. 2]. Газета «Раудонайс Артояс» («Красный

Пахарь»), издававшаяся в Минске, была единственной советской газетой в СССР, издававшейся на литовском языке.

Краткий обзор отмеченных кампаний позволяет более отчетливо ощутить общественную ауру 1920-х годов, ознакомиться с некоторыми сторонами жизни многонационального населения. Проведение названных акций кроме сбора материальных средств давало власти возможность зондировать политическую почву, корректировать саму политику в отношении отдельных групп населения, усиливать восприятие населением советской идеологии.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО). – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 492.
2. ГАООГО. – Фонд 3465. – Оп. 1а. – Д. 67.
3. ГАООГО. – Фонд 3465. – Оп. 2а. – Д. 6.
4. ГАООГО. – Фонд 3465. – Оп. 1а. – Д. 160.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 8. – Д. 16. – Ч. 1.
6. ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 75.
7. ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 136.
8. ГАООГО. – Фонд 3465. – Оп. 2а. – Д. 63.
9. ГАООГО. – Фонд 3650. – Оп. 1а. – Д. 190.
10. ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 172.
11. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 2. – Д. 520.
12. Известия ЦК ВКП(б). – 1927. – 18 июля.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3683.
14. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3680.
15. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 683.
16. ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 30
17. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 2. – Д. 193.
18. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп.1. – Д. 391.
19. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 8. – Д. 11. – Ч. II. ‘
20. Рабочий (Ежедневная газета. Издание ЦК КП(б)Б). – 1929.–14 сентября
21. НАРБ. – Фонд 701. – Оп. 1. – Д. 101.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). – Фонд 445. – Оп. 1. – Д. 147.
23. РГАСПИ – Фонд 445. – Оп. 1. – Д. 144.
24. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 689.
25. ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 30.
26. Полесская правда (Орган Гомельского окружкома КП(б)Б, окрисполкома и окрпрофсовета). – 1927. –19 июля
27. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1894.

28. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Фонд 6575. – Оп. 1. – Д. 375.
29. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3631.
30. Рабочий (Ежедневная газета. Издание ЦК КП(б)Б). – 1929. – 27 ноября
31. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 8. – Д. 16. – Ч. I.

Victor Pichukov. «If the war begins tomorrow...»: military and defensive socio-political campaign in the Byelorussian SSR in the 1920s.

The socio-political campaigns of military and defense purposes, held in the Byelorussian SSR in the 1920s, are considered. Their importance for the Sovietization of the population is indicated. Their specificity among the Polish, Jewish, Latvian and Lithuanian population is noted.

УДК 94 (476.25) “18/19”

И. А. ГРИЩЕНКО, С. А. ЮРИС

(Гомель, УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»)

**СОПРОТИВЛЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920–1930 ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ)**

В статье дана характеристика основным направлениям антицерковной политики советской власти в 1920-1930 гг. Опираясь на архивный материал по Гомельской области, авторы показали реакцию рабоче-крестьянской среды на политику большевиков в отношении церкви. Проанализированы результаты противостояния верующих и атеистического государства.

Антирелигиозная тема для большевиков, как и для классиков марксизма-ленинизма, станет центральной, так как построение нового социалистического общества приобретет для них своеобразный религиозный характер. Реалии советской жизни 20-х – начала 30-х годов позволят сделать такой вывод даже рабочим и колхозникам во время собраний, решающих судьбу очередного храма. Так, на фабрике «Красный Октябрь» г. Гомеля рабочие резко отреагировали на антирелигиозную пропаганду и призыв закрыть церковь: «А разве теперь не верят, вот же утвердились в Ленине и Сталине. Это тоже своего рода религия. Теперь на каждом шагу услышишь – Ленин

сказал, Сталин сказал. Об изъятии церковей рабочих нечего спрашивать, надо спросить верующих, что они скажут» [1, л. 13].

Антицерковный характер политики большевиков проявился в первых же законопроектах 1917–1918 гг. В соответствии с ними церковь лишалась прав юридического лица, ликвидировались духовные учебные заведения, государство не признавало церковный брак. Итогом стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Несмотря на провозглашенную свободу совести, церковь была выведена за пределы общественной жизни.

Методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые вождем пролетариата, были весьма противоречивы. С одной стороны, В. И. Ленин призывал сражаться с попами идейным оружием, т.е. просветительско-пропагандистскими методами, не оскорбляя чувств верующих. С другой стороны, В. И. Ленин инициировал разграбление церковного имущества и репрессии в отношении духовенства. Репрессивные действия и факты глумления над святынями приходили в противоречие с советским законодательством. Принцип отделения Церкви от государства нарушался грубым вмешательством советских властей во внутреннюю жизнь Церкви.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви в первые годы советской власти прослеживается по партийным циркулярам и сводкам ГПУ на примере Гомеля. «Закрытие церковей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд». Циркуляр призывал партработников проявлять в работе с верующими такт, терпение и опираться на мнение большинства, которое (мнение) необходимо формировать в нужном партии направлении [2, с. 46, 54]. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации в отношении средств предупреждает, что «нарочито грубые приемы вместо серьезного анализа и разъяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [2, л. 67]. Уничтожение икон – «священная» обязанность коммуниста и комсомольца и начинать нужно с собственного жилища, однако «сама же процедура снятия икон и тем более их уничтожение, сопровождающееся глумлением над святыней, вызывала у крестьян негативную реакцию» [3, л. 145].

Болезненно реагировали жители деревень на непочтительное отношение к предметам религиозного культа в процессе закрытия церкви (д. Новый Радин Комаринского р.), ломку и битье икон (с. Яново Ветковского р.), расстрел икон из охотничьих ружей (д. Дворище Хойницкий р.), что нередко вызывало эксцессы [4, л.116]. К началу 1930-х гг. власти категорически запрещают проводить так называемые антипасхальные карнавалы с «сожжением богов», вызывающие недовольство и приводящие к столкновениям с жителями деревень. Подчеркивается важность систематической работы, привлечение специалистов высокой квалификации, упор делать на научность подхода в критике религии [5, л. 22–22 об.]. Партийные инструкции и циркуляры рекомендуют антирелигиозную кампанию доверить учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна [2, л. 55].

Активизация антирелигиозной работы приходилась на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. Как правило, на эти дни составлялись планы проведения «комсомольской пасхи»: субботники накануне Пасхи (7.04. 1923), в пасхальное воскресенье (8. 04. 1923) проведение мероприятий в клубах («Вечера Коперника», спектакли, концерты, танцы) [3, л. 56, 75, 84]. Все это вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в церкви.

В сводках ГПУ отмечается крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химик», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляют бывшие крестьяне, чем советские органы объясняли их религиозность. Так на Благовещенье 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). Рабочие кирпичного завода на антирелигиозную агитацию отвечают: «все эти антирелигиозные демонстрации и доклады не нужны, стариков не сагитируешь, пусть каждый поступает как хочет в деле веры»; «мы должны праздновать наш праздник (Пасху). За границей же все празднуют, в том числе и рабочие. У нас партийцев и комсомольцев меньше, чем беспартийных, поэтому как постановим, так и будет». На фабрике «Красный Октябрь» на беседу о вреде религии была резкая реакция со стороны рабочих: «Все же когда-то было лучше, а что теперь – соцсоревнования, а кушать нечего. Если придут ко мне за подписью о закрытии церкви, я не подпишусь». «Компартия потеряла доверие, озлобила крестьян, разорила их хозяйства, а нам рабочим не лучше, это

соцсоревнование вытягивает все соки, нет даже свободной минутки, а мы дурни работаем». 13 апреля 1930 г. собрание на антирелигиозную тему состоялось в 9-й железнодорожной школе. Присутствовали в основном жены железнодорожников. Собрание прошло особенно бурно. Рабочие возмущались закрытием церкви: «если церкви закрываются, то закройте тогда школы и синагоги». Железнодорожный рабочий выступил с заявлением: «Теперь молиться можно, и церкви, помимо желаний верующих, не могут быть изъяты». Работник почтово-телеграфной конторы заявил, что хоть и приходится работать в пасхальные дни, но дома все равно будет чувствоваться праздник: «Если бы мне пришлось работать первый день пасхи и платили бы по 4 рубля сверх жалованья, я бы не согласился, а на 1 мая с удовольствием бы поработал и имел бы лишнюю троячку». «Кто надумал праздновать, все равно на работу не выйдут. Возьмите коллективизацию, Сталин пишет, чтобы колхозы создавались на добровольных началах, здесь так же надо решать». «В первый день пасхи я никогда не работал и в дальнейшем не буду работать. Я воспитан в таком духе и меня теперь никто не сагитирует, чтобы я от этого отказался, хотя нас мало, но мы еще веруем». «Все заставляют делать силой. От праздников заставляют отказываться, детей заставляют приносить из дома иконы, чтобы их уничтожать, а иначе увольняют из школы. Если я схожу в церковь, то этим никому вреда не принесу. Попы никакого подрыва в рабочих не делают, а подрывы делают руководители, которые смотрят не там, где надо». «Не вышел на работу, потому что у меня пасха, и я хожу в церковь и в дальнейшем буду посещать, я родился христианином и умру им» [1, л. 11–14, 35–38]. В результате в первый день пасхи 1930 г. не вышло на работу 60% всего состава рабочих. Как отмечается в отчетах ГПУ под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие члены партии. Посещаемость церкви на пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с прошлым годом. О том, чтобы пойти в клуб на танцы рабочие говорили, что танцы в клубах бывают часто, а такая служба раз в году, так лучше пойдем в церковь [1, л. 30-31]. Возмущения рабочих порой приобретали откровенно антисоветских характер: «На даром за границей говорят о преследовании религии в России»; «Я бы дал 4 тысячи рублей, чтобы вернуть старые порядки» [1, л. 268].

Советское руководство в рамках антицерковной политики попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви. Часть духовенства была нацелена на радикальную реорганизацию внутрицерковной жизни, что нашло свое выражение в обновленческом движении. Для большевистского руководства обновленчество – способ

дискредитировать Церковь в глазах верующих, расколоть ее и уничтожить. Сотрудничество с так называемыми «новыми церковниками» - тактический ход, а не программная позиция. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечает, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана» [2, л. 55].

Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объяснялась так же желанием создать себе определенный имидж на Западе, как власти толерантной, демократичной, гуманной. Поэтому, комментируя арест патриарха Тихона, власти настаивали на правильной оценке своей политики со стороны обновленческого собора: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета» [2, л. 55].

Гомельские священники с установлением советской власти в большинстве своем уйдут в обновленчество. Ситуацию исправит приезд в Гомель в качестве викарного епископа Могилевской епархии Тихона (Шарапова) (1886 - 1937). По приезде в Гомель 3 апреля 1925 г. он стал активно бороться с обновленческим расколом. В Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2-3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [4, с. 59]. Епископ Тихон пробыл в Гомельской епархии недолго, в 1925 г. он был арестован и доставлен в Москву. Пройдя череду ссылок, лагерей и арестов в сане архиепископа Алма-Атинского владыка Тихон (Шарапов) будет расстрелян в 1937 г. [6, с. 278].

Непростая ситуация сложилась в связи с «Декларацией 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского). Часть священнослужителей, монашествующих, мирян уйдет в оппозицию, не приняв идею

сотрудничества церкви с безбожной властью (движение «непоминающих», «иосифлян»). На Гомельщине «правая» оппозиция будет иметь довольно широкое распространение. Среди иосифлян окажется о. Павел Левашев – духовник Гомельского епархиального округа, который с иеромонахом Герасимом (Каешко) вышли в июне 1928 г. из подчинения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Однако, сохраняя каноническое подчинение Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) (1862-1937) представители «правой» церковной оппозиции не порвали окончательно с патриаршей церковью. «Непоминающие» отказывались от богослужебного поминовения гражданской власти и имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

На Гомельщине иосифлянское движение охватило Гомельский, Ветковский, Чечерский, Уваровичский, Буда-Кошелевский и Тереховский районы. Иосифлян поддержали священник Елисей Назаренко и диакон Антоний Прищепов (с. Песочная Буда Тереховского района), священник Феодор Рафанович (с. Шерстин Ветковского района), гомельский диакон Антипа Злотников, иеромонах Антоний (Монин) (с. Меркуловичи Рогачевского района), священник Феодор Семенов (м. Уваровичи), священник Иоасаф Яценко (с. Поповка Тереховского района), священник Василий Чепков (с. Еремино Гомельского района), иеромонах Валентин (Богданов) (с. Дубовки Тереховского района). В 1929 г. число «непоминающих» священнослужителей пополнили бывшие клирики Гомельской обновленческой епархии иеромонах Зосима (Павлов) и иеродиакон Иероним (Андрейко), принесшие покаяние в грехе раскола и получившие назначение на приходское служение в с. Новоселки и д. Кунторовка Ветковского района. Несколько месяцев хватило иеромонаху Анатолию (Иваненко), чтобы основать пять новых «непоминающих» общин в различных населенных пунктах Чечерского района. Иеромонах Феоктист (Ганжа) основал иосифлянскую общину в с. Речки и д. Хизова Гута Ветковского района Гомельского округа [7, с. 145-146].

К непоминающим примкнули многие монашествующие (насельницы Ченковского Свято-Успенского монастыря Гомельского района, Буйничского Свято-Духова монастыря Могилевской епархии). Единодушия в монашеской среде относительно «Декларации 1927 г.» не было. Бывшие насельницы Чонковской обители уже в 1928 г. были разделены на группы «левашевцев» и «сергиевцев».

В результате первой волны репрессий в отношении «правой» церковной оппозиции (1930–1932 гг.) на территории Гомельского епархиального округа священники, монашествующие и миряне будут приговорены к разным срокам ИТЛ (около 40 человек), а иеромонах Герасим (Каешко) расстрелян [7, с. 148].

В сложившихся условиях «непоминающие» вынуждены были перейти на нелегальное положение. В 1933–1934 гг. из заключения и ссылки вернулись на Гомельщину отбывшие наказание или освобожденные по болезни протоиерей Павел Левашев, священники Елисей Назаренко, Антипа Злотников, Василий Чепков, которые свое служение осуществляли конспиративно. Одним из центров «иосифлянской» общины стал храм Рождества Богородицы в с. Урицкое.

В июле-августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников», во главе которой якобы стоял протоиерей Павел Левашев. Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне (среди них староста церкви с. Урицкое Е. Ф. Лелехова) Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г. Диакон Исаак Ганжин, шесть монахинь, одна послушница и четыре мирянина, были приговорены к 10 годам ИТЛ. В мае 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже был арестован проживавший в с. Бобовичи Гомельского района священник Василий Чепков. Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 21.09.1938 приговорен к высшей мере наказания [7, с. 148].

К началу 1941 г. на территории Гомельской области не осталось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя. Однако церковная жизнь сохранялась на уровне приходской общины в условиях подпольного существования.

Список использованных источников и литературы

1. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроениях рабочих Гомеля 1930 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО). – Фонд 3. – Оп.1. – Д.714. – Т. 2.
2. Циркуляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП // ГАООГО. – Фонд 2.– Оп. 1. – Д. 338.

3. Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации. // ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 514.
4. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроении рабочих Гомеля. 1930. // ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 714. – Т. 2.
5. Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы. // ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 489.
6. Косик, О.В. Голоса из России : Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
7. Слесарев А.В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928-1941 гг. // Труды Минской духовной академии. – 2014. – № 11. – С. 140–149.

Irina Grishchenko, Sergey Juris. Resistance to anti-church policy of the soviet government in the 1920-1930s for example of Gomel region

The article presents the characteristics of the main directions of anti-church policy of the Soviet power in the 1920-1930s. Base on archival material in the Gomel region, the authors showed the reaction of worker-peasant medium on Bolshevik policy against the church. The analysis results of the confrontation of believers and atheist state.

УДК 94(476)

А. Ю. БОДАК, Е. А. БОДАК

(Брест, УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина»)

**ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ ПИНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ОКТАБРЬ 1939 ГОДА – МАРТ 1940 ГОДА)**

Статья посвящена началу процесса советизации западного Полесья после его воссоединения с БССР на примере Ганцевичского района Пинской области. Строительство основ новой жизни включило в себя такие важнейшие элементы как выборы в Народное собрание Западной Беларуси, создание советской административной структуры в виде областей и районов, создание сельских советов. К числу издержек национально-государственного строительства в регионе можно отнести недоверие новой власти к бывшим членам КПЗБ и изоляцию большей части из них от политической жизни, недоверие к польскому населению региона, репрессии против людей, несогласных с новой властью. Процесс государственного

строительства постоянно корректировался, издержки устранялись, но война прервала на время этот процесс.

В сентябре 1939 г. в жизни Западного Полесья, входившего до этого в состав 2-й Речи Посполитой, произошли резкие перемены. В результате событий начала Второй мировой войны, разгрома польского государства фашистской Германией, вступления частей Красной армии 17 сентября на территории Западных Украины и Беларуси и их воссоединения с БССР и УССР, здесь началась новая жизнь.

Первыми органами власти на освобождённых землях западных областей стали Временные военные управления (ВВУ). Их главной задачей стало укрепление Советской власти в регионе и обеспечение законодательного воссоединения Запада и Востока республики. Территория будущего Ганцевичского района (в документах осени 1939г. его часть именуется Круговичской волостью [1, с. 6]) попала в сферу деятельности Луинецкого ВВУ. В конце сентября с его помощью здесь было создано 2 волостных и 42 крестьянских комитета. Первым делом они выделили беднякам бесплатно 816 гектаров земли, а так же выпасы и сенокосы помещиков и осадников. 150 батрацким хозяйствам выдали 150 коров и большое количество молодняка. 53 батрацких хозяйства получили по лошади. Безлошадных крестьян и батраков стали подселять в дома бывших помещиков и осадников [5, с. 23].

22 октября 1939 г. Президиум Верховного Совета БССР издал Указ о проведении выборов в Народное собрание Западной Беларуси. Они должны были узаконить политические изменения на воссоединённых с БССР территориях и создать политическую структуру, которая была призвана осуществить законное вхождение этих территорий в состав БССР и СССР, т.е. упомянутое Народное собрание. Выборы в полесском регионе проводились в очень своеобразных условиях. С одной стороны, значительная часть коренного населения горячо поддержала новую власть и связывала свою жизнь с ней. С другой стороны здесь имелось немало количество людей, у которых не было резона поддерживать пришествие новых порядков. Поэтому ВВУ провели большую работу для того, чтобы обеспечить максимальное выдвижение делегатов на это Собрание из числа лиц непольского происхождения (по понятным причинам). Ганцевичи на нём представлял будущий глава одноимённого сельсовета Антон Степанович Клевец. Отношение к местным полякам начнёт

меняться с осени 1940 г., когда на официальном уровне будут признаны перегибы в этом вопросе. Будут частично восстановлены польские школы (по просьбам местного населения), молодёжь будет вовлекаться в комсомол, в органы местного управления попадут и лица польской национальности (в декабре 1940 г. пройдут выборы в местные советы).

Не будем останавливаться на общеизвестных фактах принятия документов, узаконивших вхождение Западной Беларуси в состав СССР и БССР. Главное, что сразу после их ратификации здесь началось интенсивное партийное и государственное строительство. Уездный комитет КП(б)Б организовал партийные организации и при некоторых волостях партийные группы. Такая группа была создана и в Круговичском волостном управлении – там было 2 коммуниста, 1 кандидат в члены партии, 4 комсомольца. Всех их возглавил инструктор уполномоченного ЦК Нестюк, присланный с Востока БССР. Присланные оттуда же комсомольцы Зубов, Корнилович, Костюченко и Качан были посланы работать политкомсоргами на лесопильные заводы в Ганцевичи и Денисковичи, а Ляхов – в помещичье хозяйство Опацких в Огаревичи, где намечалось создание совхоза [6, с. 8]. Крестьянские комитеты приступили под непосредственным руководством партгруппы к разделу помещичьих имуществ и земель и передачу их беднякам. Присланные с Востока коммунисты Ляхов и Нестюк поставили на учёт бывших сотрудников польской лесной охраны.

4 декабря 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в Западной Беларуси были созданы области (ВВУ теперь ликвидировались). Территория Лунинецкого ВВУ вошла в состав Пинской области. 15 января 1940 г. Указ Президиума Верховного Совета БССР о создании в этих областях районов. Решением ЦК КП(б)Б и Совнаркома БССР с 1 февраля 1940 г. началась организация районов, в том числе Ганцевичского, и местных советов [5, с. 2–3]. Вновь созданные районный комитет КП(б)Б и райисполком возглавили соответственно Бейненсон Залман Куселевич и Смоляков Григорий Емельянович.

До осени 1940 г. административная принадлежность района долго обсуждалась. Дело заключалось в сложной ситуации с коммуникациями. Начальник райотдела милиции Чесноков, в частности, предлагал присоединить район к Барановичской области – из Барановичей попасть в Ганцевичи тогда было проще, чем в Пинск. Из-за непроходимых болот дорога в областной центр могла занимать 2–3 суток [4, с. 85], что создавало определённые

трудности в управлении. Тем не менее, район всё-таки остался в Пинской области.

Для дальнейшего советского строительства у новой власти был бесспорный резерв из числа местного населения – это участники освободительной борьбы с польскими властями и члены левых партий, существовавших в довоенной Польше. О первых написано довольно много, и мы не будем в этой статье повторять известные факты. В районе таковых было 33. 24 из них состояли в КПЗБ и 9 – в Компартии Польши. По национальному составу 11 человек – евреи, 2 – поляки, остальные – белорусы. По социальному происхождению из них 20 были крестьянами-бедняками (все – белорусы). 3 кустаря, 2 рабочих и 6 служащих представляли поляки и евреи, 2 – не были идентифицированы [8, с.1–2].

В 1938 г. решением Исполкома Коминтерна КПП и КПЗБ были необоснованно, в рамках сталинских репрессий, распущены, их руководство было либо расстреляно, либо оказалось за решёткой в СССР. На рядовых членов этих партий легло незаслуженное клеймо политически неблагонадёжных.

В это же время по району, как и по всему региону прошли выселения лиц, не согласных в новой властью. В районах, находившихся вдоль старой советско-польской границы, выселения приняли наиболее массовый характер. Это было обусловлено тем, что в «польский период» сюда в больших количествах направляли людей, не любивших советскую власть по идейным причинам, чтобы держать границу на надёжном замке – бывших белогвардейцев, «булак-балаховцев», польских осадников. С приходом новой власти маятник истории качнулся для них в обратную сторону. О том, насколько депортации затронули район, свидетельствует перлюстрированное письмо жены одного из советских работников, отправленное в Минск летом 1940 г., в котором говорилось, что «уже много людей выслано и продолжают много выселять». Репрессии будут продолжаться до лета 1941 г.

Новая власть распорядилась этим людским потенциалом и его политическим опытом поначалу не по-хозяйски. Только двое из них, очевидно прошедших проверку по линии органов НКВД, – Рублевский Иван Александрович и Хилютич Павел Прокофьевич вошли с первый состав руководства сельских советов, остальные продолжали трудиться на личном хозяйстве, рабочими на железной дороге и в лесной промышленности. Даже бывший секретарь Ганцевичского подпольного райкома КПЗБ Наум (Наха) Моисеевич Шмуклер работал в швейной артели. Однако, власть, и мы это будем

неоднократно подчёркивать, была обучаемая, делала выводы из неправильных решений и старалась их исправлять. Накануне войны уже 6 бывших членов КПЗБ возглавили сельские советы, 1 стал председателем колхоза и ещё 1 отправлен на курсы в г. Пинск.

14 февраля 1940 г. в Ганцевичском районе были организованы сельские советы – важнейший низовой орган советской власти. В 13 сельсоветов вошли 89 человек (из них 17 женщин, что ранее было бы здесь невозможно, и 2 из них стали секретарями сельсоветов) [5, с. 2–3]. Первый состав сельсоветов был не избранным в отличие от второго, уже избранного народом в декабре 1940 г., а назначенным новой властью. В феврале же выборы не проводили. Видимо, здесь сказалось определённое недоверие власти к выбору местного населения (хотя оно в массе своей доказало лояльность). Но оставалось ещё много политических противников, часто просто гипотетических, и активистов с прошлым, которое вызывало определённое недоверие у органов НКВД. Поэтому, на первых порах было решено не рисковать и назначить руководство первых сельских советов. Списки упомянутого руководства, назначенного властью в феврале и избранного народом в декабре 1940 г. отличаются заметно.

На эти новые для населения органы власти легла работа по организации колхозов, упорядочению повседневной жизни, обеспечению многочисленных поставок, ведению политико-массовой работы и т.д. В апреле 1940 г. в районе уже существовало 3 колхоза, объединивших 659 хозяйств, организована МТС [4, с. 22]. Но основной проблемой работы сельсоветов становилось недостаточное внимание партийных и советских органов к проблеме обучения кадров основам работы (что, впрочем, власть и сама признавала). Руководство сельсоветов не имело опыта подобной деятельности. В итоге к началу апреля 1940 г. Ганцевичский и Мальковичский сельсоветы ещё не приступили к своей деятельности. Многие работники не понимали разницу между работой сельсовета, отмечал председатель райисполкома на районном партсобрании, и работой солтыса при польской власти – они считали своей работой только отправку людей на лесозаготовки и не занимались политико-массовой работой [4, с. 11]. Хотя первой обязанностью райкома и райисполкома была политическая работа с местным активом (учитывая невысокий образовательный уровень), его предоставляли самому себе, зато потом с него же и снимали стружку в случае каких-либо эксцессов.

Проблемы в деятельности сельсоветов были различные. Так, председатель Новосёлковского с/с жил в д. Святица в 8 км. от своей работы. Сейчас это не было бы проблемой. При тогдашних средствах сообщения совет зачастую оставался работать без председателя [7, с. 25]. Иногда власть гневалась по поводу кадровой политики в сельсоветах – в д.Задубье Мальковичского с/с у руководства оказался «не наш человек» Сидорович Василий (характеристика предрайисполкома), в Мальковичах – бывший солтыс, в Великом Рожане – попадья. Критике райкома подверглись поселковый совет, Куковский и Новосёлковский сельсоветы за то, что здания, в которых они располагались, не похожи на советские учреждения [3, с. 143–144].

Были случаи у местных активистов разочарования в Советской власти. Эти драматические ситуации могли дорого обойтись людям. Ещё имело место и доносительство. Так, председатель Чудинского сельсовета в июле 1940 г. попал в поле зрения специфических органов за то, что «стал на антисоветский путь» – на собрании колхозников в мае 1940 г. не пресекал высказывания колхозников вроде «кабы знал хорошо всё раньше, ни за что своего коня в колхоз бы не обогулил (обобществил)». На кустовом собрании он заявил коллеге Сергеене Василию Захаровичу: «Скоро на нас войной пойдут. Эх, знал бы это, никогда бы не вступил в эту организацию. Почему я тогда не заболел?» [7, с. 3]. К слову сказать, слухи о предстоящей войне с Германией были летом 1940 г. в районе широко распространены. Он же в доме Захарчени Михаила во время одного застолья сказал: «Мабыть там в СССР в колхозах плохо. Моя баба рассказывала, что из Семежева приходила жабровать (нищенствовать) женщина очень оборванная. Было бы хорошо – не кинули бы там работу. Им там не дают сена косить, охоту отбивают, коров не продержат и голодные. Из Минска говорят, что наших хлопцев там высылают за то, что говорят правду». Доброхот, доносивший на председателя, уточнил обстоятельства этой речи: «Говорил и тяжело-тяжело вздыхал» [7, с. 3]. Вскоре он был снят с должности. Можно сказать, что в той ситуации он хорошо отделался.

В сентябре 1940 г. райком начал разбирательство фактов использования некоторыми руководителями служебного положения. Так, в Чудинском, Люсинском и Круговичском сельсоветах отдельные их члены присвоили себе по 3 гектара сенокоса или сжали пшеницу бывшего польского лесника себе. Председатель одного из сельсоветов был обвинён в срыве поставок [3, с. 143–144].

Председатель райисполкома получил после этого указание райкома пересмотреть штаты руководства сельсоветами и назначать на руководящие должности бедняков и середняков [3, с. 143–144]. Как видим, речь о выборности руководства сельсоветов ещё не шла. Но выборы в местные советы уже были не за горами. Первичные мероприятия власти в административной сфере заканчивались. Начиналась большая и серьёзная повседневная работа, которую прервёт война.

Список использованных источников и литературы

1. Ганцевичский райком КП(б)Б. Протоколы общих собраний партийно-комсомольской группы Круговичского волостного комитета. 3 ноября 1939 – 18 января 1940 г. // Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Ганцевичский райком КП(б)Б. Протоколы заседаний бюро райкома. 1 февраля – 7 сентября 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 5.
3. Ганцевичский райком КП(б)Б. Протоколы заседаний бюро райкома. 9 апреля – 30 декабря 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 6.
4. Ганцевичский райком КП(б)Б. Протоколы общих районных партсобраний. 12 февраля – 17 ноября 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 7.
5. Ганцевичский райком КП(б)Б. Отчёты райкома КП(б)Б. 8 апреля 1940 – 25 января 1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 8.
6. Ганцевичский райком КП(б)Б. Докладные записки райкома КП(б)Б в ЦК КП(б)Б об итогах выборов в Верховные советы БССР и СССР, о состоянии партийной работы в 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 13.
7. Ганцевичский райком КП(б)Б. Переписка с парторганизациями об учёте и передвижении коммунистов, высылке партийных документов, расследования персональных дел и др. 1 апреля – 17 мая 1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 24.
8. Ганцевичский райком КП(б)Б. Списки, автобиографии бывших членов КПЗБ и КПП за 1941 г. Январь – май 1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-п. – Оп. 1. – Д. 137.

Andrey Bodak, Evgeny Bodak. First steps of the of Soviet authorities in Gantsevichi district of Pinsk region (october 1939 - march 1940)

This article focuses on the top of the Sovietization of Western Polesie after its reunification with the BSSR on the example Hantsavichy district, which then part of the Pinsk region. Construction of the foundations of a new life included the important elements such as elections to the People's Assembly of Western Belarus , the creation of the Soviet administrative structure in the form of regions and districts, the creation of village councils (the grassroots structures of

the Soviet regime). Among the costs of nation-building in the region include mistrust of the new government to the former members of the Kommunist Party of Western Belarus and isolation of most of them from political life, mistrust of the Polish population in the region, the repression against people who disagree with the new government.

УДК 940.55:33

Е. А. ГРЕБЕНЬ

(Минск, УО «Белорусский государственный аграрно-технический университет»)

ВЫЖИВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕССИНГА НАЦИСТОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ КОЛЛАБОРАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ)

В статье рассмотрены приемы и методы, выработанные гражданским населением Беларуси в ответ на принуждение оккупационными властями к сдаче натуральных налогов, позволявшие не только минимизировать экономический прессинг оккупантов, но и оказывать продовольственную поддержку партизан.

Территория оккупированной Беларуси играла важную роль в планах немецких оккупационных властей. За счет местных ресурсов обеспечивалась немецкая армия. Помимо обязательной трудовой повинности, сельское и городское население было вынуждено уплачивать множество натуральных налогов, регулярно подвергалось внеплановым реквизициям вермахта, мародерству со стороны местной полиции, а также обеспечивало продуктами партизан. В условиях жесткого экономического прессинга со стороны оккупационных властей гражданское население использовало ряд приемов, чтобы минимизировать размер натуральных налогов.

Владельцы коров были обязаны сдавать государству определенное количество молока или молокопродуктов. Крестьяне, державшие домашнюю птицу, сдавали яйца и мясо птицы. В Тереховском районе распоряжением районного земельного управления с 1.01.1942 г. была введена обязательная сдача молока от коровы в размере 110 л. в год при жирности 3,9 %. Хозяйства рабочих и служащих до особого распоряжения от сдачи освобождались. Устанавливался план сдачи в течение года: январь – 2 %, февраль –

3 %, март – 5 %, апрель – 7 %, май – 10 %, июнь – 20 %, июль – 20 %, август – 13 %, сентябрь – 10 %, октябрь – 5 %, ноябрь – 3 %, декабрь – 2 %. Местным властям предписывалось провести проверку дойных коров. Для приема молока в районе организовывались 9 пунктов. Ежедневно заведующие сливных или сепараторных пунктов должны были осуществлять учет молока, передавая суммарные данные волостному старшине. Молоко ежедневно к 17.00 доставлялось на Тереховский маслозавод. В случае порчи молока в результате несвоевременной доставки виновные должны были покрыть убыток в пятикратном размере, испорченный продукт в общий объем поставок не засчитывались [1, л. 11, 11 об.]. Отдел промышленности Полоцкой районной управы обращал внимание крестьян, что они обязаны сдавать только натуральное, не снятое, свежее молоко. За литр сданного молока гражданам полагалась выплата 70 коп. минус 20 коп. за возвращаемое им снятое молоко [2, л. 32]. В 1943 г. сельские жители Полоцкого района, имеющие коров, были обязаны сдать 550 л молока с каждого хозяйства. Наибольший объем налога приходился на период лета – осени, т.е., когда скот выпасался на лугах или в начале стойлового периода еще хватало кормов, и не начался отел. В этот период хозяйство должно было сдать 400 л, остальные 150 л необходимо было сдать с 1.01.1944 г. до 31.07.1944 г. К 1944 г. объем сдаваемого молока увеличился. В Борковичской волости Дриссенского района владельцы коров с 1.04.1944 г. по 1.08.1944 г. были обязаны сдавать по 550 л молока под угрозой изъятия коровы [3, л. 9]. Освобождались от сдачи молока только владельцы тельных коров до момента отела [4, л. 63]. В распоряжении коменданта и начальника Оршанской районно-городской управы бургомистрам требовалось, начиная с 1.01.1942 г., ежедневно сдавать по литру молока с коровы в сутки под угрозой изъятия коров [5, л. 3].

Натуральные налоги были выше довоенного уровня. В Лепельском районе с коровы собиралось 300 л молока в год вместо 120-ти довоенных. Если до войны державшие коров рабочие и служащие освобождались от натурального сбора, то теперь горожанам приходилось сдавать молоко, что еще более усложняло ситуацию с продуктами питания [6, л. 134 – 135]. До 31.07.1943 г. объем поставок молока был установлен в среднем в 150 л с каждой коровы. На следующий хозяйственный год устанавливалась норма в 300 л с коровы, жирность молока должна была составлять 3,7 %. При сдаче молока более низкой жирности объем поставок увеличивался [7, л. 58 об.]. Указание в официальных документах жирности молока объяснялось естественным стремлением владельцев

коров сдать как можно меньше молока. Местной администрации приходилось вести постоянную борьбу с держателями коров, которые разбавляли молоко водой. Бургомистр г. Добруша в приказе от 29.05.1942 г. констатировала, что при проверке в лаборатории сдаваемого молока выяснилось, что 10 граждан разбавляли его водой, в результате чего жирность колебалась от 0,4 до 1,2 % при требуемых 3 %. Подобные действия были расценены как саботаж, и начальнику полиции было приказано изъять у этих граждан коров. Остальные горожане еще раз предупреждались об ответственности за «фальсификацию» молока [8, л. 35].

Не освобождались от натуральных поставок хозяйства служащих полиции, РОА, самообороны, владельцы таких хозяйств были обязаны сдавать 400 л двумя равными долями [9, л. 114].

Иногда крестьяне облагались натуральным налогом без предварительного выяснения наличия у них скота или птицы, в результате многие из них апеллировали к местной администрации об освобождении их натуральных поставок. Так, весной 1942 г. на имя начальника отдела заготовки Осиповичской районной управы стали поступать просьбы граждан об освобождении их от поставок молока и яиц, поскольку у них не было коров и кур [10, л. 16, 23, 54, 56]. Сдача молока могла заменяться сдачей иных молокопродуктов. Для жителей дер. Ильинка Пашковской волости Могилевского района, которая находилась далеко от пункта приема молока, вместо 2 литров молока с коровы с 1.05.1944 г. вводилась обязательная поставка 1 фунта масла [11, л. 18].

Стимулом для сдачи молока служило изъятие коров, поскольку при наложении на конкретную общину контингента сдачи мяса, у граждан, не сдавших молоко, коровы изымались в первую очередь. Отказ от сдачи молока могла повлечь конфискацию коров не только у рядовых граждан, но и у полицейских. На совещании начальников отделов Осиповичского окружного управления и начальников районов от 5.08.1943 г. была озвучена информация о том, что крайсландвирт Стародорожского за не сдачу молока отбирает коров у семей полицейских. Предлагалось конфисковать коров в деревнях, подконтрольных партизанам, где крестьяне и так не сдают молоко [12, л. 44–45].

Гражданское население в массовом порядке уклонялось от сдачи молока или же, вопреки строжайшим распоряжениям властей, сдавало молоко недостаточной жирности. Начальник Минского района 30.04.1942 г. констатировал факты не выполнения поставок, сдачи разбавленного молока и требовал конфискации коров у нарушителей.

Сообщалось, что рабочие и служащие также должны выполнять молокопоставки, а также о запрете продажи молока на рынках [13, с. 36]. Согласно постановлению по финотделу Витебской городской управы от 22.04.1943 г., 33 жителя Витебска были оштрафованы на сумму от 100 до 200 руб. за «фальсификацию» молока при сдаче на молочную базу Центрального торгового общества «Восток», 28.04.1943 г. было оштрафовано еще 5 чел., и подобные санкции применялись практически ежемесячно. Некоторые граждане пытались оспорить штраф, и в отдельных случаях он мог быть отменен. Например, граждане могли заявлять, что корова отелилась или болела, поэтому молоко некоторое время не сдавалось на базу. В других случаях штраф не отменялся, если повторная проверка показывала, что молоко по-прежнему сдается не достаточной жирности [14, л. 1–17]. Старший следователь криминального отдела Витебской полиции распорядился задержать гражданина, обвиняемого в сокрытии коровы, находившейся во временном пользовании. В ходе следствия было установлено, что слесарь депо станции Витебск продал выданную ему городской управой во временное пользование корову, и не сдал 152 л молока в рамках обязательных поставок [15, л. 5, 10, 15]. За невыполнение поставок молока 13.05.1943 г. трое жителей Оршанского района были приговорены к 8-ми неделям принудительных работ. Граждане оказались родственниками сотрудников полиции, и начальник районной полиции ходатайствовал перед фельдкомендатурой об их освобождении из-под ареста [16, л. 226].

Как пример саботирования крестьянами сдачи молока интересна переписка Вилейской районной управы с волостными управами. Каловичская волостная управа, пересылая одновременно рапорты солтысов (сельских старост), 17.12.1941 г. сообщала Вилейской районной управе, что население сдает фактически все молоко, оставляя незначительное количество для маленьких детей, и что поставка молока в размере одного литра с каждой коровы никоим образом не может быть реализована, поскольку в настоящее время доится малая часть коров, да и те от недостатка кормов молока дают мало. На следующий день Вилейская волостная управа сообщила волостным управам, что приказ о сдаче молока от 22.11.1941 г. остается в силе, от волостных старшин требовалось предоставить сведения о крестьянах, которые не сдают молоко, еженедельно предоставлять сведения о количестве коров в общинах, переставших доиться или отелившихся. Волостным старшинам также давались полномочия повышать нормы поставки молока от коровы с 1,5 л до 3-

х л, если община не выполняет план. Таким образом, перераспределялся груз налогов между хозяйствами. В ответ на письмо старшины Каловичской волости районная управа 20.12.1941 г. сообщила, что аргументы волостного старшины не являются приемлемыми, что он виновен в срыве поставок и не выполняет своих должностных обязанностей. Сообщалось также, что в дер. Боровцы имеется 220 коров, из которых 73 коровы являются дойными, как установила специально присланная комиссия, но деревня не сдала ни одного литра молока, и что поданные в письменном виде объяснения старост деревень не являются аргументированными. В ответ волостной старшина 23.12.1941 г. сообщил, что он в очередной раз потребовал от солтысов сдачи молока, но те ответили, что не имеют сведений о количестве дойных коров, и просят, чтобы это выяснила комиссия. Как видно, представители низовых структур не желали брать на себя ответственности и принуждать крестьян, пытаясь переложить репрессии на вышестоящие инстанции. По этой же причине волостной старшина пересылал списки крестьян, которые отказывались сдавать молоко, в районную управу. Чтобы выполнить план поставок, Вилейская районная управа сообщила руководителям государственных имений и волостным старшинам, что вводится ограничение на употребление молока для работников госимений. Семье из 4-х человек разрешалось использовать 1 л молока, семьи, состоящие из более чем 4-х человек могли использовать несколько больше. Разрешалось также использование в ограниченных количествах перегон молока. На детей до 12-ти лет полагалось 0,25 л. Начальник района 24.12.1941 г. предписал создать комиссии в волостях для определения дойности коров в составе ветеринарного фельдшера, представителя полиции и солтыса. В январе 1942 г. районная управа в очередной раз обратилась к старшинам и начальникам полиции всех волостей с требованием активизировать сдачу молока, обвиняя местные власти в отсутствии контроля и непринятии административных мер к нарушителям. Учет попытались персонифицировать; требовалось назначить ответственного за контроль за сдачей молока в каждой волости и сообщить его фамилию в районную управу. 28.01.1942 г. районная управа в очередной раз сделала внушение старшине Каловичской волости, отметив, что представленные им накануне отчеты о ходе сдачи молока не являются удовлетворительными, и видно, что никакая работа в этом направлении волостным старшиной не проводится. От него требовалось под личную ответственность установить количество дойных коров и принимать меры против уклоняющихся от сдачи

крестьян, используя полицию. Сообщались фамилии конкретных крестьян для проверки факта сдачи ими молока ниже установленной солтысами нормы, и высказывалось требование наказать их штрафом в размере 20 марок. В феврале 1942 г. районная управа в очередной раз обратилась ко всем волостным старшинам, сообщив, что имеются факты, когда солтысы устанавливают норму сдачу молока с опозданием, тогда как крестьяне должны сдавать молоко через 14 дней после отела коровы. Именно солтысов обвиняли в том, что крестьяне не сдают молоко, поскольку последние не довели до них план сдачи. Помимо тотального нежелания крестьян выполнять поставки, районная управа констатировала дефицит емкостей для сбора молока. Волостным старшинам сообщалось, что весной 1942 г. потребность в емкостях для молока резко вырастет, и, поскольку необходимое количество посуды из Германии завести не возможно, необходимо их производить на месте. Если отсутствует металл, емкости изготовить из дерева и специальным образом покрасить их, чтобы обеспечить сохранность молока. Якобы, такой способ покраски был известен волостным старшинам еще с советских времен [17, л. 14, 16, 18, 19, 24, 31 33, 41, 43, 40].

Аналогичная ситуация сложилась в ходе сдачи яиц. В 1942 г. крестьяне Полоцкого района обязывались сдавать в течение сезона по 30 яиц от курицы за плату 5 руб. за десяток и 10 руб. за десяток яиц племенных кур для инкубаторов [2, л. 75]. На 1943-ий сельскохозяйственный год вводились также обязательные поставки мяса птицы в размере 4 кг с крестьянского хозяйства, вес кур должен быть не менее 1 кг, гусей – 4 кг. Также вводились поставки 200 яиц с каждого хозяйства, для крупных хозяйств размеры поставок мяса птицы и яиц могли быть увеличены [7, л. 58]. Чтобы преодолеть сопротивление крестьян, не спешащих сдавать продукты даже под угрозой наказания, оккупационные власти вынуждены были ввести премии. Крестьянам обещалась выплата по 2 кг соли за каждые сданные 30 яиц. В случае если крестьянам приходилось предоставлять продукты по требованию вермахта, это продовольствие в счет налога не учитывалось [18, л. 5].

Ряд адресованных местной администрации заявлений поступал после прихода в деревни партизан. Как правило, в заявлениях указывался размер реквизированного имущества и количество скота, и содержалась просьба либо снизить размер натурального налога либо засчитать забранный партизанами объем продуктов в счет госпоставок. Житель Миорской волости 11.12.1943 г. просил волостную управу освободить его от земельного налога и штрафа за

его неуплату в размере 20 марок, так как 6.08.1943 г. пострадал от партизан, которые забрали у него 3 коровы, 2 свиньи, телку, 16 овец, 2 лошади с упряжью, одежду и весь хлеб. Волостной старшина переслал заявление в Миорскую районную управу, указав со своей стороны, что заявитель систематически подвергался ограблению партизанами и просил удовлетворить просьбу, в результате начальник района освободил гражданина от уплаты налога и штрафа [19, л. 183 – 184]. Староста одной из деревень Мядельского района просил начальника района оказать ему помощь после того, как партизаны ограбили его хозяйство, забрав, в том числе и одежду, и утверждал, что его семью из 8 чел. ожидает голодная смерть [20, л. 60].

Для того чтобы реквизированный партизанами скот был засчитан в госпоставки, граждане в заявлении обстоятельно расписывали размер ущерба, а также визируют заявление подписями сельского старосты и свидетелей. Житель Полочанской волости Молодечненского района подал заявление волостному старшине о том, что 17.10.1943 г. партизаны забрали кабана весом около 100 кг, а еще через два дня корову весом 300 кг, которых он просил засчитать ему в контингент госпоставок. Другой крестьянин со ссылкой на свидетелей сообщал старосте о реквизиции партизанами коня, новых саней, свиньи весом 120 кг, 80 кг пшеницы, 80 кг муки, 120 м полотна и новых ботинок. Жительница той же волости обращалась к сельскохозяйственному коменданту Молодечно с просьбой включить в объем госпоставок забранную партизанами 3.11.1943 г. последнюю свинью весом 130 – 140 кг [21, л. 5, 27, 44].

В прошениях часто вместо термина «партизаны» фигурировали используемые оккупационными властями штампы «бандиты», «бандо-партизаны», «большевистские банды», что, по логике заявителей, должно было вызвать сочувствие со стороны властей. Для большей убедительности в заявлениях мог делаться акцент на еврейской национальности партизан, что соответствовало нацистской теории «жидо-большевизма». Житель Молодечненской волости 27.08.1943 г. подал заявление волостному старшине о том, что подвергся нападению «30 чал. узброеных бандытаў, пераважна жыдоў», которые насильно взяли дойную корову и 3 курицы. Жительница той же волости 21.10.1943 г. жаловалась сельскохозяйственному офицеру в Молодечно, что «банда ўзброеных жыдоў забрала ў мяне свіннэ вагі 85 кг» и просила засчитать ее в госпоставки [22, л. 97, 190].

Таким образом, результатом принуждения оккупационными властями гражданского населения Беларуси к сдаче натуральных налогов, владельцы скота и птицы выработали ряд приемов,

позволявших минимизировать экономический прессинг оккупантов. В массовом порядке практиковалось сознательное снижение жирности сдаваемого молока, в местную администрацию подавались заявления о болезни либо отеле коровы, заявления о том, что корова не доится, заявления об отсутствии в хозяйстве скота и птицы, помощь партизанам продуктами питания камуфлировалась под реквизиции с последующим ходатайством перед местной администрацией о зачислении объема реквизированных продуктов в счет налогов. Реакцией оккупационных властей на подобные действия граждан были конфискация скота, увеличение размера натурального налога, запрет на реализацию продуктов питания на рынках без предварительной уплаты натуральных налогов.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Гомельской области (далее ГАГО). – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАВО. – Фонд 2094. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2.
7. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
8. ГАГО. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.
9. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 3.
10. Государственный архив Могилевской области (далее ГАМО). – Фонд. 845. – Оп. 1. – Д. 391.
11. ГАМО. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 17.
12. Государственный архив Минской области (далее ГАМН). – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3.
13. Протокол совещания начальников волостных управ Минского района, 30.04.1942 г. // Минская область в документах и материалах. Выпуск 3. Оккупация, 1941 – 1944 гг. / сост.: Е. А. Гребень, В.М. Матох. – Минск : Белстан, 2013. – 144 с. : ил. С. 36–37.
14. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 196.
15. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 8. – Д. 487.
16. ГАВО. – Фонд 2092. – Оп. 1. – Д. 96.
17. ГАМН. – Фонд 4218. – Оп. 1. – Д. 16.
18. ГАВО. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 5.
19. ГАВО. – Фонд 2840. – Оп. 1. – Д. 1.
20. ГАМН. – Фонд 4223. – Оп. 1. – Д. 15.
21. ГАМН. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 3.
22. ГАМН. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 2.

Yauhen Hreben. The survival of the civilian population of Belarus in the context of the economic pressure of the Nazis (in the documents of collaborative administration)

In response to the forced levying taxes in kind from the civilian population of Belarus implemented by the occupying authorities, the owners of livestock and poultry developed a number of techniques to minimize the economic pressure of the invaders. Citizens in droves practiced reducing the fat content of milk, applying to the local administration with statements on either illness or calving of a cow, statements that the cow is not milked, statements about the lack of farm livestock and poultry. Food assistance to partisans was camouflaged and presented to the administration as requisitions with a subsequent request to the local administration to register these products on account of taxes.

УДК 94:356:15(476.2) “1941/1943”

Л. С. СКРЯБИНА

(Гомель, УО «Белорусский государственный университет транспорта»)

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
ГОМЕЛЬЩИНЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(ИЮНЬ 1941 ГОДА – АВГУСТ 1943 ГОДА)**

В статье предпринята попытка на основе научного анализа архивных документальных материалов выявить основные тенденции становления и развития партизанского движения на Гомельщине в указанный период.

В 2010 г. вышел в свет первый выпуск сборника документов и материалов «Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г.» [1]. В многочисленных архивных материалах документальной публикации отражены факты и события, относящиеся к наиболее трудному периоду становления и развития партизанского движения на Гомельщине. Продолжением публикации документальных материалов о дальнейшем развитии партизанской борьбы на территории Гомельской и Полесской областей является второй выпуск сборника «Гомельщина партизанская. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г.» [2].

Анализ документальных материалов, сконцентрированных в вышеназванных сборниках, позволяет сделать некоторые выводы,

касающиеся актуальных проблем становления и развития партизанской борьбы на Гомельщине в указанный период.

1) Как мы уже отмечали ранее, не все созданные в 1941 г. партизанские отряды и группы, продолжили борьбу. Необученные, плохо оснащенные, не имеющие связи партизаны зачастую гибли, не нанеся врагу существенного ущерба [3, с. 204]. Из 194 отрядов и спецгрупп, направленных в Гомельскую и Полесскую области в 1941 г., выстояли немногие [1, с. 197–203]. Судьба тысяч замечательных патриотов трагична. К лучшему положение начало меняться лишь в конце весны 1942 г., когда был создан специальный военно-оперативный орган – Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования (ЦШПД). Намного увеличился численный состав партизанских сил, которые стали контролировать огромные территории.

Приведем некоторые факты, зафиксированные в архивных документах. Так, если по состоянию на 15 декабря 1942 г. в Гомельской области действовало 33 партизанских отряда общей численностью 2268 человек, в Полесской области – 25 партизанских отрядов, в которых насчитывалось 5077 чел., то уже по состоянию на 1 августа 1943 г. в Гомельской области действовал 41 партизанский отряд, насчитывавший 7437 чел., в Полесской области – 41 партизанский отряд – 6266 чел. [2, с. 78; 294–295, 297–299].

Уже в середине 1943 г. партизанские отряды контролировали полностью или частично ряд районов. Общей характерной чертой этих освобожденных зон явилось восстановление советской власти, возобновление работы школ, колхозов, совхозов. Сделаем ссылку, в этой связи, на докладную записку секретаря ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянина, в которой он отмечал: «Большая, свыше 18 тыс. кв. км территория представляет сейчас по существу единый мощный узел партизанского движения. Здесь оперирует свыше 100 партизанских отрядов, контролируя полностью или частично ряд районов, в том числе, Любанский, Гресский, Стародорожский, Глусский, Октябрьский, Копаткевичский, Домановичский, Паричский, Калинковичский, Житковичский, Петриковский, Старобинский, Краснослободский, Копыльский, Узденский, Ленинский, Ганцевичский ...». Продолжая далее, М. В. Зимянин констатирует: «В подавляющем же большинстве населенных пунктов, а в партизанских зонах – на территории целых районов (в числе перечисленных называются Октябрьский, Петриковский, Житковичский, Копаткевичский и др. – Л. С.) восстановлена советская власть... Партийные организации и партизанское командование организуют

массово-политическую работу среди населения, решают вопросы хозяйственной, в особенности, земельной, административной политики, помогают населению, пострадавшему от немцев...» [2, с. 229–230]. Для более полного анализа приведем выдержку из донесения генерального комиссара округа Житомир. Характеризуя обстановку в генеральном округе в марте – апреле 1943 г., он отмечает: «примерно 15000 кв. км в северной части моего генерального округа, в частности, большая часть бывших районов боевых действий Лельчиц и Ельска, а также района Брагина, большая часть Речицкого, Петриковского, Олевского и Овручского районов практически больше не находятся под немецким управлением, в них господствуют бандиты (партизаны – Л. С.) и в настоящее время они полностью управляются Советами... Власть гебитскомиссаров едва ли распространяется на несколько километров за пределы районного центра, так что в создавшейся обстановке не может быть и речи о каком-то упорядоченном управлении и экономическом использовании этой территории» [2, с.195].

2) В советской историографии утвердилось мнение о том, что партизанское движение с самых первых дней войны приобрело всенародный характер. Документы и материалы сборника вносят определенный вклад в осветление этой проблемы. Так о чем же свидетельствуют архивные документы? Отвечая на этот вопрос, обратимся к проблеме контингента партизанских отрядов. Анализ документальных материалов показывает, что на первом этапе войны небольшие партизанские отряды и группы преимущественно состояли из бывших красноармейцев, бывших партийных, советских и комсомольских работников, сотрудников органов внутренних дел. Проиллюстрируем это на ряде примеров.

Так, сотрудники опергруппы НКВД БССР М. А. Головкин и Я. Я. Гуткин сообщают в НКВД СССР о том, что «в сентябре партизанский отряд (Петриковский под командованием В. И. Гордиенко – Л. С.) укрепился за счет приема в него бойцов, а главным образом командиров РККА, выходящих из окружения» [1, с. 130]. Сделаем ссылку в этой связи и на докладную записку комиссара Лельчицкого партизанского отряда Я. Ш. Эрлаха. «В соответствии с решением ЦК КП(б)Б в начале июля 1941 г. мы создали партизанский отряд из числа партийного, комсомольского и колхозного актива... Затем в отряд влилась группа бойцов из штаба 5-й армии и группа работников Борисовского отделения НКВД» [1, с. 156]. Что же касается местного населения, то на первых порах оно придерживалось нейтральных позиций по отношению к партизанскому

движению. Об этом, в частности, сообщает М. А. Головкин в своем рапорте от 21 декабря 1941 г. «Основная масса населения в районе (Петриковском – Л. С.) стояла в стороне от партизан, в лучшем случае держалось нейтрально и необходимой помощи не оказывало. В ряде же случаев население некоторых деревень района (Лясковичи, Макаричи) было настроено к партизанам открыто враждебно и рассматривало их с точки зрения немецких версий» [1, с. 133].

Нам представляется, что приведенные выше факты четко отражают неуверенность и пассивность в настроениях и поведении местного населения. И действительно на первой стадии многие люди заняли позицию, направленную на выживание, стремились избежать столкновения с оккупантами. При дальнейшем развитии военных событий, установлении и поддержании оккупационного режима средствами террора, насилия и грабежа выразилось желание широких масс населения освободиться от немецко-фашистских захватчиков, в том числе, и путем вооруженной борьбы. Нельзя не признать, что это обусловило приток местного населения в партизанские отряды. Подтверждением тому является донесение секретаря Гомельского обкома ЛКСМБ А. Д. Рудака секретарю ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянину, в котором отмечается, что «население теперь (декабрь 1942 г. – Л. С.) совершенно иначе смотрит на партизан. Достаточно сказать, что в партизанские отряды теперь начался очень большой прилив, каждый день прибывают группами и в одиночку все новые и новые люди. Остановка за оружием, было бы только оружие, так здесь можно было бы сформировать целые части...» [2, с. 72]. Об этом же телеграфирует командир партизанских отрядов южной группы Гомельской области А. Н. Беленчик начальнику ЦШПД П. К. Пономаренко : «В течение двух дней в партизанские отряды вступило 84 человека. Ожидаем прибытия еще 130» [2, с. 62]. Следовательно, важным источником создания и пополнения партизанских отрядов становится местное население. Партизанская борьба на Гомельщине перерастает во всенародную войну.

3) Особой темой, как нам представляется, является руководство борьбой в тылу врага. На начальном этапе становления и развития партизанского движения на Гомельщине организация и руководство первыми отрядами и группами еще не были централизованными. Свидетельством тому являются факты, зафиксированные в архивных документах. К примеру, Я. Ш. Эрлах констатирует в своем письме о том, что «... отряд не имел никаких связей с ЦК и ОК. Никакого руководства не получали. Действовали сами по своему революционному соображению. Допускались ошибки, однако никто не

мог нам оказать помощь и совет» [1, с. 172]. Эта же проблема беспокоила командование Петриковского партизанского отряда. В частности в рапорте М. А. Головкина и Я. Я. Гуткина прямо указывается на полное отсутствие руководства со стороны областной тройки Полесской области, особенно по координации действий партизанских отрядов в смежных районах [1, с. 134].

Отсутствие руководства со стороны вышестоящих организаций по координации деятельности отрядов и групп, ограничение их деятельности пределами одного района зачастую приводило к их бездействию. Такое заключение напрашивается после изучения отдельных архивных документов. Как иллюстрация к сказанному небезынтересна следующая выдержка из рапорта М. А. Головкина и Я. Я. Гуткина : «Районная тройка проявила вредную тенденцию – ограничить деятельность партизанского отряда пределами Петриковского района. Это местничество при отсутствии каких-либо коммуникаций противника в пределах района привело к тому, что партизанский отряд больше отсиживался на базе и не выносил своей деятельности в те районы, где имели место передвижения войск и обозов врага. При таком положении маневренность отряда была скована, бойцы от бездействия разлагались, и рейдовые возможности отряда не реализовывались» [1, с. 134]. В письме Я. Ш. Эрлаха также описывается подобная картина : «Наш отряд (Лельчицкий – Л. С.) оперировал в глухом, отдаленном от коммуникаций районе... Отряд не знал, что делать, ожидал противника, а не искал его» [1, с. 172]. Учитывая последнее, автор письма предлагает : «сделать так, чтобы каждый отряд был связан с центральным руководством». Это дало бы, по его мнению, «возможность координировать действия многих отрядов, если потребуется их совместное выступление, а также возможность своевременно исправлять допускаемые ошибки» [1, с. 172]. О нетерпимости выжидательной тактики, положения, когда «десятки людей отряда (Паричского – Л. С.) неделями бездействуют в такой ответственный момент», говорится и в докладной записке первого секретаря ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянина [1, с. 60].

Во второй половине 1942 г. – первой половине 1943 г. процесс централизации руководства партизанским движением был завершен. В 1943 г. подавляющее большинство партизанских формирований Гомельской и Полесской областей подчинялось БШПД и входило в областные партизанские соединения, которыми командовали И. П. Кожар и Ф. М. Языкович, а после его гибели К. М. Бакун, с августа 1943 г. – И. Д. Ветров. 19 мая 1943 г. решением командования соединения партизанским отрядов Полесской области создана

объединенная группа партизанских отрядов Заприпятской зоны, в состав которой вошли Ельский, Мозырский, Наровлянский, Лельчицкий и Туровский партизанский отряды. Командиром объединенных отрядов был утвержден Н. С. Дьяченко, комиссаром – А. М. Беленчик, начальником штаба – Г. С. Авдейчук.

В то же время следует отметить, что уровень партийного и военно-оперативного руководства всенародной борьбой в тылу врага отставал от размаха партизанского движения. Об этом сообщают П. К. Пономаренко и П. З. Калинину в своей шифрограмме командир партизанского соединения Полесской области И. Д. Ветров и секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович. «Уровень работы по руководству боевой деятельностью отрядов и бригад соединения Полесской области недопустимо отстает от размаха движения, настроения партизан и народа. Командование соединения допускало тактические ошибки в управлении отрядами при проведении в жизнь замыслов и даже самих заданий ЦК КП(б)Б... Господствует настроение благодушия, охватившее людей, руководящих областью и партизанами... Штаб соединения не имеет в запасе ясно продуманных боевых действий, командиры отрядов, как правило, не участвуют в их проведении» [2, с. 333].

Эффективность борьбы партизанских формирований во многом была обусловлена тщательным планированием и координацией их боевой деятельности, направлением и подчинением ее интересам Красной Армии. Это стало возможным лишь тогда, когда при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) был создан ЦШПД, а на местах республиканские и областные штабы партизанского движения.

С сентября 1942 г. планированием боевой деятельности белорусских партизан занимался Белорусский штаб партизанского движения (БШПД). Примером тому является план развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942–1943 гг. по БССР, который вносил изменения по дислокации отдельных партизанских формирований Гомельской и Полесской областей. Кроме того ставились определенные задачи по восстановлению связи с отрядами, с которыми она утеряна, и созданию новых отрядов. Каждому из действующих отрядов были обозначены конкретные задания по их боевой, диверсионной и разведывательной деятельности [2, с. 36–40]. План мероприятий по дальнейшему развитию и активизации партизанского движения по Полесской области на летний период 1943 г., принятый БШПД не ранее 1 мая этого же года, предусматривал проведение конкретных мероприятий, касающихся создания новых отрядов, запасных посадочных площадок,

переброски отрядам радистов с рациями, 35 тонн груза, 10 портативных типографий в бригады Павловского, Бумажкова и отряды Дьяченко, Черноусова, Михневича и др. Были поставлены также задачи по организации диверсионно-истребительных групп, разрушению мостов через р. Птичь, Припять, Березина, Ипа, разгрому станций Старушки, Копцевичи, пристаней в населенных пунктах Петриков, Дорошевичи и др. [2, с. 192–195]. Аналогичного рода задания предусматривались в плане мероприятий по развитию и активизации партизанского движения Гомельской области на летний период 1943 г. [2, с. 262–265].

4) Среди многочисленных проблем развития партизанского движения на Гомельщине нельзя не выделить вопрос, требующий снабжения партизан вооружением и боеприпасами. Как известно, ГКО, Ставка ВГК и ЦШПД считали, что обеспечение партизанских формирований вооружением и боеприпасами, минно-подрывными средствами не только затруднительно, но и не целесообразно, т. к. поощряет их беззаботность, что партизаны имеют возможность обеспечить себя за счет противника, добывая необходимое у него. Это наносило огромный вред партизанскому движению, снижало его боевую активность. Различного рода информационные документы за 1943 г., когда наблюдался массовый прилив населения в отряды, пестрят указаниями на наличие до 40 % невооруженных партизан и постоянными просьбами о поставках оружия, боеприпасов и мин. В качестве подтверждающего примера приведем выдержку из сводки командования партизанского отряда им. А. В. Суворова от 10 июня 1943 г. : «... у нас в настоящее время после приема новых товарищей 40 % состава не вооружено, а на месте доставать технику и боеприпасы невозможно, т. к. мы все высосали, что было возможно в районах. По этому вопросу просим подброски б/техники и боепитания, т. к. мы в настоящее время от вас не получили ни одного патрона и живем тем, что смогли достать своими силами» [2, с. 246]. Приведем еще один пример. Так, в своем письме секретарь Гомельского подпольного обкома КП(б)Б И. П. Кожар сообщает П. К. Пономаренко о том, что «... в настоящее время (февраль 1943 г. – Л. С.) вооружение прибывающих в отряды людей – узкое место в нашей работе. Число вооруженных почти не превышает число безоружных людей, и это очень затрудняет действия отрядов» [2, с. 116]. Из содержания процитированных и многих других документальных источников становится очевидным, что также как и в первый период войны, когда происходило зарождение и становление партизанского движения, на следующей стадии его развития партизанские

формирования Гомельщины не были обеспечены в необходимых объемах вооружением и боеприпасами, минно-подрывными средствами, радиоимуществом [2, с. 22, 76–77, 97–98, 153, 163, 211, 246, 238, 241, 252, 265, 285 и др.].

5) Одной из главных задач, стоящих перед партизанами Гомельщины была дезорганизация транспортных коммуникаций, срыв перевозки вражеских войск, нарушение снабжения их боеприпасами, оружием и техникой. Особое значение приобрела эта задача после того, как летом 1943 г. ЦШПД принял решение об осуществлении операции по массовому одновременному разрушению железнодорожных рельс (около 300 тыс. штук в месяц). Выполняя принятое решение, 23 июня 1943 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом «рельсовой войны»». Итоги диверсионной деятельности партизан Гомельщины нашли широкое отражение в документальных публикациях. Вместе с тем, нельзя не отметить, что диверсионные операции на железнодорожных коммуникациях в период первого этапа «рельсовой войны» не наносили врагу катастрофического ущерба по источникам его снабжения. Подтверждением тому является постановление Полесского обкома КП(б)Б о выполнении вышеупомянутого решения ЦК КП(б)Б. В нем, в частности, отмечается, что «решение ЦК КП(б)Б о рельсовой войне выполняется явно неудовлетворительно, особенно в бригадах Жигаря, Путятю, Маханько и отрядах Ульяшева и Игуменова. Командование этих бригад, отрядов и руководство Полесским соединением не поняли основного замысла в рельсовой войне, плохо подготовились к первому удару, он не был массовым, единовременным и поэтому не дал требуемого результата... Вместо принятия мер к исправлению допущенных тактических ошибок при выполнении задания рельсовой войны на действующих коммуникациях, командование соединения, бригад и отрядов успокаивало себя приведением в негодность 22 км железнодорожного пути недействующей коммуникации Старушки – Бобруйск невооруженными партизанскими резервами и самого населения» [2, с. 326]. К тому же, массовый подрыв рельсов, зачастую, на тех дорогах, которыми противник пользовался крайне редко, приводил к распылению боеприпасов. Тем же количеством взрывчатки можно было нанести гораздо более эффективный урон, если бы она использовалась на подрыв не рельсов, а военных эшелонов.

6) Документальные источники дают представление о существовавших в отдельных партизанских формированиях проблемах, связанных с дисциплиной, взаимоотношением с

населением, пьянством. К примеру, в партизанском отряде им. К. Е. Ворошилова, как отмечалось в протоколе заседания оргбюро Речицкого райкома КП(б)Б, имелся «... ряд крупнейших недостатков в работе и во взаимоотношении с населением, грубо нарушающих принципы партизанского отряда. Так, руководитель группы, член партии В. в деревне Романовка у гр. Деменка незаконно произвел изъятие (простынь, ниток, полушубков), некоторые предметы были присвоены членами группы. Руководитель группы Корбатенко допустил незаконное изъятие вещей у гражданина Буйневича, д. Лесуны» [2, с. 68]. В директивных указаниях секретаря Гомельского ОК КП(б)Б Ф. Ф. Жиженкова командиру партизанского соединения Гомельской области также указывается на решительное пресечение «всякого рода неправильное отношение к населению, факты мародерства, незаконных обысков, изъятия имущества, самогонокурения в отрядах..., факты неправильного отношения к женщинам и девушкам, принимающими иногда форму прямого принуждения к сожительству» [2, с. 138].

Несанкционированные изъятия продовольствия, грабеж имущества, граждан, насилие над женщинами подрывало авторитет партизан и угрожало потери поддержки их со стороны населения. Поэтому не случайно командование партизанского соединения Гомельской области 16 июня 1943 г. издало приказ, в котором говорится: «Отдельные люди... допускают самочинное изъятие домашних вещей у населения, нередко присваивая себе эти вещи. При этом допускается грубость, угроза оружием, хулиганство. Все это порочит партизан, наносит нам непоправимый вред». В целях решительного пресечения произвола, грабежа и насилия было приказано все заготовки (хозяйственные операции) производить только по заданию командира и комиссара и обязательно в присутствии младших командиров. Все заготовленное имущество (продукты питания), обувь, оружие и прочее подлежало сдаче командованию отряда. Приказом предусматривалось строгое наказание за присвоение любой вещи кем бы то ни было из партизан, а также разрешалось командирам и комиссарам отрядов расстреливать на месте за преступления лиц, совершающих мародерство, произвол и насилие по отношению к мирным гражданам [2, с. 249–250]. Как видим, борьба с этими пороками хотя и проводилась, но была далека от того, чтобы их искоренить.

Список использованных источников и литературы

1. Гомельщина партизанская : сб. документов и материалов. Вып. 1. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г. – Минск : НАРБ, 2010.
2. Гомельщина партизанская : сб. документов и материалов. Вып. 2. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г. – Минск : НАРБ, 2015.
3. Скрыбина, Л. С. Становление и развитие партизанского движения на Гомельщине (июнь 1941 г. – май 1942 г.) / Л. С. Скрыбина // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. Мінск, 7 красавіка 2011. – Вып. 10. У 2 т. Т. 1. – Мінск, 2012.

Lyudmila Skryabina. Partisan movement on the territory of the Gomel region: main trends and results (june 1941 – august 1943)

The paper attempts on the basis of scientific analysis of archival documentary material to identify the main trends of formation and development of the partisan movement in the Gomel region in 1941–1943.

УДК 94:356:15(476.2) “1941/1942”

О. В. МАРЧЕНКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА «БОЛЬШЕВИК» В 1941–1942 ГОДАХ

В статье рассматриваются основные направления деятельности партизанского отряда «Большевик», его взаимодействие с белорусскими и украинскими партизанскими формированиями, а также гомельским подпольем в период с 1941 по 1942 гг.

В годы Великой Отечественной войны народам Советского Союза пришлось столкнуться со страшной силой – германским национал-социализмом, идеологические установки которого носили античеловеческий и антиславянский характер. Согласно плану «Ост», разработанному политическим руководством Германии, предусматривалось физическое истребление, выселение и онемечивание целых наций, в том числе и белорусов. После захвата основной части республики и города Минска 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) была издана секретная директива

[1, с. 484, 490]. В ней говорилось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [2, с. 223].

Спустя некоторое время, было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нём подчёркивалось, что организация и руководство партизанским и подпольным движением должно было возлагаться на руководящих партийных, советских и комсомольских работников, а также преданных Советской власти беспартийных лиц. От них требовалось хорошее знание той части оккупированной гитлеровцами территории, на которой им пришлось бы действовать в будущем. Большое внимание уделялось и перспективам расширения масштабов партизанской деятельности. Партийным органам на местах рекомендовалось приступить к немедленной организации боевых дружин и диверсионных групп из числа участников гражданской войны, советских граждан, проявивших себя в составе истребительных батальонов и отрядов народного ополчения [2, с. 230].

Непосредственное руководство партизанским движением на территории Гомельской области должен был осуществлять Гомельский подпольный обком КП(б)Б. В его состав, утверждённый ещё в июле 1941 г., вошли секретари данного органа И. П. Кожар, А. А. Куцак, а также секретарь горкома партии Е. И. Барыкин и секретарь обкома ЛКСМБ А. Д. Рудак [4, с. 23]. Ответственными за руководство партийной работой и развёртывание партизанского движения на Гомельщине вышестоящими органами были назначены И. П. Кожар, А. А. Куцак. Выполнение данных функций на местах возлагалось на секретарей райкомов КП(б)Б и других руководящих партийных и советских работников [3, с. 181].

17 августа 1941 г. Гомельским горкомом КП(б)Б был образован Гомельский городской партизанский отряд «Большевик». Его ядро составили представители партийно-советского актива города. Командиром отряда являлся И. С. Федосеенко, возглавлявший до войны Гомельский авторемонтный завод, а комиссаром – секретарь местного горкома КП(б)Б по промышленности С. Ф. Антонов. Формирование народных мстителей «Большевик» дислоцировалось в районе Щекотовской лесной дачи, расположенной в нескольких

километрах от шоссе Гомель–Чернигов [5, с. 268]. Его численность составляла 72 человека, на вооружении которых были 1 ручной пулемёт, 71 винтовка и 25 гранат [6, с. 337]. В организационном плане партизанский отряд «Большевик» состоял из трёх взводов. Бойцы первого и второго взводов были задействованы в боевых операциях, а третьего – выполняли хозяйственные функции [4, с. 24]. В сентябре 1941 г. произошло объединение «Большевика» с образованным в августе этого же года Ново-Белицким партизанским отрядом (командир Г. И. Климович, комиссар В. В. Юдин). Также в данный период была установлена связь с Гомельским сельским отрядом, возглавляемым бывшим директором Гомельского совхоза им. Горького А. Ф. Бурым. Функции комиссара этого отряда были возложены на С. И. Шулкиова [6, с. 84].

На протяжении 1941–1943 гг. в руководстве партизанского отряда «Большевик» происходили постоянные изменения. Так, впоследствии вместо И. С. Федосеенко его возглавляли И. Ф. Гамарко (август–октябрь 1943 г.) и П. И. Ценебриченко (октябрь–ноябрь 1943 г.). Функции комиссара исполняли сменившие С. Ф. Антонова Е. И. Барыкин (сентябрь 1941–ноябрь 1942 гг.), А. М. Балховитин (ноябрь 1942–июль 1943 гг.), В. Н. Поляничко (август–октябрь 1943 г.) и Г. Н. Эркин (октябрь–ноябрь 1943 г.) [7, с. 397]. Первоначально в партизанском отряде «Большевик» находились секретари Гомельского обкома КП(б)Б И. П. Кожар и А. А. Куцак. В конце августа 1941 г. И. П. Кожар уходит в формирование народных мстителей, действовавшее в Лоевском районе под командованием Г. И. Синякова, с целью развития партизанского движения в данном регионе [3, с. 181]. А. А. Куцаком в начале декабря 1941 г. была установлена связь с секретарём Чечерского райкома КП(б)Б П. И. Дедиком. Последний по его указанию создаёт отряд народных мстителей. Впоследствии его возглавил П. А. Балыков. Также стало осуществляться и взаимодействие со Светиловичским партизанским отрядом, которым командовал секретарь Светиловичского райкома КП(б)Б В. А. Абушенко [6, с. 42]. В дальнейшем для оперативного руководства движением народных мстителей из состава Гомельского подпольного обкома КП(б)Б было образовано 2 партийных центра. Они осуществляли свою деятельность в северной и южной группах районов Гомельской области. Первую из них возглавил А. А. Куцак, вторую – И. П. Кожар [7, с. 370].

С 1941 г. в партизанском отряде «Большевик» стал функционировать подпольный горком КП(б)Б. В состав его бюро были избраны секретари Гомельского горкома,

Железнодорожного, Новобелицкого, Центрального райкомов КП(б)Б Е. И. Барыкин, С. Ф. Антонов, А. М. Балховитин, С. И. Касьянов, Е. И. Рамбаев, а также секретарь Гомельского подпольного горкома ЛКСМБ А. Л. Исаченко и И. С. Федосеенко. Развёртывание партизанской борьбы в Гомельском районе, установление взаимодействия с подпольщиками г. Гомеля и др. являлись основными задачами данного органа [4, с. 25].

Деятельность народных мстителей из отряда «Большевик» в начальный период войны была достаточно разнообразной. Основной приоритет отдавался осуществлению диверсий на шоссейных дорогах Гомель–Чернигов и Гомель–Речица. Первая операция партизан была проведена 23 августа 1941 г. В этот день группой народных мстителей в составе 6 человек было уничтожено 2 немецких грузовика на шоссе Гомель–Чернигов. В конце сентября партизаны осуществили нападение на автоколонну гитлеровцев. Его результатом являлась ликвидация 6 грузовых машин с живой силой. Также партизанами отряда «Большевик» был сожжён мост через реку Уза, имевший важное стратегическое значение. Таким образом, движение на шоссе Гомель–Речица было приостановлено на двое суток.

Важным направлением деятельности являлось проведение агитационно-пропагандистской работы среди местного населения. Партизаны распространяли листовки, брошюры, в которых рассказывалось о положении дел на советско-германском фронте, разоблачалась политика гитлеровцев на оккупированных территориях Советского Союза. Также народные мстители осуществляли и ликвидацию пособников гитлеровцев из числа местных жителей [3, с. 141–142]. В начале октября 1941 г. партизаны из «Большевика» совместно с отрядом А. Ф. Бурого совершили нападение на полицейский гарнизон, находившийся на территории бывшего совхоза им. Горького. Однако полицаям и их главе Г. Быкову удалось заблаговременно скрыться. Партизаны захватили продовольствие на складах, предназначенное для немецких солдат и офицеров. Его часть была раздана местным жителям. Также был расстрелян почтальон П. Крючков, у которого нашли список с фамилиями и адресами местных коммунистов [4, с. 36–37].

Летом 1941 г. была установлена связь представителей «Большевика» с группой гомельских подпольщиков Т. С. Бородина. Последний, устроившись в типографию, стал выпускать нелегальные листовки, а также изготовлять пропуска и удостоверения. Через Р. И. Тимофеенко и И. Б. Шилова ими снабжались командиры и бойцы Красной Армии, сумевшие вырваться из немецкого плена и

ушедшие затем в лес к партизанам. Подпольщиками был уничтожен склад с горючим в Ново-Белице, взорвана столовая, в которой проходил банкет с участием немецких офицеров, и др. [4, с. 30–32].

На заседании подпольного горкома КП(б)Б было принято решение о передислокации отряда «Большевик» в чечерские леса. Это было обусловлено отсутствием условий для проживания в зимнюю пору года, наличием крупных немецких и полицейских гарнизонов вокруг Гомеля. В качестве промежуточной стоянки была избрана Леонтьевская лесная дача, расположенная в Ветковском районе, куда в начале ноября 1941 г. партизаны отряда «Большевик» прибыли несколькими группами [4, с. 38]. Спустя некоторое время, в данной местности оказались и бойцы формирования А. Ф. Бурого. Однако немцам благодаря своему агенту, бывшему уполномоченному Ветковского уголовного розыска, удалось узнать о месторасположении отрядов, и они в начале декабря 1941 г. уходят в чечерские леса. Там была установлена связь, и стало осуществляться взаимодействие с представителями Чечерского и Светиловичского формирований народных мстителей [6, с. 84]. Вблизи расположения партизан в Чечерском районе не находилось ни железных, ни шоссежных дорог. Учитывая данное обстоятельство, их деятельность сводилась к уничтожению полицейских гарнизонов в деревнях, проведению агитационно-пропагандистской работы среди местного населения и др.

В мае 1942 г. произошло увеличение численности отряда «Большевик», так как в его состав влились бойцы формирования А. Ф. Бурого. Руководством принято решение о передислокации партизан в прежнее место базирования – Гомельский район. Однако в силу высокой активности немцев обосноваться там не удалось. Своим местопребыванием партизаны избрали лесные массивы неподалёку от деревни Шарпиловка Лоевского района. В мае 1942 г. была установлена связь с И. П. Кожаром и А. Д. Рудаком, находившимися в Лоевском партизанском отряде «За Родину» [6, с. 127]. Это способствовало тому, что бойцы «Большевика» стали более тесно взаимодействовать с другими формированиями народных мстителей южной части Гомельщины.

В июне 1942 г. состоялась встреча партизан данного отряда с представителями десантной группы Управления разведки Красной Армии под командованием Б. Тульчинского, засланной в тыл для выполнения диверсионного задания. Десантники, имевшие при себе взрывчатку, познакомили народных мстителей с основами подрывного дела, а также обучили извлекать тол из артиллерийских

снарядов и авиационных бомб. Первоначально совместно с ними партизаны отряда «Большевик» осуществляли диверсии на ряде железных дорог Гомельщины. Однако уже 12 июля 1942 г. народные мстители собственными силами пустили под откос немецкий эшелон с живой силой и техникой. Первую группу подрывников возглавил Е. И. Барыкин. Впоследствии аналогичными подразделениями руководили С. Ф. Антонов, А. Л. Исаченко и др. [4, с. 84, 103]. Партизаны проводили диверсии на таких железных дорогах, как Гомель–Чернигов, Гомель–Бахмач, Гомель–Брянск и Гомель–Речица. Бойцы «Большевика» совместно с народными мстителями из Речицкого отряда им. Ворошилова, Лоевского «За Родину» осуществили совместные рейды в Лоевский, Речицкий и Буда-Кошелёвский районы. В результате ими был уничтожен ряд карательных групп гитлеровцев, волостных управ и полицейских участков [4, с. 93].

Также представителями «Большевика» и Лоевского отряда «За Родину» были потоплены баржа и катер на реке Сож. В ходе операции на барже было захвачено 42 тыс. яиц, 6 бочек масла и 100 тонн картофеля. Большую часть трофеев партизаны изъяли на собственные нужды, а картофель раздали местному населению [6, с. 54]. После ликвидации гитлеровцами группы Т. С. Бородина прервалась связь партизан из «Большевика» с гомельскими подпольщиками, которая была восстановлена лишь к лету 1943 г. Возросшая активность немецких карательных отрядов вынудила представителей данного формирования перейти в хойницкие леса [6, с. 128]. Обосновавшись здесь, партизаны осуществляли диверсии на шоссе Мозырь–Речица и железной дороге Василевичи–Хойники [4, с. 94].

Примечательной операцией являлось уничтожение совместно с бойцами Лоевского отряда «За Родину» полицейского гарнизона в деревне Борщёвка [6, с. 128]. Осенью 1942 г. в распоряжение Гомельского обкома КП(б)Б прибыли представители с Большой земли. Ими было передано указание ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) об организации Гомельского партизанского соединения. Его руководителем был назначен И. П. Кожар, а начальником штаба – Е. И. Барыкин [4, с. 112]. В состав вышеотмеченного соединения вошли партизанские отряды им. Ворошилова (Речицкий район), «За Родину» (Лоевский район), «Смерть фашизму» (Стрешинский и Жлобинский районы), им. Чапаева (Буда-Кошелёвский район), им. Щорса (Уваровичский район) и «Большевик» (Гомельский район) [6, с. 115].

Произошли изменения и в организационной структуре формирования «Большевик». Отряд был разделён на две роты, которыми командовали В. Д. Лисовский и П. И. Ценебриченко [4, с. 113]. В ноябре 1942 г. была установлена связь между Гомельским партизанским соединением и украинскими формированиями народных мстителей А. Н. Сабурова и С. А. Ковпака. Представители боевой группы А. Н. Сабурова совместно с бойцами отрядов «Большевик» и «За Родину» совершили нападение на Хойники. В результате был уничтожен полицейский гарнизон и захвачены большие запасы продовольствия, которые были разделены между белорусскими и украинскими партизанами [4, с. 116–118].

Таким образом, деятельность партизанского отряда «Большевик» в 1941–1942 гг. была достаточно разнообразной. Она сводилась к осуществлению диверсий на железных и шоссейных дорогах, проведению агитационно-пропагандистской работы, уничтожению полицейских гарнизонов и др. Помимо этого, осуществлялось взаимодействие с белорусскими и украинскими партизанскими формированиями на Гомельщине и гомельским подпольем.

Список использованных источников и литературы

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007–2008. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., испр. и доп. – М., 1983–1989. – Т. 7. – 1938–1945. – 1985. – 574 с.
3. Гомельщина партизанская : док. и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – Вып. 1 : Начало : июнь 1941 г.– май 1942 г. – 260 с.
4. Партизанская криничка / С. Антонов [и др.] ; под общ. ред. С. Антонова. – Минск : Беларусь, 1968. – 224 с.
5. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Гомельскага р-на : у 2 кн. / рэдкал. : Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. / А. І. Бакарас [і інш.]. – 1998. – 376 с.
6. Гомельщина партизанская : док. и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2015. – Вып. 2 : Развитие : июнь 1942 г.– август 1943 г. – 424 с.
7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Ин-т истории партии при

ЦК КП Белоруссии; редкол. : А. Л. Манаенков [и др.] – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

Oleg Marchenko. The activities of the partisan detachment «Bolshevik» in 1941–1942.

The main trends of the activities of the partisan detachment «Bolshevik» are examined in the article. The author also studies the cooperation of the detachment «Bolshevik» with Byelorussian and the Ukrainian partisan units as well as Gomel underground organization in 1941–1942.

УДК 94-57.21(476.1):37.091.4 “194/195”

І. В. ГРАБЯНЧУК

(Бабруйск, Бабруйскі філіял

УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт»)

**АДЛЮСТРАВАННЕ ДЗЕЙНАСЦІ БАБРУЙСКАГА
НАСТАЎНІЦКАГА ІНСТЫТУТА НА СТАРОНКАХ
АБЛАСНОЙ ГАЗЕТЫ «САВЕЦКАЯ РАДЗІМА»**

У артыкуле аналізуюцца публікацыі Бабруйскай абласной газеты «Савецкая Радзіма», прысвечаныя дзейнасці першай вышэйшай навучальнай установы ў г. Бабруйску – Бабруйскага настаўніцкага інстытута. Для ўдакладнення асобных пытанняў аўтар выкарыстоўвае архіўныя крыніцы.

Для дзейнасці любой вышэйшай навучальнай установы вялікае значэнне мае ўсталяванне шырокіх грамадскіх сувязяў. Устойлівы станоўчы імідж установы адукацыі садзейнічае яе дынамічнаму развіццю, дазваляе знаходзіць найбольш аптымальныя рашэнні ўзнікаючых праблем. Сярод розных каналаў пашырэння сувязяў з грамадскасцю найбольш эфектыўнымі з’яўляюцца сродкі масавай інфармацыі, у тым ліку газеты.

Для перыяду дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута (БНІ) ў 1949–1954 гг. галоўным каналам інфарміравання шырокіх колаў насельніцтва аб яго працы была абласная газета «Савецкая Радзіма». Дадзеная крыніца мала выкарыстоўваецца ў працах айчынных гісторыкаў. Акрамя таго, дзейнасць абласных газет як складовай часткі беларускай журналістыкі ў пасляваенны час яшчэ не стала прадметам глыбокага вывучэння [1, с. 85–145]. Такім чынам, тэма дадзенага артыкула ўяўляецца актуальнай як з пункту гледжання

вывучэння гісторыі сродкаў масавай інфармацыі, так і развіцця вышэйшай адукацыі ў Беларусі.

Упершыню тэма адкрыцця ВНУ ў Бабруйску з'яўляецца на старонках «Савецкай Радзімы» ў чэрвені 1949 г. у невялікім артыкуле без пазначэння аўтарства [2]. Ва ўступнай частцы падаецца агульны ідэалагічны фон, які вызначаў сутнасць гэтай істотнай для новага абласнога цэнтра падзеі: «XIX з'езд КП(б)Б паставіў першачарговай задачай усёй партарганізацыі рэспублікі далейшы ўздым ідэалагічнай работы, усямернае развіццё беларускай савецкай культуры, нацыянальнай па форме і сацыялістычнай па зместу, выхаванне працоўных мас у духу сацыялістычнай свядомасці, савецкага патрыятызма, беззаветнай адданасці савецкай Радзіме, бальшавіцкай партыі, таварышу Сталіну».

Далей у артыкуле сказана, што з верасня 1949 г. у СССР было ўведзена абавязковае 7-гадовае навучанне, якое павінна ўзняць школьную справу на вышэйшую ступень і, разам з тым, ставіць перад усім грамадствам шэраговых адказных задач. Адной з важнейшых праблем на той час з'яўлялася падрыхтоўка настаўніцкіх кадраў. Агульнае становішча школьнай адукацыі вельмі выразна характарызуюць наступныя лічбы. На 1 студзеня 1948 г. у школах Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі працавалі 32 164 настаўнікі, з якіх прыкладна 50% мелі сярэдняю агульную і сярэдняю спецыяльную адукацыю, а 10 132 настаўнікаў – толькі незакончаную сярэдняю адукацыю [3, с. 522]. Такім чынам, вышэйшую і незавершаную вышэйшую адукацыю мелі прыкладна каля 6 тыс. беларускіх настаўнікаў.

Яшчэ горшыя суадносіны па гэтых паказчыках выяўляліся ў Бабруйскай вобласці, якая была створана ў верасні 1944 г. У 1949/50 навучальным годзе ў школах вобласці працавалі 6 022 настаўнікі, з іх вышэйшую адукацыю мелі ўсяго толькі 456 чал., незавершаную вышэйшую – 406 чал., сярэдняю – 2 390 чал. і незавершаную сярэдняю – 2 770 чал. [4, арк. 86]. Вось чаму невядомы аўтар з задавальненнем адзначае, што рашэнне партыі і ўрада аб адкрыцці настаўніцкага інстытута ў Бабруйску з'яўляецца «вялікім дасягненнем для ўсёй рэспублікі і асабліва для нашай вобласці».

У першай публікацыі ў «Савецкай Радзіме» пра першую ВНУ ў Бабруйску ёсць адзін цікавы абзац, змест якога варта дапоўніць звесткамі з архіўных крыніц: «Настаўніцкі інстытут адкрываецца на базе педвучылішча: яму перадаюцца добра абсталяваныя вучэбныя класы, кабінеты, бібліятэка, чытальня, спартыўны гарадок і вопытны сельскагаспадарчы ўчастак з усімі відамі раслін. Ёсць добра абсталяваны

і ўтульны інтэрнат, пры якім існуе рабочы пакой для самастойных работ. Наяўнасць гэтай базы дасць магчымасць настаўніцкаму інстытуту мець добрыя ўмовы для вучэбнай работы і быта студэнтаў».

Так, для свайго часу тут знаходзіліся дастаткова добра абсталяваныя навучальныя аўдыторыі. Іншая справа, што адчуваўся іх востры недахоп. Больш за тое, у першы год працы Бабруйскага настаўніцкага інстытута тры аўдыторыі выкарыстоўваліся ў якасці... жылых пакояў для сем'яў пераехаўшых у Бабруйск выкладчыкаў [5, арк. 6–7, 51–52]. Большую частку бібліятэкі, якая засталася ад Бабруйскага педвучылішча перадалі Слуцкаму педвучылішчу, а дастатковай колькасці навучальнай літаратуры адразу не закупілі. У выніку ўзніклі вялікія цяжкасці з навучальна-метадычным забеспячэннем вучэбнага працэсу [6, арк. 35–37]. Быў спартыўны гарадок, але не было спартыўнай залы, таму ў непагадзь заняткі па фізічнай культуры даводзілася праводзіць проста ў калідорах невялікага па памерах вучэбнага корпуса, ствараючы перашкоды для тых студэнтаў і выкладчыкаў, якія займаліся ў гэты час у кабінетах [7, арк. 4]. У «добра абсталяваным і ўтульным інтэрнаце» якраз перад пачаткам першага навучальнага года абвалілася частка столі, і рамонт яе зацягнуўся да пачатку наступнага навучальнага года [5, арк. 6, 51]. І нават у адрамантаваным інтэрнаце жыццё студэнтаў цяжка было назваць утульным. Як паказала праверка інтэрната, праведзеная ў канцы 1952 г., у ім было сыра і холадна, і ў цэлым побыт студэнтаў заставаўся неўладкаваным [8, арк. 41, 48–50].

Зразумела, што пра такія далёка не добрыя ўмовы для вучэбнай работы і побыту студэнтаў Бабруйская абласная газета «Савецкая Радзіма» сваім чытачам нічога не паведамляла (за выключэннем выкарыстання аўдыторый пад жылыя памяшканні для выкладчыкаў). Праблемы БНІ нарасталі паступова, але ўлетку і ў пачатку восені 1949 г. на старонках газеты адлюстраваліся радасць і аптымістычныя настроі жыхароў Бабруйска, звязаныя з адкрыццём у іх горадзе новай ВНУ. Так, у ліпені паведамлялася аб вялікай колькасці абітурыентаў, жадаючых паступіць у Бабруйскі настаўніцкі інстытут, пра маштабныя рамонтныя работы ў навучальным корпусе і студэнцкім інтэрнаце, пра тое, што «для прафесарска-выкладчыцкага складу інстытута рыхтуюцца добраўпарадкаваныя кватэры» [9]. 10 жніўня 1949 г. на першай старонцы «Савецкай Радзімы» быў апублікаваны фотаздымак будынка Бабруйскага настаўніцкага інстытута, у якім яшчэ з 1906 г. працавала Аляксееўская жаночая гімназія.

Нарэшце, ў сярэдзіне верасня абласная газета змяшчае рэпартаж аб адкрыцці новай навучальнай установы ў Бабруйску.

Пачынаецца ён натхнёнымі словамі : «Аб сваім інстытуце бабруйчане марылі даўно. Не выпадкова, аб гэтым гаварылі выбаршчыкі ў час выбараў у мясцовыя Саветы, камуністы на абласной партыйнай канферэнцыі, грамадскасць на сходах актыва горада. З вялікай радасцю сустрэлі бабруйчане ўрадавае рашэнне аб тым, што настаўніцкі інстытут ў горадзе пачне дзейнічаць» [10].

У рэпартажы І. Свабодзінай апісаны пачатак працы новай ВНУ у Бабруйску, коратка сказана пра састаў студэнтаў і выкладчыкаў, іх мэты і спадзяванні, напрыклад, на правядзенне «вялікай навукова-даследчай працы». З усіх матэрыялаў, прысвечаных дзейнасці БНУ, гэту публікацыю вылучае тое, што ў ёй адзіны раз гучыць крытычная заўвага на адрас мясцовых улад : «Няхай будзе сказана ў папрок кіраўнікам Бабруйскага гарвыканкама, якія вынеслі рашэнне забяспечыць кватэрамі выкладчыкаў у Доме спецыялістаў, (Дом Камуны), але рашэнне не выканалі. Кватэрнае пытанне і да гэтага часу не вырашана...» [10].

Дзейнасць Бабруйскага настаўніцкага інстытута на старонках «Савецкай Радзімы» асвятлялася даволі часта. Поўныя тэксты найбольш цікавых артыкулаў былі апублікаваны намі ў адным са зборнікаў навуковых прац [11, с. 9, 11–12, 14–16].

З усіх матэрыялаў «Савецкай Радзімы» аб працы Бабруйскага настаўніцкага інстытута можна вылучыць некалькі найважнейшых груп:

- інфармацыйныя агляды кіраўніцтва інстытута аб зробленай працы (у наш час такія матэрыялы звычайна называюць прэс-рэлізамі) [12–15];

- журналісцкія рэпартажы аб розных аспектах дзейнасці БНІ : правядзенні экзаменацыйных сесій, навуковых канферэнцыях, днях адчыненых дзвярэй, выпусках маладых спецыялістаў і інш. [16];

- артыкулы і рэцэнзіі выкладчыкаў Бабруйскага настаўніцкага інстытута [17–21];

- фотаздымкі, на якіх паказаны розныя падзеі з жыцця інстытута і якія звычайна служылі ілюстрацыямі да асобных артыкулаў : лекцыя па псіхалогіі загадчыка кафедры псіхалогіі і педагогікі М. М. Любімцава, здача экзаменацыйнай сесіі і дзяржаўных экзаменаў, групавыя фотаздымкі студэнтаў, у тым ліку на фоне вучэбнага корпуса, і інш.

У першай групе матэрыялаў асвятляюцца пераважна тэмы арганізацыі і ажыццяўлення навучальнага і выхаваўчага працэсаў, прыводзіцца статыстыка паспяховасці, называюцца прозвішчы выдатнікаў. Адміністрацыя разумела, што маладой ВНУ патрэбны свае традыцыі. Але ва ўмовах росквіту савецкай таталітарнай сістэмы ў якасці такіх называла толькі рэгулярнае правядзенне палітінфармацый,

канферэнцый ідэалагічнага зместу, выпуск насценных газет, г. зн. толькі рэгламентаваныя ў абавязковым парадку афіцыйныя мерапрыемствы.

Зразумела, што і ў журналісцкіх рэпартажах пра Бабруйскі настаўніцкі інстытут дамінавала ўсхваленне вялікай ролі камуністычнай партыі, савецкага ўрада і асабіста кіраўніка партыі і дзяржавы І. Сталіна. Аднак адначасова пэўная ўвага надавалася лёсам канкрэтных людзей, у сваіх кароткіх інтэрв'ю студэнты спрабавалі вызначыць сваю грамадскую пазіцыю, няхай сабе і ў строга акрэсленых межах савецкага патрыятызму.

Невялікая ж ніша для захавання беларускай нацыянальнай самасвядомасці захоўвалася і ў тых складаных умовах. У першую чаргу гэта магчымасць выяўлялася ў навукова-даследчай дзейнасці студэнцкага дыялекталагічнага гуртка. Яго ўдзельнікі разам з выкладчыкамі праводзілі экспедыцыі па вывучэнні беларускіх гаворак жыхароў населеных пунктаў Бабруйскага, Кіраўскага, Клічаўскага, Любаньскага, Парыцкага раёнаў. Яны сабралі багаты матэрыял не толькі па дыялекталогіі, але і па этнаграфіі, высветлілі і запісалі гісторыю ўзнікнення некаторых вёсак [19]. Частка сабраных бабруйскімі студэнтамі матэрыялаў была ўключана ў «Дыялекталагічны атлас Беларускай ССР», выдадзены Інстытутам мовазнаўства АН БССР у 1963 г.

Добры прыклад беражлівых адносін да нацыянальнай спадчыны падавалі для сваіх выхаванцаў некаторыя выкладчыкі Бабруйскага настаўніцкага інстытута. Найбольш выдатныя імёны сярод іх – Міхалап Якаў Ігнацьевіч, Касцян Мікалай Ігнацьевіч, Калеснік Уладзімір Андрэевіч, які пазней стаў вядомым беларускім пісьменнікам і літаратуразнаўцам, а першыя яго артыкулы апублікаваны былі на старонках «Савецкай Радзімы» [20].

За 5 гадоў дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута ў абласной газеце з'явілася адносна няшмат публікацый яго выкладчыкаў. Прычына гэтай з'явы, відавочна, была звязана з скандалам вакол артыкула П. Ф. Крапівіна [17]. У ім аўтар пісаў пра акадэміка М. Я. Мара, які ў свой час распрацаваў «новае вучэнне аб мове», вельмі супярэчлівае і па многіх пазіцыях недастакова абгрунтаванае. Тым не менш тэорыя Мара ў канцы 1920-х гг. атрымала афіцыйную падтрымку і да выхаду ў 1950 г. работы І. Сталіна «Марксізм і пытанні мовазнаўства» прапагандавалася як «сапраўднае марксісцкае» мовазнаўства, а яе крытыкі падвяргаліся ідэалагічнаму ціску і нават рэпрэсіям. Аднак пасля выхаду ўзгаданай работы Сталіна сітуацыя змянілася: цяпер ужо акадэмік Мар і яго прыхільнікі былі падвергнуты афіцыйнай крытыцы за «ідэалізм» у мовазнаўстве. Па іроніі лёсу

П. Крапівін якраз незадоўга да гэтай перамены апублікаваў у абласной газеце «Савецкая Радзіма» артыкул, у якім высока ацаніў творчую спадчыну М. Я. Мара. Пасля гэтай скандальнай гісторыі артыкулы выкладчыкаў БНІ доўга не з’яўляліся на яе старонках.

Найбольшая колькасць публікацый у газеце «Савецкая Радзіма» аб Бабруйскім настаўніцкім інстытутце прыйшлася на 1951–1952 гг. У 1953 г. яна змясціла толькі тры артыкулы выкладчыкаў БНІ. Інфармацыя аб дзейнасці гэтай ВНУ знікла з яе старонак. У 1954 г. Бабруйская вобласць была ліквідавана, а абласная газета «Савецкая Радзіма» пераўтворана ў раённую пад назвай «Камуніст». У тым жа годзе быў зачынены Бабруйскі настаўніцкі інстытут, але пра гэту падзею раённая газета нічога не напісала.

Такім чынам, газета «Савецкая Радзіма» з’яўляецца даволі інфармацыйнай крыніцай для вывучэння дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута, якая змяшчае рознапланавыя матэрыялы на гэту тэму. Для яе больш глыбокага раскрыцця варта выкарыстаць публікацыі аб БНІ і ў рэспубліканскім перыядычным друку.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Слука, А. Г. Беларуская журналістыка : вучэб. дапам. У 3 ч. Ч. 3 / А. Г. Слука. – Мінск : БДУ, 2009. – 399 с.
2. Клопаты партыі і ўрада аб росце культуры народа (да адкрыцця настаўніцкага інстытута ў гор. Бабруйску) // Савецкая Радзіма. – 1949. – 22 чэрвеня. – С. 1.
3. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / Рэд. калегія : С. А. Умрэйка (галоўн. рэд.), Г. Р. Сянькевіч, У. К. Андрэенка, П. С. Сонцаў. – Мінск : Народная асвета, 1968. – 621 с.
4. Волк-Леванович, В. Г. Экономико-географический обзор Бобруйской области : дис. ... канд. географ. наук / В. Г. Волк-Леванович. – Минск, БГУ. – 1950 // Бабруйскі занальны дзяржаўны архіў (далей – БЗДА). – Ф. 254. – Воп. 9с. – Спр. 1.
5. Справаздача аб дзейнасці БНІ за 1949/50 навучальны год // БЗДА. – Ф. 1170. – Воп. 1. – Спр. 2.
6. Пратаколы пасяджэнняў Рады БНІ // БЗДА. – Ф. 1170. – Воп. 1. – Спр. 20.
7. Справаздача аб дзейнасці БНІ за 1952/53 навучальны год // БЗДА. – Ф. 1170. – Воп. 1. – Спр. 32.
8. Пратаколы пасяджэнняў Рады БНІ // БЗДА. – Ф. 1170. – Воп. 1. – Спр. 33.
9. Клебча, А. У настаўніцкім інстытутце / А. Клебча // Савецкая Радзіма. – 1949. – 27 ліпеня. – С. 4.
10. Свабодзіна, І. У настаўніцкім інстытутце / І. Свабодзіна // Савецкая Радзіма. – 1949. – 18 верасня. – С. 4.

11. Грабянчук, І. В. Бабруйскі настаўніцкі інстытут : хроніка дзейнасці першай вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску (1949 – 1954 гг.) / І. В. Грабянчук // Навуковыя працы кафедры грамадскіх дысцыплін і права Бабруйскага філіяла УА «БДЭУ». Вып. 2 / Бабруйскі філіял УА «БДЭУ»; пад навук. рэд. А.М. Ненадаўца. – Чарнігаў : «Всесвіт», 2014. – 500 с.
12. Буракоўскі, С. Першыя вынікі работы ў Бабруйскім настаўніцкім інстытуце / С. Буракоўскі // Савецкая Радзіма. – 1950. – 19 лютага. – С. 4.
13. Зяневіч, І. Новае папаўненне педагагічных кадраў // Савецкая Радзіма. – 1951. – 11 ліпеня. – С. 2.
14. Буракоўскі С. Выхоўваем кадры народнай асветы // Савецкая Радзіма. – 1952. – 1 ліпеня. – С. 3.
15. Кароткіна, Т. Глыбока авалодалі ведамі / Т. Кароткіна // Савецкая Радзіма. – 1952. – 1 ліпеня. – С. 3.
16. Свабодзіна, І. Дзесяцікласнікі Бабруйска ў настаўніцкім інстытуце / І. Свабодзіна. // Савецкая Радзіма. – 1950. – 15 красавіка. – С. 2; Навукова-тэарэтычная канферэнцыя // Савецкая Радзіма. – 1950. – 22 красавіка. – С. 1; Свабодзіна, І. Экзаменуюцца студэнты настаўніцкага інстытута / І. Свабодзіна // Савецкая Радзіма. – 1950. – 9 чэрвеня. – С. 2; Міхайлава, Т. Маладыя настаўнікі / Т. Міхайлава // Савецкая Радзіма. – 1951. – 11 ліпеня. – С. 2; Гарэлік, А. Шлях у будучыню / А. Гарэлік, М. Каплун // Савецкая Радзіма. – 1952. – 1 ліпеня. – С. 3.
17. Крапівін, П. Акадэмік Н. Я. Мар і навука аб мове / П. Крапівін // Савецкая Радзіма. – 1950. – 14 студзеня. – С. 3.
18. Міхалап, Я. «У Забалоцці днее» (Кнігі лаўрэатаў Сталінскай прэміі) / Я. Міхалап // Савецкая Радзіма. – 1952. – 27 красавіка. – С. 3; Ён жа. Класік беларускай літаратуры (да 35-годдзя з дня смерці Максіма Багдановіча // Савецкая Радзіма. – 1952. – 25 мая. – С. 2.
19. Касцян, Н. Запісы народных гаворак / Н. Касцян // Савецкая Радзіма. – 1952. – 28 чэрвеня. – С. 3.
20. Калеснік, У. Каб сцерліся межы / У. Калеснік // Савецкая Радзіма. – 1953. – 19 верасня. – С. 2; Ён жа. На чыстую ваду // Савецкая Радзіма. – 1953. – 18 кастрычніка. – С. 2.
21. Рубцоў, А. Студэнцкае лета / А. Рубцоў // Савецкая Радзіма. – 1953. – 20 лістапада. – С. 2.

Ihar Hrabianchuk. Reflection of activities of Bobruisk Teachers' Institute in the pages of the regional newspaper "Savetskaya Radzima"

This article analyzes the publications of the regional newspaper "Savetskaya Radzima" about the activities in 1949–1954 years of the first college in the city of Bobruisk – Bobruisk Teachers' Institute. To clarify certain issues the author uses archival sources.

О. В. ДРУЗЕНОК, А. Д. ЛЕБЕДЕВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН НА ГОМЕЛЬЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х ГОДОВ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье анализируется восстановление деятельности религиозных общин старообрядцев на Гомельщине в середине 1940 – середине 1960 гг. Отмечается, что этот период был более благоприятным для религиозной деятельности староверов по сравнению с 1920–1930 гг. Об этом свидетельствует регистрация общин и духовенства, открытие церквей. Вместе с тем старообрядцы находились под пристальным вниманием и контролем со стороны уполномоченных по делам религиозных культов.

События октября 1917 года повлекли за собой существенные изменения в политической, культурной, экономической, социальной жизни Беларуси. С приходом к власти большевиков состояние всех конфессий в стране коренным образом изменилось. Началась долгая конфронтация священнослужителей и верующих с одной стороны и государства с другой. Сложившаяся ситуация явилась результатом взглядов и политической программы советского правительства по отношению к религии и церкви. Основатель советского государства В. И. Ленин разделял точку зрения К. Маркса на религию как «опиум народа» [1].

Мероприятия советской власти по отношению к старообрядческой церкви, занимавшей далеко не последнее место среди конфессий БССР, не включала в себя существенных отличий от общепроводимой политики в отношении религии. Деятельность старообрядческих общин подвергалась жесткому контролю со стороны государственных и партийных органов. Церкви закрывались, земли и имущество подлежали конфискации, многие священнослужители и верующие подвергались преследованиям и арестам. Все вышеуказанные мероприятия сопровождалась атеистической пропагандой [2].

В годы Великой Отечественной войны конфессиональная жизнь носила сложный и противоречивый характер, что было связано с катаклизмами военного времени. Проводя политику геноцида местного

населения, немецкие оккупационные власти в то же время не препятствовали деятельности различных религиозных общин, в том числе и старообрядческой. Многие священники и верующие делали все возможное для освобождения своей страны – старообрядцы воевали на разных фронтах, помогали в советском тылу. Однако нередко староверы шли на сотрудничество с немецкими властями [1].

После окончания Великой Отечественной войны продолжалось постепенное восстановление деятельности староверческих общин. Урегулирование отношений советского государства в первые годы Великой Отечественной войны с Русской Православной церковью постепенно оказало благотворное воздействие и на позицию государства в отношении иных церквей и религиозных объединений.

На рубеже 1943–1944 гг. проблемами неправославных организаций занимался Совет по делам Русской Православной церкви, а 19 мая 1944 г. было принято постановление об организации еще одного государственного органа – Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались отношения со всеми другими, кроме православных, религиозными организациями. Председателем данного совета 6 июня 1944 года был утвержден И. В. Полянский. В первой статье Положения о Совете говорилось: «Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР осуществляет связь между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР». В центральном аппарате Совета были сформированы отделы: по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий (заведующий отделом Л. А. Приходько); по вопросам Армянской, Католической и Лютеранской церквей (И. Н. Карпов); по вопросам старообрядческой и евангелической церквей (Н. В. Кольцов).

Совет имел при Совнаркомах союзных и автономных республик и при обл(край)исполкомах своих Уполномоченных. Все центральные учреждения и ведомства СССР обязывались предварительно согласовывать с Советом проводимые ими мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к религиозным культам. Совету предоставлялось право требовать от центральных и местных советских органов представления необходимых сведений и материалов по вопросам, связанным с религиозными культурами. В начале 1945 г. была разработана и утверждена Инструкция о деятельности

Уполномоченных, в которой определялись и конкретизировались основные направления их деятельности [3].

Что касается территории БССР, то Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по БССР на 1945 год являлся П. Маслов. Гомельская область как и все области республики также имела своего Уполномоченного Совета по делам Религиозных культов при Совете Министров СССР по Гомельской области. В 1945 г. им был назначен А. Боголюбский.

Конфессиональная структура населения области была представлена верующими различных религий. Среди них православные, католики, иудеи, протестанты и старообрядцы. Последние после окончания Великой Отечественной войны также стремились открыто исповедовать свою религию, боролись за восстановление своих храмов.

В отчетах Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Гомельской области указывается также немаловажный факт о том, что во время войны многие здания были разрушены, в том числе и молитвенные дома и церкви. Вопрос о их восстановлении либо о постройке новых требовал скорого решения [4].

Стремление власти взять под контроль все существующие религиозные общины, объясняло один из ключевых моментов религиозной политики – факт их регистрации. От старообрядцев различных течений начинают поступать в государственные органы прошения о регистрации их общин, постройки новых молитвенных зданий, ремонта уже существующих с целью их дальнейшего использования, преобразования построек других видов в молитвенные дома и церкви, об разрешении деятельности отдельных священнослужителей.

Одним из основных старообрядческих течений в тот период времени выступило белокриницкое согласие. Центрами этого движения были Гомель, Ново-Белица, в Добрушском районе – слобода Огородня и село Жгунь-Буда [5, л. 20–22]. Уже в апреле 1945 г., согласно данным Уполномоченного Совета по делам религиозного культа при СНК СССР по Гомельской области А. Боголюбского, было подано заявление представителей данного согласия о регистрации общины слободы Огородни, Добрушского района, а также заявление старообрядцев Ново-Белицы, о регистрации общины и разрешении совершать богослужения в доме священника Мурыгина Ивана Дмитриевича [5, л. 2–2 об]. В июне этого же года к регистрации уже были подготовлены 4 общины старообрядцев данного течения. Старообрядцы готовы были возводить и восстанавливать свои церкви и молитвенные дома собственными силами. Например, староверы Ново-Белицы ходатайствовали о выделении им земельного участка под постройку

новой церкви [4]. На собственные средства верующих была капитально отремонтирована Ильинская церковь в Гомеле и Никольская церковь в Добрушском районе в слободе Огородня [5, л. 20–22].

Что касается священников, то Гомель и Ново-Белицу обслуживал священник Мурыгин Иван Дмитриевич, он же приезжал в Добрушский район – в Жгунь-Буду. Второй приход белокрыницкого толка в Добрушском районе, в слободе Огородня обслуживал священник Беспаликов Кир Петрович [4], который уже в 1946 г. служил в Черниговской области, но не прекращал свою деятельность в других областях, в том числе и в Гомеле, что вызывало недовольство государственных органов [6, л. 14].

Действовали в Гомельской области и общины старообрядцев-беспоповцев. Беспоповским центром Добрушского района было село Марьино, где молитвенный дом содержал Жидейкин Корней Филипович. Большое распространение общины беспоповцев получили в Ветковском районе. В деревне Новый Крупец молитвенный дом Крахмалова Абрама Михайловича был открыт еще во время оккупации в 1942 г. и продолжал действовать после войны [4].

Как отмечал в своих отчетах А. Боголюбский, старообрядцы как поповцы, так и беспоповцы не имели конфликтов с местными жителями, не выступали против советской власти и не нарушали положения действующего законодательства [5, л. 2–2 об].

В 1950-е годы ситуация меняется. Например, старообрядцы-беспоповцы Ветковского района в Тарасовке, Леонтьеве, Борьбе, Косицком, Попсуевке и в самом городе Ветка с 1947 года остаются без молитвенных домов, которые местные власти изъяли под колхозные помещения, поэтому верующие вынуждены были собираться в частных домах. Однако и количество беспоповцев постепенно уменьшалось. Так на 1955 г. в Ветке насчитывалось всего около 150 дворов старообрядцев-беспоповцев, в основном одни старики, их возглавлял Салогуб Ивот Васильевич и его заместитель Аникеев Аверьян, жена которого утверждала, что верующих осталось очень мало и некому содержать молитвенные дома. В Тарасовке из 199 дворов, 120–130 домов старообрядцев, свои обряды они проводили в доме старушки Анисии, во главе стоял старообрядец Аникеев. В Леонтьеве насчитывалось 116 дворов беспоповцев. Собирались они в доме Филиппова Анфима Кондратьевича, который выехал в Минск, а дом оставил в пользование старообрядцам. Возглавлял верующих Тарасенко Павел Васильевич. В Попсуевке было 120 дворов. Собирались старожилы в доме старушки Собалевой, главой являлся Борисенко. В Борьбе насчитывалось 127 дворов, из них около 100 дворов

старообрядцев. А в Дубовом Логе из 164 дворов 100 являлись старообрядческими. В Косицком 90 из 130 дворов также принадлежали староверам [8, л. 15–17.].

Что же касается старообрядческой общины белокриницкого согласия в Гомеле, то она продолжала увеличиваться. В 1946 г. было 220 официально зарегистрированных членов общины. В 1954 г. – уже 255. Однако, незарегистрированных верующих было гораздо больше, например на Пасху 1953 г. на службе присутствовало более тысячи человек, церковь была переполнена, часть пришедших находилась на улице. Действовал также незарегистрированный молитвенный дом старообрядцев белокриницкого согласия в Ново-Белице, где проводил службу Роговцов Кондрат Семенович уроженец д. Крупец, Добрушского района, Гомельской области [9, л. 79–82].

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что в Гомельской области со второй половины 40-х годов продолжается восстановление старообрядческих общин как беспоповцев, так и поповцев. Однако динамика численности верующих в них была различной. С течением времени, как свидетельствуют документы, количество беспоповцев постепенно уменьшается, чего нельзя сказать о староверах белокриницкого толка.

Список использованных источников и литературы

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; Навук.рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
2. Гісторыя Беларусі : У 6 т. Т.5. Беларусь у 1917–1945 гг./ А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.; іл.
3. Советов, И. М. (Одинцов, М. И.). Совет по делам религиозных культов при СНК СССР в 1944–1945 гг. : обязанности и сфера компетенции, организационная структура и основные направления деятельности / И. М. Советов (М. И. Одинцов) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-186/>. – Дата доступа : 15.10.2015.
4. Государственный архив Гомельской области (далее ГАГО). – Фонд 1354. – Оп.1. – Д.6.л.4–5об.
5. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп.1. – Д.6.
6. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп.1. – Д.20.
7. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп.3.Д.9.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 144. – Оп. 61. – Д. 73.

Olga Druzenok, Andrey Lebedev. Restoration of the «Old Believer» community in Gomel in the second half of 40th - first half of 60-ies of XX century

The present article deals with the analysis of the historical situation of the old-believers' religious communities in Gomel Region within the period between mid.1940-mid.1960. The mentioned period is considered to be the most favourable for the religious activity of old-believers' communities in comparison with the period of 1920-1930. The process of establishing churches, religious communities and clergy registration prove these facts. Alongside with these facts, we must admit that the old-believers' communities were severely controlled by the commissioners of the Religious Affairs.

УДК 94(476):37.091.12:37.018.324 “1954/1964”

Т. Г. ЛЮБАВИНА

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ ДЕТСКИХ ДОМОВ БССР
(1954–1964 ГОДЫ)**

Статья посвящена проблеме комплектования детских домов БССР педагогическими кадрами в 1954 – 1964 гг. Дается анализ динамики уровня образования и стажа работы педагогических кадров. Представлены мероприятия по повышению квалификации работников детских домов.

Процесс воспитания и интеграции в общество сирот, и особенно тех, которые определенное время проживали в неблагоприятных социальных условиях, требует массы усилий. Потому изучение подходов к комплектованию кадров детских домов и политики государства по их профессиональному совершенствованию на разных исторических этапах безусловно является актуальной проблемой. Цель данного исследования – рассмотреть уровень образования и профессиональной подготовки работников детских домов, их практическую деятельность.

В историографии имеется целый ряд работ, посвященных проблемам развития системы просвещения и подготовки педагогических кадров в БССР. К обобщающим работам можно отнести: «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» [1], «Народное образование в СССР» [2],

«Развіццёнароднайасветы і педагагічнайдумкі ў БССР» [3]. Однако проблема педагогических кадров в детских домах БССР в научной литературе фактически не представлена. Основным источниками по теме являются документы, хранящиеся в архивах Республики Беларусь.

В соответствии с Уставом, педагогические кадры в детском доме представляли директор, его заместитель по учебной работе, воспитатели, пионервожатые, инструкторы по труду, руководители кружков. Директор детского дома и завуч назначались на должность и освобождались с нее по распоряжению заведующего областным отделом народного образования, а в городах республиканского подчинения – по приказу заведующего городским отделом народного образования. Назначения и освобождения директора утверждалось исполкомом областного или городского Совета депутатов трудящихся. На эту должность имели право претендовать лица, имевшие высшее или среднее педагогическое образование и стаж работы не менее 3 лет.

Главной обязанностью директора была организация работы детского дома с ответственностью за:

- сохранность жизни и состояние здоровья детей, создание всех необходимых условий для их физического развития и воспитания;
- выполнение постановлений правительства о всеобщем обязательном обучении воспитанников и обеспечение совместно со школой успешного их обучения и воспитания.

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе должен был иметь высшее или среднее педагогическое образование в купе с трехлетним стажем работы. В его обязанности входило: постановка воспитательной работы; инструктаж и контроль над работой каждого воспитателя, руководителей кружков, инструкторов по труду; помощь в работе детского совета и пионерской организации; руководство методической работой; во время отсутствия директора – исполнение его обязанностей.

Воспитатели детского дома назначались и освобождались областным или городским отделом народного образования по представлению директора детского дома. Как правило, эту должность занимали люди, имевшие педагогическое образование. Работа воспитателя состояла из следующих ключевых моментов:

- проведение повседневной воспитательной работы с детьми, всестороннее изучение каждого ребенка, осуществление идейно-политического воспитания
- ответственность за сохранность жизни и состояния здоровья детей, прививание им навыков личной гигиены, участие в создании

соответствующих условий для физического развития и воспитания детей

- организация и руководство занятиями по выполнению детьми домашних заданий, обучение их самостоятельно готовить уроки, и поддержка регулярной связи с классным руководителем и учителями школы

- проведение внешкольной работы, обучение их навыкам труда, организация участия воспитанников в общественной работе в детском доме и вне его

- воспитание у детей бережливого отношения к собственности и вещам личного пользования

- оказание повседневной помощи пионерской дружине, участие в составлении планов работы отрядов, подготовке и проведении совета дружины и сборов отрядов

- составление плана своей работы с воспитанниками и отчетов о их выполнении [4, л. 34].

Старший пионерский вожатый назначался и освобождался областным или городским отделом народного образования по согласованию с обкомом или горкомом ВЛКСМ. Основным требованием к претенденту на должность было наличие педагогического образования и опыта работы с детьми. Старший пионерский вожатый проводил свою работу под руководством и контролем райкома или горкома ВЛКСМ, директора детского дома и его заместителя по учебно-воспитательной работе.

Инструктор по труду также назначался областным или городским отделом народного образования по представлению директора детского дома. Инструктор должен был иметь квалификацию по специальности и образование не ниже семи классов школы. Его обязанности включали организацию систематического трудового воспитания и обучения детей по установленным программам, а также обеспечение сохранности оборудования мастерских, рационального и экономного использования материалов, ведение инвентарной и материальной книги.

В детских домах республики в рассматриваемый период остро стоял вопрос подбора работников с соответствующим образованием, опытом работы и необходимыми личностными качествами. Особенно острой была проблема квалификации педагогических работников. Как отмечал заместитель министра просвещения Н. Мурашко: «Нужно провести большую работу <...>, изучить кадры каждого детского дома и освежить несколько кадры детских домов наиболее энергичными людьми. В ряде

детских домов сложилось такое положение, что нет кому и работать, воспитатели по существу выполняют функции нянь, не организуют воспитательной работы и не могут ее организовать. <...> Нужно в состав воспитателей детских домов влить часть молодежи, окончивших педучилища и институты, особенно с высшим образованием. <...> Нужно отобрать людей, которые внесут новую струю энергии и тем самым оживить всю работу педагогического и детского коллектива [5, л. 22].

В 1957 г. количество директоров с высшим образованием составляло более 19% от общего числа, с образованием учительского института – около 36%, со средним педагогическим – 41%, со средним общим – 2,7%. Зам. директоров по учебной работе с высшим образованием почти 15%, с образованием учительского института около 26,5%, со средним педагогическим образованием – 54%, со средним общим – 4,6 %. Воспитателей с высшим образованием насчитывалось чуть более 4%, с образованием учительского института – 8%, со средним педагогическим – 8%, со средним общим – 75%, со средним незаконченным – почти 4 %. В большинстве своем старшие пионервожатые имели среднее педагогическое образование – 55 % или среднее общее – почти 40 %. Со стажем работы менее 5 лет директоров и зам. директоров насчитывалось около 13%, воспитателей – 27,6 % [6, л. 49; 7, л. 40].

Необходимо отметить, что в начале 1950-х гг. большое количество воспитателей имело дошкольное педагогическое образование. Они окончили дошкольное педучилище еще в 1936–1941 гг. и в течение долгого периода не повышали своего педагогического образования [8, л. 11].

К 1964 г. ситуация с педагогическими кадрами приобрела новую картину. Следует отметить, что в связи с ликвидацией малочисленных детских домов, а также реорганизацией части детских домов в школы интернаты, соответственно сократились и штаты. С другой стороны, изменился и уровень образования работников детских домов. Так, в 1964 г. директоров с высшим образованием насчитывалось почти 49 %, с образованием учительского института и средним педагогическим – по 24%, со средним всего 2,5%. Зам. директоров по учебной работе с высшим образованием – 41,3%, с образованием учительского института – 29,3%, со средним педагогическим – 27,5%, со средним общим – 1,7%. Воспитатели с высшим образованием составляли почти 6,5%, с образованием учительского института – 7,7%, со средним педагогическим – 66%, со средним общим – 16,5%, с незаконченным средним – 3%.

Пионервожатые в большинстве своем имели среднее образование – почти 84%. Со стажем работы менее пяти лет директоров и зам. директоров насчитывалось 50,7%, воспитателей – около 28%.

Как показывают статистические данные, к 1964 г. возросло количество педагогических работников детских домов с высшим образованием кроме штатных пионервожатых. Однако возрастает процент работников с опытом работы по должности или по педагогической работе менее 5 лет. В целом же динамику роста уровня образования педагогических кадров можно считать положительной.

Работники детских домов постоянно и систематически повышали свой уровень квалификации на различных курсах, семинарах, получали высшее образование на заочной форме обучения. В октябре 1957 г. в Витебской области был проведен областной семинар воспитателей 6-х классов на базе Оршанского детского дома по тематике: «Воспитание внимания, честности и правдивости у детей», «Руководство подготовкой домашних заданий», «Конференция по книге» и др. Также в области работали постоянно действующие семинары воспитателей 1 – 6-х классов на базе детских домов лучших групп. Так за год воспитателями было посещено 14 детских домов. Состоялись месячные курсы воспитателей по программе Министерства просвещения с включением дополнительного вопроса – изучение фотодела. На руки слушателям был выдан документ «Любитель фотодела». Был проведен и семинар руководителей учебно-опытными участками [9, л. 90].

В Гомельской области в 1958 г. было организовано 3 кустовых методических объединения – Гомельское, Мозырьское и Речицкое. План работы включал для директоров детских домов обсуждение проблем по вопросам «Трудовое обучение воспитанников» и «А. А. Макаренко о перспективных линиях в жизни детского коллектива. Для завучей были предложены темы «Контроль и руководство учебно-воспитательным процессом в детском доме», «Методика проведения подготовки домашних заданий с учащимися». Для воспитателей – «Эстетическое воспитание в детском доме», «Организация досуга детей в летний период», «Планирование и учет работы воспитателя в группе». Кроме того, в сентябре 1958 г. состоялся семинар старших пионервожатых и месячные курсы по повышению квалификации воспитателей [10, л. 7–8]

С целью повышения квалификации работников детских домов, в октябре 1960 г. в Гродненской области были проведены месячные курсы воспитателей. В программу курсов наряду с вопросами педагогики, методики организации учебно-воспитательной работы

значимое место занимали практические занятия по художественному чтению, разучиванию песен, нотной грамоты и домоводству. В январе 1961 г. был проведен семидневный семинар руководителей кружков художественной самодеятельности. Для проведения практических занятий были привлечены лучшие силы музыкально-педагогического училища, областного театра и культпросветучилища. Участники семинара присутствовали на занятиях в музыкальной и хоровой студиях дворца текстильщиков и занятиях кружков художественной самодеятельности при Доме пионеров и Доме офицеров.

В 1960–1961 гг. было создано четыре кустовых методических объединения: Гродненское, Лидское, Слонимское, Ошмянское, Новогрудское и Верейковское. Кустовые методические объединения проводили заседания один раз в учебную четверть [11, л. 23–24].

Наряду с успехами в ряде детских домов были зафиксированы возмутительные факты поведения и отношения к детям со стороны директоров, завучей и воспитателей. Ряд случаев применения антипедагогических методов воспитания были зафиксированы в Витебской области. В ходе проверки в Славенском детском доме были выявлены следующие факты. Директор и завуч детского дома совершенно отстранились от руководства учебно-воспитательной работой, оторвались от детского и педагогического коллектива, пустив их жизнь на самотек. Директор часто появлялся на территории детского дома в нетрезвом состоянии. В результате этого воспитанники в большинстве случаев были предоставлены сами себе, что крайне негативно сказалось на состоянии дисциплины. Дети совершали самовольные отлучки, побеги из детского дома, нарушали внутренний распорядок и правила поведения.

Вместо организации систематической учебной-воспитательной работы работники детского дома начали применять антипедагогические методы воздействия. Воспитатели наказывали детей ремнем, розгами, ставили детей в угол. Имели место факты рукоприкладства и со стороны завуча Л. А. Позднякова К «расправе» над младшими воспитанниками привлекались отдельные старшие воспитанники [12, л. 168]. Подобные факты были выявлены и в других детских домах Витебской области. В Великолетченском детском доме на протяжении 1951–1958 гг. директором, завучем и воспитателями дети избивались ремнем, резиновым жгутом, палкой, в зимнее время сажались в таз с холодной водой, лишались обедов, также детей оскорбляли. Против работников детского дома было возбуждено уголовное дело и по решению суда они были уволены с работы. Применение неправильных методов воспитания, незнание

индивидуальных особенностей детей, халатное отношение к должностным обязанностям приводили к таким серьезным последствиям, как побеги воспитанников. Например, в 1958 г. в Витебской области было зафиксировано 45 случаев побегов [12, л. 177–178]. Такая ситуация сложилась в первую очередь по причине того, что советы депутатов и отделы народного образования формально подошли к подбору кадров, и в дальнейшем мало интересовались положением в детских домах.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. в детских домах БССР наблюдалась нехватка квалифицированных и опытных педагогических работников. Потому усилия Министерства просвещения были направлены на повышение уровня образования и педагогического мастерства директоров, завучей и воспитателей детских домов. Регулярными стали методические семинары, собрания и встречи по обмену опытом, на которых обсуждались актуальные проблемы воспитания. Результатом такой систематической работы стало повышение качества проводимой учебной-воспитательной работы с детьми. Помимо того, много педагогических работников получало высшее образование на заочной форме обучения. Также были привлечены к работе в детские дома молодые и перспективные кадры. В итоге, к середине 1960-х гг. детские дома были практически укомплектованы профессиональными педагогами. Тем не менее, не удалось избежать и недостатков. Далекое не все исполнительные органы отнеслись с должным вниманием к подбору кадров в детские дома, что отрицательно сказалось на организации учебно-воспитательной работы, к возникновению случаев применения антипедагогических методов воспитания. По-прежнему ощущалась нехватка в детских квалифицированных руководителей кружков. Это объясняется тем, что зачастую руководителями кружков становились воспитатели и не все они обладали необходимыми творческими навыками. Не хватало и опытных пионервожатых, так как заработная ставка была намного ниже, чем у воспитателей и мало кто изъявлял желание занимать эту должность. Следует отметить, что несмотря на наличие негативных моментов, ситуация с педагогическими кадрами из года в год улучшалась.

Список использованных источников и литературы

1. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / под. ред. Умрэйка С.А. – Мінск : Народная асвета, 1968. – 624 с.
2. Народное образование в СССР / под ред. Прокофьева и др. – М. : Просвещение, 1967. – 544 с.

3. Развіццё народнай асветы і педагагічнай думкі ў БССР. 1958 – 1967. – Мінск : Народная асвета, 1983. – 345 с.
4. Государственный архив Могилевской области (Далее – ГАМО). – Фонд 124. – Оп. 4. – Д. 240.
5. Государственный архив Минской области (Далее – ГАМН). – Фонд 1243. – Оп. 1. – Д. 167.
6. Национальный архив Республики Беларусь (Далее – НАРБ). – Фонд 42. – Оп. 5. – Д. 444.
7. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 5. – Д. 1272.
8. ГАМО. – Фонд 124. – Оп. 4. – Д. 363.
9. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 5. – Д. 445.
10. Государственный архив Гомельской области (Далее – ГАГО). – Фонд 1042. – Оп. 2. – Д. 389.
11. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 5. – Д. 338.
12. ГАГО. – Фонд 1042. – Оп. 2. – Д. 485.

Tatiana Liubavina. Pedagogical personnel of children's homes of the BSSR (1954 – 1964)

The article is devoted to the acquisition of orphanages BSSR teaching staff in 1954 - 1964 years. The analysis of the dynamics of the level of education and length of service of teachers. Presents measures to improve the skills of employees of children's homes

УДК 94:391:316.334.55/56(476.2) “195/198”

Т. А. ШКРАБОВА

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОСТЮМЕ
СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬЩИНЫ
В 1950–1980-е ГОДЫ**

В статье на основании проведенного опроса и анкетирования представителей сельского и городского населения Гомельщины дана характеристика основных особенностей сохранения народных традиций в костюме жителей региона в 1950–1980-е гг.

В век глобализации и унификации очень важно помнить о сохранении народных традиций в культуре народов. Под влиянием города с развитием легкой промышленности традиционный костюм претерпевал значительные изменения. Поэтому весьма важно

проследить сохранение народных традиций в костюме населения Гомельщины в обозначенный выше период.

Цель – характеристика сохранности народных традиций в костюме сельского и городского населения Гомельщины в 1950–1980-е гг.

Для решения поставленной цели в 2009–2010 гг. было опрошено 197 и проанкетировано 937 человек. Опрос и анкетирование проводилось в Петриковском, Калинковичском, Чечерском, Житковичском, Лельчицком, Лоевском, Гомельском и Рогачевском районах Гомельской области, а также в городах Гомель, Светлогорск, Речица, Буда-Кошелево, Лоев. Необходимо отметить, что некоторые аспекты темы автором уже затрагивались [1,2].

Респонденты-сельчане сошлись во мнении, что белорусские народные традиции в определенной мере сохранялись в сельской местности в 50 – 80-е гг. XX в. На этот вопрос утвердительно ответили более 90% по данному вопросу. По их мнению, народные традиции больше всего сохранялись в праздновании календарных праздников (Колядки, Купалье, Пасхи, «гуканне вясны») – более 90%, далее в семейной обрядности (свадьба, крестины, похороны) – чуть более 80%, в приготовлении пищи – более 70%, в одежде – более 50%. 4,3% выбрали вариант «другое» отметив, что народные традиции в сельской местности проявлялись в «плетении из соломки», «в обработке земли», «в устойчивости быта». Сохранению традиций в культуре сельской местности в обозначенный выше период, по мнению анкетированных, способствовала передача народных знаний и традиций из поколения в поколение, удаленность сельского поселения от города. Около 10% отметили, что этому способствовали «концерты фольклорных коллективов», «кружки и секции в Домах культуры», «заинтересованность самих жителей», «уважение к традициям старшего поколения». Скорейшей утрате народных традиций в материальной культуре сельчан Гомельщины в 50 – 80-е гг. XX в., по мнению респондентов, способствовало активное проникновение новшеств из города в сельскую местность, близость сельского поселения к городу, «слабый интерес молодежи», «сами забывали», «отъезд молодежи в город».

Жительница Лельчицкого района 1934 г.р., описывая 1950-е гг., отметила, что «в нашей сельской местности занимались ткачеством : ткали ручники, постилки, полотно (потом из него шили сорочки как женщинам, так и мужчинам)».

По опросам сельчан в 50 – 60-е гг. XX в. сельское население еще занималось самостоятельным изготовлением одежды. Утвердительно ответили на этот вопрос более 60%. Одна из респонденток Чечерского

района Гомельской области о 1950-х гг. вспоминает, что «самостоятельно ткали из льна. Отец и мать обшивали всю деревню. Пошить кофточку стоило двадцать копеек, платье из ситца – тридцать копеек. Потом появился самый модный материал – штапель».

Сельчане изготавливали безрукавки, телогрейки, сорочки, юбки, платья, каптаны, камизельки, фартуки, блузы, кажухи, бурки, валенки. Более 60% опрошенных вспомнили, что в 50–80-е гг. XX в. еще можно было встретить отдельные элементы традиционного костюма на сельчанах. Около 30% отметили, что встретить можно было, но не часто.

Из элементов традиционного костюма сельчан респонденты назвали – фартуки, платки, вышивку, лапти, традиционную верхнюю одежду. Одежда с элементами традиционного костюма чаще использовалась на праздники (Масленица, Купала, Пасха), в семейных обрядах (свадьба, крестины, похороны), ношение такой одежды повседневно отметило только около 20%, другой вариант выбрало менее 2% (в Домах культуры на концертах, при встрече гостей).

Опрошенные респонденты Калинковичского и Чечерского районов утверждают, что в 50-е гг. XX в. в гардеробе сельчан сохранялись элементы традиционного костюма: андарак, фартук, платки, рубахи с вышивкой по вороту и на манжетах. Во второй половине XX в. платок не утратил своего значения. Большой разнообразный ассортимент платков предлагали сельские и городские магазины в Беларуси. Сельчанки в 60 – 80-е гг. XX в. в рабочие дни носили ситцевые белые либо с набивным рисунком платки, на праздники – шелковые и капроновые косынки [3, с. 83].

Агроном из Петриковского района 1961 г.р. отметила, что «элементы традиционного костюма встречались у сельчан. Обязательно были юбки, широкие длинные с атласными лентами, шнуровки, фартуки на все случаи жизни: праздничные, выходные, повседневные, в которых «завихались» возле печи. Праздничные фартуки были белыми с вышивкой и набивными кружевами». Чаще всего такую одежду в сельской местности на Гомельщине можно было встретить на пожилых людях. Опрашиваемые в Лельчицком и Житковичском районах Гомельской области подчеркнули, что в описываемый период одежду с традиционными элементами можно было также наблюдать на людях среднего возраста (более 20%), а также на молодежи (более 8%). Пенсионерка 1922 г.р. из Рогачевского района призналась, что до сих пор хранит традиционную одежду, которая перешла ей от предыдущих поколений. Пенсионерка 1943 г.р. из деревни Головинцы Гомельского района вспоминает, что в ее детстве особенно нарядно наряжались женщины на сенокос. Надевали юбку, вышитую по низу, кофту-

«барабанку», с вышитыми пышными рукавами – «барабанами». На голову повязывали хлопчатобумажный платок.

Проследим аналогичные процессы в городской среде. В 50–60-е гг. XX в. в гардеробе горожан еще встречались отдельные элементы традиционного белорусского костюма. Особенно это характерно для небольших районных городов Гомельщины (Буда-Кошелево, Лоев, Калинковичи, Лельчицы и т.д.). Например, вышивку народного орнамента не часто, но можно было наблюдать, по мнению более 60% респондентов. Платки встречались чаще, их упомянули около 30%. Также упоминалась одежда из традиционного материала – льна. Впоследствии элементы белорусского традиционного костюма можно было увидеть по большей части на горожанах среднего возраста и пожилых людях. Как заметили опрашиваемые: «это были перевезенные из деревень матери уже «городских детей»». Более 20% подчеркнули, что в продаже встречалась одежда с чертами национального костюма («льняные вещи продавались – это были и платья с вышивкой и костюмы»), около 50% ответили отрицательно, 30% наблюдали такое явление, но не часто. Широко, по мнению опрашиваемых, традиционный костюм использовался на праздничных гуляниях, а также среди фольклорных коллективов. Одним из распространенных обычаев, связанных с одеждой, было переодевание на Колядки и Масленицу. Одежда с элементами традиционного костюма использовалась горожанами в семейной обрядности (отметили чуть более 20%).

Со слов пенсионерки 1940 г.р., коренной жительницы города Речица о 50-х гг. XX в.: «В городе фартуки носили пожилые женщины. Их хоронили в длинных льняных рубахах, фартуке, юбке, кофте и платке. Вообще, женщина не должна была ходить без рубашки нательной, беременная должна была носить фартук, чтобы дитя не сглазили». Бытовали у горожан и другие приметы, связанные с одеждой, например, не оставлять одежду вывернутой наизнанку, чтобы не сглазили. В 60-е гг. XX в. в городе Буда-Кошелево, описывая свадебную обрядность, пенсионерка 1934 г.р. отметила, что «когда приходили сваты, всех мужчин перевязывали ткаными ручниками, а женщинам давали платки, которые хранились в сундуках».

Таким образом, в 1950–1980-е гг. в сельской местности сохранялись отдельные элементы традиционного костюма (вышивка, ношение фартуков, платков), а в 1950–1960-е гг. отдельные сельчане занимались и ткачеством. Сохранность отдельных элементов традиционного костюма в 1950–1960-е гг. характерно для небольших районных городов Гомельщины.

Список использованных источников и литературы

1. Шкрабова, Т. А. Сохранение народных традиций в материальной культуре сельского населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века / Т. А. Шкрабова // Роля традыцый народнай культуры ў адраджэнні беларускага сяла : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі ; 24 верасня 2010 г., г. Іванава / Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ; гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – С. 180–184.
2. Шкрабова, Т. А. Народные традиции в материальной культуре горожан Гомельщины в 50-80-е годы XX века / Т. А. Шкрабова // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 10 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – С.473–477.
3. Беларускае народнае адзенне / В. К. Бандарчык [і інш] ; пад агул. рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 96 с.

Tatiana Shkrabova. Preservation of national traditions in the costumes of rural and urban population of the Gomel region 1950-1980 -ies.

The paper presents the characteristics of preservation of folk traditions in costume rural and urban population of Gomel 1950–1980 -ies. A field study .

УДК 392.5([476:470+571]–22)

И. В. РОМАНЕНКО

(Минск, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ*

В данной статье исследуются традиции и инновации в брачно-семейной сфере жизни сельского населения белорусско-российского пограничья. Рассматриваются такие вопросы, как брачные и репродуктивные установки, проблема распределения функций и ролей в сельских семьях. Автор приходит к выводу, что традиционно среди

* Статья выполнена в рамках проекта БРФФИ РГНФ по договору Г15Р-012 от 4 мая 2015 г.

сельских жителей преобладают положительные репродуктивные установки, традиционное отношение к распределению ролей и обязанностей в семье, трансформируется отношение к «гражданским бракам», рождению детей вне брака, снижается роль родителей при принятии решения о браке, происходит дальнейшая демократизация внутрисемейных отношений.

Проблема изучения традиций и инноваций в социальной культуре этноса, частью которой является институт брака и семьи, занимает особое место в этнологической науке. Сложность и противоречивость изменений брачно-семейной сферы является отражением исторического, социально-экономического и политического развития страны. На современном этапе развития белорусского общества брачно-семейные отношения претерпели значительные изменения. Возникновение таких негативных явлений, как снижение ценности брака и семьи, увеличение незарегистрированных брачных союзов и рост количества детей, рожденных вне брака, ослабление связей между поколениями вызывают озабоченность не только у специалистов-этнологов, демографов, социологов, психологов, но и у широких кругов общественности. Вместе с тем, семья в современном обществе остается важнейшей микроячейкой воспроизводства этноса. Ей принадлежит важная роль обеспечения преемственности традиций, передаче ценностей национальной культуры. При этом население белорусской деревни является основным носителем традиций, которые в большинстве своем исчезают у горожан.

Следует отметить, что выбор региона исследования сделан не случайно, так как на этноконтактных территориях наиболее ярко раскрываются процессы этнокультурного взаимодействия, сосуществование и взаимодействие разных этнокультурных традиций и инноваций. Кроме того проблема изучения традиций и инноваций в брачно-семейной сфере жизни сельского населения белорусско-российского пограничья не являлась предметом отдельного этнологического исследования, что усиливает ее актуальность.

Цель данной статьи – выявление традиций и инноваций в в брачно-семейной сфере жизни сельского населения белорусско-российского пограничья.

Основными источниками послужили статистические и демографические материалы, а также данные опросов сельского населения, проведенные автором в период 2009–2015 гг. Всего опрошено 202 человека 1937–1995 гг. рождения, проживающих в сельских населенных пунктах Лиозненского района Витебской

области, Чечерского, Добрушского, Буда-Кошелёвского районов Гомельской области, Климовичского, Дрибинского районов Могилевской области. Среди них : 68,3 % женщин и 31,7 % мужчин. По национальности белорусы. Опрос проводился среди сельчан, находящихся в зарегистрированных и незарегистрированных брачных отношениях, а также среди сельской молодежи, не вступившей в брак (студентов Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины и Полоцкого государственного университета).

Брак и создание семьи имеет приоритетное значение в жизни сельских жителей приграничных областей. Традиционно важную роль при принятии решения о браке молодыми людьми у белорусов играли родители. Однако на протяжении советского и постсоветского периодов произошло снижение родительского авторитета при принятии решения о создании семьи молодым поколением. Опрос сельских жителей показал, что количество опрошенных, учитывающих мнение родителей при заключении брака и принимающих решение по данному вопросу самостоятельно, разделилось примерно наполовину. При этом большинство студенческой молодежи (53,3%) посчитало обязательным учитывать родителей при заключении брака. В то же время большинство сельчан (65,2%), находящихся в зарегистрированном и незарегистрированном брачных отношениях, принимало решение самостоятельно [1].

Среди мотивов заключения брака преобладают эмоциональные составляющие. Так любовь и личная симпатия послужили мотивом для создания семьи у 80,8% респондентов. Для 10,2% опрошенных мотивом для заключения брака стала беременность, для 4,1% – боязнь остаться в одиночестве, 3,8% – материальный расчет, 1,3% – желание получить независимость от родителей [1].

Результаты исследования показали наличие положительных репродуктивных установок у сельской молодежи. Большинство респондентов хотела бы иметь 2–3 детей. При этом большая часть молодых людей (84%) не представляет себе современную семью без детей [1].

Однако, как показывают статистические данные, для сельского населения белорусско-российского пограничья характерны общие для сельской местности негативные демографические процессы : низкая рождаемость, высокая смертность, убыль населения за счет миграции. Процессы внутренней миграции характеризуются оттоком населения из сельской местности и перераспределением населения (особенно молодежи) в города областного подчинения и столичный регион [2, с. 34; 3, с. 121]. Результаты опроса студентов из сельской

местности подтвердили данные официальной статистики : 88,7% опрошенных после окончания ВУЗа планируют остаться в городе, в котором обучались, или переехать в другой город [1]. Следует отметить, что зачастую студенты стеснялись того, что они из сельской местности. Это говорит о том, что сегодня жизнь в деревне для молодежи не является престижной.

При этом среди мигрантов преобладают женщины. Вследствие чего во всех возрастах мужское сельское население преобладает над женским. На каждую женщину приходится более одного мужчины ее возраста. Ситуация сохраняется вплоть до 59 лет. В возрастной группе 59 лет и старше количество женщин в сельской местности резко становится значительно больше, чем мужчин, и уже на каждого мужчину приходится примерно по две женщины [4, с. 76]. Средний возраст сельских женщин в 2015 г. в Витебской области равнялся 49,3 лет, в Гомельской – 47,2, Могилевской – 48,4 [5, с. 57]. При этом характерна отрицательная его динамика для всех приграничных областей. В сложившейся ситуации, неудивительным является более низкая рождаемость в сельской местности приграничных областей по сравнению с городом. При этом рождаемость в Витебской области является самой низкой по республике. Среди главных причин нежелания иметь большее количество детей респондентами, находящимися в браке, указывались материальные составляющие (отсутствие жилья, финансовые трудности и др.) (78,2%) [1].

Одной из актуальных проблем современного периода становится рост количества рождений вне брака, а также рожденных в незарегистрированном браке, что, по мнению ученых, является проявлением кризиса в семейных отношениях. Увеличивается как доля матерей-одиночек, так и женщин, родивших в «гражданском браке», причем этот процесс развивается на фоне сокращения общего числа официальных браков [6, с. 20; 7, с. 555; 8, с. 567; 9, с. 576]. Так, по республике в 1991 г. внебрачные рождения в сельской местности составили 11,5%, в 1995 г. – 14,5%, в 2005 г. – 33,2%, в 2006 г. – 32,3%, в 2010 г. – 29% [10, с. 263]. Незначительное уменьшение рождений вне брака стал наблюдаться с 2006 г., когда государством было предпринято ряд мер в поддержку семьи и материнства, поэтому растет рождаемость в зарегистрированных браках. Рождаемость вне брака в изучаемых регионах является самой высокой по республике. Так в 2010 г. в Витебской области она составила 37,5%, Гомельской – 36,2%, Могилевской – 41,6% [10, с. 264, 266]. Для сравнения в Брестской области внебрачная рождаемость равнялась 19,1%, Гродненской – 24,8%, Минской – 25,3% [10, с. 263, 265, 266]. На на

взгляд, это объясняется более низким уровнем религиозности сельского населения белорусско-российского пограничья.

Результаты проведенного опроса показали, что взгляды на рождение детей до брака у современных сельских жителей изменились. Так, 76,8% респондентов считает, что негативное отношение к женщине, родившей вне брака, и к ее ребенку сейчас отсутствует [1].

Среди опрошенных зафиксировано большей частью положительное отношение к незарегистрированным брачным союзам, особенно среди студенческой молодежи (72%). Количество фактических сожительства увеличилось после того, как Беларусь стала более открытой для внешнего мира и его влияния. Социологи связывают это с так называемой сексуальной революцией. Из запретной в прошлом тема секса стала довлеющей во многих средствах массовой информации, в рекламе, кино, литературе [7, с. 555, 11, с. 5]. Изменение отношения к целомудрию, распространение гражданских браков и других нетрадиционных форм брака ученые связывают с трансформацией духовных ценностей (чему способствуют пропаганда «свободных» отношений в СМИ, кино, литературе) и социально-экономическими изменениями в белорусском обществе (рост экономической и социальной независимости женщин) [6, с. 20; 12, с. 100]. Еще одной причиной данного явления стало практически полное исчезновение народной традиции подчинения нравственного поведения общественному мнению, которое осуждало рождение детей вне брака. Кроме того, как отмечали информанты, женщины, которые живут в «гражданском браке» и имеют детей, не регистрируют отношения, чтобы получать дополнительные льготы как матери-одиночки.

Отдельное внимание нами было уделено вопросам распределения функций и ролей в молодых семьях.

Взгляды на распределение ролей в семье у респондентов, состоящих в браке, и у студенческой молодежи значительно отличались. Для большинства респондентов, состоящих в браке, желаемым было традиционное распределение ролей в современной семье, когда жена занимается домом, а муж – обеспечивает семью (56,6%). У студенческой молодежи преобладали более демократические взгляды на вопрос распределения ролей: 76,0% считали, что муж и жена в равной степени должны заниматься домом, воспитанием детей и обеспечением семьи и только для 24,0% приемлемым было распределение, при котором жена занимается домом, а муж – обеспечивает семью. При этом среди

лиц, предпочитавших традиционное деление ролей в семье, преобладали юноши – 91,06% [1].

Интересно отметить, что несмотря на то, что большинство студенческой молодежи не поддерживают традиционное распределение семейных ролей, для большинства характерно традиционное отношение к главенству семьи (65,5%). А для респондентов (55,4%), состоящих в браке, предпочтительней, когда оба супруга в равной степени участвуют в управлении семьи. Хотя количество тех, которые считают, что семьей должен руководить муж также значительное – 36,5%. При этом ответы о существующем в семьях главенстве несколько различались. Большинство респондентов назвали главой семьи обоих супругов – 48,3%, жену – 30,0%, мужа – 21,7% [1].

Семейным бюджетом чаще распоряжаются оба супруга (в 70,8% семей), жена – в 20,5% семей, муж – в 8,7% [1].

Важные вопросы семьи решаются обычно сообща в 48,3% семьях. Довольно большой процент семей, где решающий голос при обсуждении важных вопросов принадлежит жене – 30,2%, мужу – в 21,5% семей [1].

Решение о покупке дорогих вещей принимается совместно в 73,4% семей, в 18,3% последнее слово за женой и только в 8,3% семей – за мужем [1].

В сельских семьях продолжают сохраняться традиционно предпочитаемые сферы женского и мужского труда. Так в 65,8% семей работой по домашнему хозяйству занимается в основном жена, но помогают мужи другие члены семьи. И только 34,2% семьях жена и муж делят работу поровну. Хотя среди взглядов на распределение работ у студентов преобладающим является деление, при котором домашние обязанности делятся поровну между мужем и женой [1].

В воспитании детей участвуют оба супруга в равной степени в 53,4% семей. Довольно большое количество семей, где воспитанием занимается преимущественно жена (46,6%) [1].

Таким образом, для брачно-семейной сферы жизни сельского населения белорусско-российского пограничья характерны, как традиции, так и инновации. Традиционно семья в жизни сельских жителей приграничных областей занимает приоритетное место. Преобладают положительные репродуктивные установки. Несмотря на отсутствие в большинстве сельских семей традиционного распределения ролей, традиционное отношение к распределению функций и ролей в семье преобладает. Трансформировались отношения к так называемым гражданским бракам и рождению внебрачных детей. Продолжает

снижаться роль родителей при принятии решения о браке. Происходит дальнейшая демократизация внутрисемейных отношений.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 147. – 369 л.
2. Лин, Д. Г. Сельское население Беларуси : демографический анализ / Д. Г. Лин, С. Д. Предыбайло. – Гомель : Барк, 2008. – 274 с.
3. Лин, Д. Г. Социальные последствия деформации половозрастной структуры сельского населения Беларуси / Д. Г. Лин // Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Горки, 4–6 окт. 2007 г. / Белорус. гос. сельскохоз. акад. ; редкол. : А. Р. Цыганов (отв. ред.) [и др.]. – Горки, 2007. – С. 120–123.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол. : И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – 449 с.
5. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол. : И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – Т. 1 – 756 с.
6. Авсиевич, М. Т. Современная семья : методологические основы воспитания / М. Т. Авсиевич. – Минск : УП «Бестпринт», 2002. – 126 с.
7. Рожкова, Н. Причины распространения «гражданского брака» в Республике Беларусь / Н. Рожкова // Женщина. Общество. Образование : материалы 12-й Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 окт. 2009 г. / сост. О.В. Шахаб ; редкол. : Л.А. Черепанова [и др.]. – Минск, 2010. – С. 554–556.
8. Смоленко, Е. Д. Создание семьи : моральные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи / Е. Д. Смоленко // Женщина. Общество. Образование : материалы 11-й Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 окт. 2008 г. / сост. О. В. Шахаб ; редкол. : Л. А. Черепанова [и др.]. – Минск : ЖИ «ЭНВИЛА» 2009. – С. 567–570.
9. Тарасевич, А. Роль семьи в воспроизводстве трудового потенциала страны / А. Тарасевич // Женщина. Общество. Образование : материалы 11-й Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 окт. 2008 г. / сост. О. В. Шахаб ; редкол. : Л. А. Черепанова [и др.]. – Минск : ЖИ «ЭНВИЛА», 2009. – С. 576–578.
10. Население Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол. : Е. И. Кухаревич [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2012. – 474 с.

11. Беляева, Я. В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Я. В. Беляева ; ННОУ «Московский гуманитарный университет». – М., 2008. – 16 с.
12. Гаврилюк, В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенный подход) / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 96–105.

Irina Romanenko. Traditions and innovations in marriage and family sphere of life of the rural population of the Belarusian-Russian borderland

This article explores the traditions and innovations in the field of marriage and family life of the rural population of the Belarusian-Russian borderlands. We consider questions such as marital and reproductive behavior, the problem of distribution of functions and roles in rural families. The author concludes that, traditionally among the villagers is dominated by positive reproductive attitudes, traditional attitudes towards the roles and responsibilities in the family, transformed relation to the "civil marriage", the birth of children outside marriage, reduced the role of parents in making decisions about marriage, there is the further democratization family relations.

УДК 391(11)

М. А. МІХАЙЛЕЦ

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»)

**КАСЦЮМ ПОЛЬСКОЙ ЭТНІЧНОЙ ГРУПЫ БЕЛАРУСІ
XIX – XX СТАГОДДЗЯЎ**

У артыкуле аналізуюцца этнічныя асаблівасці касцюма польскай этнічнай групы ў Беларусі ў XIX – XX стагоддзях. Робіцца выснова, што асноўныя рысы касцюма палякаў галоўным чынам, супадалі з характарыстыкамі касцюма дваранства.

Адзенне ўяўляе сабой штучныя пакровы цела чалавека [1, с. 103]. Галоўнае прызначэнне адзення – гэта ахова цела ад неспрыяльных знешніх умоў. Акрамя гэтага адзенне амаль заўсёды выконвае сігніфікатыўныя, а часам і абрадавыя функцыі.

Мэта артыкула – разгледзіць характэрныя асаблівасці касцюма польскай этнічнай групы Беларусі XIX – пачатку XX ст.

У касцюме XIX – пачатку XX ст. этнічныя традыцыі польскай этнічнай групы Беларусі захаваліся ў найбольшай ступені. У значнай

меры касцюм палякаў у Беларусі быў ідэнтычны касцюму шляхты і заўсёды адрозніваўся ад касцюма беларускага селяніна.

Польскія сяляне насілі кашулю з выразам на грудзях, якая зашпільвалася каля каўняра на гузік, і так званы літоўскі паўкафтан (літоўку) з прамым каўняром і каляровым адваротам, розныя віды верхняй вопраткі: «капоты» з дамаатканага ці фабрычнага сукна з жоўтымі металічнымі гузікамі, сурдуды да пятаў, часам і шубы з аўчыны, пакрытыя сукном. Некаторыя фарбавалі сукно для верхняй вопраткі ў чорны ці сіні колер, але большасць выкарытоўвала шэрае сукно. Па швах верхняй вопраткі нашывалі белыя ці чорныя стужкі. Мужчыны падпарэзваліся шырокім скураным поясам, які зашпільваўся на спражку з луджанага жалеза. На галаве мужчыны насілі канфедэраткі – чатырохвугольныя (рагатыя) шапкі з шэрай, чорнай ці сіняй аўчыны з суконным верхам і кутасікам на снурку, а на пачатку ХХ ст. – шэрыя ці чорныя суконныя картузы, шыю падвязвалі хусткай. Бараду галілі цалкам, затое пакідалі доўгія вусы.

Абуткам служылі боты, чаравікі, а часам і скураныя лапці. Мужчыны, у адрозненне ад сялян-беларусаў, абавязкова запраўлялі штаны ў боты.

У якасці святочнага, параднага адзення на пачатку ХІХ ст. яшчэ часам выкарыстоўваліся жупан і кунтуш: *«Пратазы апранацца стаў у падарожжа, / Ды не ўскладае кунтуша ані жупана – / Адзежа гэта на пару судоў схавана. / Ён для дарогі мае іншае адзенне: / Шырокія райтузы, куртку на калені, / Якой на гузіках падшпільваюцца полы / Або спускаюцца. Таксама могуць долу / Спускацца ўверх падвязаныя шапкі вушы. / Апануты так, з палкай пехатою рушыў»* [2, с. 254].

Сярод польскага насельніцтва Панямоння ўжо ў канцы ХІХ ст. у якасці святочнага быў распаўсюджаны гарадскім касцюм: пінжак, штаны, кашуля, гальштук, капялюш. Папулярнымі былі штаны-брыджы. На ногі абувалі чаравікі, шнураваныя боты [3, с. 549–551].

Комплекс жаночага касцюма складаўся, як і ў беларусаў, з кашулі, спадніцы, фартуха і карсэта. Пры гэтым крой адзення заўсёды адрозніваўся ад кроя адзення беларускіх сялян. Вось як пра гэта пісаў Адам Міцкевіч: *«... Некалі бывала / Дабрынскіх шмат на лёгкім хлебе працавала / У войску ці ў паноў вялікіх у палацах, / А зараз мусяць самі аб сабе старацца / І працаваць, як простыя сяляне з вёскі. / Сярмяг не носяць, а капоты ў палоскі, / А святам кунтушы. У бедных на'т шляхцянак / Адзежа розніца ад вопраткі сялянак: / Яны ўсе ў крамных ходзяць блузах і спаднічках, / Кароў пасуць не ў лапцях, але ў чаравічках / І збожжа жнуць, а на'т прадуць у рукавічках»* [2, с. 260].

Э. Ажэшка таксама піша аб тым, што падчас жніва дзяўчыны-

шляхцянкі апраналі пальчаткі і новыя кафтаны ў кветкі, а парні – белыя кашулі, цёмныя штаны і старанна начышчаныя боты [4, с. 163].

Верагодна, першапачаткова сярод польскага насельніцтва Беларусі была распаўсюджана кашуля тунікападобнага крою без каўняра. К сярэдзіне XIX ст. тунікападобная кашуля зрабілася ўжо паўсядзённай ніжняй бялізнай, а ёй на змену прыходзіць кашуля «на гэстцы», калі асноўны матэрыял – «станіна» – прышываўся зверху да нешырокай какеткі-гэсткі. Палатно станіны пры сшыўні з гэсткай збіралася ў зборкі спераду і ззаду, а часам толькі спераду. На плячах гэстка ці перагібалася, ці мела плечавыя швы. Такая кашуля або не мела каўняра, або мела шырокі адкладны каўнер і часцей за ўсё не арнаментавалася.

Напрыклад, у «гурсавай» кашулі шляхцянкі в. Перадолы Глубокскага раёна Віцебскай вобласці да стану зверху прышывалася планка шырынёй у два пальцы, а да яе – шырокія планкі («пагоны») на плечы. Вакол каўняра ўтваралася чатырохвугольнае «карэ» [5, л. 8].

Пазней і кашуля «на гэстцы» пераходзіць з разраду святочнага адзення ў разрад нацельнай бялізны, уступае сваё месца разнастайным блузкам. У выніку кашуля трансфармавалася ў ніжнюю сарочку: у яе паменьшылася шырыня стану, звужыліся і ўкараціліся рукавы, знік каўнер. Пазней рукавы наогул зніклі.

У сярэдзіне XIX ст. у касцюм увайшла блузка («кохта», «блюзка»), якую шылі з фабрычнай тканіны. Спачатку блузка з'яўлялася элементам святочнага касцюма, а затым перайшла і ў паўсядзённы. Блізкім да блузкі адзеннем быў кафтан («каптанік») – даўжэйшы за блузку, з доўгімі рукавамі, спераду зашпільваўся на гузікі. Яго шылі з фабрычнага сукна цёмнай афарбоўкі (сінія, чорныя, фіялетаваыя, бардовыя). Упрыгожвалі яго тонкімі карункамі, палоскамі тканіны або аксаміту кантрастных колераў, нашытых вакол выраза гарлавіны, па рукавах, планцы, па ніжнім краі.

У комплекс жаночага касцюма ўваходзілі спадніцы («андаракі» – з некалькіх прамавугольных кавалкаў тканіны (полак) і уласна «спадніцы» – з трапецападобных дэталей (кліноў). Яны мелі разнастайныя віды крою і малюнкі тканіны.

Фартух з'яўляўся элементам паўсядзённага касцюма, а на святы, асабліва ў касцёл не апранаўся [3, с. 563–577].

Сярод польскага насельніцтва хутка распаўсюдзілася мода на сукенкі. Ужо Э. Ажэшка ў 1880-я гг. лічыць сукенку асноўным відам жаночага адзення. Шылі іх з тонкага фабрычнага сукна самых разнастайных афарбовак, пры гэтым каляровая гама змянялася ад светлых да цёмных таноў у залежнасці ад узросту: старэйшыя насілі пераважна цёмныя, а маладыя – светлыя, яскравыя. Зверху апраналі

сінія, доўгія да кален кафтаны са складкамі ззаду, упрыгожаныя металічнымі гузікамі. У святочныя дні апраналі таксама гарсэты без рукавоў («лейбік», «кітлік»), а на іх яшчэ палатняную хустку, вышытую па краях чырвоным. З клятчастымі спадніцамі насілі кофты, звычайна вельмі яркіх афарбовак [4, с. 10, 101, 160, 164, 166].

Старажытнай верхняй вопраткай з'яўляўся кажух, першапачаткова даўжынёй да пятаў, а з канца XIX ст. – укарачоны. У другой палове XIX ст. распаўсюджанне атрымалі «бякешы», падшытыя футрам (белай аўчынай) з блакітнымі або сінімі лацканамі.

Верхняй вопраткай ужо ў 80-я гг. XIX ст. служылі таксама курткі («курта»), пашытыя пераважна з сукна, зрэдку з палатна, фабрычнай тканіны. Яны былі як без падкладкі, так і з падкладкай з кудзелі (лён, поўсць, вата). Куртка зашпільвалася на гузікі, мела адкладны каўнер і прарэзаныя або накладныя кішэні. Палякі выкарыстоўвалі таксама зімовую верхнюю вопратку на футравай падкладцы накшталт паліто («алігеркі»). Верх яе звычайна рабілі з тонкага крамнага сукна і падшывалі розным футрам. Звычайна іх шылі прыталенымі, са складкамі, футравым каўняром. Такая вопратка з'яўлялася святочнай [3, с. 581–585].

Абуткам служылі высокія чаравікі на шнураўцы. Для ўрачыстых выпадкаў, напрыклад, для нядзельнага наведвання касцёла, мелася асаблівая пара абутку, якую часта абувалі толькі перад самым храмам, а да гэтага неслі ў руках.

Паўсядзённым абуткам часцей за ўсё служылі ці скураныя лапці («пасталы», «хадакі»), ці скураныя або палатняныя абутак на драўлянай падэшве («абіякі», «клумбы»). Падэшву для абіякаў рабілі з дубу, асіны, бярозы. Выразалі даволі высокую калодку па памеры нагі, спераду падэшву закруглялі, рабілі нешта падобнае на абцас. Зверху аббівалі скурай, замацаванай цвічкамі. У цэлым абіякі мелі шмат варыянтаў і эвалюцыянавалі ў бок большай лёгкасці і элігантнасці да 1950-х гг., калі былі канчаткова выцеснены абуткам фабрычнай вытворчасці.

Асноўнай дзявочай прычоскай былі косы, адна альбо дзве. У косы ўпляталі рознакаляровыя стужкі. Абавязковым галаўным уборам замужняй жанчыны здаўна быў чапец. Замужнія жанчыны звычайна раздзялялі валасы на прамы прабор, запляталі ў касу ці звівалі ў жгут, закручвалі на палітыцы і замацоўвалі шпількамі ці грэбнем, а потым накрывалі хусткай. Замужнія жанчыны звычайна раздзялялі валасы на прамы прабор, запляталі ў касу ці звівалі ў жгут, закручвалі на патыліцы і замацоўвалі шпількамі ці грэбнем, а потым накрывалі хусткай. Найбольш распаўсюджаная назва такой прычоскі – «кукла». У 1920–1930-я гг. у моду увайшла прычоска «каробачка» – валасы,

падзеленыя на прамы прабор, запляталі ў дзве касы, якія перапляталі паміж сабой, мяняя месцамі, некалькі разоў, у залежнасці ад даўжыні. Канец кожнай касы замацоўвалі стужкамі. Атрымліваўся акуратны паўкруг з некалькіх косаў, пакладзеных ззаду, якія часткова закрывалі шыю. У 1930-я гг. распаўсюдзілася таксама ўкладванне валасоў на «валак» – дзве стужкі мяккага дроту абцягвалі тканінай, а па сярэдзіне пакідалі доўгую вузкую шчыліну. Канец расчасаных валасоў устаўлялі паміж дротам і паступова закручвалі. Усе кончыкі валасоў хавалі, а потым злучалі і замацоўвалі канцы «валка». Галаву пакрывалі хусткай [4, с. 101, 103; 3, с. 590–594].

Традыцыйным жаночым галаўным уборам з’яўляўся чапец, які з часоў сярэднявечча з’яўляўся неад’емнай прыналежнасцю касцюма замужняй жанчыны. Ён з’яўляўся абавязковым элементам вясельнага касцюма, з ім быў звязаны рытуал «ачапіны», што выконваўся падчас вясельнага абрада. Шылі чапцы з палатна і ўпрыгожвалі карункамі. Яны мелі розны крой, спосабы нашэння і спалучэння з хусткай. Напрыклад, былі чапцы асаблівага крою, з-пад якіх ззаду ў валасах было відаць высокія грэбні. Часам паверх чапца павязвалі хустку [6, с. 87].

К канцу XIX ст. чапцы насілі ўжо толькі сталыя жанчыны, на змену яму прыйшла хустка. Хусткі шылі з самага рознага матэрыялу і рознай афарбоўкі. Абавязковай часткай гардэроба жанчын з’яўляўся вялікая цёплая хустка, пашытая з рознага матэрыяла. Такая хустка мела розныя назвы і замяняла жанчынам уцепленае адзенне. З канца XIX ст. усе святочныя хусткі былі фабрычнай вытворчасці. У нашэнні хусткі праявілася яшчэ адна этнакультурная асаблівасць – польскія жанчыны завязвалі хусткі канцамі заду. У касцёл часам апраналі карункавую шаль. У 1920–30-я гг. сярод моладзі распаўсюджанне атрымалі капялюшыкі і берэты, хустка ж заставалася галаўным уборам пераважна сталых жанчын. Дзяўчынкі і дзяўчаты не апраналі ні чапцоў, ні хустак, а завівалі косы.

Сярод жаночых упрыгожванняў асабліва вылучаюцца завушніцы. Полькі-шляхцянкі насілі іх з самага малодшага ўзросту, што не было прынята ў беларускіх сялян. Увогуле шляхцянкі імкнуліся максімальна адрознівацца ад беларускіх сялянак, у тым ліку ва ўпрыгожваннях, таму яны заўсёды куплялі асаблівыя іх віды [7, с. 606].

Адзенне для набажэнстваў шылася з фабрычнай тканіны па ўзору гарадскога касцюма і з’яўлялася вялікай сямейнай каштоўнасцю, часта перадавалася па спадчыне. У храм апраналі доўгую сукенку ці спадніцу з блузкай, галаву павязвалі хусткай ці шаллю, упрыгожванні выкарыстоўвалі ўмерана. У халоднае надвор’е апраналі паліто, цёплую хустку, пазней – берэт, рукі хавалі ў муфту.

Тое, што апраналі ў касцёл, не насілі ў іншыя дні.

Сярод святочнага адзення вылучаецца дзіцячы касцюм для першай камуніі. На пачатку XX ст. на гэты дзень хлопчыкам шылі новую кашулю, часам упрыгожаную вышыўкай, штаны, пінжачок. Дзяўчаты апраналі светлую сукенку, рабілі акуратную прычоску, завязвалі стужачкі, апраналі вянок з жывых або штучных кветак, часам прымацоўвалі вэлюм. У руках дзеці трымалі букецік кветак або мірта. У апошнія гады гэтая традыцыя адрадзілася з яшчэ большай пышнасцю. Сучасныя касцюмы дзяцей для першай камуніі нагадваюць вясельныя. Хлопчыкі апранаюцца ў строгія гарнітуры, белыя кашулі з гальштукам ці бабачкай, дзяўчынкі – ва ўсё белае: сукенку, чаравічкі, стужкі, вяночкі з вэлюмам. У якасці дадатковых акэсуараў выступаюць капялюшыкі, пальчаткі, сумачкі. На працягу наступнага тыдня прынята, каб дзеці наведвалі касцёл і прымалі камунію ў тым жа касцюме.

На пачатку XX ст. вясельны касцюм маладой складаўся, як правіла, з доўгай спадніцы са светай блузкай ці сукенкі, упрыгожаных галінкамі мірта, папараці (па ніжнім краі сукенкі, на поясе, на грудзях). Вясельны вянок рабілі са штучных кветак, упрыгожвалі зелянінай. Абутак замаўлялі ў самых лепшых майстроў. Галаўны ўбор маладой складаўся з вэлюма («вэлён») і вясельнага вянка.

На вяселле маладыя імкнуліся замовіць ці набыць залатыя ці хаця б сярэбраныя заручальныя пярсцёнкі. Часам іх вытворчасцю займаліся мясцовыя майстры, якія рабілі іх з манет.

Паўсядзённае адзенне мазураў ў сярэдзіне XIX ст. складалася з кашулі, часцей за ўсё выпушчанай паверх нагавіц, якую падпярэзвалі чорным або каляровым поясам. Зверху апраналі світу ці кафтан з шэрага сукна гарадскога крою. Жанчыны насілі стракатае паркалёвае адзенне гарадскога крою, галаву павязвалі хусткай. Абуваліся ў лапці [8, с. 32; 9, с. 64].

Такім чынам, касцюм як этнічны і сацыяльны маркер польскага насельніцтва Беларусі страціў сваю сімвалічную роль на пачатку XIX ст., хаця захаваў некаторыя традыцыйныя рысы аж да канца 1930 – пачатку 1940 гг. У цяперашні час асобныя рысы народнага касцюма палякаў Беларусі захоўваюцца ў святочным (асабліва звязаным з рэлігійнымі святамі) касцюме: сукенкі, вяночкі. У той жа час сярод фальклорных калектываў распаўджанне атрымалі народныя касцюмы, характэрныя для тэрыторыі Польшчы, якія ў мінулым не былі характэрныя для польскага насельніцтва Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц і лitarатуры

1. Свод этнографических понятий и требований: Материальная культура / Ин-т этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Арутюнов С.А. – М.: Наука, 1989. – 222 с.
2. Міцкевіч, А. Пан Тадэвуш, або апошні наезд у Літве / А. Міцкевіч // уклад. У. Гілепа і інш.; агул. рэд. Я. Янушкевіча; пер. на бел. мову П. Бітэля; пер. а рус. мову С. Мар (Аксёнавай). – Мінск : Бел. фонд культуры, 1998. – 879 с.
3. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т.3. Гродзенскае Панямонне. У 2 кн. Кн.2 / А.М. Боганева [і інш.] ; агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 736 с.
4. Ожешко, Э. Над Неманом / Э. Ожешко. – Минск : Нар. асвета, 1986. – 383 с.
5. Добрушскі раён Гомельскай вобласці. Запісы ліпеня – жніўня 2004 г. Гомельскі раён, г. Гомель Гомельскай вобласці. Запісы снежня 2004 г. Бабруйскі раён Магілёўскай вобласці. Запісы 13–15.01.2005. Запісаў Дз. Г. Канаплянікаў // Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Фонд № 6. – Спр. № 14. – Адзінка захавання № 118.
6. Беларускае народнае адзенне / Л. А. Малчанова [і інш.]; пад аг. рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 96 с.
7. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 1. / А. С. Дембовецкий. – Могилев, 1882. – 782 с.
8. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu. Wydana przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań: U Walentego Stefańskiego, 1839. – 73 s.
9. Kolberg, O. Dzieła wszystkie. – T. 52. Białoruś – Polesie / O. Kolberg. – Wrocław etc. : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1968. – 574 s.

Mikhail Mikhailets. Costume of the Polish Ethnic Group in Belarus from XIX to XX centuries

Ethnical features of the costume of the Polish Ethnic Group in Belarus from XIX to XX centuries are analysed in the article. It concludes that this features mainly coincided with the characteristics of the gentry's costume.

УДК 39(=161.3)(470.26)

Н. С. БУНКЕВИЧ

(Минск, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»)

**К ВОПРОСУ РАССЕЛЕНИЯ БЕЛОРУСОВ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(СЕРЕДИНА XX ВЕКА – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

Статья посвящена белорусам Калининградской области. Изучены особенности их расселения, миграции. Приводятся биографические данные о переселенцах. Рассмотрен вопрос идентичности белорусов в Калининградской области.

В современном обществе актуальность разносторонних исследований миграционных процессов неоспорима. Такая деятельность направлена, прежде всего, на предупреждение межнациональных конфликтов в обществе, позволяет раскрыть механизмы адаптации переселенцев в новых условиях, выявить потенциал диаспор для совместного сотрудничества с представителями, которые проживают на своей этнической территории. В начале XXI в. данная тематика попала в сферу внимания этнологов, которые стали целенаправленно изучать этнокультурные особенности белорусов за пределами Республики Беларусь. Наиболее изучено в этом плане население сопредельных территорий Российской Федерации. На постсоветском пространстве одной из многочисленных является белорусская диаспора, которая функционирует в Калининградской области Российской Федерации. Для её научного изучения с 2014 г. сотрудниками отдела народоведения ГНУ «Центр исследования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» работают над отдельным проектом научных исследований «Белорусская диаспора : белорусы Калининградской области». Одной из задач данного проекта является изучение миграционных потоков белорусов, истории их расселения в Калининградской области (середина XX – начало XXI вв.).

Обратимся к истории миграционных процессов на территории Калининградской области. После окончания Второй мировой войны в отдельных регионах СССР возник дефицит в трудовых ресурсах, которые были необходимы для восстановления хозяйства. Чтобы восполнить этот пробел целенаправленно проводились массовые

переселения коренных жителей из других областей страны. Необходимость привлечения новых трудовых ресурсов в Калининградскую область возникла из-за полной депортации немцев, которые ранее там проживали. Среди основных причин, из-за которых люди покинули родные места и приехали в Восточную Пруссию можно назвать: демобилизацию из Советской Армии, распределение после окончания учебных заведений, направление по путевке ЦК либо по направлению министерства, по собственному желанию. При этом переселенцам были обещаны подъемные и льготы. Семьи коренных жителей Беларуси также массово переселялись в Калининградскую область.

Согласно сохранившимся документам в Национальном историческом архиве Республики Беларусь (обобщены и подготовлены к публикации В. П. Матеюком) к переселению в Калининградскую область подлежали семьи сельчан, среди которых была значительная доля нетрудоспособных. Кроме этого большинство из трудоспособных лиц не владели никакой специальностью, что следует из документации по переселению [1, 2]. Из Протокола заседания комиссии Руденского райсполкома Минской области об утверждении состава семей колхозников, переселяющихся в Калининградскую область: «... Слушали: заявления колхозников Руденского района, изъявивших желание переселиться в Калининградскую область в соответствии с постановлением исполкома Минского областного Совета депутатов трудящихся и обкома КП(б) Белоруссии от 25 июля 1946 г. № 1443. Постановили: допустить к переселению 72 семейства колхозников, в том числе: председателей колхозов – 1, бухгалтеров колхозов – 1, счетоводов колхоза – 2, заведующих животноводческими фермами – 2, трактористов – 1, комбайнеров – 1, бригадиров – 1, сапожников – 1, шоферов – 1, печников, штукатуров – 1, садовников-огородников – 1. Просить исполком Минского областного Совета депутатов трудящихся утвердить данный протокол» [2, с. 36–37].

Для организованных переселенцев устраивались торжественные проводы. И. В. Поборцева (белоруска из Могилевской области): «В районном центре был митинг. Все говорили очень хорошо. Когда стали уезжать, заиграл оркестр. Как нас тепло провожали, с цветами. Ну прям как на подвиг!» [3, с. 37].

В Восточной Пруссии после отселения мирного населения (немцев) остались дома, вещи, предметы быта их прежних хозяев, которые были бесхозными до приезда переселенцев из СССР. Для сбережения имущества от мародеров привлекались служащие в рядах

Советской Армии. Одним из них был опрошенный нами в декабре 2014 г. местный житель г. Миоры Витебской области. Он утверждал, что в местах заселения были случаи порчи имущества уже самими вновь прибывшими белорусами на новое место жительства.

При переселении людей не были учтены все моменты их транспортировки, также у новоселов возникали проблемы при обустройстве на новом месте жительства. Об этом свидетельствуют примеры, приведенные в книге «Восточная Пруссия глазами переселенцев», которые также были не единичными и среди выходцев из Беларуси. И. В. Поборцева (белоруска из Могилевской области) : «Дали-то, смех да грех, буханку черного, буханку белого хлеба да одну банку сгущеного молока на человека. Так вот и перебивались» [3, с. 37]. «В январе из БССР приехало 800 колхозников. Двое суток они просидели на ст. Черняховск без горячей пищи, хотя руководители облторга и Черняховского торговдела были предупреждены об их приезде за 4 дня. До сих пор многие колхозники-переселенцы не могут купить соли, керосина и других товаров первой необходимости (из газеты «Калининградская правда» от 1 февраля 1947 г.)». [3, с. 47]. М. С. Стайнова (белоруска из Могилевской области) : «Выделенная нам в Калининграде на улице Печатной квартира была грязная. Чтобы отмыть пол, мы поливали ее кипятком, а потом отскребали. В квартире не было ни одной целой двери, даже входной. В одном окне не хватало половины стекол...» [3, с. 57]. Некоторые из переселенцев вновь столкнулись с жестоким голодом в послевоенную зиму уже на Калининградской земле. Как вспоминала белоруска из Витебской области З. И. Опенько чтобы выжить, она была вынуждена воровать свеклу из буртов воинской части [3]. Согласно данным статистики, многие семьи возвращались обратно, в родные места. Среди них также были и коренные белорусы. Например, в 1948–1950 гг. из Беларуси в Калининградскую область переселились 29 932 человек. Почти каждый шестой из них, что составляет 5 401 человек, уехали обратно (сведения Ю. В. Костяшова) [4, с. 86].

Для белорусов, приехавших на постоянное жительство в Калининградскую область, было характерно сохранение элементов традиционной для них материальной культуры. Об этом свидетельствуют рассказы самих переселенцев. С. Д. Гущина (белоруска из Гомельской области) : «Наряды на свадьбу были из вышитых самотканок. Самотканое полотно, юбка с оборочками, кофта, жилетка. На выход имели хромовые сапоги. А в рабочие дни ходили в лаптях. У меня на свадьбу было платье штапельное,

голубенькое, красные туфли и фата из марли» [3, с. 68]. При опросе респондентов нами было выявлено, что некоторые потомки белорусов-переселенцев хранят в своих семьях отдельные предметы, которые ранее использовались в семейной обрядности. Однако их название, как и название самого действия у респондентов средних лет вызывает затруднение.

В местах компактного проживания белорусов Калининградской области и ныне в облике жилых построек прослеживаются традиционные элементы белорусского жилища. В честь первых переселенцев в мае 2015 г. в г. Советске Калининградской области был открыт памятник – бронзовые фигуры офицера Великой Отечественной войны с семьей [5].

По данным статистики, максимальная численность белорусов в Калининградской области приходится на 80-е гг. XX в. (рис. 1).

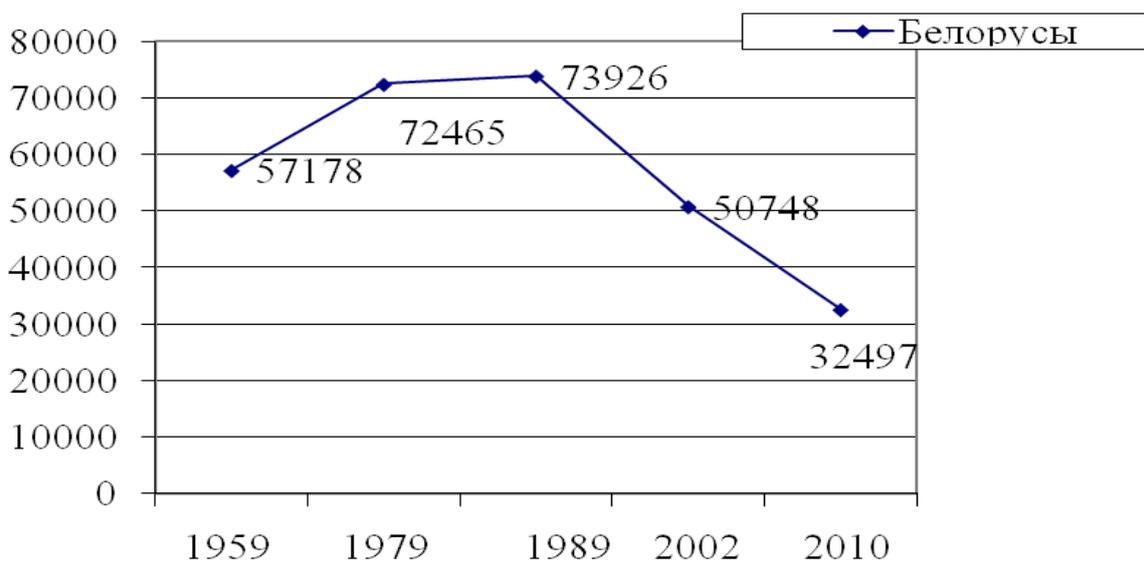

Рисунок 1. Динамика численности белорусов в Калининградской области (по данным переписей 1959–2010 гг.)

На данной территории были сосредоточены военные силы для охраны самого западного рубежа России, и часть из военнослужащих с семьями после увольнения в запас осталась проживать здесь. Быстрая перестройка и коренные преобразования в экономике привели к увольнению тысяч военнослужащих из армии и флота, а так же обусловили значительный рост безработицы, увеличению численности пенсионеров [6, с. 35]. Кроме этого в Калининградской области расположены многочисленные тюрьмы.

Даже по состоянию на 1 января 2014 г., среди отбывающих в них наказания, есть граждане Республики Беларусь [7].

После распада СССР лица, постоянно и длительно проживавшие в Калининградской области, автоматически получали российское гражданство. В эту когорту попало также большинство этнических белорусов и их потомков, ныне живущих в анклав. Переехавшие же сюда уже из суверенного государства – Республики Беларусь – чаще всего не меняли свое гражданство. На его смену людей побуждали веские причины. Прежде всего, это было связано с профессиональной деятельностью вновь прибывших белорусов в Калининградскую область, а не их убеждениями. По законодательству некоторые должности в Российской Федерации могут занимать только граждане данного государства. Это требование выдвигается и является обязательным для кандидатов на выборные должности, также работникам в силовых структурах, тем, кому по долгу службы выдается огнестрельное оружие. Поэтому остальные вновь прибывшие белорусы в Калининградской области чаще всего остаются гражданами Республики Беларусь. Бывают случаи, когда наши соотечественники в анклав приобретали гражданство РФ, не отказываясь от белорусского [8, л. 1–2]. Согласно оценке специалистов в Калининградской области может проживать значительная доля лиц со вторым гражданством. Лишь летом прошлого года вышел закон № 450, обязующий граждан России о наличии у них гражданства другого государства [9].

Согласно переписям населения Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. в Калининградской области произошло резкое сокращение численности белорусов. Это произошло по нескольким причинам, основными из которых, на наш взгляд, являются отток белорусов из Калининградской области в Беларусь после обретения ею суверенитета, а также ассимиляция белорусов в анклав, приведшая к изменению их этнической идентичности. Со временем у некоторых жителей стали подмениваться понятия «гражданство» и «этничность», и белорусы стали записываться русскими, так как проживают в России. Потомки смешанных браков белорусов и русских в Калининградской области вынуждены выбирать только одно значение этнической принадлежности, что также отразилось на результатах переписи населения. В таких семьях по возможности сохраняется память о своих предках и исторической родине. По мнению Е. П. Зимовиной в регионе продолжает развиваться белорусская культура, что проявляется в соблюдении народных традиций, общении с друзьями и родственниками из Беларуси. В значительной мере сохранению и

развитию белорусской культуры в анклав способствует деятельность отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в городе Калининграде и РНКА «Калининградское землячество белорусов» [10]. У белорусов Калининградской области сохраняются некоторые особенности и общие черты их духовной и материальной культуры, которые транслируются новому поколению.

В связи с тем, что в Калининградской области находятся временные работники – граждане Республики Беларусь – местное население приобщается к традиционной белорусской культуре во время отмечаемых праздников командированными. Например, жители п. Мозырь Калининградской области принимали участие в 2014 г. в празднике Купалье. Его организовали в соседнем селе белорусы, прибывшие в командировку на три месяца в Калининградскую область. В сфере культуры также налажены контакты на более высоком уровне. Например, осуществляются поездки творческих коллективов по культурному обмену между Калининградской (п. Мозырь) и Гомельской областями (г. Мозырь).

Таким образом, в Калининградской области возможно возрождение отмечаемых традиционных праздников календарного цикла или включение некоторых белорусских этнических элементов в местах компактного расселения белорусов благодаря временным трудовым мигрантам из Республики Беларусь в Калининградскую область, которые придерживаются данной обрядности, а также благодаря культурному взаимному обмену и укреплению культурных связей между регионами.

Список использованных источников и литературы

1. Организация переселения колхозников и работников совхозов из Белоруссии в Калининградскую область в документах Национального архива Республики Беларусь // Сайт Государственного архива Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gako.name/index.php?publ=267&razd=211>. – Дата доступа : 03.08.2015.
2. Самая западная : сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области : [в 4 вып.] / Сост. В. М. Арнаутович [и др.] ; редкол. : В.С. Исупов (гл. ред.) – Калининград : Кн. изд-во, 1980. – В надзаг. : Архив отд. Калинингр. облисполкома. [Вып.] I. 1946–1952 гг. 1980. – 197 с.
3. Костяшов, Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Гуманитарная наука в России : Соросовские лауреаты. – М. – 1996. – Режим

- доступа : http://www.academia.edu/5087414/Заселение_Калининградской_области_после_Второй_мировой_войны. – Дата доступа : 11.12.2014.
4. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев : Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. – СПб. : Изд-во «Бельведер», 2002. – 272 с.
 5. В Калининградской области открыт памятник первым переселенцам // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.regnum.ru/news/society/1921007.html>. – Дата доступа : 18.09.2015.
 6. Пилясов, А. Н. Калининградская область – препятствия и предпосылки перехода к модели экспортноориентированной экономики / А. Н. Пилясов // Регион сотрудничества. – Вып. 16 (41) – Калининград : Изд-во КГУ. – 2004. – С. 34–54.
 7. В 2014 году иностранных граждан, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Калининградской области, не стало меньше // Официальный сайт УФСИН России по Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.39.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=120029. – Дата доступа : 03.10.2014.
 8. Архив ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси». – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 202.
 9. В Калининградской области могут проживать более 100 тысяч человек, имеющих второе гражданство // Сайт Управления Федеральной Миграционной Службы по Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fms39.ru/index.pl?file=news.pl&sspath=pl&do=news&nwid=200>. – Дата доступа : 03.10.2014.
 10. Зимовина Е. П. Миграции и сохранение этнокультурных традиций / Е. П. Зимовина // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 17 / наук.рэд. А.І. Лакотка ; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 212 – 219.

Natallia Bunkevich. To the question of the resettlement of Belarusians in the Kaliningrad region (the middle of XX – beginning XXI of centuries)

Article is devoted to Belarusians of the Kaliningrad region. Features of their resettlement, migration are studied. It represents biography of the immigrants. The question of identity of Belarusians in the Kaliningrad region is considered.

УДК 392.3 (=161.3)

И. И. КАЛАЧЕВА

(Минск, УО «Белорусский
государственный университет»)

БЕЛОРУСЫ В КАРЕЛИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В 40–90- е ГОДЫ XX ВЕКА

Рассмотрены некоторые тенденции изменений этнокультурных процессов в среде белорусов, которые переселились в Карелию в 40-90 гг. XX века, показаны особенности освоения новой территории в рамках трёх этапов: первый – 1940–1944 гг.; второй – 1946–1950 гг.; третий – 1951–1960 гг.

Исследование изменений этнокультурных процессов в функционировании этносов (этнических групп) – важнейшая задача, которую решает белорусская этнологическая наука. В ситуации, когда актуализированы перемещения больших групп людей, остро стоит вопрос о сохранении черт этнической культуры этих групп, адаптации их к условиям инокультурной среды.

Переселение белорусов в Карелию в XX веке – явление, которое носит не только масштабный временной характер, но и событие, которое влияет на современную этническую историю, на функционирование этноса. Обращение к проблематике диаспор как научной проблеме – явление довольно новое. Одной из первых публикаций о белорусской диаспоре стала книга «Беларуская эміграцыя» (Б. Сачанка, 1991г.). В 90-е г XX в. проблематика нашла отражение в научных публикациях (Беларуская энцыклапедыя, Мінск, 1993-1999 гг.; Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, Мінск, 1993–1999 гг. и др.). Был издан ряд научных работ о белорусах зарубежья, авторами которых стали такие исследователи как В. Снапковский, А. Латышонок, Л. Мирочицкий, А. Тихомиров, С. Падокшин, Г. Сергеева, А. Соболевский, А. Мальдис и др.

Результаты исследований этнокультурных трансформаций нашли отражение в коллективных монографиях отечественных историков, этнографов, общественных деятелей («Беларусы» (т.1–13), «Кто живёт в Беларуси», 2012 г.). В последние годы активизировались совместные проекты белорусских и российских ученых по изучению миграционных процессов, связанных с переселением белорусов в Сибирь, на Урал, Дальний Восток.

Приведенные примеры – свидетельство продвижения научных исследований в решении важнейших задач современности – сохранения целостности этносов, тех его элементов, которые, несмотря на новые условия и вызовы, остаются, в основном, стабильными.

Для освещения данной проблемы нами выделен период 40–90-е годы XX в., что обусловлено важнейшими событиями этого периода, а именно, наиболее масштабными перемещениями больших групп белорусов. Следует отметить, что российские ученые исследовали проблематику «Белорусы в Карелии» более глубоко, ими подготовлены и изданы работы, в которых рассмотрены этнодемографические и этнокультурные параметры портрета белорусов, изменения в семейно-брачном поведении, черты использования национальных традиций и обрядовых элементов в быту и др.

Это работы ряда российских авторов В. Йоцюса, А. Костерова, Е. Смирновой, Л. Геращенко, Л. Вавулинской, О. Кулагина и других. Масштабным проектом в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии Наук СССР стал проект социологического опроса, проведенного в 1979 г. Белорусские исследователи П. В. Терешкович, И. Н. Романова, И. С. Маховская участвовали в подготовке совместного сборника «Устная история в Карелии: Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-х гг.» (2008 г.).

Обратимся к важным понятиям излагаемой темы к таким как «процесс», «этнокультурный процесс», «диаспора», «национальные меньшинства», «адаптация».

«Процесс» (лат. *processus* – происхождение, продвижение) – это постепенная смена состояний или явлений в развитии чего-либо; совокупность последовательных действий, которые направлены на достижение результатов. В отношении понятия «этнокультурный процесс» мы рассмотрим такие явления, которые позволят зафиксировать основные изменения и особенности белорусов как этнической группы, находящейся на другой территории. К таким явлениям будут отнесены явления духовной жизни, материальные ценности, способы презентации в среде проживания (нравы, этикет, правила поведения).

«Диаспора» – часть этноса (этническая группа), оказавшаяся на другой территории проживания по разным причинам, экономического, политического характера, часто на добровольных основаниях. Уместно с понятием «диаспора», дать определение понятию «национальные меньшинства». Опираясь на мнение Пилипенко М. Ф., уточним сущность понятия. Термины

«меньшинство, большинство» имеют преимущественно политическое значение и используются именно в политической лексике. Уместнее говорить об этнических группах, которые проживают на других территориях, вне материнского этноса [6, с. 6]. «Адаптация» – это процесс привыкания человека к чему-то новому (образу жизни, традициям, табу); способность построить свою жизнь таким образом, чтобы сохранить основные черты собственной культуры, при этом использовать культурные черты среды проживания наиболее оптимально.

Почему белорусы стали переселяться в Карелию, что явилось движущей силой, заставившей их мигрировать в столь далекий край? Оценивая ситуацию, сложившуюся в послевоенное время, следует отметить, что побудительными мотивами стали экономические интересы, бедность и т.п.

Наибольший размах миграция приобрела в 50-е годы XX в., особенно в первой половине, что было обусловлено важнейшими историческими событиями. В результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг. к СССР отошел карельский перешеек и Северное Приладожье. Изменение государственных границ СССР – важный фактор трансформаций, которые касаются всех сторон жителей данного региона.

В 1940 г. был издан Закон «О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику (КФСР)». Впоследствии республика была преобразована в Карельскую АССР и ей придан статус автономной республики в составе РСФСР.

В этот период – 1940–1950-е гг. – Карелия являлась достаточно отсталым регионом, где не было развитых промышленных производств. А меж тем эта территория – богатейшая по своим природным ресурсам. Поэтому встала задача – освоить эти земли и для этого привлечь людей, которые смогли бы здесь жить и работать.

Титульной нацией республики являлись финно-угорские народы – карелы, финны и вепсы, однако, на деле они составляли около 30 процентов населения. Остальные 70 процентов жителей были русскими, украинцами, белорусами.

Проблема переселения на данную территорию и освоение её ресурсов стала приоритетным направлением государственной миграционной политики. В 1946–1948 годах прирост составлял 22–35 тыс. человек в год, т. е. 8–12%. В 1950–1954 годах – 23–41 тыс. человек (4–8%) [5, с. 19].

Очевидные результаты данной политики выражались не только в численном составе жителей территории, но и в их этнической характеристике. Значительная часть людей прибывала из Украины, Беларуси. Основным видом их трудовой занятости становились лесозаготовительные работы. В это время наблюдаются процессы расселения белорусов по всей территории Карелии, но в некоторых лесных поселках преобладающей этнической группой становятся именно белорусы.

По данным статистических опросов, в конце 50-х годов в Карелии проживало около 80% всего сельского белорусского населения Карелии. В целом, в 1959 году численность белорусов составила 71,9 тыс. человек (11% в населении), в 1970 году – 9,3% , в 1979 – 8,1 %, в 1989 г. – 7,0% [4, с. 15].

Миграция украинцев не была столь масштабна, как белорусов. Последний заметный приток украинцев пришелся на 80-е годы и был связан с заселением Костомукши – самого молодого города Карелии (численность украинцев составила 28 тыс. человек).

Обобщая исследования российских ученых, обращаясь к публикациям В. Н. Бирина, Л. И. Вавулинской отметим, что в послевоенное время сложившимися этнокультурными формированиям следует считать шесть основных этнических групп: русских, карел, белорусов, украинцев, финнов и вепсов. С 1959 по 1989 годы общая численность карелов, вепсов и финнов уменьшилась на 17 тыс. человек, а доля этих национальностей снизилась с 18,5% до 13,1%. В то же время доля русских, белорусов и украинцев увеличилась с 78% до 85% [1, с. 90–98; 3, с. 24–27].

Начиная с 1992 года население Карелии постоянно сокращается. Основной причиной является естественная убыль населения, обусловленная низким уровнем рождаемости и высокой смертностью.

В конце XX века заявили о себе новые диаспоры (из Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Молдавии). Одновременно Карелию покинула значительная часть русских, белорусов, украинцев, татар и особенно финнов. Но в целом миграция 90-х г. практически не повлияла на сложившийся в середине века этнический состав населения.

Обобщая вышесказанное, отметим, что процессы переселения белорусов в Карелию в 1940–1960 гг. можно охарактеризовать в рамках трёх основных этапов (условно): первый – 1940–1944 гг.; второй – 1946–1950 гг.; третий – 1951–1960 гг. В качестве критерия выделения данных этапов определены основные события, связанные с организационными мероприятиями и статистическими данными, оказавшими существенное влияние на

этнокультурную «картину» Карелии.

Первый этап – 1940–1944 гг. можно условно назвать началом миграции белорусов в Карелию, потому что именно в это время происходили активные перемещения людей, что соответствовало задачам, которые решались оргкомитетами по набору. В 1946 г. при Совете Министров БССР был создан Отдел по делам переселения и репатриации при Совете Министров БССР, который в 1950 г. был преобразован в Управление по переселению. В 1954 г. оно было переименовано в Главное Управление по переселению и организованному набору рабочих (ГУПОНР). Отделы по переселению и организованному набору рабочих были также созданы во всех облисполкомах и Минском горисполкоме.

В этот период проводилась агитационно-пропагандистская работа, направленная на разъяснение целей и задач переселения. Средства массовой информации только положительно характеризовали трудовые, социально-бытовые условия жизни переселенцев, внимательное отношение партийно-советских органов к их повседневным нуждам. В массовое сознание внедрялись идеи о важности вклада в развитие новых территорий, о той роли, который может внести каждый житель страны.

Второй этап – 1946–1950 гг. может быть назван как стабильный этап переселенческой политики. Частыми были случаи, когда белорусы ехали в Карелию целыми колхозами, бригадами, группами семей. Чаще всего это были уроженцы Барановичской, Гомельской, Гродненской, Могилевской и Молодечненской областей. Существовала практика, когда за выходцами из разных областей "закреплялся" свой район вселения. В 50-е годы белорусы расселились по всей территории республики, во всех ее районах сформировалась белорусская диаспора. Несмотря на то, что переселенцы испытывали ряд трудностей, касающихся проживания, лечения, материального обеспечения, оплаты труда, сурового северного климата, все же можно считать, что задачи по регулированию процессов переселения, в основном, выполнялись.

Третий этап – 1951–1960 гг. можно охарактеризовать как период снижения потоков переселенцев. В этот период наблюдались новые тенденции: многие белорусы возвращались на родину, в связи с улучшением социально-экономического положения БССР. Бирин В. Н. отмечал, что в начале 1960-х гг. лесозаготовки пошли на убыль, условия жизни в лесных поселках Карелии ухудшились, а в Белоруссии, напротив, улучшились. Многие белорусы стали возвращаться на родину, что вело к снижению их численности В

1970 г. она сократилась до 66,4 тыс. человек (9,3%), в 1979 г. – до 59,4 тыс. (8,1%), в 1989 г. – до 55,5 тыс. (7,0%)% [1, с. 90–98; 2, с. 300–301].

В этнодемографической характеристике населения Карелии белорусы представляли самую молодую возрастную когорту жителей. В 1959 г. их средний возраст составлял 24,3 года (23,4 у мужчин и 25,3 у женщин). Заметно выделялись люди молодого трудоспособного возраста, однако, в течение 1960-х – 1980-х гг. ситуация изменилась: белорусы заметно постарели. В 1989 г. их средний возраст составлял 40,4 года (38,4 у мужчин и 42,3 у женщин).

В возрастной структуре белорусов, населявших Карелию в конце 1980-х гг. четко просматриваются два уровня: родители в возрасте 50–59 лет и их дети, в возрасте 25–34 года, родившиеся в Карелии в 1955–1964 гг. Поколение внуков из-за снижения рождаемости и ассимиляции крайне малочисленно.

Семейно-брачные отношения белорусов формировались с учётом среды проживания. В 1950-е годы белорусы активно вступали в брак с представителями не своей национальности. В конце 1980-х гг. таковыми были каждые девять браков из десяти. Большинство таких браков (70%) заключалось с русскими, второе место стабильно занимают браки с карелами (12%). Наиболее типичной у белорусов всегда была нуклеарная семья, состоящая из супругов с детьми. В 1950-е годы такие семьи имели трех-четырёх, а нередко и пять детей, в 1980-е годы – количество детей снизилось до одного-двух.

Важной чертой функционирования этнокультурных процессов, которые происходили в среде белорусов Карелии, является использование белорусского языка. Если в 1959 г. 64% признали родным язык своей национальности, то в 1989 г. – только 29%; в 1989 г. в возрасте 60 лет и старше родной язык и национальность совпали у 58%, а у детей до 14 лет – всего у 5%.

Согласно данным этносоциологического исследования 1979 г., почти у половины сельских белорусов Карелии имелись записи национальной музыки, на праздниках и семейных торжествах нередко пелись белорусские песни (как народные, так и профессиональных композиторов). В 37% белорусских семей сохранялись традиции национального шитья, в каждой четвертой – вязания. 77% семей несколько раз в месяц готовили блюда национальной кухни и т.д. [1, с. 90–98].

В 1980–1990-е годы, по мнению российских исследователей, когда возможности воспроизводства, сохранения и передачи от поколения к поколению традиций в условиях иноэтнического окружения оказались сильно ограничены, процесс утраты

культурной специфики приобрел черты устойчивого явления.

Однако, в последнее время, учитывая новый подъем национального самосознания в Беларуси, на родине, наблюдается интерес к национальным корням, к истории рода, семьи, что находит отклик и у белорусов Карелии. Усиливает эту тенденцию в укреплении потенциала белорусского этноса и стабильная государственная политика в отношении белорусов зарубежья.

Список использованных источников и литературы

1. Бирин, В. Н. Белорусы в Карелии / В. Н. Бирин, // Известия Академии Наук Беларуси. – 1992. – №1. – С.90–98.
2. Бирин, В. Н. Этнодемографическая ситуация в Республике Карелия / В. Н. Бирин // Карелия. Энциклопедия : в 3 т. / Т.3. – Петрозаводск : ПетроПресс, 2011. – с. 300–301.
3. Вавулинская, Л. И. Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) / Л. И. Вавулинская // Историческая демография. Научный журнал. – 2011. – № 2 (8). –М.-Сыктывкар, 2011. – С. 24–27.
4. Клементьев Е. И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980 гг. / Е. И. Клементьев, А. А.Кожанов // Историко-социологические очерки. – Петрозаводск. – 2000. – С.23–24.
5. Социально-культурный портрет Республики Карелия: по результатам социологического исследования / В. М. Пивьев, В. Н. Бирин, Л. П. Швец, Н. В. Ижикова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – С.19–21.
6. Пилипенко, М. Ф. Современные теоретические проблемы белорусской этнологии / М. Ф. Пилипенко // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XX в. : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 мая 2010 г., Минск /редкол. : Т. А.Новгородский и др.. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2011 – с. 6.

Irina Kalachova. Belarusians in Karelia. The study of the dynamics the ethnocultural processes in the 40–90-s of XX century

Some tendencies of the evolution of the ethnocultural processes inside the community of the belarusians, who moved to Karelia in the 40–90-s of XX century, are considered, the special features of their adaptation on a new territory are shown, divided into three periods: 1940–1944-s, then 1946–1950-s, and then 1951–1960-s.

Л. В. ГАВРИЛОВЕЦ

(Мозырь, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»)

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И ПОЛЬШЕЙ
В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ***

В статье раскрывается положение белорусского меньшинства в Польше и польского меньшинства на территории Беларуси в 80–90-е гг. XX в. Освещаются основные проблемы двух национальных меньшинств, что проживают по обе стороны белорусско-польской границы.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Польше получило развитие белорусское национальное движение. Целью движения стала борьба белорусов за участие в общественно-политической жизни Польши. Программа национального движения предусматривала сохранение белорусов как этнической группы и улучшение социально-экономических условий жизни, особенно в восточной части Белостока, где проживала большая часть белорусского населения Польши. 10 февраля 1990 г. в Белостоке в здании Главного управления Белорусского общественно-культурного товарищества (БОКТ) состоялся учредительный конгресс по вопросу создания белорусской партии. На конгрессе был утвержден ранее разработанный проект партийной программы. Авторы программы видели причины экономического и экологического упадка восточной Белосточкины в неэффективной, а иногда и дискриминационной политике в отношении ее со стороны как воеводских, так и центральных властей. Выходом из сложившейся ситуации должна была стать активная деятельность белорусского населения во всех сферах общественной жизни в условиях демократизации местного самоуправления. В компетенцию его органов должны были передать право на решение ряда существенных вопросов экономического и культурного развития в регионе.

Для белорусов Белосточкины это было единственным шансом решить экономические проблемы на этнической территории их

*Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г 15М-138

проживания. В качестве перспективного направления развития сельского хозяйства предусматривалась поддержка и развитие средних (размером до 50 га) частных владений фермерского типа. Земельные налоги должны были в основном использоваться для строительства объектов хозяйственного и культурного назначения. Также было предложено для компенсации дискриминационной экономической политики в предшествующие годы уменьшить налоги на ту их часть, которая должна была поступать в центральный бюджет.

В области культурно-просветительской деятельности партия видела необходимость в полноценном развитии белорусской культуры на Белосточчине, в том числе и современных форм городской культуры (белорусский национальный театр, эстрада). Финансирование развития белорусской культуры на Белосточчине предусматривалось за счет средств, выработанных на этническом ареале (гминные фонды культуры), а также налогов, которые поступали в общегосударственный культурный фонд (пропорционально количеству белорусского населения в стране). В качестве первоочередной задачи необходимо было возродить и ввести обязательное изучение белорусского языка в белостокском крае [1, с. 64].

Так, до 1989 г. только белорусы и украинцы имели на территории Польши доступ к государственным средствам массовой информации. Белорусы могли слушать две передачи в месяц на родном языке по белостокскому радио. После 1989 г. ситуация изменилась и передачи на белорусском языке транслировались ежедневно [2, с. 90]. Кроме того белорусское меньшинство Польши занималось политической деятельностью. С этой целью членами белорусских организаций Белостокского края была создана партия, получившая название Белорусское демократическое объединение (БДО). Председателем БДО был избран С. Янович, его заместителем – Е. Миронович, координатором Крайового управления – исполнительного органа партии – стал В. Стахвюк.

Сразу же после учредительного конгресса объединение совместно с другими белорусскими организациями начало подготовку к участию в выборах в органы местного самоуправления (май 1990 г.). Для координации действий в избирательной кампании было налажено сотрудничество с Польской Православной церковью (ППЦ). Соглашение о сотрудничестве на предстоящих муниципальных выборах между БДО и ППЦ было достигнуто 13 февраля 1990 г. во время встречи С. Яновича с архиепископом Саввой. А уже 23 февраля 1990 г. в Белостоке был создан Белорусский избирательный комитет, в

состав которого вошли представители БДО, БОКТ, БОСа и других белорусских общественных и конфессиональных организаций.

В результате прошедших выборов 27 мая 1990 г. было создано достаточно сильное белорусское представительство в десяти гминах региона. В Белостоке выборы для белорусских кандидатов прошли неудачно. От общего количества из 18 человек прошел только один. Среди причин неудачной избирательной кампании в Белостоке, можно отметить тот факт, что избирательный комитет не имел определенной национально-политической и религиозной принадлежности. Он назывался Коалиционный избирательный комитет, а не белорусский или православный, как предлагали активисты БДО. Но представители церковных кругов не согласились, считая что это очень радикальная и конфронтационная мера.

Победа белорусских кандидатов на выборах в ряде гмин содействовала их объединению с целью найти выход из экономического и культурного кризиса в Восточной Белосточчине. Так, 8 сентября 1990 г. в Нарве по инициативе войта Наравской гмины Я. Тополянского произошла встреча войтов и членов гминных рад семи местных гмин, на которой был создан «Союз гмина Восточной Белосточчины» [1, с. 65]. Таким образом, впервые за всю историю существования ПНР были выдвинуты независимые кандидаты от белорусского населения, создан союз белорусских гмин Белосточчины, который для защиты своих экономических и национально-культурных интересов сотрудничал с приграничными районами Беларуси.

После принятия Верховным Советом 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете белорусское государство и общественность стали больше уделять внимания вопросу о национальном меньшинстве в Польше [3]. Именно разногласия по вопросу положения белорусского меньшинства в Польше, были одной из причин не подписания Декларации об основах взаимоотношений между Беларусью и Польшей в период визита министра иностранных дел Польши К. Скубишевского в октябре 1990 г. в Беларусь. Белорусские власти предложили польской стороне, чтобы в готовящейся декларации о двусторонних отношениях нашла отражение следующая формулировка: «Белосточчина есть этнически белорусская территория» [4, с. 22]. Польская делегация высказалась против упоминания такой формулировки, напрямую касающейся территориального вопроса польского государства.

Приемлемая для двух сторон позиция по вопросу белорусского меньшинства была выработана в 1991 г. во время поездки в Польшу

Председателя Совета Министров Республики Беларусь В. Ф. Кебича. В этот период и была подписана Декларация о добрососедстве, взаимопонимании и сотрудничестве между Беларусью и Польшей В. Ф. Кебичем и польским премьер-министром Я. К. Белецким. Декларация предусматривала, что «оба государства будут принимать необходимые меры для улучшения положения национальных меньшинств, главным образом через предоставление им возможности свободного развития национальной культуры, языка, вероисповедания» [5, с. 18]. В этом направлении были сделаны первые шаги: белорусское руководство приняло участие в строительстве Белорусского музея в Гайновке, а общественное объединение «Бацькаўшчына» обеспечивало белорусские школы Белосточчины учебной, научной и художественной литературой [1, с. 66].

В 1991–1992 гг. среди представителей белорусской диаспоры, которые проживали и работали в Польше можно отметить живописца Л. Тарасевича, писателей В. Шведа, М. Гайдука, С. Яновича, А. Барского (А. Борщевского). В 1991 г. на территории Польши состоялась Люблинская конференция, на которой белорусские ученые и ученые-белорусы Польши обсудили вопросы исторического и культурного развития народов бывшей Речи Посполитой. В декабре 1992 г. состоялось первое собрание белорусов ближнего зарубежья, на котором присутствовало свыше 300 делегатов и гостей-представителей национальных организаций и землячеств из республик бывшего Советского Союза, а также из Польши. На собрании были обсуждены вопросы возрождения белорусской нации, группирования белорусов, находящихся за пределами республики между собой и взаимодействия с Отечеством [6, с. 74].

Конкретным шагом в решении проблемы национальной диаспоры стало укрепление прав белорусов зарубежья в ряде законодательных актов республики и международных соглашениях, начало разработки государственной программы «Белорусы в мире», концепция которой и была представлена на собрании белорусов ближнего зарубежья. В 1990 г. одной из проблем увеличения белорусской диаспоры за границей стала проблема нелегальной эмиграции белорусов на сезонные работы в Польшу. В связи с этим и с целью государственного регулирования миграции, охраны прав беженцев, мигрантов-рабочих в июле 1992 г. было принято постановление правительства о создании Государственной миграционной службы при Госкомитете по труду и социальной защите населения [6, с. 76–77].

Очевидной стала и необходимость организовать работу по охране интересов белорусов зарубежья и граждан Беларуси на основе межгосударственных договоров, двусторонних межправительственных соглашений, постоянного диалога и согласования позиций по вопросу национальных меньшинств. Первым таким актом стал Договор о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве, подписанный с Польшей в июне 1992 г. и ратифицированный в феврале 1993 г. Верховным Советом Беларуси. На основе данного договора предусматривалось обеспечить белорусскому национальному меньшинству в Польше соответствующие условия развития родного языка, культуры, свободу вероисповедания, сохранения традиций [7, с. 2033]. Только на протяжении года после подписания Договора произошло пять официальных визитов представителей сторон в Минск и в Варшаву, в том числе визит президента Л. Валенсы в июне 1993 г. [8, с. 176]. Руководители внешнеполитических ведомств начали регулярно встречаться на различных международных форумах.

Что касается польского меньшинства на территории Беларуси, то на протяжении всего 1990 г. руководство культурно-просветительского общества поляков имени А. Мицкевича работало над тем, чтобы в июне этого же года создать новое общественное объединение «Союз поляков на Беларуси» (СПБ). В Гродно 12 мая 1990 г. состоялось координационное собрание, на которое приехали представители всех польских организаций, находящихся за пределами Гродненской области. Были рассмотрены основные проблемы, касающиеся проведения учредительного съезда по вопросу создания новой общественной организации поляков Беларуси. 16 июня 1990 г. в Гродно во Дворце строителей состоялся съезд Союза поляков на Беларуси, независимой общественной организации, представляющей польское население белорусской республики. Гродненскому съезду предшествовали встречи членов польских объединений в разных городах, на которых обсуждались вопросы о необходимости формирования новой организации, ее статусе, уставе, а также выборы делегатов на съезд. Члены объединений с полной уверенностью считали, что от их деятельности будет зависеть будущее польского населения Беларуси [9, с. 114–115].

На съезде присутствовали почетные гости. Среди них председатель «Польского сообщества», спикер Сената Польши А. Стельмаховский, представитель Католической Церкви Польши, епископ З. Каминский, первый заместитель Председателя Верховного Совета Беларуси С. С. Шушкевич, председатель Гродненского областного

исполнительного комитета Д. К. Арцименя, генеральный консул Польши в Минске Т. Мыслик и другие. С речью на съезде выступил кардинал К. Свѣнтек, который произнес следующие слова: «Поляки к свободе пришли через неволю, к счастью через страдания. Нас, поляков, никто не сломал и никому не сломать. Стоило испытать, пережить эти долгие годы страданий, унижений, сталинский террор, чтобы еще раз дожидаться таких красивых и волнующих дней, как сегодняшней» [9, с. 115]. Кардинал К. Свѣнтек был избран вице-председателем Союза поляков на Беларуси. Это событие еще больше подняло авторитет СПБ в глазах польского католического населения Беларуси.

После всестороннего обсуждения делегатами съезда был принят Устав СПБ, а также воззвание к белорусам, русским и представителям иных народностей Беларуси, состоялись выборы председателя объединения. Большинством голосов первым председателем СПБ был избран Т. Гавин. Из 400 голосовавших на съезде делегатов 348 отдало за него свои голоса. Съезд также избрал Главное правление Союза поляков на Беларуси. В состав Главного правления СПБ вошли 20 человек, из них из Гродно – 13 представителей, Минска – 3, Бреста, Пинска, Лиды и Баранович по одному представителю. Было принято решение, что офис организации расположится в Гродно. Цели и задачи Союза поляков на Беларуси предусматривали, прежде всего, защиту гражданских и национальных прав польского населения Беларуси (раздел 2 Устава, пункт 7), поддержку в распространении польского языка и обучения на нем (пункт 9), возрождение и развитие польской национальной культуры в Беларуси (пункт 10) и многое другое.

В 1989–1994 гг. на территории Беларуси были созданы районные и городские отделы СПБ, в частности в Барановичах, Кобрине, Логишине, Пинске, Браสลаве, Миорах, Лельчицах, Волковыске, Лиде, Клецке, Несвиже, Столбцовском и Волковыском районах [10, с. 118, 122–123]. Все эти общественные организации занимались формированием национального самосознания поляков Беларуси, а их деятельность освещалась в СМИ, в частности в газете «Глас над Неманом», частном еженедельнике «Газета Слоні́мская», в местных изданиях «Браславская звезда», «Міерскія навіны», «Слоні́мскі веснік», «Астравецкая праўда». Создаются также центры изучения польской культуры и польского языка (Дома польские), поддерживаются культурные, религиозные связи с Польшей.

Таким образом, белорусские власти во многом содействовали тому, чтобы польское национальное меньшинство Беларуси занималось возрождением польской культуры и изучением

национального языка, осуществляло религиозную, благотворительную и попечительскую деятельность. В свою очередь польское правительство также стремилось обеспечить благоприятные условия для сохранения, развития и выражения национальной, культурной, языковой и этнической самобытности белорусов Польши, свободы вероисповедания.

Список использованных источников и литературы

1. Лашкевіч, А. А. Беларускі нацыянальны рух у Польшчы (канец 80-х – пачатак 90-х гг.) / А. А. Лашкевіч // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1994. – № 1. – С. 60–66.
2. Ганцкая, О. А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1997 гг.) / О. А. Ганцкая // Этнос. Общество. Государство. – 2000. – № 1. – С. 88–100.
3. О государственном суверенитете Республики Беларусь : Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27.07.1990 N 193-XII // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1991. – N 31. – Ст. 536.
4. Jakimowicz, R. Stosunki polsko-białoruskie w latach 1992–2003 (wybrane aspekty polityczne i gospodarcze) / R. Jakimowicz // Zeszyty Naukowe. – 2007. – Nr. 749. – S. 21–39.
5. Deklaracja o dobrym sąsiedztwie, wzajemnym zrozumieniu i współpracy między Rzeczypospolitą Polską i Republiką Białoruś z 10 października 1991 r. // Zbiór Dokumentów. – 1992. – Nr. 2. – R. 48. – S. 18–22.
6. Сяргеева, Г. Г. Беларуская дыяспара і дзяржаўная палітыка : набыткі і праблемы / Г. Г. Сяргеева // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 2(2). – С. 72–78.
7. Traktat między Rzeczpospolitą Polską a Republiką Białoruś o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy, podpisany w Warszawie dnia 23 czerwca 1992 r. // Dziennik Ustaw. – 1993. – Nr. 118. – Poz. 527. – S. 2031–2035.
8. Рагачевич, Н. В. Белорусское национальное меньшинство в Польше и польско-белорусское культурное сотрудничество на рубеже веков / Н. В. Рагачевич // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / Рэдкал. : У.К. Коршук [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2006. – С. 174–178.
9. Gawin, T. Polskie odrodzenie na Białorusi 1988–2005 / T. Gawin. – Białystok : Wyższa Szkoła Administracji Publicznej im. Stanisława Staszica, 2010. – 406 s.
10. Гавриловец, Л. В. Польская диаспора Беларуси (1990–2012 гг.) / Л. В. Гавриловец // Современная научная мысль. – 2014. – № 6. – С. 116–128.

Lyudmila Gavrilovets. The national factor in development of mutual relations between Belarus and Poland in the end 1980-s – the beginning of 1990-s

In article position of the Belarus minority in Poland reveals and the Polish minority in territory of Belarus in 80–90 th of XX century. The basic problems of two national minorities that live on either side of the Belarus-Polish border are covered.

УДК 30(06)

I. С. МАХОЎСКАЯ

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»)

**АДАПТЫЎНЫЯ ПРАКТЫКІ ВА ЎМОВАХ
САЦЫЯЛЬНАГА І ЭКАНАМІЧНАГА КРЫЗІСА:
1990-я Ў ПАМЯЦІ ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСКАЙ ПРАВІНЦЫ**

Артыкул прысвечаны некаторым вынікам вуснагістарычнага даследавання, мэтай якога было вывучэнне памяці аб рэформах другой паловы 1980 – пачатка 1990-х жыхароў беларускай правінцы. Фокус даследчыцкай увагі быў скіраваны на эпоху «злома», які запатрабаваў адмаўлення ад звыклых патэрнаў наводзінаў і пошука новых спосабаў адаптацыі і самапрэзентацыі ў соцыуме, які імкліва трансфармаваўся.

У якасці інфармантаў выступілі людзі 1940-х – 1960-х гадоў нараджэння. Паказаць разнастайнасць варыянтаў узаемасувязі адаптыўных практык і цэнасных арыентацый на падставе матэрыялаў інтэрв'ю гэтай узроставай групы падалося цікавым з некалькіх прычын. Па-першае, прадстаўнікі гэтага пакалення ў 1970–1980-х гадах складалі найбольш актыўную частку савецкага грамадства і вымушаны былі ўдзельнічаць ва ўзнаўленні формы савецкага аўтарытэтнага дыскурса [7]. Па-другое, гэта пакаленне людзей, для якіх вопыт нядаўней вайны і пасляваеннага ліхалецця не быў непасрэдным, а ацэнка ўзроўня жыцця не карэлюецца з траўматычным вопытам вайны. І, нарэшце, сацыяльныя пераўтварэнні найбольш востра паўплывалі менавіта на дадзеную узроставую групу, тых, каму на момант пачатку Перабудовы было 30–50 год. Гэта былі людзі, якія ўжо ў многім склаліся ў савецкім грамадстве, ужо зарабілі пэўны матэрыяльны і сацыяльны капітал і павінны былі найбольш актыўна рэагаваць на новаўвядзенні, найбольш хутка шукаць сваё месца у

новым свеце. Менавіта ім, з аднаго боку, было што страчваць, ў адрозненне ад больш маладых, і, з другога боку, рана зыходзіць з актыўнага сацыяльнага жыцця, у адрозненне ад людзей пажылых. То бок, гэта тыя, хто ў момант грамадскага ўзрушэння, сацыяльных выклікаў аказаўся ў актыўным узросце і ўключыўся ў адказ.

Даследаванне праводзілася ва ўсіх шасці абласцях Беларусі. Было праінтэрв'юавана 80 чалавек. Тэрытарыяльна даследаванне датычылася толькі беларускай правінцыі. Мы зыходзілі з таго, што жыхары вялікіх гарадоў валодаюць большымі магчымасцямі для манеўравання і адаптацыі да зменлівых сацыяльных умоў. З іншага боку, умовы жыцця ў раённым цэнтры, пасёлку і вёсцы супаставімыя.

Ва ўспамінах тых, каму на момант другой паловы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў было 30–50 гадоў, «перабудова», якая падавалася сімвалам усёбсяжнага пераўтварэння грамадства, аказалася прывязанай не да росту мала паўплываўшых на штодзённае жыццё правінцыі палітычных свабод і разняволення СМІ, а да эканамічных шокаў (нявыплаты зарплат, страты працы, татальны таварны дэфіцыт). І пачалася яна для іх, адпаведна, – у 1991 годзе. Прычына такой калектыўнай памылкі не ў самой падзеі, а ў тым значэнні, якое было яму нададзена¹.

Пачатак крызіса азначыўся знікненнем любых тавараў з магазінаў. Нават для традыцыйна дэфіцытарнай савецкай эканомікі таварны голад быў неверагодны. З магазінаў знікла ўсё: зубная паста, мыла, пральны парашок, цукар, школьныя сшыткі, масла, пасцельная бялізна і г.д. Існаваўшая ў Савецкім Саюзе ў выглядзе спецзамоваў, цэнтралізаванага і ценевага размеркавання рэдыстрыбуцыя набывала новыя формы: дэфіцытныя тавары бяруцца прадпрыемствамі непасрэдна ў гаспадарках, на прадпрыемствах і таварных базах шляхам бартэрных зносін і размяркоўваюцца сярод працаўнікоў. *«На працы не працавалі, – узгадвае таваравед з г.Баранавічы, – а стаялі ў чэргах на заводскай тэрыторыі на каўбасу, тушонку, і тое яшчэ «ў нагрузку» давалі² лаўровы ліст, каву ў зернях».* Але і прадпрыемствы былі не ў стане прапанаваць дастатковую колькасць тавараў, каб задаволіць усе

¹ У дадзеным выпадку мы маем справу са з'явай, разгледжанай А.Партэлі ў працы «Смерць Луіджы Трастулі. Памяць і падзея», калі ў памяці людзей адбываецца аб'яднанне значных падзей у адно апавяданне. Гл.: [5]

² Савецкая размеркавальная сістэма спарадзіла ўжыванне розных эўфемізмаў на тэму куплі-продажу. У значэнні «прадаюць» ужываліся тэрміны «даюць» (хоць відавочна, што тавар не аддаваўся, а прадаваўся, тэрмін падкрэсліваў недастатковасць наяўнасці грошай для яго набыцця), «выкінулі» (гэтым выразам вельмі дакладна апісвалася як рэдкасць з'яўлення дэфіцытных тавараў у продажы, так і хуткасць іх знікнення); атрыманне жаданага тавару вызначалася тэрмінам «дастаць».

патрэбы, такім чынам, сістэма размеркавання нараджала дэфіцыт «другога ўзроўню» [2]. Паўставала праблема, каму дастанецца «дэфіцыт у дэфіцыце». На прадпрыемствах была «вынайджена» асаблівая практыка, якая гарантавала тэрэтычна роўныя магчымасці кожнаму, – лёсаванне.

Успамінае Тамара Ш., таваравед :

На працу прывозілі каўбасу, дзялілі талоны. Вось ты ў той раз узяў, то ў гэты табе ўжо не дастанецца, другому будзе талон. Цягнулі твая талоны, каму дастанецца, на боты таксама талоны цягнулі. ... Дываны таксама на завод прывозілі, талоны цягнулі. Кінуць у шапку паперкі – і цягнем.

Выйгрыш у лёсаванні патрабаваў пэўнага шанцавання. Паход у магазін – часу і мужнасці для стаяння ў даўжэзных чэргах і, зноў жа, шанцавання, каб хапіла тавару. Самі інфарманты, разам з тым, неаднаразова адзначалі, што на працягу ўсяго існавання савецкай сістэмы стаянне ў чэргах было руцінай і неад’емнай часткай штодзённасці³. Аднак ва ўмовах інфляцыі, дэфіцыту і ажыятажнага попыту чарга, нярэдка невядома па што, па тое, чаго яшчэ нават не прывезлі ў магазін, займалася задоўга да адкрыцця магазіна, часам з вечара папярэдняга дня. Разам з тым, чарга выступала як самаарганізаваная сістэма : самі патэнцыйныя пакупнікі складалі спісы тых, хто стаяў у чарзе, і перыядычна ладзілі пераклічкі, у ходзе якіх «выкідвалі» тых, хто адсутнічаў і інш.

Для чаргі ў прынцыпе характэрны эмацыйны стан падвышанай напружанасці. Стаянне ў чарзе патрабавала не толькі фізічнай, але і маральнай трываласці, бо спрэчкі, абразы і нават бойкі былі справай нярэдкай. Дэпрывацыйны стан легалізуе мадэлі паводзін, якія ў звычайнай сітуацыі не з’яўляюцца варыянтам нормы :

Расказвае даярка Тамара Д. :

Думалі, што ўжо канец свету будзе... Бывае возьмеш, а бывае ж і не возьмеш. І патрэбнае яно нам ці не патрэбнае... Я памятаю ў магазіне, адна адну за валасы схавала : «Ты куды лезеш?!» Біліся. Поўны магазін людзей найшло, прылаўкі ломяць. Ой, крычаць! Ой! [...] А то ж, думалі, канец свету.

Самі інфарманты падкрэсліваюць, што радыкальна змяніўся сам падыход да набыцця тавараў : практычна адзінай магчымай тактыкай стала па тэрміналогіі Я.Карнаі «манеўраванне спажыўца ва ўмовах

³ Стаянне ў чарзе магло быць не толькі непасрэдным, ці фізічным, але і завочным - гадамі “стаялі” ў чарзе на машыну ці мэблевы гарнітур. Гл.: [3]

дэфіцыту» [1;474] : здзяйсненне пакупкі не тады, калі патрэбен тавар, а калі яго можна набыць альбо дастаць («калі даюць»).

Важнымі топасамі памяці аб тым часе з'яўляюцца панічнае набыццё непатрэбных рэчаў і стварэнне «залатога запасу».

Ханалі ўсё запар. Нават балонная куртка сіне-блакітная, да гэтага часу вісіць на гарышчы, ніхто ні разу не апрануў. І касцюм у мяне паркалёвы новенькі, так і ляжыць (Галіна В.).

Увядзенне ў 1991 годзе г.зв. «візітных картак пакупніка» дадало «рацыянальных» асноваў гэтай афектыўнай практыцы. Пры набыцці тавара з карткі выразаўся адпаведны талон. Са студзеня 1992 г. уводзіліся купоны, якія ўяўлялі сабой лісты паперы, разлінаваныя на клетачкі, у якія былі ўпісаны розныя грашовыя наміналы : 1 рубель, 3 рублі, 10 рублёў і г.д. Любую пакупку належала «аплаціць» не толькі грашыма, але і купонамі. Купоны выдаваліся разам з зарплатай на адпаведную суму і, натуральна, вельмі хутка сталі нелегальна прадавацца асобна.

У выніку тавар купляўся не таму, што ён быў патрэбен ці мог стаць патрэбным у перспектыве, але таму, што патрэбна было атаварыць талоны-купоны. Напрыклад, некурцы куплялі цыгарэты, тыя, хто не п'е – спіртное і г.д., набыццё лішніх непатрэбных рэчаў працягвалася.

Расказвае Людміла С. :

Па картках усё было, бегалі куплялі. Панчохі нават, нават тое, што не патрэбна было. Таму што шкада было, калі гэтая картка прападала, ты браў, трэба гэта было ці не трэба, ты браў. ... А дарэчы у мяне зараз яшчэ рэчы тыя вісяць, што тады купляла па картках, яны зараз не патрэбны.

Жыхары райцэнтраў аб'язджалі вясковыя магазіны, з вёсак ехалі ў райцэнтры, усе – ў сталіцу. Як адзначыла расійскі гісторык Алена Асокіна, дзяржава вырашыла задачу савецкага гандлю проста – адпраўляла тавары ў цэнтр і некалькі іншых буйных індустрыяльных гарадоў, а ўжо насельніцтва само развозіла іх куды трэба [4].

Узгадваюць :

Ходзіць загадка : «Доўгае, зялёнае, каўбасой пахне? Гэта электрычка з Мінска едзе. Каўбасу вазілі (Уладзімір Ш.); А ў Мінску ў гэты час было неяк прасцей, хоць таксама была напружанка, але ўсё роўна паедзеш і хоць у якім-та магазіне нешта купіш (Галіна Е.).

Разам з тым, у сітуацыі татальнага дэфіцыту і немагчымасці задаволіць спажывецкі попыт тактыка «браць, што даюць» была не пазбаўлена сваёй рацыянальнасці : рэч набывалася як доўгатэрміновае ўкладанне, яна, у адрозненне ад грошай, не падлягала інфляцыі. Непатрэбная цяпер рэч магла спатрэбіцца пазней, калі не таму, хто

набыў, то наступным пакаленням. Рэч набыла статус сродку абмену: менавіта за яе, а не за грошы можна было атрымаць (вымяняць) патрэбны тавар.

З расказу Галіны Е. :

Бралі любых размераў. Калі боцікі дзіцячыя, то бярэш нават на выраст. А калі зусім не падыходзіць, то выходзілі з магазіна і проста мяняліся адзін з адным.

Рэчы, прадукты набываліся ў колькасці, якая значна перавышала неабходную, больш таго, разумную. Гэтую тактыку сёння інфарманты схільныя вызначаюць як нерацыянальную : *«Нахвталі нейкай крупы, мукі. Калі пайшла гэтая шуміха. У кожнага быў нейкі запас. Потым чарвякі паелі, павыкідвалі»* (Станіслава М., лекар). Аднак у той момант такі падыход дазваляў знізіць дэпрывацыйны ціск і дасягнуць пэўнага псіхалагічнага камфорту:

Да таго ж, практыка стварэння запасаў, моцна развітая ў часы савецкай дэфіцытарнай эканомікі, сябе цалкам апраўдала ў крызісныя 1990-я. Інфарманты адзначылі :

Так і перажылі крызіс. На тым, што раней адклалі (Людміла Т.). У мяне заўсёды было, і мяшкі цукра, і мяшкі мукі стаялі. Усё было. У мяне было ўсё ў запасе. Як мы ўсе любілі, каб у нас быў запас (Валянціна М.).

Аналізуючы «крызісныя» эканамічныя паводзіны, асобна трэба адзначыць сітуацыю са спіртнымі напоямі. Спажывецкія тактыкі тут трэба разглядаць у ракурсе традыцыі, якая прадугледжвала наяўнасць спіртных напояў падчас практычна любой больш ці менш значнай падзеі, якая суправаджалася застоллем. Таксама менавіта гарэлка ці самогон выступілі ў ролі заменніка грошай: любую паслугу, аказаную па-за службовымі абавязкамі (а часам таксама і ў рамках іх) было прынята аплочваць спіртным. У новых рэаліях імклівага абясцэньвання грошай і татальнага таварнага дэфіцыту каштоўнасць вадкага плацежнага сродка значна ўзрасла. Каментуе Тамара Ш. : *«Каго-небудзь паклічаш адрамантаваць што-небудзь – усе пляшку хацелі»*; Аляксандр М. адзначае :

... ты наказваеш пляшку і табе ў 5 секунд усканалі агарод, да прыкладу, для бабулі. Ці нешта зрабілі за пляшку. Гэта так і называлася – вадкі долар. Раней грошы ніхто не прызнаваў у тых часы. Пляшку давай – зробім. А не, на фіг грошы, што ты за іх купіш?

Як і ў выпадку з іншымі таварамі, немагчымасць задаволіць па меры неабходнасці патрэбы выклікала ажыятажны попыт на гарэлку, а таксама яе назапашванне і нават спажыванне ў перавышаючых разумныя межы колькасцях.

На пачатку 1990-х на спіртныя напоі, як і на іншыя тавары, былі ўведзены талоны : 1 пляшка гарэлкі і 2 пляшкі віна ў месяц, што толькі павысіла каштоўнасць «вадкай валюты» і прывяла да таго, што і тыя, хто раней купляў вельмі-вельмі рэдка спіртныя напоі, сталі рэгулярна атаварваць талоны :

Скрынямі ў людзей дома стаяла і віно, і гарэлка, хваталі толькі так (Тамара Ш.). Была тая гарэлка, на гарышчы 8 скрыняў. Купляла, на пляшцы насіла, мы не пілі дома, на пляшцы назапашвала. Сыну на вяселле сабрала яшчэ з 1980-х гадоў (Валянціна М.).

Такім чынам, набыццё вельмі патрэбнай ці зусім не патрэбнай рэчы патрабавала ад пакупніка : а) шанцавання (каб выпала жэрабя, каб хапіла тавару, па які стаіш у чарзе), б) часу і мужнасці для стаяння ў чэргах і паездак у раённы ці абласны цэнтр, сталіцу, в) сацыяльнага капіталу ў выглядзе «знаёмстваў» і «блату» ў сістэме гандлю; г) трыксцёрскіх паводзінаў : вынаходлівасці (стаць у чаргу 2–3 разы, стаяць у чарзе ўсёй сям’ёй), спрыту (схапіць першым тавар, хутка зрэагаваць на неразбярыху і трапіць па-за чаргой у краму). Не дзіўна, што ўспаміны аб гэтым вопыце прасякнуты духам гераізму і, разам з тым, самаіроніі. Як адзначыла амерыканскі антраполог Нэнсі Рыс, у адказ на імклівае знікненне тавараў узнік (ці адрадіўся) адзін з найяскравейшых вусных жанраў – «сказ аб гераічным паходзе ў магазін» [6;106].

Аднак даволі хутка эканамічны крызіс, які станавіўся ўсё больш глыбокім і зацяжым, і чым спадарожным фактарам якога стала гіперінфляцыя, вельмі моцна ўрэзаў спажывецкія апетыты. Ва ўмовах невыплаты зароботнай платы, страты банкаўскіх укладаў асноўнымі адаптыўнымі тактыкамі становяцца мінімізацыя расходаў, актывізацыя хатніх «вытворчасцей», натуралізацыя гаспадаркі і засвойванне новых абласцей дадатовага заробку.

Эканамічныя паводзіны заўсёды скіраваныя на дасягненне выгады, якая з’яўляецца фактарам суб’ектыўнай ацэнкі, але яна – абавязковы элемент рацыянальнасці эканамічных паводзін. Ступень рацыянальнасці эканамічных тактык ва ўмовах крызіса – складанае пытанне, любое дзеянне ёсць вынікам сінтэза некалькіх фактараў : традыцыі, цэннасных арыентацый, наяўнасці сродкаў і пастаўленых мэтаў. Сёння самі інфарманты схільныя лічыць некаторыя эканамічныя дзеянні таго перыяду не рацыянальнымі. Але ў дэпрывацыйным стане аффектыўныя дзеянні маюць сваю рацыянальнасць і мэдазгоднасць, яны, напрыклад, выконваюць функцыю ахоўную, псіхатэрапеўтычную.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Корнаи, Я. Дефицит / Я.Корнаи. – М. : Наука, 1990. – С.607.
2. Кушкова, А. Советское прошлое сквозь воспоминания о товарном дефиците / А.Кушкова // Неприкосновенный запас. – 2009. – №2 (64). – Электронны рэсурс. – Рэжым доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ku10.html>. Дата доступа 19.06.2012.
3. Николаев, В. Советская очередь : Прошлое как настоящее / В.Николаев // Неприкосновенный запас. – 2005. – №5 (43). Электронны рэсурс. – Рэжым доступа <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/oso10-pr.html>. – Дата доступа 07.12.2009.
4. Осокина, Е. Прощальная ода советской очереди / Е.Осокина // Неприкосновенный запас. – 2005. – №5 (43). – Электронны рэсурс. – Рэжым доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/oso10-pr.html>. – Дата доступа 07.12.2009.
5. Портелли, А. Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 216–218.
6. Рис, Н. «Русские разговоры» : Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис. – М. : Новое литературное обозрение. – 2005. – 368 с.
7. Юрчак, А. Поздний социализм и последнее советское поколение / А. Юрчак // «Неприкосновенный запас». – 2007. – №2(52). – Электронны рэсурс. Рэжым доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ur7.html> Дата доступа : 20.10.2015

Iryna Makhouskaya. Adaptive practices in a social and economic crisis : 1990s in memory of Belarusian provinces

Essay is based on the results of the oral historic research into the memories of the residents of Byelorussian provinces about Perestrojka. We focus on the experiences of the «breakdown» that required people to abandon their old patterns of behaviour and find ways to adapt to a rapidly changing society.

We conducted our research in all six oblasts of Belarus. It involved interviewing 80 residents (25 men and 55 women) of small and medium-sized provincial towns and villages. Our research covered only the small provincial towns and villages of Belarus, on the premise that residents of large cities would have had better access to resources for adapting to a new society.

УДК:94:808.1:027.1:316.34(476.2)

Н. В. КОРНИКОВА

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЗИАТСКИХ АВТОРОВ В СЕМЕЙНЫХ БИБЛИОТЕКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье характеризуется влияние произведений азиатских авторов на литературные предпочтения интеллигенции Гомельщины в начале XXI века, анализируется тематическое и жанровое разнообразие подобных произведений в семейных библиотеках представителей данной социoproфессиональной группы. Источниками для написания статьи послужили результаты опросов, проведенных среди жителей населенных пунктов Гомельского региона.

На современном этапе все больший интерес привлекают вопросы, связанные с художественным наследием Азиатского региона, характеризующегося древней историей и замечательными культурными традициями. Творчество азиатских композиторов, художников и режиссеров отличается неповторимым почерком и завоёвывает все большую популярность в начале XXI века. Наследие классиков, а также современных писателей и поэтов, представляющих страны Азии, также отличается богатством и самобытностью и неизменно привлекает интерес любителей литературы. Приверженность к чтению как важной форме досуга, наличие богатых и разнообразных по составу семейных библиотек характерно для представителей такой социoproфессиональной группы как интеллигенция, многочисленно представленной на Гомельщине в силу интенсивного развития в регионе промышленного сектора и сети учреждений здравоохранения, просвещения и культуры. Поэтому интересным представляется исследовать, какое влияние оказывает творчество азиатских писателей на литературные предпочтения интеллигенции Гомельского региона, а также определить, какое место занимают подобные произведения в семейных библиотеках представителей данной социoproфессиональной группы.

Цель исследования – характеристика произведений азиатских авторов в семейных библиотеках представителей интеллигенции Гомельщины на современном этапе.

Новизна исследования заключается в том, что изучение произведений писателей Азиатского региона в домашних библиотеках интеллигенции Гомельщины, а также их влияния на литературные предпочтения представителей данной социoproфессиональной группы на современном этапе проводится на основе анализа оригинальных источников – материалов полевых исследований.

Разнообразные аспекты духовной культуры различных слоев населения на современном этапе, в том числе интеллигенции, анализируются в ряде работ советских и современных этнографов. Можно вспомнить такие издания как «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [1], 6 том «Грамадскія традыцыі» многотомного издания «Беларусь» [2], «Изменения в быту и культуре городского населения БССР» [3] и пр. Необходимо также отметить публикации О. Г. Яценко, Т. А. Шкрабовой и Н. В. Корниковой, которые посвящены изучению вопросов, связанных с формированием семейных библиотек гомельчан, а также отдельных аспектов, касающихся литературных предпочтений интеллигенции Гомельщины [4–5]. Однако исследования, связанные с характеристикой произведений азиатских авторов как составной части семейных библиотек представителей интеллигенции исследуемого региона, фрагментарны.

Источниками для написания работы послужили материалы полевого исследования, проведенного в различных населенных пунктах Гомельщины (Гомельский, Жлобинский, Мозырский, Речицкий, Лельчицкий и др. районы). Всего было опрошено 127 респондентов, представляющих разнообразные половозрастные и профессиональные группы интеллигенции. Были проинтервьюированы представители различных сфер деятельности и специальностей в возрасте от 23 до 79 лет.

Характеризуя свою домашнюю библиотеку, три четверти респондентов отметили, что она содержит хотя бы одно или несколько произведений азиатских авторов; четверть опрошенных указали, что в их книжном собрании более пяти подобных изданий.

Жанровое разнообразие произведений азиатских авторов, которые встречаются в книжных собраниях респондентов, достаточно представительно. В первую очередь, это издания в прозе (романы, повести и рассказы), поэзия, научная фантастика, а также сочинения исторического характера. В некоторых случаях респонденты называли также сборники восточных сказок, переводные издания обучающей

или научной литературы, детективы, книги по восточной философии, а также сборники афоризмов и цитат восточных мыслителей, произведения мемуарного характера.

Как показали результаты исследования, в семейных библиотеках опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины хранятся тематически и стилистически разнообразные литературные издания авторов, представляющих Азиатский регион: повести и романы Ч. Айтматова («И дольше века длится день», «Плаха», «Когда падают горы», «Джамиля», «Первый учитель», «Белое облако Чингисхана», «Ранние журавли», «Белый пароход», «Верблюжий глаз» и др.), романы и сборники рассказов Харуки Мураками («Норвежский лес», «Кафка на пляже», «Страна чудес без тормозов», «Хроники заводной птицы», «Дэнс, дэнс, дэнс», «Охота на овец», «К югу от границы на запад от солнца», «Все божьи дети могут танцевать», «Мой любимый спутник», «Послемрак», «Хороший день для кенгуру», «Джазовые портреты», «Призраки Лесингтона» «Слушай песню ветра» «Край обетованный»); романы Рю Мураками («Война начинается за морем», «Странные дни», «Линии», «Отель «Раффлз»); произведения Рабиндраната Тагора («Лирика», «Дочь Ганга»); романы Орхана Памука («Снег», «Стамбул. Город воспоминаний», «Имя мне – красный»); романы Салмана Рушди («Земля под ее ногами», «Прощальный вздох мавра», «Стыд», «Дети полуночи»); романы Кодзуо Исигуро («Остаток дня», «Там, где в дымке холмы»), произведение Юн Чжан («Дикие лебеди»), романы Кобо Абе и Юкио Мисима («Женщина в песках», «Шум прибоя»); роман Вэй Хой «Замужем за Буддой», научно-фантастические романы Сакё Комацу («Гибель Дракона», «Похититель завтрашнего дня»), сборники поэзии Омара Хайяма («Рубаи» и проч.), сборники классической японской поэзии («Тысяча журавлей» и др.), сборники высказываний Конфуция («Суждения и беседы» и пр.), «Книга пути и благодати» Лао Цзы, различные сборники восточных сказок, мемуары Ли Куан Ю «Из третьего мира - в первый. История Сингапура (1965-2000)» и пр.

Среди любимых произведений азиатских авторов, которые являются настольными книгами, респондентами чаще всего назывались сборники стихов Омара Хайяма, книги афоризмов восточных мудрецов, романы таких писателей, как Ч. Айтматов («Ранние журавли», «Джамиля», «Когда поют горы»), Х. Мураками («Кафка на пляже», «Хроники заводной птицы», «Страна чудес без тормозов», «Край обетованный»), О. Памук («Снег») и пр.

Вместе с тем, некоторые опрошенные, отмечая наличие произведений азиатских авторов в своей домашней библиотеке,

указывали, что они имеют небольшую серию или коллекцию книг своего любимого писателя, к примеру, несколько книг поэзии Омара Хайяма или романы и сборники рассказов Х. Мураками и т.д. Так, главный специалист предприятия «Гомельэнерго» из г. Гомеля 1986 г. р. рассказала : «Еще в студенчестве прочла роман Х. Мураками «Норвежский лес» и поразила новому миру, который открыла в произведениях этого писателя. С тех пор я постоянно слежу за его творчеством. Мне очень понравился его глубокий психологизм, а некоторые цитаты из его книг стали для меня любимыми. Сначала прочитала почти все романы Мураками, а потом и сборники рассказов. Неожиданным для меня оказалось то, что у писателя есть еще и документальные произведения, к примеру «Подземка». Постепенно в моей семейной библиотеке появилась целая коллекция книг Х. Мураками : что-то я приобретала сама, а некоторые его книги мне подарили друзья, знавшие о моем увлечении».

Среди изданий азиатских авторов, представленных в домашних библиотеках опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины, в отдельных случаях были названы достаточно неординарные экземпляры. К примеру, один из респондентов отметил наличие в его домашнем собрании книг двух переводных изданий самоучителей игры в японские шахматы сёги, а еще один респондент рассказал о своей небольшой коллекции японских комиксов манга (работы Акино Мацури, Румико Такахасии пр.).

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые респонденты, указывая и характеризуя произведения азиатских авторов, находящиеся в их семейной библиотеке, называли издания тематически и содержательно связанные с культурой или историей стран Азиатского региона, но написанные европейскими писателями. В частности, в этом ряду были названы такие книги как «Шантарам», «Три чашки чая», «Жизнь Пи», «Мемуары гейши».

Вместе с тем, около трети респондентов отметили, что в их домашних книжных собраниях, помимо произведений писателей Азии, содержатся издания, рассказывающие о традициях, образе жизни и различных аспектах культуры стран Азиатского региона. По большей части это путеводители, иллюстрированные альбомы и брошюры, издания об историко-культурных и природных достопримечательностях, книги рецептов азиатской кухни. Как правило, респонденты отмечали, что подобные издания были приобретены перед путешествиями в соответствующие страны Азиатского региона либо же привезены из самих поездок, что в целом является свидетельством проявления их интереса к азиатской культуре.

Характеризуя свои впечатления от прочтения произведений азиатских авторов, представленных в собственных семейных библиотеках, большинство респондентов сошлись во мнении, что подобный опыт был для них весьма интересен и познавателен. Более половины опрошенных указали, что литературные произведения писателей, представляющих Азию, запомнились им своим колоритом и отличались высокой степенью самобытности. Около трети респондентов также отметили, что прочтение подобных произведений вызвало в них интерес к традициям, истории и культуре стран и народов Азиатского региона. Так, учитель русского языка и литературы из г. Жлобин высказала мнение : «Книгу Ю. Чжан «Дикие лебеди» я прочитала после посещения китайского острова Хайнань, где я провела отпуск. Мне захотелось поближе познакомиться с историей и культурой этой страны, поэтому меня заинтересовало это произведение. Роман очень эмоционально рассказывает об истории этой необыкновенной страны и человеческих судьбах. После прочтения этой книги мне захотелось еще больше узнать о Китае».

Обращает на себя внимание тот факт, что существуют определенные отличия в составе изданий азиатских авторов, представленных в семейных библиотеках опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины, относящихся к различным возрастным группам. Если в книжных собраниях респондентов старше 40 лет преобладают сборники поэзии, произведения литературных классиков, а также научная фантастика, то в личных домашних библиотеках респондентов младше 35-40 лет чаще всего встречаются сборники рассказов и романы современных азиатских авторов. Инженер строительной организации из Мозыря, 1959 г.р. отметила : «Сборник поэзии Омара Хайяма под названием «Рубаи» уже очень давно храниться в нашей семейной библиотеке, наверное, не менее 30 лет. Еще в молодости меня восхищала глубина и лиричность этой поэзии, а теперь, перечитывая «Рубаи» много лет спустя я открываю для себя уже новый смысл». Врач из г. Гомеля 1978 г.р. также рассказал : «Увлекаюсь чтением научной фантастики. Это мой любимый жанр. Чаще всего читаю популярных американских и европейских авторов, но как-то мне встретился роман С. Комацу «Гибель дракона» – я увидел и приобрел его в гомельском магазине «Букинист». Мне очень любопытно было сравнить произведения фантастов из разных стран. В целом остался очень доволен тем, что приобрел эту книгу для своей домашней библиотеки. Особенно интересным мне показалось то, что автор помимо раскрытия основной

сюжетной линии, также достаточно подробно и глубоко описал культуру, традиции и даже менталитет японцев».

Таким образом, в результате исследования выявлено, что произведения азиатских авторов занимают определенное место в семейных библиотеках представителей интеллигенции Гомельщины. Жанровый состав, тематическая направленность, количество подобных произведений определяется личными предпочтениями и интересами респондентов, а также варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе. Среди наиболее распространенных книг писателей, представляющих Азиатский регион, оказались сборники классической поэзии, научной фантастики, произведения классиков и современных прозаиков. Кроме того, стоит отметить, что знакомство с изданиями авторов, представляющих страны Азии, в определенной степени способствует мотивации интереса респондентов к изучению истории и культурных традиций народов Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Беларусы : у 12 т. / рэдкал. : В. М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск :Беларуская навука, 1994 – 2009. – Т. 6 :Грамадскія традыцыі / В. А. Бялявіна [і інш.]. –2002. – 606 с.
2. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.]; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
3. Изменения в быту и культуре городского населения БССР / АН БССР; редколл. : В. К. Бондарчик [и др.] – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.
4. Яценко, О. Г., Шкрабова, Т. А., Корникова, Н. В. Семейная библиотека гомельчан в начале XXI в. / О. Г. Яценко, Т. А. Шкрабова, Н. В. Корникова // Гомель: старонкі гісторыі (да 870-годдзя першай згадкі ў летапісе). Зборнік навуковых артыкулаў / ГДУ імя Ф. Скарыны; рэдкал. : В.А. Міхедзька [і інш.]. – Гомель, 2012. – С. 162–168.
5. Корникова, Н. В. Влияние массовой культуры на литературные предпочтения интеллигенции Гомельщины на современном этапе / Н. В. Корникова // Менталитет славян и интеграционные процессы : История современность, перспективы : материалы 8 Междунар. науч. конф., Гомель, 23-24 мая 2013 г. / М-во образования Респ. Беларусь; редколл.:В. В. Кириенко [и др.]. – Гомель, 2013. – С. 342–344.

Natalia Kornikava. Works by Asian authors in family libraries intellectuals of the Gomel region at the beginning of the 21st century.

The article is characterized by the influence of the works of asian authors in literary preferences of intellectuals of the Gomel region at the beginning of the

21 century, examines the thematic and genre diversity of such works in the family members of that professional group libraries. Sources for writing articles served as the results of surveys conducted among the inhabitants of settlements of Gomel region.

УДК 94:347.691.71:614.26(476) “190/200”

У. А. ГАНЧАР

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

ЛЯЧЭННЕ РОЖЫ Ў ЗНАХАРСКАЙ ПРАКТЫЦЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ПАЛЕССІ Ў XX СТАГОДДЗІ – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца практыка лячэння рожы ў знахарстве Беларускага Палесся на працягу ХХ – пачатку ХХІ ст. На аснове апублікаваных фальклорна-этнаграфічных крыніц і ўласных матэрыялаў палявых этнаграфічных даследаванняў аўтар прасочвае эвалюцыю лячэння рожы знахарамі ў разглядаемы перыяд. Робіцца вывад аб скарачэнні спосабаў лячэння рожы ў знахарскай практыцы.

Лячэнне традыцыйна з’яўлялася адной з важнейшых знахарскіх функцый на тэрыторыі Беларускага Палесся. У публікацыях другой паловы ХІХ – пачатку ХХ ст. падкрэсліваецца, што сяляне аддаюць перавагу лячэнню ў знахароў, да афіцыйнай жа медыцыны прыбягаючы толькі ў крайнім выпадку [напрыклад: 1, с. 191]. Аднак паступова, на працягу ХХ ст., большая частка хвароб, з якімі насельніцтва звярталася да знахароў за дапамогай, пераходзіць у кампетэнцыю навуковай медыцыны. Прычынай гэтага было разбурэнне традыцыйнай культуры ў выніку мадэрнізацыі грамадства. У пачатку ХХІ ст. у знахарскай практыцы рэгіёна захаваліся пераважна хваробы, якія, па меркаванню часткі насельніцтва, навуковай медыцынай не прызнаюцца і не лечацца, ці з цяжкасцю паддаюцца лячэнню ў межах навуковай медыцынскай парадыгмы [падрабязней аб гэтым: 2]. Да такіх хвароб у знахарскай практыцы Беларускага Палесся адносіцца рожа.

Рожа (лат. «*erysipelas*») – гэта хвароба, якая з’яўляецца вынікам стрэптакокавай інфекцыі, якая развіваецца ў выніку пранікнення пад скуру, якая пашкоджана (парэзы, драпіны, сцёртасці і г.д.), асабліва ў людзей з аслабленым імунітэтам. Найбольш ярка выражаным

сімптомам рожы, ад якога яна і атрымала сваю назву (ад фр. «rouge» – «чырвоны») з’яўляецца пачырваненне скуры (з наступным ацяканнем пашкоджанага ўчастка, яго шалушэннем) ў месцы развіцця інфекцыі[3, с. 440–442].

Нягледзячы на добрую даследаванасць прычын узнікнення рожы, яе лячэнне часта з’яўляецца цяжкім па прычыне значнай колькасці спадарожных фактараў, якія ўплываюць на ступень цяжкасці хваробы, яе запушчанасці у многіх выпадках, сталага ўзросту пацыентаў і г.д. Па гэтай прычыне сярод насельніцтва рэгіёна шырока распаўсюджаны ўяўленні аб тым, што рожа навуковай медыцынай не лечыцца, і лепшым спосабам справіцца з ёй, з’яўляецца зварот да знахароў: *«Ілі там рожса, яно раскідзе краснае ногу, усё баліць і паедзь у бальніцу, там нічога не здэлаюць. А ў бабкі за два-тры дні ўсё праходзіць»* (Касцючэнка Ніна Іванаўна, 1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна). Сярод апытаных аўтарам у 2008 г. жыхароў г. Гомеля да знахароў з рожай звярталася 16,2% ад агульнай колькасці тых, хто карыстаўся дапамогай знахароў (245 чалавек). Прычым гэтыя перакананні шырока распаўсюджаны ў тым ліку і сярод медыцынскіх спецыялістаў. Летам 2001 г. аўтар артыкула быў сведкам выпадку, калі загадчык хірургічнага аддзялення адной з бальніц г. Гомеля тлумачыў пацыенту з рожай, які два тыдні безвынікова прабыў у стацыянары, што таму лепей шукаць «бабку». Аб пашыранасці такой практыкі казалі і апытаныя аўтарам інфарманты, напрыклад, Сасноўская Ева Паўлаўна (1938 г. н., г. п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна): *«Рожса, от ужэ сколько прыходзілі, у больніцы отпраўляюць: “Ідзіце, шукайце бабу, хай баба гаворыць”»* (Станько Ева Нікіфараўна, 1929 г. н., в. Чэмернае Лельчыцкага раёна).

Пры гэтым лячэнне рожы ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся да гэтага часу не стала прадметам спецыяльнага навуковага даследавання, нягледзячы на дастаткова значную колькасць апублікаваных палявых этнаграфічных матэрыялаў [4], якія, аднак, у большасці выпадкаў, прадстаўлены ў выглядзе замоў [напрыклад: 5; 6] з мінімальным (за рэдкімі выключэннямі) суправаджальным тэкстам, а менавіта ён і з’яўляецца важным для разумення дадзенай тэмы.

Аднак лячэнне рожы менавіта ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся і тым больш нейкія змены ў гэтым працэсе не былі даследаваны ў айчыннай этналогіі. Артыкул мае на мэце разгледзець практыку лячэння рожы і яе эвалюцыю ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў ХХ – пачатку ХХІ ст. Для гэтага аўтарам былі выкарыстаны апублікаваныя матэрыялы палявых

этнаграфічных даследаванняў, якія адносяцца да розных храналагічных адрэзкаў вывучаемага перыяду. Матэрыялы канца XIX – пачатку XX ст., якія дазваляюць ахарактарызаваць стан традыцыі ў перыяд яе паўнаважнага функцыянавання, прадстаўлены тэкстамі Е. Р. Раманава [7, с. 75], А.К. Сержпутоўскага [8, с. 207–208 (№ 1855); с. 216 (№ 1953)], К. Машынскага [9, с. 168 (№ 67)]. Звесткі сярэдзіны – другой паловы XX ст. даюць апублікаваныя матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў, якія праводзіў Інстытут славяназнаўства і балканістыкі АН СССР пад кіраўніцтвам М. І. Талстога [напрыклад: 5]. У рэшце, звесткі аб стане практыкі лячэння рожы ў канцы XX – пачатку XXI ст. прадтаўленымі ўласнымі матэрыяламі палявых этнаграфічных даследаванняў аўтара, якія праводзіліся на тэрыторыі Беларускага Палесся ў 2004–20015 гг., а таксама апублікаванымі палявымі этнаграфічнымі матэрыяламі [6].

Найбольш раннія звесткі аб лячэнні рожы змешчаны ў «Матэрыялах па этнаграфіі Гродзенскай губерніі» Е. Р. Раманава, і пазначаны як паходзячыя з в. Свішчы (Мураўёўскай воласці Пружанскага павета; цяпер – Жабінкаўскі раён): «Калі ў каго рожа, то вязуць зноў да знаючай бабы. Часам і далёка. Замаўляецца рожа на ўсходзе сонца тры разы, таму трэба быць тры дні. Рожа часам і сама праходзіць, а сяляне кажуць «памогла». Рожу таксама выпальваюць на твары. Баба кладзе паклю ільну і падпальвае» [7, с. 75]. У манаграфіі К. Машыньскага «Усходняе Палессе» аўтарам прыводзіцца лячэнне рожы «шаптухай» з дапамогай замовы: «пасля прамаўлення тэкста хворага падкурваюць дымам з пялёсткаў ружы» [9, с. 168 (№ 67)]. У «Прымхах і забабонах беларусаў-палешукоў» А. К. Сержпутоўскага прыведзены 2 тэкста ад рожы (усе з в. Чудзін, Ганцавіцкага раёна), у якіх апісваецца спосаб «высякання» рожы з дапамогаю крэсіва і крэмя: «Рожу больш усяго леаць знахары. Яны бяруць крэсіво й крэмянец і красуюць над хворым рожаяю да яшчэ шэпчуць так: «красаю, б’ю, тну, высакаю, агонь дабываю. Як тут агонь сыплецца, каб так рожа высыпаласа». Гэ шэпчуць тры разы» [8, с. 207–208 (№ 1855)]; а таксама: «Рожа бывае так сабе з добрага раю. У нас ёсць такія людзі, знахары, каторыя добрэ красаюць рожу. Яны бяруць крэсіво й крэмянец, становяцца перад хворым у цямку й пачынаюць красаць да штоць шаптаць, дак рожа хутка прападае й больш не варочаецца» [8, с. 216 (№ 1953)].

Як бачна з вышэйпрыведзеных тэкстаў, традыцыйна ў Беларускім Палессі лячэнне рожы разглядалася як знахарская прэрагатыва, на што паказваюць тэксты Е. Р. Раманава, А. К. Сержпутоўскага [7, с. 75; 8, с. 207–208 (№ 1855), с. 216 (№ 1953)]. Прычынай гэтага, напэўна,

з'яўляўся доўгі працэс лячэння рожы, што разглядалася як вынік ненаўмыснага ці наўмыснага чараўніцтва [8, с. 216 (№ 1953)]. Паказальна, што ў тэкстах А. К. Сержпутоўскага інфарманты звяртаюцца за дапамогай да «знахароў», у функцыі якіх звычайна ўваходзіла ліквідацыя наступстваў негатыўнага ўздзеяння («адрабленне»), хаця ў большасці выпадкаў, лячэннем рожы займаліся ўсё ж «шаптуны» [падрабязней аб аб функцыях розных тыпаў знахароў у рэгіёне глядзі: 2]. З тэкстаў бачна, што ў знахарскай практыцы рэгіёна існавала некалькі спосабаў лячэння рожы ад яе простага замаўлення, замаўлення з «выпальваннем» ільном [7, с. 75], акурваннем хворага месца пялёсткамі ружы [9, с. 168 (№ 67)], а таксама высяканнем рожы з дапамогай крэмна і крэсіва [8, с. 207–208 (№ 1855), с. 216 (№ 1953)]. Аб існаванні іншых спосабаў сведчаць матэрыялы «Тураўскага слоўніка»: «Рожу колісь вулівалі і вунісвалі» (г. зн. падчас чытання замовы, знахар вадзіў нажом ці іншым вострым прадметам лініі вакол хворага месца) (в. Сямігосцічы Столінскага раёна) [10, с. 169]. Паказальна, што прыведзеныя вышэй спосабы лячэння рожы знахарамі маюць выразны магічны сэнс, і накіраваны на выгнанне самой хваробы, у той час як спосабы лячэння, якія былі агульнараспаўсюджанымі сярод насельніцтва, з'яўляюцца накіраванымі менавіта на ліквідацыю сімптомаў рожы, г. зн. маюць больш рацыянальны характар.

Калі параўнасць вышэйпрыведзеныя звесткі з матэрыяламі сярэдзіны ХХ – пачатку ХХІ ст., то відавочнымі становяцца іх пэўныя адрозненні. Апошнія тычацца, перш за ўсё разнастайнасці спосабаў лячэння рожы. З чатырох тэкстаў замоў з каментарамі, прыведзеных у зборніку «Палескія замовы» [5, с. 189–196 (№ 314–316, 319, 321–322, 324)] ў чатырох прыводзіцца спосаб лячэння з дапамогай «выпальвання» ільном на анучы (звычайна, чырвонага колеру). Гэтую тэндэнцыю падцвярджаюць і матэрыялы канца ХХ – пачатку ХХІ ст. [напрыклад, 6].

Згодна з даследаваннямі аўтара, падобная сітуацыя захоўваецца на тэрыторыі Беларускага Палесся і ў канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. Як ужо адзначалася вышэй, рожа з'яўляецца адной з пастаянных праблем з якімі хворыя звяртаюцца да «знаючых» за дапамогай. Прычын яе ўзнікнення, на думку знахароў могуць быць як вынікам натуральных прычын: «Нападае, праколчык, разрэзік, удар» (Кудзін Ядвіга Іванаўна, 1925 г. н., г. п. Лельчыцы. Нарадзілася ў в. Заходы Лельчыцкага раёна), так і вынікам звышнатуральнага ўздзеяння: «Рожа бывае тожа і з глаз, і от ветра, і бывае накідаюць» (Сасноўская Ева Паўлаўна, 1938 г. н., г. п. Лельчыцы). Для дакладнага

вызначэння наяўнасці ці адсутнасці ў пацыента дадзенай хваробы звычайна праводзіцца дыягностыка, якая адбываецца непасрэдна падчас самога рытуалу лячэння: знахарка сочыць, як будзе гарэць падпалены лён, які выкарыстоўваецца ў лячэнні. Калі попел ад ільну ляціць уверх, лічаць, што чалавек хворы на рожу. У адваротным выпадку прычына хваробы іншая. Краўчэня Галіна Ігнацьеўна (1939 г. н., в. Чырвонабярэжжа Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Храпунь Столінскага раёна) гаворыць наступнае: *«І вонэ як рожжа есцэка, вона эта рожжа дзейсцвіцельна, вонэ этэ зназу понесе ўгору, ўгору ўсе эта пыль полеціць, но як нема рожы, то вонэ не будзе, будзе лежаць у мене на месці»*.

Асноўным рытуалам для лячэнне рожы з'яўляецца вышэйзгаданае «выпальванне», якое з'яўляецца асноўным спосабам лячэння рожы ў сучаснай знахарскай практыцы рэгіёна. Пры выкарыстанні гэтага спосабу знахар звычайна перад чытаннем замовы (у некаторых выпадках пасля чытання) накрывае хворае месца чырвонай (радзей іншага колеру) анучай, на якую кладзе 3 ці 9 пасмачак ільну, які, вымаўляючы адпаведную колькасці пасмачак ільну колькасць разоў замову, кожны раз спальвае адну з пасмачак. Часта пасля лячэння чырвоны кавалак тканіны пераварочваецца і кладзецца на хворае месца, пакідаючы яго там на пэўны час. Фіцнер Вольга Іосіфаўна (1929 г. н., в. Грэбені Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Жмурнае Лельчыцкага раёна) «спальвае рожу» наступным чынам: *«Ну, я ту спальваю, я рожу спальваю. Тожжа тут... Берэш прадзіво, от як колісь прадзіво, лён і так почутачку выцягаеш дзевяць раз і так почутачку клубочки, тры клубочки такога. По дзевяць етых во, і ўместо, і зробіш тры клубочки. І ету ложыш красну трапку шэрсцяну на эта места дзе рожжа і эта тожэ, шэпчэш»*. Аналагічнага спосабу лячэння рожы прытрымліваецца і Цярлецкая Валянціна Антонаўна (1930 г.н., в. Дубое Пінскага раёна): *«Палю. Я палю. Я помолылася рожу, помолылася тую молитву. После ўзяла, наскубла льну, так дзеўяць такых косумчыкоў, наскубла і наклала. Сьвечку запалыла, помалэньку закрыла красною трапочкаю, там, чы ногу, чы руку. Поклала поціхоньку, то ж нэ будэш палыты так, поціхоньку, одну, да свічэчкою запалыла, одну, другу, ўсі попалыла, еслі рожжа, вона ўсе быстрэнько ўгору лэціць. Нэ ўсьпіе загорытысь, як у гору палэтыць»*.

Пэўныя змены закранулі і іншыя аспекты выканання рытуалу. Так, у выніку змянення ладу жыцця насельніцтва, для многіх інфармантаў нават у сельскай мясцовасці становіцца праблематычным дастаць лён. Некаторым па іх просьбе яго

прыносяць пацыенты. Аднак некаторыя інфарманты ў якасці замены ільну пачалі выкарыстоўваць сучасныя матэрыялы. Напрыклад, Варабей Марына Міхайлаўна (1940 г. н., в. Баравое Лельчыцкага раёна) выкарыстоўвае замест ільну вату: *«Ну я ж говору, нада красна суконна така трапачка і вату. У вас німа ў горадзе, у нас то лён іе. Я яго ўжэ бяру й не сею зараз. Любу вату, любу вату. Так»*. Павелічэнне мабільнасці насельніцтва ў XX ст. прывяло да таго, што часта знахар і патэнцыйны пацыент пражываюць на вялікай адлегласці адзін ад аднаго. У выніку ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся назіраецца павелічэнне безкантактных спосабаў лячэння (калі замовы нагаворваюць на вадку, хлеб, адзенне і іншыя рэчы, якія потым даюць хвораму). Аднак рожа, якая патрабуе не простага замаўлення а дакладнага выканання рытуалу, на думку многіх інфармантаў, не можа лячыцца дыстанцыйна: *«Я іменна знаю, шо яйцо, хлеб і вада эта можна іспуг, зглаз, о такое. А напрымер рожжа, ўжэ этага не дасі»* (Астаповіч Ганна Уладзіміраўна, 1950 г. н., г. п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Лохніца Лельчыцкага раёна). Аднак, нават з такіх сітуацый пры патрэбе знаходзіцца выйсце. Так, Міненка Дар'я Марцьянаўна (1914 г. н., г. п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна) лячыла рожу, шэпчучы замову па тэлефоне, у той час як яе знаёмая спальвала лён непасрэдна над хворым: *«А я, а я ж по ціліхвону. Не хоцела. А там сястра, яго дачка, да робіць у больніцы, у военном госпіталі. І дружыць зь імі. А-а, да просяць: “Шапчы по ціліхвону”»*.

Яшчэ адной тэндэнцыяй, звязанай з лячэннем рожы, з'яўляецца павелічэнне ўплыву хрысціянскай этыкі (як, уласна, на знахарства ўвогуле), на працягу XX ст. Гэта праяўляецца, напрыклад, у выкарыстанні пры лячэнні хрысціянскіх малітваў, правядзення працэса лячэння перад іконамі і г. д. Напрыклад, Кузьміч Фядора Мартынаўна (1923 г. н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна) спальвае рожу менавіта царкоўнымі свечкамі: *«Ну я запальла свечкі, ў менэ светыя, ў мэнэ і з Кіева, Лаўры, ў мэнэ і Зраіля есця, ну дэ Сус Хрыстос родзіўса, у мэнэ і з Печэева, у мэнэ Жыровічы, ў мэнэ і з Москвы е, свечы. О люды скіля, я попрошу, мне прывозяць»*.

Такім чынам, лячэнне рожы ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся зазнала значныя змены, якія заключаюцца, перш за ўсё, ў змяншэнні колькасці спосабаў яе лячэння, а таксама павелічэнні ўплыву хрысціянскай этыкі на знахарскую прыктыку ў параўнанні з першай трэцю XX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Крачковский, Ю. Ф. Быт западно-русского селянина / Ю. Ф. Крачковский ; Изд-во Императорского общества истории и древностей российской империи. – М. : Университет. тип., 1874. – 212 с.
2. Ганчар, У. А. Накірункі знахарскай дзейнасці ў Беларускай Палесі і іх змены ў XX – пачатку XXI ст. / У. А. Ганчар // Научные труды Республиканского института высшей школы : в 2 ч. : сб. науч. ст. / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. 11, ч. 1 : Исторические и педагогические науки. – С. 24–30.
3. Большая медицинская энциклопедия / авт. Сост. Н.Б. Светлакова. – М. : АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 899 с.
4. Народная медицина: ритуальна-магічная практыка / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі ; уклад., прадм. і паказ. Т. В. Валодзінай ; навук. рэд. А. С. Ліс. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 774 с. – (Беларуская народная творчасць).
5. Полесские заговоры: в записях 1970–1990-х гг.: сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 2003. – 751 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).
6. Вяргеенка, С. А. «На моры-акіяне, на востраве Буяне...» (лекавыя замовы Гомельшчыны) : фальклор.-этногр. зб. / С. А. Вяргеенка ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; пад рэд. В. С. Новак. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 220 с.
7. Материалы по этнографии Гродненской губернии : [в 2 вып.] / изд. Упр. Вилен. учеб. округа ; под редакцией Е.Р. Романова. – Вильно : Рус. почин, 1911–1912. – Вып. 1. – 1911. – 239 с.
8. Сержпутоўскі, А. К. Прымі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А. С. Фядосік ; прадм. У. К. Касько]. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
9. Машынскі, К. Усходняе Палессе / Казімір Машынскі; уклад., прадм., камент. У. Васілевіча; пер. Л. Салавей. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – 528 с. – (Беларускі кнігазбор: Серыя 2, Гісторыка-літаратурныя помнікі).
10. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; склад: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін ; рэд. А. А. Крывіцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–1987. – Т. 1 : А-Г / склад. А. А. Крывіцкі [і інш.]. – 1982. – 255 с.

Uladzimir Hanchar. The practise of curing of "rozha" ("erysipelas") in the sorcery of Belarusian Polesie during the XXth – the beginning of the XXIst century.

In the article is considered the practise of curing of "rozha" ("erysipelas") in the sorcery of Belarusian Polesie during the XXth – the beginning of the

XXIst century. On the base of published folklore-ethnographic sources and his own field ethnographic research, the author traces the evolution of curing erysipelas by sorcerers during the considered period. The conclusion is made about shortening of amount of the erysipelas curing methods in sorcerous practice.

УДК 394(476) (091).

К. С. ДВАРАКОЎСКИ

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»)

ЭТНАЛАГІЧНАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ САМАКІРАВАННЯ БЕЛАРУСАЎ У 1950–1960-х ГАДАХ ХХ СТАГОДДЗЯ

Артыкул прысвечаны этналагічнаму даследаванню самакіравання беларусаў у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. Характэрнай рысай даследавання самакіравання беларусаў 1950–1960 гг. ХХ ст. было вывучэнне асноўных зменаў ў сацыяльным жаці пралетарскага насельніцтва (калгаснікаў і рабочых), на аснове найбольш паспяховых аб'ектаў з мэтай паказаць перавагі новага сацыялістычнага грамадскага ладу. Асноўная ўвага надавалася кіруючай ролі Камуністычнай партыі, як арганізуючай сілы грамадскай актыўнасці, ролі рабочых і сялян ў інстытутах самакіравання вытворчасці.

Самакіраванне – гэта частка сацыяльнай культуры этнасу. Даследаванне самакіравання беларусаў у пасляваенныя часы пачаліся ў 1948 г., у рамках даследавання сацыялістычнай культуры і быту беларусаў. Пад сацыялістычнай культурай разумелася пралетарская па зместу і нацыянальная па сутнасці культура, створаная працоўнымі масамі пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі. Аснова сацыялістычнай культуры – савецкая ўлада і савецкая сістэма грамадскіх адносін [1, с. 346]. Галоўнай задачай этнографу было паказаць змены ў жыцці рабочых і калгаснікаў як аснову новага сацыялістычнага ладу [2, с.7–8].

У 1951–1952 гг. пачалося даследаванне калгаса «Большавік» Хойніцкага раёна Палесскай вобласці якога было на прыкладзе тыповага калгаса паказаць асноўныя змены, якія адбыліся на вёсцы за гады савецкай улады [3, с. 59]. Па выніках экспедыцыі выйшла праца М. Я. Грынבלата і Л. А. Малчанавай «Новыя з'явы ў быце калгаснай вёскі»(1958).

Аўтары не раскрываюць дзейнасць інстытутаў кіравання дакастрычніцкага перыяду, спрэчна сцвярджаючы, што сацыяльнае жыццё ў той час мела індывідуалісцкі характар. Самакіраванне калгаснай вёскі аўтары абазначаюць паняццем «калгасная дэмакратыя», аснову якой складаюць партыйная ячэйка і калгасны сход. Даследчыкі выдзяляюць наступныя функцыі партыйнай яэйкі. Па-першае, кантроль дзейнасці калгаса шляхам уключэнне актыву ў самыя адказныя участкі працы [3, с. 61]. Другая функцыя – выхаваўчая праца з насельніцтвам шляхам партыйных даручэнняў, выпуску баявых лісткоў і правядзенне адкрытых сходаў. Асноўная задача калгасных сходаў заключаецца ў абмеркаванні найбольш важных пытанняў дзейнасці калгаса. [3, с. 63].

М. Я Грынблат і Л. А. Малчанова параўноўваюць сялянскае самакіраванне дарэвалюцыйнай вёскі і пасляваеннай, пазаўвагаю застаўся перыяд станаўлення калгаснага ладу (1917–1930 гг.). Такім у працы не паказаны ўвесь працэс зменаў сацыяльнага жыцця вёскі.

Наступнае, на што хацелася звярнуць увагу, гэта выбар аб’екта даследавання – «тыповы калгас». У той час паняцце «тыповы» азначала не больш распаўсюджанае, а найперш тое, што адпавядае сутнасці дадзенай сацыяльна-гістарычнай з’явы [4, с 98]. Такого роду ўстаноўка сведчыць а тым, што ў даследаванні калгасаў беларускімі савецкімі этнографамі выбіраліся найбольш паспяховыя аб’екты. Гэтым можна разтлумачыць адсутнасць звестак у працы аб вырашэнні калгасным самакіраваннем праблемных з’яў у сацыяльным жыцці вёскі.

Цікава, што адначасова з пачаткам палявога даследавання калгаса беларускімі этнографамі ў асяродку савецкіх навукоўцаў адбываліся дыскусіі адносна аб’ектыўнасці даследавання зменаў у вясковым жыцці вёскі толькі на прыкладзе калгасаў. П. І. Кушнер на старонках часопісу «Советская этнография» крытыкаваў даследаванне выключна калгасаў. Было адзначана, што для таго, каб паказаць працэс зменаў на вёсцы, неабходна даследаваць усю вёску ўцэлым [5, с. 231]. З гэтым варта пагадзіцца, таму што калгас з’яўляўся найперш вытворчай адзінкай. Таму пазаўвагай даследчыкаў засталіся інстытуты самакіравання, якія не ўваходзілі ў сферу вытворчасці і рэгулююць пазавытворчую сферу сацыяльнага жыцця. У даследаванні толькі упамінаецца Вялеценскі сельскі савет, але не аналізуецца роля савета ў сістэме сялянскага самакіравання.

Пытанні самакіравання беларусаў асвятляліся на старонках фундаментальнага даследавання «Народы европейской части СССР» (1961 г.). У аснову самакіравання дарэвалюцыйнай вёскі ў працы пастаўлены сельскі сход, але не аналізуюцца яго функцыі [6, с.841].

Аўтары даследавання ў якасці асноўных інстытутаў вясковага самакіравання 1920–1930 гг. адзначаюць «камітэты беднаты» і «саветы бальшавікоў», але не раскрываюць структуру і дзейнасць дадзеных інстытутаў [6, с. 841].

1930–1950 гг. даследчыкі адзначаюць як перыяд станаўлення новых інстытутаў калгаснага самакіравання, а таксама актыўны ўдзел калгаснага сялянства ў самакіраванні вёскай. Адметна, што акрамя калгасных сходаў у працы прыдзяляецца ўвага «Саветам», як сродку ўдзелу сялян у кіраванні краінай [6, с. 846].

Уключэнне «Саветаў» у даследаванні, на нашу думку, звязана з палітычнымі працэсамі – у 1959 г. адбыўся XXI з’езд КПСС, на якім было канстатавана канчатковая пабудова сацыялізму, дасягненне поўнага народаўладдзя, якое выяўляецца ў Саветах [7, с. 55].

Самакіраванне гарадскога насельніцтва абмяжоўваецца даследаваннем дадзенага аспекту ў рабочым асяроддзі. Дарэвалюцыйны перыяд характэрызуецца самаарганізацыяй рабочых. Асноўнай формай самаарганізацыі з’яўляўся ўдзел у стачках, мітынгх і дэманстрацыях. Завяршыўся працэс самаарганізацыі рабочых, у перыяд рэвалюцыйных падзей 1905–1907 гг., калі рабочы рух узначалілі бальшавікі [6, с. 856–857].

Паслякастрычніцкі перыяд рабочага самакіравання не выдзяляецца аўтарамі ў асобную катэгорыю. Адзначаецца толькі шырокі ўдзел рабочых разам з сялянамі ў дзейнасці Саветаў [6, с. 866]. Акрамя таго, выдзяляюцца новыя інстытуты рабочага самакіравання непасрэдна на вытворчасці: таварыскія суды і групы аховы правапарадку, але не аналізуюцца іх функцыі [6, с. 867]. Такая фрагментарнасць у даследаванні самакіравання рабочых у сучаснасці можа сведчыць аб недастатковай навуковай распрацоўцы даследавання сацыяльнай культуры рабочых.

Акцэнт на даследаванні сістэмы самакіравання рабочых з’яўляецца штучным метадалагічным абмежаваннем, па-за ўвагай навукоўцаў застаўся ўдзел у гарадскім самакіраванні іншых катэгорый гарадскога насельніцтва.

Аспекты самакіравання беларускіх сялян у перыяд Вялікай Айчыннай вайны закранаюцца ў працах А. І. Залесскага «Падарожжа ў суровае мінулае» і «Быт беларускіх сялян у партызанскім краі» (1960 г.). Аўтар паказвае самакіраванне спецыфічнай сацыяльнай сістэмы – «партызанская зона».

Даследчык вызначае два перыяды дзейнасці самакіравання на акупаваных тэрыторыях. Першы перыяд – 1941–1942 гг. савецкія партыйныя і кіруючыя органы ў падполлі каардынавалі сваі дзеянні па

аказанні супраціву ворагу [8, с. 16; 9, с. 138]. Наступны этап – дзеянне партызанскага самакіравання, на думку аўтара, звязаны з разгортваннем партызанскага руху ў 1943 г. і ўключэннем камандавання партызанскіх злучэнняў у органы савецкай улады. А. І. Залескі адзначае, што да камандзіраў і камісараў перайшлі функцыі кіравання вытворчымі і грамадскімі справамі [8, с. 17].

У даследаваннях А. І. Залескага звяртаецца ўвага на ўзрастанне сялянскай самаарганізацыі і ўзаемадапамогі, што знайшло адлюстраванне ў дапамозе пагарэльцам, сем'ям загінулых партызан, бежанцам. Таксама даследчык указвае, што у гэты перыяд шырока бытаваў народны беларускі звычай «талака» [9, с. 44]. У сваіх працах А. І. Залескі падае ідэалізаваную карціну сацыяльнага жыцця партызанскага края і не звяртае ўвагу на негатыўныя моманты ў працы інстытутаў сялянскага самакіравання ва ўмовах вайны.

Даследаванню самакіравання рабочых прысвяціў свае працы У. М. Іваноў. У апублікаваным у украінскім часопісе «Народна творчысть та этнографія» артыкуле «Громадський побут бригад комуністычнай праці БРСР» даследчык паказвае камуністычную брыгаду, як новы сацыяльны інстытут рабочага асяроддзя, адзначаў, што яна з'яўляецца аб'яднаннем найбольш актыўнай часткі рабочых, якія выдзяляюцца творчымі а дносінамі да працы і моцнымі сяброўскімі адносінамі [10, с. 15]. У. М. Іваноў выдзяляе наступныя функцыі камуністычнай брыгады: выхаванне новай свядомасці ўнутры калектыва, дапамога рабочым пазбавіцца ад рэштак старога светапогляду, памылак і недахопаў. Таксама перавыхоўванне рабочых, якія здзейснілі парушэнне правапарадку, шляхам узяцця на парукі [10, с. 15–16]. Адзначым, што навуковец не ўдакладняе, якім чынам рабочыя ўключаюцца ў камуністычныя брыгады і як дзейнічае дадзены інстытут у выпадку парушэння правілаў яго членамі.

У аўтарэфераце «Современный быт рабочих города Минска» У. М. Іваноў, на прыкладзе рабочых чыгуначнага вузла, завода «Бальшавік», завода «Імя Кастрычніцкай рэвалюцыі», трактарнага завода і радыёзавода, аналізуе змены, якія адбыліся ў сучасным сацыяльным жыцці рабочых. Характэрызуючы рабочае самакіраванне, аўтар адзначае калектывісткі характар і кіруючую ролю партыйнай ячэйкі, аднак адсутнічае аналіз дзейнасці самакіравання непасрэдна на вытворчасці, а таксама ўдзел рабочых ў агульнагарадскіх органах самакіравання [11, с. 14–15].

У другой палове 1960 гг. пытанні самакіравання знайшлі адлюстраванне ў абагульняючых працах, прысвечаных сацыялістычнай культуры беларусаў.

У працы Дулебы А. І. «Сучасны грамадскі і сямейны быт беларускіх калгаснікаў» на матэрыялах тыповых калгасаў Барысаўскага раёну Мінскай вобласці, і Кобрынскага і Камянецкага раёну Брэстскай вобласці прааналізаваныя змены ў сацыяльным жыцці вёскі за гады савецкай улады і рост сацыяльнай актыўнасці вясцоўцаў [12, с. 8]. Аўтар не аналізуе сістэму самакіравання дарэвалюцыйнай вёскі, называе сацыяльнае жыццё сялянства таго часу аднаасобніцкім [12, с. 9]. Як процівагу аднаасобніцтву старой вёскі А. І. Дулеба ставіць калектывізм савецкай калгаснай дэмакратыі, асноўная роля ў якой адводзіцца партыйнай арганізацыі. Далей адзначаецца шырокі удзел насельніцтва ў дзейнасці «Саветаў» і інстытутах калгаснага самакіравання [12, с. 10]. А. І. Дулеба не адзначае, якім чынам адбывалася ўзаемадзеянне паміж «Саветамі» і калгасамі.

Працэс станаўлення новых форм самакіравання даследаваў А. М. Камароў. У працы «Новыя з’явы ў сямейным і грамадскім быццё працоўных савецкай Беларусі (1917–1929)» Найперш адзначаецца, што аснова новага ладу была закладзеная ў прававых дакументах савецкай дзяржавы [13, с. 4].

Другі аспект, які выдзяліў А. М. Камароў у сістэме самакіравання працоўных – рост сацыяльнай актыўнасці, які знайшоў адлюстраванне ва ўдзеле насельніцтва ў мітынгх і сходах, але не падаецца навуковы аналіз функцый дадзеных інстытутаў [13, с. 6]. Развіццё савецкай сістэмы самакіравання (1920–1929 гг.), аўтар звязвае з далейшым узрастаннем сацыяльнай актыўнасці насельніцтва пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі. Дзейнасць Саветаў А. М. Камароў не раскрывае падрабязна, падаючы толькі статыстычныя звесткі на ўзроўні рэспублікі і адзначае перавагу сялян у колькасці дэлегатаў З’езду Саветаў БССР 1927 г. [13, с. 8–9].

Акрамя таго, функцыянаванне мясцовага самакіравання, а таксама самакіравання ўнутры працоўных калектываў раскрытае, на нашу думку, не ў поўным аб’ёме. Навуковец паказвае дзейнасць толькі дзвух уласцівых таму перыяду інстытутаў. Адзін з іх – палітычныя суды, асноўная функцыя якіх выкрыванне недахопаў у жыцці працоўных. Варта сказаць, што даследчык не раскрывае асаблівасці структуры і функцыянавання палітычных судаў у сістэме самакіравання працоўных. Таксама за межамі навуковага аналізу засталася пытанне: якія менавіта пытанні часцей за ўсё ставіліся на паседжанне судаў, і якія уплыў яны мелі на грамадства. Іншы інстытут, які вызначае А. М. Камароў – сходы дэлегатак, асноўная задача якіх – палітычнае і культурнае выхаванне жанчын [13, с. 10–11]. Аўтар не паказвае розніцы ў самакіраванні гарадскога і сельскага насельніцтва.

Сацыяльная актыўнасць у якасці стрыжневага элемента самакіравання насельніцтва ў этналагічных даследаваннях другой паловы 1960 г. абумоўлена ўплывам дзяржаўна-палітычных працэсаў. Менавіта ў гэты перыяд дзяржава ставіць задачу перад грамадскімі навукамі фарміравання сацыяльна-актыўнай асобы, як асноўнага будаўніка камуністычнага грамадства [7, с. 9].

Такім чынам, у першае пасляваеннае дзясяцігоддзе даследаванне самакіравання беларусаў у этналагічнай навуцы было накіравана на аналіз зменаў, якія адбыліся за савецкі час і цалкам залежыла ад грамадска-палітычнага становішча ў краіне. Асноўная ўвага надавалася ролі калгаснага сялянства і рабочых у сацыяльным жыцці грамадства.

Список использованных источников и литературы

1. Культура социалистическая // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. – М., –1953 – т.24–С.341-342.
2. Толстов, С. П. XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы этнографии / С. П. Толстов // Советская этнография. – 1952. – №4. – С. 3–10
3. Грынблат, М. Я., Малчанава, Л. А. Новыя з’явы ў быце калгаснай вёскі / М. Я. Грынблат, Л. А. Малчанава // Беларускі этнаграфічны зборнік / І С. Краўчанка [і інш.]. – Мінск, АН БССР, 1958. – 112 с.
4. Маленков, Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) / Г. М. Маленков. – М. : Правда , 1952. –108 с.
5. Кушнер(Кнышев), П. И. Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР (к итогам дискуссии) / П. И. Кушнер // Советская этнография. – 1953. – №1.– С. 10–26.
6. Народы Европейской части СССР. Т. I / Под ред. В.А. Александрова (и др.). – М. : Наука, 1964. – 984 с.
7. Основные проблемы этнографических исследований в текущем семилетии // Советская этнография. – 1959. – №3. – С. 3–10.
8. Залескі, А. І. Быт беларускіх сялян у партызанскім краі / А. І. Залескі. – Мінск : Выдавецтва АН БССР, 1960. –210 с
9. Залескі, А. І. Падарожжа ў суровае мінулае : Нарысы аб жыцці беларускіх сялян на тэрыторыі партызанскага краю / А. І. Залескі. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1960. – 117 с.
10. Иванов, В. Громадський побут бригад комуністичної праці БРСР // Народна творчість та етнографія. – 1959.– №3. –С. 35–41.
11. Иванов, В. М Современный быт рабочих города Минска (Ист.-этногр. очерк на материалах ж.-д. узла, заводов «Большевик», имени

К. Е. Ворошилова, радиозавода и тракт. завода) : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. М. Иванов. – Акад. наук УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии. – Киев, 1961. – 21 с.

12. Дулебо, А. И. Современный общественный и семейный быт белорусских колхозников : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. И. Дулебо. – АН БССР. Отд-ние обществ. наук. – Минск. : 1966. – 21 с.
13. Комаров, А. М. Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917–1929 гг.) : (историко-этнографический очерк) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 576 Этнография / А. М. Комаров. – АН БССР. Отд-ние обществ. наук. – Минск. : 1969. – 20 с.

Konstantin Dvorakovskiy. Ethnological studies government belarusians in the 1950-1960 years of the XX century.

The article is devoted to the study of ethnological government of the Belarusians in the first postwar decade. A characteristic feature of the Belarusian government dasledavaannya 1950-1960 biennium. Twentieth century. It was to examine the main changes in the social will of the proletarian population (farmers and workers), based on the most successful sites in order to show the advantages of the new socialist system. Emphasis was placed on the leading role of the Communist Party, as the organizing power of social activity, the role of the workers and peasants in the institutions of self-production.

УДК 94:271.2:242-523(476.2)

Д. В. РЯБЦЕВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ РЕЧИЦКОГО РАЙОНА :
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье рассматриваются православные храмы Речицкого района. Дается историческая характеристика культовым православным объектам региона. Культовые памятники Речицкого района выполняют не только религиозную функцию, но и значимую культурную, воспитательную роль

Актуальность исследования заключается в том, что архитектура Речицкого района своеобразна и необычна, а многие из культовых сооружений – абсолютно уникальны. Научный интерес представляет вопрос о реконструкции утраченного культового зодчества Беларуси, в том числе в региональном варианте. Обращение к истории православных храмов позволяет затронуть и художественную ценность данных объектов. Современные реалии оставляют открытой и проблему показа утраченного историко-культурного наследия Беларуси, и неполно раскрытым сюжет об охране отдельных памятников. Православные храмы являются центрами просвещения, развития культурных традиций, что также усиливает актуальность темы.

Отдельные сохранившиеся до сегодняшнего дня православные храмы были возведены в Речицком районе еще в XIX веке. Негативную роль на развитие церковной жизни и деятельность православных приходов оказала советская власть, с ее становлением роль православной церкви в обществе значительно ослабилась. Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23.01.1918) религиозные организации превращались в частные общины верующих, существующие исключительно на свои средства. В 1930-е гг., православное духовенство Речицы, как и духовенство других конфессий, подверглось репрессиям: закрывались храмы; священники, обвиненные в антисоветской деятельности, высылались в Сибирь и Казахстан [1, с. 45]. Активизация церковно-религиозной жизни, которая наблюдалась в годы Великой Отечественной войны, сменилась в 1950–60-е гг. новой волной наступления на церковь. И только с конца 1980-х гг., началось новое религиозное возрождение, которое затронуло и Речицкий район.

В настоящий момент Речицкое благочиние насчитывает 21 зарегистрированный храм. В благочинии служат 23 священника. Речицкое благочиние участвует в ряде традиционных мероприятий: Свято-Евфросиньевские педагогические чтения, Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, ежегодные Дни белорусской письменности и печати. Оно оказывает помощь детским домам, домам для престарелых и инвалидов [2].

Целью данной работы является историко-культурная характеристика православных культовых объектов Речицкого района. Историография вопроса довольно ограничена. Хотя по истории православной конфессии на Беларуси и охране отечественного историко-культурного наследия создано значительное количество трудов, опубликовано множество альбомов, регулярно обновляются

соответствующие информационные сайты, аспект, связанный с освещением сохранности храмов и их вкладом в историко-культурное наследие Гомельщины, представлен фрагментарно. Основными источниками для разработки темы послужили опубликованные документы, фотоматериалы, а также результаты устных опросов священнослужителей, осуществленные автором, его непосредственные наблюдения, сделанные в период 2014–2015 гг. в связи с деятельностью разных православных храмов Речицкого района. Обратимся к истории православных храмов Речицкого региона в порядке возникновения конкретных культовых объектов.

В городском поселке Василевичи расположена Николаевская церковь, построенная в 1825 г. В XIX в. церковь была крупнейшим церковным объектом в окрестностях. На протяжении второй половины XIX в. здание храма расширялось и достраивалось. В годы советской власти коммунистами церковь была полностью разрушена, после войны в 1946 г. православной общине передано здание бывшего ткацкого цеха. В 1992 г. начато строительство нового каменного храма, которое завершилось в 1996 г. В этом же году Высокопреосвященнейший Аристарх, архиепископ Гомельский и Жлобинский, освятил храм [1, с. 63]. В Николаевскую церковь на службу приезжают из соседних деревень Головок, Первомайска, Короватичей.

Одним из интереснейших памятников культуры Речицкого района является храм Покрова Пресвятой Богородицы. В середине XIX в. Минским епархиальным управлением принято решение о возведении в центре города Речицы нового каменного храма. Храм центричный, состоял из основного объема (в плане квадрат со срезанными углами) и прилегающих к нему с 4-х сторон полукруглых объемов. В восточной части находился алтарь, в остальных сделаны входы с высокими каменными крыльцами. Храм в 1948 г. закрыли, снесли купол, колокольню. Православной общине г. Речицы было разрешено арендовать деревянное здание вблизи кладбища. Верующие и настоятель пытались получить разрешение иметь собственное молитвенное здание. В июне 1955 г. такое разрешение получено, однако начатое строительство остановлено решением городских властей от 2 декабря 1955 г. 22 июня 1956 г. городские власти пристройку снесли. Община продолжала настойчиво добиваться нового здания под церковь. 14 мая 1979 г. церковная община обратилась к властям с просьбой произвести капитальный ремонт здания молитвенного дома. 19 августа 1979 г. прихожане Речицкого молитвенного дома

торжественно праздновали Преображение Господне [2]. Уже на следующий день началось строительство церкви. Здание новой церкви возвели за 3 дня. В 1989 г. достроены колокольня и притвор. В 2000 г. храм освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 2007 г. была возведена часовня.

История церквей Беларуси похожа, их закрывали, превращали в клубы и бары, оскверняли. Затем наступал период возрождения на радость верующим. Свято-Успенский собор в Речице тоже не избежал такой судьбы, но смог выстоять и до сих пор несет свет и веру в души прихожан.

Строительство этого собора началось в 1841 г. Правда, через три года недостроенное здание разрушилось. Целых двадцать лет храм был в таком виде. И только в 1864 г. строительство снова возобновилось – благодаря деньгам одного минского купца. Но и тут собору не повезло : через два года купец разорился, а строительство снова прекратилось. Жители города вынуждены были просить помощи у минского губернатора Токарева, который выделил деньги на многострадальный храм. В 1872 г. он был достроен и освящен. Наиболее важный момент Успенский собор пережил в апреле 1910 г., когда в ночь с 25 на 26 апреля именно в нем находилась рака с мощами преподобной Евфросиньи Полоцкой, и в присутствии тысяч людей прошла торжественная всенощная литургия.

Статус собора резко изменился после октября 1917 г. В 1922 г., в поисках средств для помощи «голодающему Поволжью» комиссия уездного исполкома изъяла в нем наиболее ценную культовую утварь : кресты, лампы, кадила и т.п. – всего 81 серебряный предмет, общим весом более 11 кг. Но это был только пролог : в 1934 г., когда в стране развернулось «наступление социализма по всему фронту», Успенский собор был закрыт, а в его здании обустроился Дом социальной культуры [3, с. 61]. Уже на следующий год были снесены купола, возведена деревянная пристройка, переделан интерьер. В 1940 г. здание значительно пострадало от пожара. Восстановлено оно было в 1942 г., когда немецкие оккупационные власти разрешили возобновление религиозной жизни и вернули храм верующим.

Повторное закрытие Успенского собора стало драматическим эпизодом послевоенной городской жизни. Уже в декабре 1944 г. был поставлен вопрос о превращении храма вновь в городской Дом соцкультуры. Однако верующие отнеслись к этому крайне негативно. Война еще не была закончена, отношения государства и

церкви только укреплялись и, осознав непопулярность своего решения, власти отступили.

Но с окончанием войны и восстановлением социальной и культурной сфер города претензии на здание собора возобновились. В январе 1948 г. Речицкий исполком вновь принял решение «Об освобождении помещения Речицкого дома соцкультуры, занятого приходской общиной верующих». Прихожанам предлагалось устроить молитвенный дом в деревянной постройке по ул. Кооперативной площадью 91 кв. м, в которой на тот момент размещался колбасный цех потребсоюза, а также там жили 4 семьи. Не ожидая официального оформления изъятия здания, исполком запретил пользование собором и закрыл его на замок. Собор остался без куполов, его интерьер был полностью изменен, к храму пристроили деревянное здание. В 60-е гг., помещение и вовсе стало бесхозным. Только в самом конце XX в. – в 1999 г. – собор вернули верующим. В этом же году прошло первое богослужение.

Сейчас Свято-Успенский собор – украшение Речицы, храму присвоен статус историко-культурной ценности Беларуси. Это уже целый комплекс: рядом с основным зданием расположились церковная лавка и административно-хозяйственный блок, построена часовня для освящения воды [4, с. 234]. Эту часовню возвели в 2008 г., на деньги прихожан. Административно-хозяйственный блок стал местом расположения воскресной школы, помещения для крещения, а также рабочего кабинета настоятеля собора.

Свято-Успенский собор по праву гордится своим иконостасом. Он пятиярусный, включает двадцать четыре иконы. В 2011 г., в храме появились два киота в честь святого Николая и Казанской Божьей Матери, а недавно в собор привезли иконы Блаженных Ксении Петербургской и Матроны Московской. За помощью можно обратиться и к белорусским святым: Евфросинье Полоцкой, Манефе Гомельской, Жировицкой Божией Матери, к святому праведному Иоанну Кормянскому.

В соборе очень большое внимание уделяют воспитанию молодежи, работе с детьми и подростками. Осенью начинает работать воскресная школа, занятия в которой идут до весны. Обычно здесь занимаются по 50–60 детей. Священники собора вместе с властями уже несколько лет подряд организуют пасхальный фестиваль. Очень ярко проходят рождественские вечера.

В Свято-Успенский собор приходят за помощью и поддержкой не только дети, но и взрослые. В соборе сейчас служат четыре священнослужителя и дьякон, работают два хора.

В деревне Козье Речицкого района располагается Храм Рождества Пресвятой Богородицы [4, с. 240]. Первые упоминания о православном приходе в окрестностях деревни Козье датированы 1879-м г. Около 1948 г., семья Александра Мухи, сохранившая иконы, хоругви и прочую церковную утварь разрушенного храма в Демехах, передала для богослужебных нужд свое старое жилище. Именно тогда и появился приход в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1970-е гг., церковь закрыта властями, затем она сгорела. Приход Рождества Пресвятой Богородицы в Козье вновь был образован в 1995 г., началось строительство храма. Первая Божественная литургия совершена в храме в День Святой Троицы. В этом же году 4 сентября Высокопреосвященнейшим Аристархом, архиепископом Гомельским и Жлобинским, храм освящен в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Работы по его достройке, благоустройству прилегающей территории, возведению колокольни продолжались до 2008 г.

В 1895 г. в деревне Новый Борсук было начато строительства Свято-Успенского храма. Крестьянин Иван Сивалов на собственные средства (300 р.) купил старую церковь в д. Владимировка Могилевской губернии. Старую церковь перевезли в д. Барсук и за 3 года построили большую церковь. Храм был высотой 35 м, шириной – 12 м, длиной – 20 м. Был сделан пятирусный иконостас высотой 15 м и шириной 12 м с покрытием из сусального золота. В 1930-е гг. храм закрыли, были сброшены купола и кресты. Имущество храма было вынесено и спрятано верующими, а сам храм был переоборудован в клуб. В 1941 г. храм передали под склад для хранения зерна.

Во время войны оккупанты оставшуюся часть разобрали на строительство блиндажей, а после войны фундамент был разобран местными жителями на собственные нужды. В 1945 г. верующие на пожертвования купили пустующий дом и оборудовали под храм Успения Пресвятой Богородицы, который и действует на сегодняшний день. Большинство икон и принадлежностей было возвращено в храм, в том числе и Чудотворный образ Успения Пресвятой Богородицы.

В двенадцати километрах на юг от Речицы расположилась деревня Ямполь. На сегодняшний день это небольшая деревушка, проживает в ней 130 человек. Примечательна она тем, что здесь находится храм Святого апостола Иоанна Богослова. Строительство храма начато было в 1904 г., завершено в октябре 1907 г. Храм

освящён в честь святого Апостола Иоанна Богослова. В годы гонений храм закрыли. Во время Великой Отечественной войны храм не пострадал [4, с. 265]. По рассказам старожилов, собранным автором, после окончания войны храм был восстановлен верующими, и больше не закрывался. В 2009 г. произведен его внешний ремонт. В 2012 г. на пожертвования прихожан приобретен колокол. Летом того же года поисковым отрядом в церковной ограде обнаружено немецкое захоронение времен Великой Отечественной войны.

В 10 км от деревни Ямполь расположен агрогородок «Ровенская слобода», где история православного храма прерывалась. В начале XX в., по словам иерея Виталия, здесь была выстроена церковь. Она просуществовала до 1936 года, когда ее полностью снесли. И только в 2006 году здесь вновь, хотя и на другой площадке, была возведена Свято-Михайловская церковь. Она служит местным жителям не только как религиозный центр, но и часто выступает в роли организатора различных мероприятий. Например, в октябре 2015 г. здесь состоялся фестиваль байкеров, который проходил на территории храма. Байкеры приехали из разных регионов Беларуси, в мероприятии были задействованы священнослужитель и прихожане, здесь же собрались многочисленные заинтересованные зрители-жители округи. С появлением храма в деревне активизировалась не только духовная жизнь верующих, но населенный пункт стал более притягательным религиозным и культурным центром и для окрестного населения из деревень Ровное, Андревка, Храбрый, Безуев, что особо подчеркивают в устных беседах коренные жители. Также благодаря введению в действие Свято-Михайловского храма активизировались контакты православной церкви и образовательных учреждений на локальном уровне.

На границе Речицкого и Лоевского районов расположилась деревня Холмеч. До 1941 г. в деревне Холмеч находилось два храма. Один в честь Святого благоверного князя Александра Невского, а другой в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Во время войны церкви были полностью разрушены. В 1992 г. по благословению Преосвященнейшего Аристарха, Епископа Гомельского и Жлобинского приход был возобновлен. Зарегистрирован решением Гомельского областного комитета от 24 июня 1992 г. В настоящее время усилиями прихожан, бывшая больница реконструирована под храм святого благоверного князя Александра Невского. Богослужения проходят в праздничные и воскресные дни [5, с. 43].

По благословению архиепископа Гомельского и Жлобинского Аристарха строительство храма святого великомученика Георгия

Победоносца в деревне Белое Болото Речицкого района начато в 1998 г., трудами настоятеля прихода иерея Олега Костромы и мецената Савкина Владимира Геннадьевича и завершено в 2001 г [5, с. 46]. В 1999 г. храм освятил архиепископ Гомельский и Жлобинский Аристарх. В храме находится местночтимая святыня – икона Божьей Матери «Неупиваемая чаша». Свято-Георгиевская церковь деревни Белое Болото славится своей чудотворной иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша» – к ней обращаются обычно страдающие алкоголизмом. Эта икона появилась здесь несколько лет назад. Икону заказали во Владычном монастыре российского города Серпухов. Деньги собрали прихожане. Теперь в Белое Болото идут паломники даже из самых далеких уголков Беларуси. Сюда, на службу в Белое Болото, чаще всего приезжают люди из Жлобина, Светлогорска, Рогачева, Минска.

В нескольких километрах от Белого Болота расположена еще одна деревня, которая называется Черное. Здесь когда-то тоже стоял красивый храм, история которого очень печальна. Огромная и красивая церковь в честь праздника Покрова Божией Матери с тремя куполами была построена на высоком берегу бывшего русла Днепра. Однако судьба ее – довольно традиционная для первой половины XX в. [3, с. 67]. В 1936 г. комсомольцы сняли колокола, а в храме сделали зернохранилище. По словам местных жителей, «совсем недолго здание прослужило властям в новой роли. Молния попала в оскверненную церковь, та и сгорела дотла. Позже кому-то пришлось в голову на бывшем фундаменте построить конюшню. Люди рассказывают, что в нее снова ударила молния, и опять все сгорело, после чего там уже не решились ничего строить». Сегодня на вершине горы стоит только памятный крест, а под горой – источник. Старожилы называют ее «вода из-под церкви», так как находится она в метрах двадцати ниже памятного креста, на месте которого стоял раньше храм Покрова Пресвятой Богородицы.

2 сентября 1995 г. в Речице состоялось открытие памятника-каплицы. Автор и создатель монумента лауреат Государственной премии Республики Беларусь, заслуженный работник культуры БССР, уроженец города Речицы Э. К. Агунович. Первоначальное авторское название монумента – Юбилейная каплица. По замыслу автора возведение ее было приурочено к нескольким важнейшим историческим датам – 1000-летию Крещения Руси, 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, подвигу воинов-интернационалистов и жертвам Чернобыльской катастрофы [1, с. 23].

Но в народе, благодаря образу великой святой, незаметно утвердилось другое название – каплица Ефросиньи Полоцкой.

Памятник представляет собой сборно-разборную конструкцию, изготовленную по современной технологии из нержавеющей стали и латуни. Высота каплицы 24 метра. Композиция ее задумана автором следующим образом: четыре опоры ступенчато символизируют развитие жизни и мысли по спирали. В них по возрастающей вписаны лики 12-ти белорусских святых и просветителей, по три в каждую опору. Венчает композицию ореол души Ефросиньи Полоцкой, держащей крест, направленный в небо, т.е. к Богу. Внутри каплицы на огромном камне-валуне установлен православный крест из морёного дуба, в центр которого помещён латунный крест, подаренный автором каплицы Э. К. Агуновичем городу.

Каплица возведена на площадке прямоугольной формы, выложенной гравием. С четырех сторон к памятнику ведут ступени, между ними разбиты цветочные клумбы. От подножия монумента открывается вид на реку Днепр.

Таким образом, на сегодняшний день культовые памятники Речицкого района выполняют не только религиозную функцию, но и значимую культурную, воспитательную роль. За годы советской власти многие объекты культового строительства были уничтожены или использовались для хозяйственных нужд. На современном этапе идет возрождение утраченного культурного наследия в Речицком районе. В начале 2000-х гг. были восстановлены православные храмы в Короватичах, Ровенской Слободе, Защебье, Борщевке, в деревне Заходы, Заречье.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Чантурия, В.А. Архитектурные памятники Белоруссии / В. А. Чантурия, - Минск : Польша, 1982. – 134 с.
2. Речицкое благочиние [Электронный ресурс] / Белорусская православная церковь.- Речица, 2010. – Режим доступа:<http://www.rechica.cerkov.ru>. - Дата доступа 29.09.2015
3. Архітэктурна Беларусі : энцыклапедычны даведнік / рэд.кал. : А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск : Бел Эн., 1993. – 620 с.
4. Чантурия, В.А. Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии / В. А. Чантурия. – Минск : Высшая школа, 1982. – 110 с.
5. Памяць : Гіст.-дакум. Хроніка Рэчыцкага р-на ў 2 кн. Кн. 1. / Укл. П. П. Рабянок. – Мінск : Беларусь, 1998. – 503 с.

Dzmitry Rabtsau. Orthodox churches of Rechitsa district : history and modernity

The article deals with Orthodox temples of Rechitsa district. The historical characteristics are given to the regional culted Orthodox objects. Culted monuments of Rechitsa district fulfil not only the religious function but also play the important educational role.

УДК 392.8(=161.3)

І. Г. БАЧЫЛА

(Мінск, УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»)

ТРАДЫЦЫІ ХАРЧАВАННЯ БЕЛАРУСАЎ У ПРАЦАХ Т. А. НАВАГРОДСКАГА

У артыкуле аналізуецца ўклад айчыннага этнолага Т. А. Навагродскага ў вывучэнне традыцый харчавання беларусаў. Аўтарам даследавання былі разгледжаны і сістэматызаваны працы вучонага, ахарактарызавана база выкарыстаных ім крыніц і метадаў, вызначана ступень вывучанасці навукоўцам дадзенай часткі матэрыяльнай культуры беларусаў.

Развіццё этналагічнай навукі патрабуе дасканалага аналізу вынікаў працы даследчыкаў. Ён дазваляе вызначыць напрамак далейшага развіцця беларускай этналогіі, больш глыбока зразумець базу крыніц, метады даследаванняў.

Для айчыннай этналогіі 1930–1990-х было характэрна выкарыстанне выключна параўнальна-гістарычнага метаду [8, с. 6]. Ён забяспечваў паспяховае даследаванне толькі некаторых з’яў і працэсаў. Гэта датычыцца многіх частак матэрыяльнай культуры беларусаў, у тым ліку традыцый харчавання. Л. А. Малчанова, І. П. Корзун, І. У. Чаквін, Г. М. Курыловіч, В. С. Цітоў, С. Ф. Цярохін, Г. Ф. Вештарт да 1990-ых гг. займаліся пераважным вывучэннем страў. Гэта вяло да вузкага, аднабаковага погляду на гэтую частку матэрыяльнай культуры, у той час як усе працэсы і з’явы, вывучэннем якіх займаецца этналогія, больш складаныя. Для іх грунтоўнага асэнсавання неабходна прымяняць некалькі метадаў, часта ў спалучэнні.

На пачатку 1990-х гг. у айчыннай этналогіі даследчыкі пачалі прымяняць структурны, дыфузіянісцкі і іншыя падыходы. Упершыню быў выкарыстаны структурны метада ў вывучэнні традыцый

харчавання беларусаў, што дазволіла не абмяжоўвацца знешнім апісаннем, а высветліць іх сутнасць, разгледзець у адзінстве ўнутраных і знешніх сувязей. Гэта звязана з імем вядомага беларускага даследчыка Т. А. Наваградскага.

Ён нарадзіўся ў 1965 годзе ў вёсцы Арцюшы Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці. Навучаўся ў Ваўкавыскім педагагічным вучылішчы. У 1991 г. скончыў з адзнакай гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У гэтым жа годзе Т. А. Наваградскі быў залічаны ў аспірантуру Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па спецыяльнасці «Этналогія», дзе падрыхтаваў кандыдацкую дысертацыю аб традыцыях харчавання беларускага народа. Ён першы ў беларускай этналагічнай навуцы пачаў даследаваць традыцыі харчавання як цэласную множнасць элементаў (сістэму) у сукупнасці адносін і сувязей паміж імі [1, с. 288]. Навуковец апрацаваў багатае кола крыніц, увёў у навуковы зварот вялікі фактычны матэрыял, сабраны ім у этнаграфічных экспедыцыях, пачынаючы з 1992 г.

Пасля заканчэння аспірантуры Т. А. Наваградскі працаваў навуковым супрацоўнікам аддзела этналогіі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі, дацэнтам кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 2000 г. ім было апублікавана першае ў айчыннай этналагічнай навуцы спецыяльнае даследаванне «Традыцыйная культура харчавання беларусаў». У ім былі змешчаны вынікі працы па праблеме за перыяд 1990-х гг. з улікам вопыту папярэднікаў. Праз год на гістарычным факультэце БДУ была створана кафедра этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў. З гэтага часу Т. А. Наваградскі працуе на гэтай кафедры спачатку дацэнтам, а з 2008 г. загадчыкам.

На сённяшні дзень даследчыкам апублікавана вялікая колькасць прац аб традыцыях харчавання беларусаў. У іх прадстаўлены фактычны матэрыял XIX – пачатку XXI стст., прааналізаваны састаўныя кампаненты традыцый харчавання (прадукты, стравы, спосабы прыгатавання, трапезы, прадметы хатняга начыння, правілы паводзін, звязаныя з прыгатаваннем і ўжываннем страў), раскрыта сувязь паміж імі [4, 7].

Этнолаг вызначыў дзве групы фактараў, якія аказваюць уплыў на структуру традыцый харчавання. Гэта фактары вышэйшага ўзроўня (прыродна-геаграфічны, сацыяльна-эканамічны, гістарычна-культурныя традыцыі, сезоннасць) і фактары ніжэйшага

ўзроўня (даступнасць сыравінных кампанетаў, спецыяльныя навыкі і веды, уплыў запазычанняў).

У працах навукоўца паказана, што сярод іншых кампанентаў традыцый харчавання стравы найбольш хутка рэагуюць на змены ў гістарычным і сацыяльна-эканамічным развіцці [6, с. 5], а іх структура залежыць ад сыравіны, якую пастаўляе мясцовая гаспадарка. Ён выявіў бінарныя апазіцыі харчовых прадуктаў на некалькіх узроўнях: «земляробства – жывёлагадоўля», «расліннае – жывёльнае» і г. д. Структурны аналіз, выкананы даследчыкам, дазволіў яму вызначыць, што большасць беларускіх страў XIX – пачатку XX ст. былі мучнымі, крупянымі, з гародніны [3, с. 13]. Т. А. Наваградскі ахарактарызаваў асноўныя спосабы і прыёмы прыгатавання страў, адзначыў, што галоўная бінарная апазіцыя тэхналогіі прыгатавання адпавядае восі «сырое – гатаванае».

Вучоны адным з першых сярод айчынных навукоўцаў раскрыў змест паняцця трапеза і паставіў пытанне аб неабходнасці больш глыбокага вывучэння гэтай з’явы. Ён вызначыў месца трапезы ў структуры традыцый харчавання, вылучыў дзве групы трапез (паўсядзённыя і святочныя), паказаў, што штодзённыя трапезы з’яўляюцца ядром усёй сістэмы харчавання этнасу [2, с. 124]. Даследчык ахарактарызаваў час і месца правядзення трапез, склад удзельнікаў, паслядоўнасць ужывання пэўных страў, адрозненні паміж імі, раскрыў ключавую бінарную апазіцыю трапез («штодзённыя – святочныя»), вылучыў дзве групы святочных трапез (звязаныя з каляндарным і сямейным цыклам).

Навуковец даследаваў функцыі штодзённых і святочных трапез, чаргаванне посных і скаромных перыядаў, традыцыйныя беларускія трапезы як сродак выхавання, іх выкарыстанне для перадачы ведаў, навыкаў і вопыту старэйшага пакалення дзецям. Т. А. Наваградскі параўнаў функцыі штодзённых і святочных трапез. Падрабязна былі разгледжаны асноўныя функцыі памінальных трапез (ушанаванне, сакральная, выхаваўчая).

Вынікам працы Т. А. Наваградскага па вывучэнню рэгіянальных асаблівасцей традыцый харчавання беларусаў стаў шэраг публікацый: «Смачна елі... Народная кулінарыя Гомельшчыны» (1994), «Народная кулінарыя Магілёўшчыны (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў)» (1999), «Народная кулінарыя Браслаўшчыны (на матэрыялах палявых этнаграфічных даследванняў)» (2001), «Традыцыі народнага харчавання беларусаў у Заходнім Палессі» (2008), «Традыцыі харчавання беларусаў Усходняга Палесся» (2010). Аўтар паказаў блізкасць асноў

харчавання беларусаў у розных частках Беларусі, колькасць і час прыёму ежы, правілы паводзін, асаблівую ролю гаспадара ў час трапезы. Ён падрабязна апісаў рэгіянальную спецыфіку асобных страў і напояў, іх прыгатаванне і назвы. Вучоны падкрэсліў, што аварыя на Чарнобыльскай АЭС аказала значны ўплыў на характар традыцый харчавання беларусаў у забруджаных раёнах.

У пачатку XXI ст., дзякуючы актыўнай дзейнасці Т. А. Навагродскага, адным з цэнтраў вывучэння традыцый харчавання беларусаў становіцца кафедра этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ [9, с. 56]. Для студэнтаў, якія скончылі першы курс, кафедрай штогод ладзіцца выязная этнаграфічная практыка. На працягу трох тыдняў яны маюць магчымасць замацаваць веды па этналогіі, у тым ліку аб традыцыях харчавання беларускага этнасу. З моманту ўтварэння кафедры (2001) яе супрацоўнікамі былі арганізаваны экспедыцыі ў розныя часткі Беларусі: 2005 г. – г. п. Мір Гродзенскай вобласці, 2006 г. – в. Гольчыцы Слуцкага раёна Мінскай вобласці, 2007 г. – Камянецкі раён (в. Каменюкі, Дзмітравічы і інш.) Брэсцкай вобласці, 2008 г. – г. п. Мір Гродзенскай вобласці, 2009 г. – в. Моталь Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці, 2010 г. – в. Тышкаўцы Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці, 2011 г. – Астравецкі раён (в. Рымдзюны, Гервяты, Гальчуны і інш.) Гродзенскай вобласці, 2012 г. – в. Семежава Копыльскага раёна Мінскай вобласці, 2013 г. – г. Глыбокае Віцебскай вобласці, 2014 г. – Лепельскі раён Віцебскай вобласці, 2015 г. – Браслаўскі раён Віцебскай вобласці. Сабраныя за гэты час матэрыялы часткова надрукаваны: «Народная кухня маталян. Кулінарныя традыцыі Беларускага Палесся» (2009), «Кулінарная спадчына Белавежжа» (2010), «Народная кухня тышкаўцоў» (2010), «Народная кухня Семежава» (2013). Яны з’яўляюцца каштоўнай крыніцай для далейшага вывучэння дадзенай часткі матэрыяльнай культуры беларусаў.

Вынікі шматгадовых этналагічных даследаванняў традыцый харчавання беларусаў Т. А. Навагродскі падсумаваў у манаграфіі «Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст.» (2015). У працы комплексна разгледжаны стравы ў сістэме харчавання беларускага этнасу, тэхналогіі іх прыгатавання, трапезы, развіццё традыцый харчавання ў першай палове XX ст. і іх трансфармацыя ў другой палове XX ст.

Такім чынам, Т. А. Навагродскі ўпершыню па-новаму разгледзеў традыцыі харчавання беларусаў, выкарыстаўшы структурны метада, распрацаваў сучасны тэарэтычны падыход да іх вывучэння [5].

Даследчык раскрыў структуру гэтай часткі матэрыяльнай культуры. Ён быў вывучаны ўвесь комплекс яе кампанентаў, паказан а іх залежнасць ад гаспадарчага тыпу, выяўлены асноўныя бінарныя апазіцыі. Ён сабраў і сістэматызаваў вялікую колькасць матэрыялаў па традыцыях харчавання беларусаў, ахарактарызаваў стравы, спосабы іх прыгатавання, прадметы хатняга начыння, правілы паводзін, звязаныя з прыгатаваннем і ўжываннем страў, распрацаваў класіфікацыю страў і трапез. Навуковец раскрыў сувязь традыцый харчавання з іншымі часткамі матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага этнасу.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Леви-Строс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
2. Навагродскі, Т. А. Асаблівасці памінальных трапез у традыцыйнай культуры беларусаў XIX – пачатку XX ст. / Т. А. Навагродскі // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / БДУ ; рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – Вып. 5. – С. 124–132.
3. Навагродскі, Т. А. Беларуская народная кулінарыя XIX – пачатку XX ст. (Структурны аналіз) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / Т. А. Навагродскі ; ІМЭФ імя К. Крапівы. – Мінск, 1995. – 18 с.
4. Навагродскі, Т. А. Класіфікацыя страў беларускай народнай кулінарыі / Т. А. Навагродскі // Палымя. – 2000. – №1. – С. 241–250.
5. Навагродскі, Т. А. Народная кулінарыя як аб'ект навуковага даследавання / Т. А. Навагродскі // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 1994. – № 4. – С. 81.
6. Навагродскі, Т. А. Традыцыйная культура харчавання беларусаў / Т. А. Навагродскі. – Мінск : НІА, 2000. – 112 с.
7. Навагродскі, Т. А. Тыпы трапез у традыцыйнай культуры харчавання беларусаў / Т. А. Навагродскі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі : у 2 ч. Ч. 1. Мастацтвазнаўства, фальклор і этналогія / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2006. – С. 452–458.
8. Піліпенка, М. Ф. Сучасныя тэарэтычныя праблемы беларускай этналогіі / М. Ф. Піліпенка // Этнакультурнае развіццё Беларусі в XIX – пачатку XXI в. : материалы Междунар. научно-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2010 г. / Белорусский государственный университет ; редкол. : Т. А. Новогородский [и др.]. – Минск, 2011. – С. 3–7.
9. Этналогія Беларусі : традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве : вучэб.-метадыч. дапам. / Т. А. Навагродскі [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – 335 с.

Iryna Bachyla. T.A. Novogrodsky's research on Belarusian food traditions

The following article represents the analysis of Belarusian ethnologist T.A. Novogrodsky research work on food traditions. The author attempts to study and systematize T.A. Novogrodsky works, describe used sources and scientific methods, determine the level of topic under consideration inquiry.

УДК 728.5 (09)

Ю. С. ГОРЕВАЯ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ГОСТИНИЦЫ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В работе прослеживается история развития гостиниц Беларуси во второй половине XX – начале XXI века. Автор характеризует архитектуру гостиничных зданий, а также качество обслуживания клиентов. Гостиницы рассматриваются как значимый компонент социальной культуры.

Туризм в Республике Беларусь приобретает все большую популярность. Многочисленные деловые поездки или желание сменить привычную обстановку заставляют жителей много путешествовать. Повышенная мобильность населения требует наличия развитой сети гостиниц в разных регионах страны. Гостиницы различаются уровнем сервиса, степенью востребованности. Реконструкция старых гостиниц – модное веяние во всем мире и эффективный инструмент сохранения культурно-исторического наследия и архитектурных памятников. Эти обстоятельства повышают актуальность темы.

Хронологические рамки темы связаны с возможностью проследить изменения, происходившие в обслуживании населения на фоне социокультурных перемен в обществе. Целью исследования является историко-культурная характеристика развития гостиниц в Беларуси в период второй половины 1940-х гг. – начале XXI века.

Несмотря на то, что по социальной истории СССР написано множество работ, по истории развития гостиничного хозяйства крупные исследования отсутствуют. Лишь на современном этапе стали публиковаться статьи, посвященные отдельным отелям [1],

истории конкретных городов, где затрагивался вопрос о гостиницах [2]. Как часть истории жилищно-коммунального хозяйства историю гостиниц изучает А. А. Васильев [3]. История гостиничного комплекса неразрывно связана с историей архитектуры [4]. В контексте городского быта тема гостиниц в городах белорусских губерний освещается в работах О. Г. Ященко [5]. Появляются учебники по управлению гостиничным и ресторанным бизнесом, где в контексте развития туризма упоминается история возникновения гостиниц. Информацию об отдельных гостиницах можно найти в энциклопедических справочниках городов [6], путеводителях. Для раскрытия темы полезны различные виды источников : фотодокументы, мемуары и воспоминания [7], архивные документы, информационные сайты отдельных отелей, рекламная продукция и многое другое.

Многие достижения в обслуживании в гостиницах Беларуси имели место уже на рубеже XIX – XXI вв. В губернских и крупных, стремительно развивавшихся уездных городах сооружались престижные гостиницы с эпатажным убранством, широким спектром услуг и последними инженерными новинками (телефон, водопровод, канализация, электрическое освещение и пр.). Из-за растущей конкуренции владельцы отелей придумывали различные рекламные ходы, час то с целью привлечения постояльцев отели получали громко звучащие названия («Европа», «Москва», «Одесса» и др.). В межвоенный период во многом культура обслуживания была утрачена, гостиничная сеть была приспособлена к новым условиям хозяйственного и социального развития. Оптимальные условия в отдельных гостиницах обеспечивались для представителей партийно-советской номенклатуры.

Послевоенное десятилетие в архитектуре Беларуси отмечено крупными масштабами строительства, которые связаны с ликвидацией результатов войны. В этот период созданы ансамбли, постройки и монументы в стиле соцреализма. Здания гостиниц также представляют интерес с точки зрения эволюции архитектуры и стилей. Восстановить разрушенное войной народное хозяйство было очень сложно – не хватало специалистов, строителей, материалов. В последующие десятилетия в Минске, областных и районных центрах БССР было выстроено множество гостиниц, но принципиально новый этап наступил на рубеже XX и XXI вв., когда качественно иные требования стали предъявляться к гостиничному хозяйству в целом и изменились не только социальные условия функционирования гостиниц, но также возникли более разнообразные технические и

технологические возможности для предоставления услуг (мобильная связь, Интернет, новые технологии ремонта и строительства и пр.).

Обратимся к истории наиболее известных и значимых объектов гостиничного хозяйства в БССР и Республике Беларусь. Вопросами восстановления гостиницы «Беларусь» занимались на самом высоком республиканском уровне. Здание в стиле переходного периода от конструктивизма к неоклассике восстановили в 1947 г. по проекту архитектора А. Воинова, проектировавшего гостиницу в 1934–1938 гг. Свое название она носила до 1987 г., затем стала называться «Свислочь» (название «Беларусь» было присвоено новой гостинице на берегу Свислочи).

В строительстве гостиниц 1950-х гг. отражается неоклассическая стилистика с чертами монументальности и парадности. Размещение здания гостиницы «Двина» в Витебске (1955 г.) обозначает начало ансамбля улицы Кирова и обусловлено его восприятием в открытой панораме. Для фасадов характерно сдержанное использование декоративных деталей. В 1958 г. строятся гостиницы «Буг» в Бресте, «Бобруйск» в Бобруйске. В интерьере здания бывшей гостиницы Совета Министров Беларуси в Минске (1956–1957 гг.) наблюдается пышное использование декоративной пластики. Неоклассические черты присущи гостинице «Сож», построенной в Гомеле в 1960 г. 4-этажное Г-образное здание органично вписалось в исторически сложившуюся застройку улиц. На первом этаже располагался ресторан «Сож», парикмахерская, мастерская по ремонту и пошиву одежды, бюро путешествий и экскурсий «Интурист» [6, с.423].

В справочнике-путеводителе по Минску за 1956 г. указано 5 гостиниц: «Беларусь», «Первая советская гостиница», «Вторая советская гостиница», «Гостиница при УД ЦК КПБ», «Гостиница при Окружном Доме офицеров».

Гостиница «Минск», построенная в стиле сталинского ампира по проекту архитектора Г. Баданова в конце 1950-х гг., формировала главную послевоенную площадь, начиная основной проспект. Строительство 6-этажной гостиницы осуществлялось днем и ночью (при свете прожекторов). Открытие объекта (29 декабря 1958 г.) приурочивалось к 40-летию БССР.

О строительстве гостиницы газета «Звезда» писала еще в 1954 г.: «В белорусской столице на улице Володарского, напротив помещения Русского драматического театра БССР, ведется строительство новой гостиницы на 400 человек. Это будет красивое четырехэтажное здание. На первом этаже разместятся служебные

помещения, бытовые мастерские, буфет, парикмахерская, читальный зал и т.д. Остальные три этажа отводятся для жилых комнат, каждая из которых рассчитана на два-четыре человека. На строительство ассигновано около трех миллионов рублей. Объект должен вступить в строй в конце 1954 г.». Объект вступил в строй в 1958 г. Первыми постояльцами стали гости из других республик Советского Союза, приехавшие на юбилейные торжества. В «Минске» в это время было 254 номера (из них 94 одноместных, 141 двухместных), в каждом из которых имелись ванная комната, телефон, радио. Гостиница располагала библиотекой, почтой, телеграфом, сберегательной кассой, мастерскими бытового обслуживания, рестораном «Минск», кафе, банкетным залом. Высококачественную удобную мебель для помещений по специальным заказам изготовили белорусские мебельные фабрики, а ковры и дорожки – Витебский коврово-плюшевый комбинат [2]. Гостиница «Минск» была визитной карточкой всей республики, и являлась самым благоустроенным и комфортабельным заведением подобного типа. Второй корпус в 7 этажей был построен в 1969 г. Во всех номерах – телефон, телевизор, полный санузел. Наверху располагался ресторан «Седьмое небо», почти на каждом этаже – буфеты. Таким образом, появился целый гостиничный комплекс. В 2001 г. он был внесён в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. После реконструкции в 2001 г. гостиничному комплексу «Минск» присвоили категорию «4 звезды».

Художественно-стилевые характеристики 1970-х гг. находят олицетворение в зданиях гостиниц, высотные корпуса которых используются в качестве активных доминант планировочной структуры городов. Для решения фасадов характерно использование произведений монументально-декоративного искусства.

Композиционное решение здания гостиницы «Юбилейная» (1968 г.) в Минске определено ее местом в ансамбле проспекта Победителей. Сплошное остекление реализует идею открытия внутреннего пространства ресторана в городскую среду. В оформлении ресторана использованы художественная керамика, гобелены, живопись.

В 1972 г. в Гомеле по типовому проекту была построена 8-этажная гостиница «Гомель». Она являлась акцентом в композиции Привокзальной площади. К главному фасаду пристроен 1-этажный ресторан «Гомель». На первом этаже находились буфет, ювелирный и газетный киоски, телефоны-автоматы, камеры хранения и парикмахерская, во дворе – стоянка на 60 мест.

В 1972 г. в Могилеве на сочетании 14-этажного корпуса и объемов ресторана и спортивного блока с бассейном построено здание гостиницы «Могилев». В 1973 г. создана гостиница «Витебск» в Витебске. Архитектуре здания гостиницы «Турист» в Минске (1973 г.) придает индивидуальность и выразительность мозаичное панно «Беларусь партизанская». На использование национальных мотивов ориентировано декоративное оформление интерьеров гостиницы «Интурист» в Бресте (1975 г.). Тенденция к пластичности объемно-пространственных композиций, использование мотивов традиционной архитектуры, натуральных материалов в обработке фасадов (дерева, черепицы, бутового камня), фресковая роспись, декоративные панно, декоративная роспись по керамике, скульптуры из ковanej меди во внутреннем убранстве характерны для строительства этого периода (гостиницы «Планета», «Октябрьская», «Юность» в Минске).

В 1986 г. в Гомеле завершилось строительство гостиницы «Турист» – самой фешенебельной гостиницы Гомеля (внутренние интерьеры отделывались мрамором, гранитом, бронзой, гобеленом; по спецзаказу изготовлены хрустальные люстры). В «Туристе» предлагались одноместные номера с телевизорами, холодильниками, телефонами и ванными, сауна, бильярдная, ресторан на два зала, бар.

В этот же период строятся 22-этажная гостиница «Беларусь» и «Орбита» в Минске, гостиница «Гродно» в Гродно, «Агат» в Минске.

В 1990-х гг. система деятельности гостиничного хозяйства в Беларуси серьезно трансформировалась. В ряде случаев имели место негативные тенденции, обусловленные коренными изменениями в государстве. Несмотря на присутствие здания гостиницы «Свислочь» (бывшей «Беларуси») в республиканских списках памятников истории и культуры под номером 17, оно разрушалось. Однако постепенно развивается спрос на гостиничные объекты, многие качественно меняют свой облик и повышают качество сервиса, возводятся новые гостиничные комплексы. Вышеназванное здание превратилось в пятизвездочный «Минск Принцесс Отель». Здание бывшей гостиницы «Беларусь» является памятником архитектуры, поэтому его фасад существенно не изменился. Кардинальной перестройке подверглись внутренние помещения, заменены коммуникационные и вентиляционные системы, обустроены стандартные номера, номера люкс и президентские апартаменты. Есть бассейн, казино, фитнес-центр, дискотека, рестораны, боулинг и конференц-залы.

К сожалению, некоторые элементы оформления гостиниц, которые являются частью историко-культурного наследия, при многочисленных перестройках и ремонтах в зданиях гостиниц Беларуси были утрачены. Олег Белоусов, известный белорусский художник-мультипликатор, в своих воспоминаниях охарактеризовал внутренние интерьеры гостиницы и указал на безвозвратную потерю ценного художественного оформления [7, с. 39-40].

Строительство гостиничного комплекса «Лучеса» в Витебске, начатое в 1985 г., в связи с проблемами финансирования затянулось почти на два десятилетия. В 2005 г. «Лучесе» был присвоен статус «4 звезды».

В 2007 г. в Минске открылась первая 5-звездочная гостиница – столице возвращена утраченная в годы войны «Европа». Ее построили по прототипу 1906–1908 гг. в стиле модерн. Здание немного смещено, частично изменились пропорции и надстроен еще один этаж, чтобы оно не «потерялось» в общем ряду застройки. Номера различных категорий, интерьеры каждого неповторимы. Почти все материалы, использованные в строительстве и отделке, отечественного производства, а также мебель и светильники, выполненные по спецзаказу. «Европа» выполнена по всем канонам высококлассных отелей: ночной клуб, фитнес-центр, бассейн, тренажерный зал, турецкая баня, сауна, джакузи, ресторан, несколько баров, конференц-залы.

Интерьеры XIX в. воссозданы в гостинице «Гарни», открывшейся в Минске в ожидании хоккейного чемпионата 2014 г. 3-этажный каменный дом построен в 80-х годах 19 в. В войну он почти не пострадал, облик изменился в 1960-е гг. Ныне здание реконструировано, интерьеры максимально приближены к XIX в., на витражах – изображения архитектурных достопримечательностей Минска, как современных, так и утраченных.

Таким образом, выделяется ряд исторических отрезков, в рамках которых развивалось и имело свои особенности гостиничное хозяйство Беларуси.

В тяжелых условиях восстановления народного хозяйства БССР после Великой Отечественной войны основной упор не делался на строительство гостиниц для приезжих. Однако постепенно гостиничная сеть возобновляет свою деятельность. Так, в 1947 г. была полностью восстановлена гостиница «Беларусь» – яркий символ своей эпохи. После подписания Н. С. Хрущевым постановления о «борьбе с архитектурными излишествами» грандиозных проектов уже не было. «Брежневская» архитектура отличалась мощными, но

эстетически более бедными строениями. В техническом и утилитарном плане сооружения были удовлетворительные, но плохо гармонировали с дореволюционными зданиями и сталинскими домами. Важная примета времени – увеличение этажности новых зданий, что нашло свое отражение и в архитектуре гостиниц. Композициям гостиничных комплексов присущи сочетания высотных корпусов и низких стилобатов. В советский период, хотя и наблюдается стремление к улучшению условий для проживающих в гостиницах, но в целом высокий уровень культуры обслуживания в большинстве гостиничных объектов достигнут не был. В годы перестройки все больше гостиниц переходят в руки акционерных обществ, частных предпринимателей.

В начале XXI в. гостиничное хозяйство Беларуси – это бизнес, вплотную связанный с туризмом и активной деловой жизнью в государстве. Активно возводятся новые туристические объекты, в том числе и гостиничные комплексы, реконструируются те, что уже давно стали визитной карточкой белорусских городов. Сегодня значительные средства вкладываются в развитие и усовершенствование гостиниц, а также разрабатывается ряд гостиничных проектов, ориентированных на посетителей разных категорий.

Список использованных источников и литературы

4

1. Барановский, И. Princess-Hotel Minsk : История превращения «Золушки» / И. Барановский // Архитектура и строительство. – 2005. – №6. – С. 30 – 35.
2. Гостиницы старого Минска. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://minsk-old-new.com/page.php?parent=0&issue_id=2879. – Дата доступа : 21. 04. 2015.
3. Васильев, А. А. История формирования системы жилищно-коммунального хозяйства / А. А. Васильев, И. Г. Малков ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель : БелГУТ, 2014. – 215 с.
4. Архітэктурна Беларусі : нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксце. У 4 т. Т. 4, кн. 2. Архітэктурна XX – пачатку XXI ст. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 790 с. : іл.
5. Яшчанка, А.Р. Добраўпарадкаванне і сфера паслуг ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А.Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка, В.Г. Дранкевіч В.Г., В.М. Бялявіна [і інш.]; А.І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 206-235.

6. Гомель. Энциклопедический справочник. – Минск : БелСэ, 1991. – 527 с.
7. Белоусов, О. Мой город / О. Белоусов. – Минск : Беларусь, 2005. – 350 с.

Yliya Gorevaya. The history of the hotels of Belarus at the second half of the XX – early XXI centuries In the work in chronological order traces the history of the hotels of Belarus in the second half of the 20th – beginning of the 21st century . The author characterizes the architecture of the hotel buildings and the quality of customer service. Hotels are regarded as a significant component of social culture.

ЗМЕСТ

Іваноў А. А. Этнічная, рэлігійная і моўная ідэнтычнасць палоналітвінскай шляхты на беларускіх землях у першай палове XIX стагоддзя	3
Шевкун П. В. Проблемы реализации свободы вероисповеданий в западных губерниях Российской империи (1772–1855 годы)	10
Міхедзька В. А. Этнасацыяльныя супярэчнасці ў грамадстве Беларусі на мяжы XIX–XX стагоддзяў	17
Мяньчэня С. В. Дэпутаты III Дзяржаўнай думы ад беларускіх губерняў і абмеркаванне пытання аб мерах па барацьбе з п’янствам (1907–1912 гады)	23
Яценко О. Г. Восприятие новаций горожанами Беларуси в начале XX века	30
Жихарев С. Б. Проекты железнодорожного строительства через Могилев в 60–90-е годы XIX века	36
Кулевiч І. Р. Актуальныя пытанні Першага Усебеларускага з’езда : гістарыяграфія праблемы	45
Пятовский С. А. Методы экспансии РСФСР и Польши в борьбе за Виленщину в ноябре 1918 года – январе 1919 года....	51
Трубчык А. Г. Дзейнасць школьнага аддзела народнага камісарыята асветы Літоўска-Беларускай ССР (люты – жнівень 1919 года)	59
Бароўская В. М. Тэрытарыяльная праблематыка на першым этапе савецка-літоўскіх перагавораў (7–25 мая 1920 года)	65
Зубко О. Е. Украинское телеграфное агентство о событиях польско-советской войны на Литовско-белорусском фронте в 1919 году	73
Елизаров С. А. 1920 год: от ревкомов к Советам	79
Базарэвіч Г. Х. Арганізацыя сіянісцкай працы сярод яўрэйскай моладзі Савецкай Беларусі на мяжы 1920-х гадоў ...	86
Василицына Л. А. Деятельность образовательных учреждений на территории Тадулинского Свято-Успенского женского монастыря (1917–1922 годы)	93

Веремеев С. Ф. Деятельность милиции в Гомельской губернии в первой половине 1920-х годов	98
Старовойтов М. И. Роль этнического фактора в формировании восточной административной границы БССР в период «первого укрупнения»	105
Зелянкова А. І. Правядзенне нацыянальна-культурнай работы ва ўсходніх беларускіх губернях у першай палове 1920-х гадоў	113
Сидоренко В. Н. Мемуарная литература как источник о положении поляков БССР (1920–1930-е годы)	120
Пичуков В. П. «Если завтра война...»: военно-оборонительные общественно-политические кампании в БССР в 1920-е годы	127
Грищенко И. А. , Юрис С. А. Сопrotивление антицерковной политике Советской власти в 1920–1930 годы (на примере Гомельщины)	135
Бодак А. Ю. , Бодак Е. А. Первые шаги советской власти в Ганцевичском районе Пинской области (октябрь 1939 года – март 1940 года)	142
Гребень Е. А. Выживание гражданского населения Беларуси в условиях экономического прессинга нацистов (по документам коллаборационной администрации)	149
Скрябина Л. С. Партизанское движение на территории Гомельщины: основные тенденции и результаты (июнь 1941 года – август 1943 года)	157
Марченко О. В. Деятельность партизанского отряда «Большевик» в 1941–1942 годах	166
Грабянчук І. В. Адлюстраванне дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута на старонках абласной газеты «Савецкая Радзіма»	173
Друзенюк О. В. , Лебедев А. Д. Восстановление деятельности старообрядческих общин на Гомельщине во второй половине 40-х годов– первой половине 60-х годов XX века	180
Любавина Т. Г. Педагогические кадры детских домов БССР (1954–1964 годы)	185

Шкрабова Т. А. Сохранение народных традиций в костюме сельского и городского населения Гомельщины в 1950–1980-е годы	192
Романенко И. В. Традиции и инновации в брачно-семейной сфере жизни сельского населения белорусско-российского пограничья	196
Міхайлец М. А. Касцюм польскай этнічнай групы Беларусі XIX–XX стагоддзяў	203
Бункевич Н. С. К вопросу расселения белорусов в Калининградской области (середина XX века – начало XXI века)	210
Калачева И. И. Белорусы в Карелии: исследование динамики этнокультурных процессов в 40–90-е годы XX века	217
Гавриловец Л. В. Национальный фактор в развитии взаимоотношений между Беларусью и Польшей в конце 1980-х – начале 1990-х годов	224
Махоўская І. С. Адаптыўныя практыкі ва ўмовах сацыяльнага і эканамічнага крызіса : 1990-я ў памяці жыхароў беларускай правінцыі	231
Корникова Н. В. Произведения азиатских авторов в семейных библиотеках представителей интеллигенции Гомельщины в начале XXI века	238
Ганчар У. А. Лячэнне рожы ў знахарскай практыцы ў Беларускім Палессі ў XX стагоддзі – пачатку XXI стагоддзя ...	244
Дваракоўскі К. С. Этналагічнае даследаванне самакіравання беларусаў у 1950–1960-х гадах XX стагоддзя	251
Рябцев Д. В. Православные храмы Речицкого района : история и современность	257
Бачыла І. Г. Традыцыі харчавання беларусаў у працах Т. А. Наваградскага	266
Горевая Ю. С. Гостиницы Беларуси во второй половине XX века – начале XXI века	271

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ У XIX–XXI СТАГОДДЗЯХ:
ЭТНАКУЛЬТУРНАЕ І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЕ
РАЗВІЦЦЁ**

Зборнік навуковых артыкулаў

Падпісана да друку 25.11.2015. Фармат 60×84 1/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Умоўн. др. арк. 16,5.
Улік.-выд. арк. 18,0. Тыраж 25 экз. Заказ 703.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013,
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330/450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.

